ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

evaluated delivers well are on H 3 A A B A E M bi ii alle free beat on andown, where are

O. A. Konn.

ТОМЪ ХХИ. АВГУСТЪ. — КНИЖКА ВОСЬМАЯ. 1855.

CAHRTUETEPEYPI'S.

JI HOHTHAIL

老生人共生工张

JUNEAU PROPERTIES AND ACCORDINGS.

печатать позволяется

съ тъмъ, чтобы по напечатанія представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22-го Октября 1855 года.

THE MEN AND THE COLD

MIRATOR LIMBER - STOCKED

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

типографія юліуса штауфа.

Оглавление XXII тома. 1855 г.

Книжка восьмая, август. (Продолжение).

І. Изящная словесность.

- 1. Деревянный домик. (Посвящено А. С. Чужбинскому). Сочинение Николая Кроля. (С. 1-100).
- 2. Стихотворения Н. И. Грекова: Лунная ночь. Маска. Прости (из Байрона). Какаду. Последние стихи Байрона. Няня. Весенние сны. Картина. (С. 1-8).

II. ... История и теория искусства.

Записки Барнума. Часть вторая. (С. 1-60). Портретная галерея современников: Жюль-Жанен. (С. 1-20).

III. Смесь.

Аул за Тереком. Из дорожных записок А. Чужбинского. (С. 1-24). Путешествие в Новую Зеландию. (С. 25-46). Вторичный брак. Рассказ Евгения Ниона. (С. 47-58). Комедия с переодеванием. В стихах. Сочинение князя Г. В. Кугушева. (С. 59-86).

Современное.

- 1. **Литература**: История одного индейского мудреца. (С санскритского). Госпожа де-Жирарден (Дельфина Ге). (С. 1-27).
- 2. **Театр, музыка, искусства**. Полусвет (Le Demi-Monde). Камеи. (С. 27-36).
- 3. **Открытия в науках и промышленности:** О приготовлении искусственных драгоценных камней. О пожаре в Лондоне в 1851 году. О приготовлении розового масла в Балканах. (С. 36-44).
- 4. **Путешествия, анекдоты и мелкие рассказы:** Жазед. Рассказ из луизитанской жизни Герстэккера. (С. 45-74).

IV. Репертуар русской сцены. № 8.

Соль супружества. Комедия в одном действии, переделана с немецкого В. С. Пеньковым. (С. 1-20).

деревянный доминъ.

eon co transition el presa la complete proparte de la complete de la complete de la complete de la complete de

(Посвящено А. С. Чужбинскому).

T

Было около одиннадцати часовъ вечера. Мало-по-малу затихъ шумъ на улицахъ Коломны; только иногда еще слышался возгласъ запоздавшаго гуляки къ извощику, или мерный стукъ каблуковъ будочника, спъшившаго съ разносною книгою. По временамъ типрерывалась также ударами толстыхъ палокъ о мостовую (знакъ ихъ бодрости), да стукомъ извощичьихъ дрожекъ, медленно катившихся на ночлегъ. Всъ или почти всв потухли, одинъ за другимъ, огоньки въ деревянныхъ домикахъ, съраго, желтаго и неопредъленнаго цвътовъ, которымибыла такъ изобильна эта часть города въ эпоху, мною описыва емую. Кой-гдв блисталь еще долго потомъ развв запоздалый огонекъ въ скромной комнаткъ канцелярскаго чиновника, трудящагося за перепискою бумагь къ другому дню; или отражался на задернутыхъ кисейныхъ занавѣскахъ въ уютной комнаткѣ какойнибудь швейки, болбе потому, что у ней привыкъ засиживаться въ эту пору всегда какой-нибудь гость. Тиха была осенняя ночь надъ Коломною; мирнымъ сномъ покоились ея скромные домики. Медленно катились съ деревянныхъ кровель капли за часъ шедшаго дождя, и флегматически дремали на почернъвшихъ трубахъ цёлыя стаи мокрыхъ галокъ.

Изъ числа лицъ, также неспавшихъ въ эту пору въ Коломнъ, были двое, въ небольшой комнаткъ съраго деревяннаго домика, на одномъ изъ оконныхъ стеколъ котораго еще виднълся слъдъ недавно сорванной бумажки съ надписью: одаеца комната састалом в и прислугаю. Безпорядокъ этой комнатки свидътельствоваль, что она была недавно занята жильцами. На окит лежала еще непривъшенная стора, въ углу криво былъ поставленъ березовый окованный сундукъ, на которомъ лежали два большіе узла и стояла картонка. Женская, стараго покроя, шляпка торчала на гвоздикъ, повидимому предназначенномъ для зеркала, и такого-же покроя черный салопъ, очень впрочемъ тщательно, быль положень на лежанку. На старинномъ канапъ за придвинутымъ къ нему ломбернымъ столомъ, на которомъ остался только одинъ слъдъ когда-то бывшаго сукна, сидъли старушка и молодой человекъ, летъ около девятнадцати. На добромъ худощавомъ лицъ старушки отражалась тихая грусть; часто вынимала она платокъ изъ ридиколя и вытирала навертывавшіяся на ръсницы слезы; потомъ съ тихою улыбкою пристально и долго всматривалась въ черты молодаго человѣка, который, повидимому, менъе озабоченный горестью, дремаль, сидя подлъ нея.

- Никакъ, Андрюшинька, ты хочешь спать? Лягъ, дитятко, лягъ, Христосъ съ тобою. Я въдь, глупая, пожалуй всю ночку рада болтать-то, сказала старушка, вытирая слезу.
 - Ничего, маменька.
- Вотъ мит такъ ужъ не уснуть, Андрюшинька, промолвила старушка съ улыбкой. Какъ-то мит разстаться съ тобою будеть.

Сынъ поцъловалъ ея руку.

- Охъ-го-го, дъти вы дътушки, кабы знали, сколько болить объ васъ родительское сердце. Ну, да слава Богу, теперь все пристроила. Живи смирненько, служи честно, а съ дурными людьми не водись, Андрюшинька. Что въ нихъ? Доброму не научать, а себъ повредишь. Плюнь, да и скажи: я сынъ честнаго отца, честной матери. А можетъ-быть этакъ и дослужишься, и въ чины пойдешь, да и меня-то порадуещь. Въдь такъ-ли?
- Въстимо дослужусь, маменька, отъ чегожъ не дослужиться; почеркъ мой сегодня всъ хвалили.

— А паче всего не придерживайся напиткамъ. Охъ это горе! И начальство этаго не любитъ. Върь, я старуха говорю по опыту, много видъла на свътъ, ты мнъ сынъ—не ворогъ, злаго не посовътую, не пей водки, Андрюшинька.

Старушка кръпко обняла сына.

- Дай мив слово. Ну, иногда рюмочку и можно съ холода, ножки-ли промочишь, либо въ компаніи гдв, только до пьяна не напивайся.
 - Нътъ, маменька; и что въ томъ хорошаго.
- И подлинно, что въ томъ хорошаго, а зла-то отъ этаго много.

-Старушка отерла слезу и съ минуту молчала.

— Да помни мать, Андрюшинька. Грѣхъ забывать родителей! И Богь счастія не дасть. И въ заповѣдяхъ сказано: чти отца и матерь. Не на счетъ чего-нибудь говорю я, нѣтъ, ты еще самъ жалованье будешь получать небольшое на первый разъ, ну, а все-таки жить надо прилично, какъ слѣдуетъ, ты дворянинъ, да и погулять захочешь; здѣсь столица. Вотъ и табакъ ты тоже любишь, и на это надо. Нѣтъ, я не объ томъ, Андрюшинька, а держи меня въ сердцѣ. Помни, что я для тебя все готова сдѣлать; старайся заслужить вниманіе начальства, а тамъ, какъ пойдешь въ чины, да кресты станешь брать, ну, тогда и мнѣ что удѣлишь. А я тебѣ всякій разъ, какъ будетъ случай, съ попутчиками маслица домашняго, сливочекъ пришлю; или грибковъ насолю, сама насолю, да и подписать велю: «Кушай во здравіе, да старушку номни.»

Сынъ крѣпко поцѣловалъ руку матери и на этотъ разъ про-

- Будьте увърены, маменька, я буду для васъ стараться, сказалъ онъ съ твердостью человъка, одушевленнаго добрымъ намъреніемъ.
- Ну и Богъ тебя не забудетъ. Молитва материнская не пропадетъ даромъ. Ну, повтори-же, какъ тебя принялъ твой директоръ-то; мнъ все словно не върится, что тебя опредълили. Охъ, ужъ и хлопотъ-то мнъ было, ужъ и страху-то было. Ну ужъ объ расходахъ на дорогу, на то, на сё, не говорю. Богъ съ

ними; благо ты-то опредъленъ. Какъ-же, какъ-же тебя директоръ-

- Хорошо приняль, маменька. Какъ, говорить, ваша фамидья?—Вятниковъ, говорю.—Ну, говорить, вашъ отецъ кто? Я говорю, титулярнымъ совътникомъ былъ.
- Такъ, такъ, проговорила старушка, титулярный, точно; дворянинъ молъ я.
 - Ну, ужъ онъ въдь знаетъ, маменька.
 - Hy?
- Ну вотъ, говоритъ, гдв вы учились? Въ увздной школв, говорю. Ну, говоритъ, покажите почеркъ, не очень говоритъ чисто.
- Какъ, Андрюшинька, да что онъ, да развѣ ты не чисто пищешь? А, нутко напиши. Что онъ, вѣрно слѣйъ, твой директоръто. Вѣдь это ты писалъ? говорила она, вынимая изъ ридикюля клочекъ бумажки. Вотъ я и на память твою руку спрятала, думаю, пока письмо напишешь, все буду смотрѣть да вспоминать. Чего-жъ ему? Гляди, какъ чисто, чего-же ему еще? И старушка въ негодовани долго ворчала еще, кладя обратно бумажку въ мѣшокъ.
- Ну, да ничего, говоритъ, привыкнете; рука, говоритъ, опишется; будете писать лучше, была-бы охота, у насъ, говоритъ, письма много
- Ахти, да такъ пожалуй тебя, голубчика, замучатъ.
- Ну, говоритъ, дайте просъбу; поздравляю васъ, служите хорошенько, старайтесь, и взялъ просъбу.
- И взяль; воть видишь, и говорить старайтесь; а ты слушайся, Андрюша, человъкь онъ умный, зла не пожелаеть. Такъ таки и взяль, говоришь?
- е се умурем доментом, и ветом доментом и на подата и н
- Ну, спасибо ему, спасибо; дай Богъ ему доброе здоровье, спротъ не обижаетъ. Ахъ, да ты дремлешь, Андрюшинька; я въдь дура рада болтать-то. Сосии, сосии дитя мое, а я и на соннаго нолюбуюсь.

И старушка торопливо встала съ дивана, развязала одинъ узелъ, достала простыню, подушки, разостлала свой салопъ на лежанкъ и положила на него подушки.

- Тюфячекъ-то завтра куплю тебѣ, а пока вотъ на моемъ салопѣ сосни, тутъ и потеплѣе, а я ужъ какъ-нибудь... и старушка начала помогать раздѣваться сыну съ нѣжною заботою.
- Кто-то объ тебѣ подумаетъ безъ меня, дитятко! Ты такъ изнѣженъ былъ. Вспомнишь-ли, какъ я тебѣ и постельку-то бывало сдѣлаю, да и одѣну тебя, и перекрещу на сонъ грядущій? Кто-то тебѣ замѣнитъ меня, дитятко!

Она стала вытирать платкомъ глаза, изъ которыхъ градомъ полились слезы, пока Андрюша раздълся и легъ на лежанку. Старушка поцъловала его кръпко въ лобъ, перекрестила, еще поцъловала. Долго, долго глядъла она на него. Андрюша давно спалъ, а мать все еще любовалась имъ. Наконецъ усталость взяла свое, и старушка, не раздъваясь, задремала, склонясь головою на жесткую подушку дивана.

The state of the s

Прежде, чтмъ приступимъ къ дальнтинимъ приключеніямъ моей повъсти, нехудо познакомить ближе читателей съ нъкоторыми изъ ея героевъ. Матрена Петровна Вятникова осталась вдовою послѣ мужа, служившаго засѣдателемъ въ одномъ уѣздномъ городкъ. Смерть мужа, съ которымъ провела она лучшіе годы своей бъдной приключеніями, но богатой душевнымъ миромъ жизни, оставила на ея заботу малолътняго сына и десять «ревизскихъ мужеска пола душъ». Схоронивъ покойника и оставшись круглою сиротою, Матрена Петровна крѣпко призадумалась. «Чтото будеть съ моей головушкой? говорила она, глядя на Андрюшу. Рано Богъ прибралъ твои косточки, Савелій Васильичъ. Оставиль ты меня, горемычную, въкъ горевать съ малолъткою! Пожить-бы тебъ еще, да и Андрюшу-то-бы пристроить. Или чъмъ я тебя прогиввила! Кажется, жили мы съ тобою горя не зная; угождала тебъ я во всемъ голубчику, и долгъ супружескій исполняла по закону. Знать Богу такъ угодно наказать грешную! • Такъ или почти такъ горевала часто вслухъ старушка, утирая слезы. Но, какъ все въ жизни, проходить и сильное горе. Мало-по-малу прошло оно и въ душт Матрены Петровны, и вотъ прилежнъе принялась она разсуждать о средствахъ существованія. Въ городъ

жить было нечемъ, пансіонъ получала она небольшой, - и старушка ръшила переселиться въ свою маленькую деревеньку. Здъсь принялась она хлопотать по хозяйству. Смотря по обстоятельствамъ, была и номъщицей и работницей. Сама полода капусту, сама рыла картофель, показывая подчиненнымъ примъръ прилежанія, и въ тоже время журила за нерадъніе скотницу Алену, вмъсть и приканцицу и горничную Матрены Петровны. Не то случается порою видъть въ деревняхъ, что встръчается зачастую между обывателями большихъ городовъ. Однообразіе-ли деревенской жизни, недостатокъ-ли общества или что другое, только въ деревняхъ многіе и очень богатые помъщики не пренебрегаютъ иногда обществомъ бъдняковъ сосъдей. И тотъ-же самый баринъ, который-бы посовъстился, еслибъ поклонился ему въ столицъ случайно попавшійся навстрічу сосідь въ старинномъ картузі и поношенной шинели, бываеть въ деревив радъ, когда завидить въ окно его скромную таратайку. «А вотъ тдетъ нашъ Телятниковъ, говорить онъ, обращаясь къ дражайшей половинъ своей, «вотъ и вечерокъ проведемъ. Добро пожаловать». И радушно встръчають онь и она завзжаго гостя. «Ну, брать, чай ты озябъ, да и порастрясло-то; подай ко, Филька, намъ, той, знаешь, хорошей настоечки, да и объдать-бы пора.» Одушевленный пріемомъ богатаго въ убздъ помъщика, скромный гость дълается часъ отъ часу развязиће, пускается въ разговоръ съ женою помѣщика, шутить по своему, какъ умъеть, и самъ смъется снисходительнымъ выходкамъ благосклоннаго помъщика на счетъ своего картуза или бородавки гдв-нибудь подъ носомъ, и не обижаясь, пьеть шестую рюмку налитой ему настойки, при восклицаніи: «Пей, ней, брать, дома такой не дадуть; да и взять негдъ такой дома.» Матрена Петровна была также благосклонно принимаема всеми соседями. Въ особенности любили ее помещицы за ея болтовию. Проживъ много на своемъ въку, и насмотръдась она многаго. Конечно, Матрена Петровна имъла на вещи свой собственный взглядь; но этоть-то взглядь и нравился помъщицамь, которыя, величаясь образованіемъ передъ старушкою, любили посмівяться порой ея простоть. Къ тому-же, скитаясь по сосідямь большую часть года, Матрена Петровна знала вст новости въ околоткъ, всъ мелкія домашнія тайны, и могла служить живымъ фельетономъ деревенскихъ сплетень. Странное, подумаешь, дѣло! Можно ручаться, что сплетни любять почти всѣ, или рѣдко кто не любить сплетень, а сплетниковъ едва-ли любить кто-нибудь. Матрена Петровна это хорошо понимала своимъ природнымъ умомъ, и потому говорила только такія вещи, которыя могли забавить и не приносили никому никакого вреда. Другія—же новости, какъ выражалась она сама, держала на умѣ и мотала на усъ, Матрена Петровна была также искусная гадальщица на кофе и бобахъ, хорошо раскидывала карты, и всегда предвѣщала только хорошее. Это, говорила она почти всѣмъ, раскидывая карты, марьяжная постель, а вотъ и интересъ и пріятное письмо; что очень нравилось всѣмъ,—и вдовѣ помѣщицѣ Тряпкиной, и вертлявой дочкѣ исправника, и въ сообенности косой супругѣ становаго.

Словомъ, Матрена Петровна скажетъ бывало всегда такое, что угодитъ и дъвушкамъ и дамамъ, и мужьямъ и холостымъ, и молодымъ и старымъ; другаго ничего не скажетъ Матрена Петровна. Ее любили всъ, и даже собачка засъдательши Трухиной, столько, за то, что Матрена Петровна вылечила ее отъ глазу какимъ-то зельемъ, и коровница помъщицы Алухиной, Пелагея, у которой, за неимъніемъ по близости бабки, принимала случившаяся въ этой деревнъ на ту пору Матрена Петровна. Старушка была на въз руки, и погостивъ у сосъдей, всегда возвращалась домой въ тележкъ, нагруженной узелками разныхъ гостинцевъ сыну, кулечками съ крупчаткой, кофейкомъ, лоскутками и тому подобными подарками благосклонныхъ помъщицъ.

Но постоянною собесъдницей Матрены Петровны, ея, такъсказать, задушевнымъ другомъ была жена церковнаго старосты, весьма зажиточнаго и хлъбосольнаго крестьянина ближняго села, который никогда не забывалъ принести въ праздникъ Матренъ Петровнъ самую большую просфору, и вынимая ее изъ-за пазухи, прибавлялъ однимъ и тъмъ-же тономъ: Нака, матушка Матрена Петровна, Богъ милости прислалъ.—Матрена Петровна всякій разъ кликала сына: Андрюшка, а Андрюша! А вотъ намъ и милости Богъ прислалъ, отвъдай-ка. Да что ты тамъ жуешь такое? Выплюнь, выплюнь, говорю! Вотъ отвъдай дара Божьяго. И Матрена Петровна отвъдывала вмъстъ съ сыномъ просфоры, а

остальное ставилось въ божницу. Въ радушномъ семействъ церковнаго старосты проводила Матрена Петровна большую часть своего времени. Другой собесъдникъ доброй старушки быль отставной унтеръ-офицеръ Карпычъ. Прослуживъ върой и правдой Царю и отечеству законный срокъ и получивъ иистую, Карпычъ отправился на родину. Сильно билось сердце стараго солдата, сильно стучало оно, когда подходиль онь къ знакомому селу, когда издали стали видивться ему соломенныя кровли родимыхъ хижинъ, и утренній звонъ знакомаго колокола деревенской церкви началь долетать до чуткаго уха Карпыча, навыкшаго къ свисту пуль и картечи. Карпычъ остановился, снялъ лѣвою рукою, по всьмъ правиламъ рекрутской школы, форменную свою фуражку, и съ благоговъніемъ перекрестился три раза. Звучнъе, сильнъе застучало сердце добраго солдата, какъ стучало оно въ ту пору, когда въ рядахъ храбрыхъ, усатыхъ товарищей, съ молодецкимъ штыкомъ ходилъ онъ на приступы. Накройсь! скомандывалъ самъ себѣ Карпычь, надъль фуражку и весело, забывъ усталость, пошелъ форсированнымъ маршемъ къ селу.

- А что, пріятель, гдъ Климова изба? спросиль онъ попавшагося ему навстръчу, у входа въ село, дюжаго пария.
 - Климова? А эта.
- Эта? сказалъ Карпычъ, и посмотрълъ на полуразвалившуюся хату. Да что-жъ она такъ покосилась?
- A что-жъ бы ей не покоситься? отвъчалъ парень. Кто-жъ ее чинить-то будеть?
 - Что, голова? Да нешто Климъ такъ старъ, что-ли?
 - Старъ?—Его чай и костей-то ужъ нътъ.

Словно вражеская пуля вонзилась въ сердце Карпыча; машинально снялъ онъ на этотъ разъ фуражку и въ раздумъв склонился на молодецкую грудь головою.

- Ну, а старуха Макарьевна?
- И ее давно свезли на погостъ. Ты, знать, не здъшній, служба?

Не отвътиль старый солдать на вопросъ пария; посмотръль онъ еще разъ на ветхую хату, всталь на кольна, перекрестился и сдълаль земный поклонь. Горячая слеза вырвалась наружу, пробъжала по смуглой щекъ Карпыча, и запуталась въ длинномъ

усъ. Но старый воинъ какъ-будто устыдился своего горя, быстро отеръ онъ эту слезу толстымъ рукавомъ солдатской шинели, махнулъ рукою и молвилъ: «Эхма! знать Богу такъ угодно. Не пришлось вамъ, старинушки, увидать на мит Царскаго Егорія. Ну, быть такъ, веди-же меня парень на кладбище.» Они пришли. Парень указалъ Карпычу двѣ могилы, давно занесенныя опадавшими съ деревъ листьями, давно заросшія крапивою и кустарникомъ, изъ-за густой тени которыхъ выглядывали только верхушки двухъ крестовъ, уже покривившихся отъ времени на сторону. Увидъвъ въ такомъ печальномъ положении родительскія могилы, Карпычъ призадумался; потомъ понытался онъ привести въ должное положение вертикальности покривившиеся кресты, но время, - казалось, давно укрѣпило ихъ, и тщетны остались всѣ усилія солдата. Тогда припаль онь къ земль, и произнесь короткую, но теплую, солдатскую молитву надъ родительскимъ прахомъ. Онъ всталъ, отеръ пыль съ коленъ, и обратясь къ парию, который безсмысленно следиль за его движеніями, сказаль: А что, далеко живеть здъшній священникь?

- Священникъ? А вона его хата. Да слышъ, его нътъ дома. Онъ слышъ-те уъхалъ вчера въ городъ, на ярмарку.
- А дьяконъ?
- Да и дьякона почитай нъту, а вотъ староста-те такъ дома.
 - Такъ проводи меня къ старостъ.

Они пошли.-А что, сказалъ дорогою, почесывая въ головъ парень, знать служба думаешь пристать въ наше крестьянство?

- Въ крестьянство? Экой ты братецъ, какъ-же могу я пристать въ крестьянство, когда я отслужиль върой и правдой цареву службу.
 - Такъ-те.
 - Да и что я стану дълать въ вашемъ крестьянствъ?
 - Ну, въстимо что, орать, боронить, въстимо что.
- Боронить, орать, думаль Карпычь. Нъть, брать, не затъмъ создаль Господь солдатскія руки, и презрительно откинуль оть себя всякую мысль о боронь.

Изба старосты была недалеко отъ кладбища. Въ узенькую калитку, согнувшись, вошли они на большой дворъ. Насъдка,

окруженная многочисленнымъ семействомъ цыплятъ, прохаживалась у дверей хлѣбнаго анбара, собирая съ полу кое-какія крохи. Въ чемъ-то похожемъ на большую шайку полоскалась утка. Запертый поросенокъ хрюкалъ въ хлѣву, а подъ навѣсомъ бревенчатаго крыльца, которое вмѣстѣ было и параднымъ входомъ въ обиталище старосты, босая баба полоскала какую-то дрянь въ корытѣ.

- Мареа, вотъ служба-те спрашиваетъ дядю Ивана, такъ того... сказалъ парень.
- Ахти, да онъ въдь спить, проговорила съ какимъ-то особеннымъ сожалъніемъ краснощокая батрачка, выпуча глаза на служиваго и поправляя спереди заткнутое за поясъ платье. Али подождете. А нъть, такъ я разбужу; чай ужъ и пора.

Сказавъ это она исчезла и черезъ нъсколько минутъ показалась снова на крыльцъ.

- Пожалуйте, хозяинъ скоро встанетъ. Карпычъ вошелъ; перекрестился на стоявшія въ кіоть образа и въ ожиданіи старосты, котораго не состояло на лицо въ комнатъ, остановился у дверей, какъ следуеть солдату, отставивь несколько правую ногу и согнувь кольно, какъ бывало во фронть, по командь « стоять вольно. » Въ переднемъ углу, подъ образами, стоялъ простой березовый столъ, тщательно покрытый скатертью. За нимъ, на такой-же скамъв сидвли двъ женщины; одной изъ нихъ, полной и румяной, было не болъе тридцати лътъ, другая была лътъ пятидесяти. Женщины о чемъто разговаривали, повидимому, очень горячо; но при входъ Карпыча онъ только понизили голосъ и продолжали разговоръ такъже горячо, только шопотомъ. Чинно передъ ними красовалась на столь тарелка съ калеными оръхами и блюдо, на которомъ лежалъ пирогъ съ черникой. Одна изъ этихъ женщинъ, помоложе, была сама хозяйка, другая—завзжая гостья Матрена, Петровна. Но вотъ изъ дверей другой комнаты показалась сонная фигура самаго хозяина. Карпычъ вытянулся.
- Здорово, служба! промолвилъ хозяинъ, расчесывая густую бороду роговымъ гребнемъ.
 - Здравія желаемъ! загремълъ Карпычъ.
 - Что скажешь, служивый?
 - Не оставь милостью, отець. Отслужиль върой и правдой

Богу и Государю; да воть не засталь въ живыхъ родителей. Былъ на кладбищъ, да могилки-то того больно худы и кресты вътромъ раскачало, такъ я попросить...

- Что? поправить что-ли? Ладно, ладно. А кто родителито? спросиль староста, пока Карпычь вынималь изъ кармана шароварь кожанный кошелекь, а изъ него какую-то ассигнацию.
- Климъ, прозваньемъ Ржавчина, отвъчалъ Карпычъ, подавая ассигнацію.
- Знаю, знаю. Добрые были старики, хорошіе міряне.
 Ладно, ладно, поправимъ.
 - Затемъ счастливо оставаться.
 - Куда-же теперь, служба?
- Да толкнусь куда-нибудь, не дасть-ли кто переночевать; а тамъ въ обратный путь, начальство просить,-служба моя извъстная, поведенья трезваго. Можетъ гдъ и пристроюсь.
- А, промолвилъ староста. А у насъ поселиться не желаешь?
- Какъ-бы, отецъ, не желать жить на родинъ, да даромъ кормить не станутъ, да и самому совъстно даромъ чужой хлъбъ ъсть, а работать по крестьянству отвыкъ...
- Гмъ! сказаль староста, садясь за столь и отворачивая порядочный ломоть пирога съ черникой. А грамотный?
- Какъ-же-съ, въ дивизіонной школъ разнымъ наукамъ обучался. И грамматику умъю, и ариометику тоже смекаю.
- Гмъ; да вотъ въдь оно... не хочешь-ли, служивый, къ намъ въ службу, сторожемъ. На-дняхъ похоронили дьячка, такъ ты-бы могъ того и на клиросъ, а? служба приличная.
- Вотъ въдь и въ-самомъ-дълъ, промолвила Матрена Петровна.
- Ради стараться, если ваша милость будеть... проговориль Карпычь.
- Ну, такъ вотъ и по рукамъ. Завтра вернется отецъ Алексъй съ ярмарки, и уладимъ. А сегодня переночуй у насъ, чъмъ ходить-то... Развъ мы не христіане, чтобъ добраго человъка... экой ты. Алена Михъвна приготовъ-ко чего-нибудъ служивому перехватить-то; я чай онъ и проголодался; да и мъсто укажи на съновалъ.

- Покоривіне благодаримъ, произнесъ Карпычъ.
- Хозяйка встала. Извините, Матрена Петровна.
 - Ахти матушка! Что вы, да какое туть извиненье!
- Что, въ походахъ бывалъ? спросилъ староста, отворачивая другой ломоть пирога и взглядывая на георгіевской крестъ Карпыча.
 - Какъ-же, бывалое дело, всякаго насмотрелся.
 - А за какую баталію крестъ-то имъешь?
- За взятіе Аршавы. Подъ Строленкой тоже раненъ быль въ ногу.
 - А, видно жаркое было дъло.
 - Куда жаркое дело, такое жаркое, что...
- A правда-ли, замътила вдругъ Матрена Петровна, что Суворовъ Божью планету зналъ?

Карпычъ не служилъ при Суворовъ, но русскій солдать не привыкъ задумываться. Онъ слыхивалъ когда-то отъ старыхъ товарищей о Суворовъ, и не запинаясь, отвъчалъ.

- Какъ-же не знать, ваше высокоблагородіе, какъ не знать,— зналь. Онъ и больше еще зналь, чъмъ Божью планету.
- Больше! сказала съ изумленіемъ Матрена Петровна. Ахти Господи! подумаешь, какой въдъ человъкъ-то быль.
- Точно такъ, ваше высокоблагородіе. Человъкъ онъ былъ, что такихъ въ диковину. Вотъ оно тоже разъ случилось, изволили слышать про Наполеона?
- Какъ-же, какъ-же; покойный Савелій Васильичъ бывало разсказываль, какъ онъ подъ Москвой-то куралесиль.
- Такъ вотъ изволите видъть сударыня, ваше высокоблагородіе, этотъ Наиблеонъ-то, ну, понятное дъло, только что вотъ нередъ иконой гръхъ выговорить.
 - А что, замътилъ староста, видно былъ одержимъ?
- Не-то, чтобы одержимъ, а самъ... сказалъ какъ-то таинственно Кариычъ.
- Ахти! съ нами крестная сила, промолвила Матрена Петровна. Такъ что-же, голубчикъ?
- Ну, вотъ извольте видѣть, этотъ Наполеонъ разъ тоже и побился, примѣромъ, объ закладъ съ главнымъ-то, ну, понятное

дъло съ къмъ, что онъ дискать, батюшку Суворова руками жи-ваго возьметь.

- Ахъ разбойникъ! сказала Матрена Петровна. Ну?
- Ну воть оно, сударыня, и случись наша главная квартира была расположена въ маленькой, такъ себъ, деревушкъ кой-какой, и войска-то при ней было такъ бездълица, пъхоты роты двъ, да скадронъ кавалеріи, да орудій пятокъ, и все. Зато ужъ казаки, надо честь отдать, не дремали; то и дело рыскали, да развъдывали, гдъ вражья сила таится, да извъстье батюшкъ Суворову привозили. Вотъ и разведали они, сударыня, что, примеромъ, главныя силы-то Наполеона и его штабъ-квартира гдъ-то тамъ далеко, за ръкой, въ большомъ какомъ-то мъстечкъ. А дъло было къ вечеру. Ну въстимо, батюшка Суворовъ и радъ, что. примъромъ, имъетъ върныя свъдънія на счеть расположенія главныхъ силъ, и размышлялъ онъ, такъ-сказать, съ своимъ генеральствомъ, какъ на другой день напасть на то, примъромъ, мъстечко и задать врагу генеральное стражение. Анъ вышло-то, сударыня, нетакъ, отколь ни возьмись передъ нимъ, какъ снътъ на голову, самъ врагъ, да съ такою несмътною силою-то, что Господи Боже мой, просто тьма, а въ главной-то своей штабъ-квартиръ онъ оставилъ, извольте видёть, свою тёнь.
- Тънь! съ ужасомъ произнесла Матрена Петровна. Съ нами крестная сила!
- Точно такъ-съ, продолжалъ Карпычъ. Казаки-то, примъромъ сказать, и обманулись; а самъ-то онъ съ несмътною ратью прошелъ невидимкой разными задами, да и явись какъ тутъ передъ нашею главною квартирою.
 - Ахти, ну, голубчикъ, что-же?
- Вотъ, сударыня, примъромъ сказать, ъдетъ на конъ впереди рати несмътной, а самъ-то онъ былъ не взрачный такой, да духу-то вражьяго много силъ въ немъ заключалось. Вотъ бдетъ, да и думаетъ, такъ вотъ тебя сейчасъ живаго руками и возьму.
 - Это Суворова-то? сказала Матрена Петровна.
- Ну ужъ въстимо такъ, сударыня, ваше высокоблагородіе, кого-жъ больше.

- Анъ нътъ, хотъ и былъ удалъ, да не на таковскаго напалъ. Какъ высунется нашъ батюшка Суворовъ въ окно, да крикнетъ по пътушиному кукурику, да еще кукурику, да еще кукурику! Остолбенълъ врагъ, словно колода, а цыганскій потъпронялъ ижно до костей. Въстимо дъло, такіе боятся пътушинаго голоса. Вотъ онъ вспять, а за нимъ и вся вражья сила; бъгутъ въ разсыпную, кто куда, а нашъ батюшко имъ въ слъдъ все свое кукурику. Такъ вотъ оно, сударыня, какія диковинныя оказіи зналъ Суворовъ.
 - Подлинно диковинныя, замътила Матрена Петровна.
- Ну не всякому слуху върь, промолвилъ староста. Оно конечно...
- Нътъ, это ужъ дъло бывалое, сударь, тутъ чего говорить...

Долго-бы, можетъ-быть, продолжалъ свои разсказы Карпычъ на любопытные вопросы Матрены Петровны, но вошедшая хозяйка позвала его чего-нибудь перехватить. Оставшись вдвоемъ съ старостою, Матрена Петровна замътила:

- Какихъ, подумаешь, придется на въку вещей увидать царскому служивому.
 - Конечно, отвъчалъ староста, малый онъ того...
- А вотъ-бы, батюшка, кабы его да пристроить. А я ужъбы когда и къ себъ пригласила, Андрюшу какой мудрости понаставить.
- Конечно, примолвиль хозяинь. А воть ужо воротится отець Алексьй, такъ мы... Да кушайте-жь, Матрена Петровна, еще пирожка, что-жъ вы? аль не нравится?
- Сыта, сыта, батюшка, закормили, спасибо. Я чай и въдорогу пора.
 - Пождите, вотъ чайку выпьемъ.
 - Да не поздно-ли будеть?
 - Ничего, пождите, проводимъ, далеко-ли тутъ.
 - Ну, пожалуй, чайку останусь выпить.

Съ этаго дня Карпычъ поселился въ домѣ церковнаго старосты надолго. На другой день воротился священникъ съ ярмарки; ему понравился откровенный видъ стараго солдата, и Карпычъ былъ опредъленъ къ приходской церкви сторожемъ. Ревнестно

исполняль Карпычь свою обязанность, и зачастую пѣваль на клиросѣ. Но надо было видѣть Карпыча, какъ воодушевлялся онъ, какъ блистали глаза его и звучаль подъ сводами густой его басъ, когда пѣвалъ онъ многія лѣта, особенно когда доходило до христолюбиваго воинства. На этомъ мѣстѣ словно оживалъ весь составъ Карпыча, словно пробуждались его молодецкія силы, словно былая юность прилетала къ нему. Съ сознаніемъ собственнаго достоинства, гордо поводилъ онъ очами кругомъ на скромныхъ мирянъ, и густой басъ его гремѣлъ и переливался.

Матрена Петровна не забыла свое намъреніе, и Карпычъ былъ приглашенъ ею для обученія разнымъ наукамъ Андрюшу.

Въ свободное отъ службы время являлся Карпычъ въ деревеньку Матрены Петровны, которая была въ полутора верстахъ отъ села, и тамъ, въ званіи учителя Андрюши, передаваль ему, какъ умъть, мудрствованія всякой науки.

Подъ словомъ всякой науки Карпычъ разумѣлъ писаніе, чтеніе церковныхъ и гражданскихъ письменъ, грамматику до глаголовъ и ариометику до дѣленія. Дѣленіе зналъ самъ Карпычъ нетвердо, что-же касается до того, что слѣдуетъ дальше дѣленія, то это, говорилъ Карпычъ, вздоръ, это такое, что и говорить о немъ не стоитъ. Надо сказать, что вообще не очень охотно передавалъ Карпычъ своему воспитаннику знаніе всякихъ наукъ; не того хотѣлось старому воину, и неразъ говорилъ онъ, обращаясь къ Матренъ Петровнъ: Эхъ, ваше высокоблагородіе, куда вы готовите вашего Андрея Савельича, пропадетъ онъ гдѣнибудь въ канцеляріи, и на Божій свѣтъ посмотрѣть не успѣетъ; то-ли-бы дѣло на службу военную.

Но не соглашалась съ нимъ на этотъ разъ Матрена Петровна. Какъ можно, говорила она, какъ можно. Того гляди гдъ-нибудь въ баталіи застрълять, али ножки гдъ, голубчикъ, на маневрахъ что-ли, промочитъ. Онъ у меня такой слабый; какъ можно!

Но не отставаль отъ своей любимой мысли упорный Карпычь, и разъ даже случилось ему нупить гдв-то на ярмаркъ старое форменное ружье, давно заброшенное въ разномъ хламъ, между ломаныхъ кострюль, ухватовъ, старыхъ голенищъ и тому подобнаго.

Карнычъ тщательно осмотрълъ ружье, отеръ пыль полою

шинели, повертёлъ въ рукахъ, приложился, еще повертёлъ, и молвилъ: Экъ его какъ!.. Взялъ-бы того, да привелъ къ нашему капральному; показалъ-бы онъ ему какъ съ царскимъ оружіемъ обходиться слёдуетъ. Вонъ и штыкъ-то чортъ знаетъ куда покосило, и замокъ-то знать охотничій: ужъ вмёсто винтовъ гвоздями приколоченъ.

Но дълать было нечего; Карпычъ купилъ ружье за полтину серебра и принесъ въ подарокъ своему воспитаннику, прося Матрену Петровну позволить показать Андрею Савельичу военную экзерцицію. Нехотя, но согласилась добрая Матрена Петровна. Андрюшъ понравились больше грамматики и всего прочаго экзерциціи Карпыча; онъ смъло перекидывалъ разные пріемы, и уже дошель до заряжанія на двънадцать темповъ.

Въ такихъ упражненіяхъ протекли почти три года.

По совъту отца Алексъя, вздумавшаго однажды проэкзаменовать Андрюшу и увърившагося, что этотъ малый выучился отъ Карпыча очень малому, хотя съ успъхомъ ходилъ на приступы, осаждалъ чужія изгороды и пугалъ бабъ, которыя въ обычныхъ позахъ пололи бывало на грядахъ капусту. Матрена Петровна ръшила отвезти Андрюшу въ городъ, и съ помощію отца Алексъя и кое-какихъ доходцевъ съ деревушки пристроила его къ учителю утздной школы. Три года пробылъ Андрюша въ утздной школъ, не безъ горести всноминая военныя экзерциціи Карпыча; наконецъ насталъ срокъ опредъленія его на службу. Не послушала Матрена Петровна совътовъ Карпыча отдать Андрюшу въ военную, и ръшила, что по статской де ему, голубчику, будетъ покойнъе.

— Ну, быть такъ, молвилъ Карпычъ, дай Богъ. А все такъ и думается, что пропадуть онъ гдъ-нибудь въ канцеляріи. То-ли, сударыня, дъло военное.

Но тщетны были всякіе доводы, и день разлуки Андрюши съ Карпычемъ насталъ.

— Счастливо оставаться! ваше благородіе, говориль сквозь слезы добрый солдать, прощаясь съ Андрюшей. Счастливо оставаться! Не поминайте лихомъ стараго дядьку, а случится, я навъщу когда ваше благородіе въ Питеръ. Знаю и Питеръ, въдь случалось, бываль съ полкомъ для занятія карауловъ много ра—

возъ. Тоже и Невскій пришнехть знаю, большинская улица такая, и Гороховую знаю, да и Толкучій тоже рынокъ какъ не знать; и теперь помню, славное однажды купиль тамъ шило, подметки тачать. Ужъ сказать, что за рынокъ; всякаго примъромъ есть. Только если случится, ваше благородіе, когда что тамъ покупать, ухо держите востро. Тамъ, то есть, есть такія протоканальи, что самаго въ глазахъ украдутъ. Ты покупаешь, а у тебя въ карманъ рукъ пять, нъть—ли чего осматривають, или въ толпъ гдъ, того и гляди, полворотника ножемъ отхватятъ. Есть говорять у нихъ такія машины, что и пе услышишь, какъ, примъромъ, штаны снимутъ, и только ужъ дома осмотришься, или, если случится холодно, такъ почувствуешь, да ужъ, того, поздно. А побываю ужъ, во что ни есть побываю у васъ въ Питеръ, ваше благородіе, не умру безъ того, чтобъ не посмотръть, какъ вы тамъ...

Такъ прощался съ Андрюшею Карпычъ въ день отъёзда Матрена Петровны въ Петербургъ, и въ этотъ день не пошелъ, съ горя, Карпычъ даже на службу, въ первый разъ. Зашелъ онъ на перепутье въ корчму, и выпивъ добрый стаканъ, махнулъ рукою, примолвя: «Эхма! а чудится, проку не будетъ, то ли-бы дъло на службу военную.» И въ раздумъв дотащился Карпычъ до дому, въ раздумъв легъ онъ на неприхотливо убранную постель свою, и до другаго дня проспалъ въ грезахъ объ Андрюшъ.

BUT OF THE REAL PROPERTY AND ASSESSMENT OF THE PERSON NAMED IN COLUMN TWO IS NOT THE PERSON NAMED IN COLUMN TWO IS NAMED

Recall and pared in the parent

Матрена Петровна проснулась рано. Сонъ доброй старушки былъ самый тревожный; да и могъ-ли быть не тревоженъ сонъ матери, почти что наканунъ разлуки съ единственнымъ сыномъ. То грезилось ей, что предсказанія Карпыча сбываются, и Андрюша, блъдный, худой, больной, лежитъ въ своей скромной комнаткъ, а передъ нимъ, такой страшный, такой гнъвный, стоитъ его начальникъ и говоритъ ему: пишите да пишите. И вотъ, какъ уязвленная львица, врывается сама Матрена Петровна въ комнату Андрюши, ея чепчикъ съ огромными фалбалами трясется и съъхалъ совсъмъ на сторону, взоръ ея сверкаетъ. «Нътъ, такъ

вотъ нътъ-же, кричить она, онъ не будеть писать, онъ писать не будеть! Ахти, да что сдълали они съ тобою!» А тоть все свое: пишите да пишите. «Такъ нъть-же, воть нъть, закричала Матрена Петровна и обвила объими руками Андрюшу. Тутъ она проснулась. На лицъ ея отражался слъдъ испуга; она перекрестилась три раза, встала, подошла на цыпочкахъ къ спящему сыну, перекрестила его, и съ словами: да воскреснеть Богъ и расточатся врази Его, вернулась къ своему дивану. Посидъла, подумала и снова задремала. И воть видить она себя въ огородъ своей деревеньки; Алена достаеть изъ колодца воду, а сама она поливаеть огурцы. Вдругъ пыль, словно облако, стелется по дорогь; ближе, ближе; воть тройка вороныхъ лошадей мчить коляску; на козлахъ весь облитый золотомъ кучеръ. Коляска остановилась какъ разъ у садика, изъ нея вышелъ молодой человъкъ. Онъ весь въ крестахъ и звъздахъ, сновно жаръ горитъ, а черезъ плечо широкая перекинута лента. Матрена Петровна смотрить-Андрюша. Она векрикнула и проснулась. Улыбка отражалась на губахъ ея. Матрена Петровна перекрестилась, но на этотъ разъ пожалела, что это быль только сонъ.

Утромъ чуть свъть поднялась старушка, и засуетилась, захлопотала. Ахти, я глупая, какъ долго проснала; Андрюша-то проснется и кофейку захочеть, а у меня ничего неготово, и Матрена Петровна побъжала въ другую комнату, будить хозяйку. Но вотъ проснулся и Андрюша. Приготовленный заботливою матерью кофе былъ поданъ, съ сахарными сухарями, за которыми сама сбъгала въ булочную Матрена Петровна, несмотря на увъщанія хозяйки послать кухарку.—Нътъ, говорила старушка, ужъ я сама, матушка Каролина Карловна, выберу ему помягче. Къ кофе была приглашена Каролина Карловна.

Нехотя, но долженъ я сдълать отступленіе, и вкратцъ, чтобъ не утомить вниманіе моего благосклоннаго читателя, набросать портреть Каролины Карловны. Толстая, жирная нъмка, въ бъломъ фартухъ и ченчикъ съ большими фалбалами, до страсти любившая выборгскіе крендели и мохнатаго шпица, была хозяйка квартиры, въ которой наняла комнату для своего Андрюши заъзжая Матрена Нетровна.

- Петербургскимъ жителямъ, въроятно, извъстно сословіе тъхъ лицъ, къ которымъ принадлежала Каролина Карловна. Это по большей части вдовы или пожилыя дівушки. Обыкновенно нанимають онв довольно просторную квартиру, делять ее на множество комнатъ разной величины перегородками, и отдаютъ эти комнатки въ наемъ отъ себя, со столомъ, прислугою и мебелью, а иногда и безъ оныхъ. Чрезвычайно разнообразно бываеть общество лицъ, селящихся въ этихъ кануркахъ. Здёсь встретите вы будущаго эскулана, студента, у котораго все имущество заключается въ форменной паръ, короткой шинели, да двухъ или трехъ латинскихъ книгахъ и очень часто пустой сигарочниць; холостяка чиновника, обладающаго халатомъ, вышитыми туфлями и подушкой, парою горшковъ съ еранью и жирнымъ котомъ; молоденькую, смазливую дъвушку, занимающуюся рукодъльемъ. Такого рода жилицы принимаются несовсъмъ охотно хозяйками, и всегда съ большими разспросами, напримъръ: имъеть-ли родственниковъ, братьевъ, часто-ли ходитъ со двора, не принимаеть-ли гостей, ньющіе или неньющіе гости, и тому подобное. Жильцы этихъ маленькихъ комнатокъ, довольные дешевизною цёны, за которую имьють они квартиру, мебель, прислугу и кушанье, не бывають слишкомъ разборчивы, и часто екромный постоялецъ флегматически вынимаеть двумя пальцами нопавшуюся въ соусъ щенку, примолвя: а воть и заноза въ соуст, — и съ большимъ аппетитомъ сътдаетъ кусокъ черствой курицы, похожей болье, по словамъ Гоголя, на жареный топоры в вана выположе быле хорошия света в стори

Каролина Карловна, кромѣ главнаго ремесла своего, не пренебрегала и другими способами обогащенія. Часто можно было увидать въ кухиѣ ея забѣжавшую къ ней сосѣдку съ узелкомъ какой-нибудь дряни.

- Заставьте Бога молить, Каролина Карловна.
- Эхъ, какія вы, голубушка Василиса Петровна, да откуда денегь-то взять; послѣ мужа-то вѣдь въ одномъ платьишкѣ осталась; вотъ только что постояльцами и кормлюсь еще на Божьемъ свѣтѣ; только что сыта бываю, а ужъ какія тутъ деньги.

Нъть, матушка, върьте совъсти нъть. Между-тъмъ узелокъ разсматривался.

- Вамъ, матушка Каролина Карловна, Богъ пошлетъ. Вы бъдныхъ не забываете, сколькимъ помогали на своемъ въку.
- Помогала, когда могла, да люди-то нынче какіе, сами знаете, за своимъ добромъ бъгай, да кланяйся.
- Это точно, Каролина Карловна, люди нынче... добра никто не помнить.
- Тото-же и есть, матушка, а человъкъ я, сами знаете, бъдный.
 - Что говорить, матушка, что говорить!

А узелокъ съ дрянью все разсматривался.

- Такъ и быть, Василиса Петровна, два рублика дамъ.
 - Ужъ одолжите три-то, матушка Каролина Карловна.
- Послѣдніе, вѣрьте совѣсти, послѣдніе; и то на мѣсяцъ, Василиса Петровна, небольше, какъ на мѣсяцъ. Чужія деньти даю.
- Ну, ужъ что дѣлать, Каролина Карловна, коть два-то цѣлковика пожалуйте; да ужъ узелокъ-то приберите, матушка.
- Будетъ сохраненъ, на счетъ этого не безнокойтесь; только уговоръ лучше денегъ, на мъсяцъ, Василиса Петровна, передъ
 чужими людьми отвъчать не хочется, а два рублика съ четвертачкомъ принесите и узелокъ получите, не то ужъ извините. —
 Узелокъ помъщался въ сундукъ, а сосъдка выходила съ деньгами.

Кромъ этого Каролина Карловна была хорошая сваха и знала много богатыхъ жениховъ и красивыхъ невъстъ.

Такова-то была хозяйка квартиры, въ которой суждено было поселиться нашему Андрюшъ и изъ которой назначено ему было выглянуть на общественную жизнь.

Жизнь, жизнь! часто представлялась ты мит гигантскою машиною, съ тысячью колесъ, рычаговъ, болтовъ и разныхъ двигателей; стучатъ рычаги, вертятся, носятся колеса твои, только гулъ гудить въ темномъ пространствъ. И думалъ я, блаженъ, кто тихо созерцалъ механизмъ твой издали, но горе, у кого закружиласъ голова: полетълъ онъ стремглавъ въ хаосъ твоихъ двигателей, и пошель онъ летать съ колеса на колесо, съ зубца, на зубецъ, все глубже и глубже, и не пролетълъ онъ еще и полнути, какъ осталась отъ него одна сърая пыль!

Кто знаеть, такъ или иначе потекла-бы жизнь нашего Андрюши, еслибы поселился онъ на другой квартиръ. Извъстно, что нъть никакого дъйствія безъ причины, а причины эти вытекають одна изъ другой и составляють безконечную цъпь. Вонъ свътится огонекъ въ окнъ противуположнаго домика. Тамъ живеть какой-то холостякъ. Онъ сейчасъ пришелъ и думаетъ перемънить кормъ въ клъткъ своего чижа. Но почему онъ думаетъ перемънить теперь кормъ въ клъткъ своего чижа? Потому, можетъбыть, что пятнадцать лътъ назадъ онъ натеръ себъ на ногахъ мозоли. Это странно! Нисколько. Я докажу вамъ это логически.

Пріятель мой получиль въ школѣ дурной баль изъ физики; его не перевели въ слѣдующій классъ, это лишило его бодрости, онъ пересталь заниматься, и вскорѣ окончательно сдѣлался лѣнтяемъ. Его исключили изъ заведенія. Пріятель мой уѣхалъ въ провинцію, на службу къ родственнику. Въ провинціи пріятель влюбился, женился и наконецъ овдовѣлъ. Съ горя началъ онъ пить и въ одинъ прекрасный день попалъ подъ колесо какого-то дилижанса, переломилъ себѣ ногу и умеръ калѣкой. Но онъ могъ не получить худаго бала изъ физики, могъ не сдѣлаться лѣнтяемъ, могъ не быть исключеннымъ и не уѣхать въ провинцію, могъ не жениться и не овдовѣть. Спрашивается, отчего-жъ переломилъ ногу мой пріятель? Оттого, что, десять лѣтъ назадъ, получилъ худой балъ изъ физики. Это софизмъ. И съ этимъ согласенъ.

Но воть насталь и тоть день, въ который должна была разстаться съ Андрюшей Матрена Петровна. Не хочу утомлять вниманія описаніемъ трогательныхъ сценъ разставанья. Да и кому онъ неизвъстны. Пропускаю слезы старушки, ея совъты, хлопоты наканунъ отъъзда, чтобъ все купить своему Андрюшь, чтобъ всего-то было ему, голубчику, довольно. Купила она ему и матрасъ, и одъяло, и стеганый халатъ, и сафъянную подушку, купила два фунта Жукова табаку, и когда ужъ все, кажется, было куплено, не утерпъла, чтобы не кликнуть въ форточку разносчика съ яблоками. Пропущу я многое. Уже давно дожидался на дворъ Матрену Петровну нанятый до мъста мужикъ, поглаживая тощую пару, да поправляя кое-гдъ общитую рогожей дорожную кибитку. Настали послъднія минуты. По старому обычаю всъ съли, потомъ помолились Богу, и обвила руками добрая мать сына, обвила она его кръпко, и зарыдала. Насилу могли оттащить Матрену Петровну, посадили въ бричку, отворили ворота, перекрестился мужикъ, щелкнулъ кнутомъ, и колеса заскринъли. Долго стояль за воротами Андрюша, смотря вслъдъ удаляющейся брички; но еще дольше смотръла назадъ Матрена Петровна, и когда не стало видно ни Андрюши, ни дома, и бричка уже сдълала нъсколько поворотовъ въ улицы, все еще махала старушка платкомъ назадъ. Ей даже приходило пъсколько разъ на мысль вернуться, и однажды, высунувшись изъ брички, сказала она, обращаясь къ мужику: Степанушка, а Степанушка голубчикъ, а что, много-ли версть-то мы отътхали?

Да версть тридцать будеть, сударыня.

- А знаешь—ли что мнъ пришло на мысль, Степанушка? Что, сударыня?..
- А не вернуться-ли намъ въ Питеръ-то; успъемъ домой прівхать; страхъ Андрюшу видъть хочется; что-то онъ, батюшка, здоровъ-ли. подбать горов, и турь воду индистория полисытью,
- Полноте, сударыня, Богъ милостивъ. А этакъ барченка хуже разстроите. Шутка-ли, матушка, тридцать версть отътхали, и конямъ-то отдохнуть надо.
- Ну и то, Степанушка, Господь съ нимъ. Буду жива здорова, зимой прібду, говорила сквозь слезы старушка.
- Воть тоже, сударыня матушка, коль къ слову пришлось, разскажу вамъ, какъ случилось мив, летъ тридцать тому будеть, везти на службу нашего барина. Тоже слезъ-то, слезъ-то было, а воть и выслужился, теперь генераль, а крестовъ-то что!
- Ахъ мои матушки, разскажи Степанушка.

И Матрена Петровна съ жадностью слушала разсказъ словоохотливаго Степана, и чудилось старуший, что все это воть такъ-таки и съ Андрюшей будеть, и чуть-ли онъ уже не генераль. А когда бывало прівзжали на ночлегь, Степанъ получаль

всегда добрый стаканъ водки, и пускался повторять въ сотый разъ разсказъ свой, разумъется съ новыми украшеніями, прибавляя: Вотъ такъ-то, матушка барыня, и съ Андреемъ Савельичемъ. И отъ полноты души върила старушка, утирая слезы. Слабо любящее сердце человъка, но едвали не самое слабое сердце любящей матери!

военда региостио и съг окотою "Уполная», свою обманичную, криходила на среденость, однали не гранте всёху и уходиль един-

men is readming on an americand localisation of the con-

ли не позме. Пачалениям его вирочень быле люди, почорые ис- II такъ, оставленный самому себъ, выступалъ теперь Андрюша на поприще житейской дъятельности. Робкій, степной ребенокъ, взглянулъ онъ на кипящую жизнію массу покуда еще издали, и удивился! Движеніе петербургской жизни поразило Андрюшу такъ, какъ поразило-бы солнце взоръ впервые прозрѣвшаго. Боже, чему не дивился онъ! и чему могъ не дивиться полудитя, невидавшій ничего, кром'в полей своей деревни и единственнаго маленькаго городка, въ которомъ учился онъ въ увздной школв. Воображение его не представляло ему ничего подобнаго, и по цълымъ часамъ, въ свободное отъ службы время, бродиль онъ по шумнымъ улицамъ Петербурга. Съ изумленіемъ глядъль онъ на высокія зданія дворцовь и церквей, всматривался въ монументы, краснорѣчиво говорящіе русскому сердцу о его русской славъ, на эти гигантски перекинутые черезъ Неву мосты и на Неву, несущую на темной поверхности водъ своихъ столько судовъ съ пестрыми флагами. Все поражало его и кипящая, суетная дъятельность биржи, и блескъ и богатство освъщенныхъ магазиновъ. Часто по нъскольку минутъ стоялъ онъ передъ какими-нибудь высокими палатами, ярко освъщенными внутри, и думаль: Боже мой, какъ должны быть счастливы люди, живущіе въ нихъ! Бъдная матушка, какъ далеко не похожъ нашъ деревенскій домикъ на эти богатыя зданія! И неонытный бъдный мальчикъ не могъ разъединить идеи счастія отъ идеи изобилія. Ему трудно было представить, что и горе, какъ подагра, селится иногда въ роскошныхъ палатахъ, и тоска, нестериимая тоска, укрывается въ бархатъ. Но можно-ли винить за это Андрюшу. Едва-ли не каждый и поопытнъе его бъднякъ такъ думаетъ. Возвратясь домой, долго бывалъ онъ въ раздумъъ о видънномъ. Андрюша понялъ, что многаго не зналъ онъ до этихъ поръ, и свътлымъ отъ природы умомъ постигалъ, что многаго, очень многаго еще не знаетъ онъ въ Божьемъ міръ. Случай показалъ ему это еще яснъе.

Уже два года находился Андрюша на службъ. Начальники и товарищи его полюбили. Начальники за то, что онъ всегда ревностно и съ охотою исполнялъ свою обязанность, приходиль въ должность едвали не ранбе всёхъ, и уходилъ едвали не позже. Начальники его впрочемъ были люди, которые судили о немъ не по одному раннему приходу или позднему уходу, но видели въ Андрюше действительное прилежание къ службъ, оправдываемое успъхомъ самаго дъла. Товарищи уважали его; одни за то, что онъ былъ до крайности скроменъ, не позволяль себъ неумъстныхъ выходокъ надъ бездарною старостью, бывшею предметомъ шутокъ полуобразованной молодежи; другіе за то, что Андрюша быль прилежень. Случалось-ли вамъ замътить еще въ школь, что прилежные ученики бывають какъ-то особенно уважаемы даже завидующими имъ лънивцами, а хорошо себя ведущіе ненавидящими ихъ шалунами. Такъ бываетъ и въ жизни. И не доказываетъ-ли это, что порокъ всегда чувствуетъ свое ничтожество, и никакой софизмъ не возвысить его надъ добрыми наклонностями. Случайно-ли или въ-следствіе какого-то сознанія, но Андрюша успъль поставить себя на весьма хорошую ногу; а воля ваша, поставить себя на хорошую ногу въ общественномъ мибніи едва-ли не одна изъ самыхъ трудныхъ задачь въ нашей жизни. Часто это бываетъ случайность, тъмъ не менъе весьма важная случайность. Воть, кажется, и умный и заслуженный человъкъ, а посмотришь, и отпускаетъ ему въ глаза шуточки какой-нибудь недоучившійся мальчикъ. — Воть, говорить, у Василья Ивановича и табакерка съ женскимъ портретомъ, знаемъ мы, говоритъ, знаемъ, -- это дареная. Да и подбородокъ-то у Василья Ивановича такой, что нравится женщинамъ, да и самъ-то Василій Ивановичъ на счеть этого непромахъ. — А Василій Ивановичъ только улыбается пошлой выходив. А воть, кажется, и неважный человъкь, и непожилой человъкь,

а какъ-то совъстно сказать въ глаза ему глупую фамильярность. Отчего это?

Быль день имянинь одного изъ молодыхъ, ближайшихъ начальниковъ Андрюши. Это быль весьма образованный молодой человъкъ, кончившій курсъ въ одномъ изъ нашихъ университетовъ. Всегда въ этотъ день собиралось у него общество пріятелей, большею частію товарищей по воспитанію. На этоть разъ пригласилъ онъ къ себъ и Андрюшу, частію потому, что зналъ его совершенное одиночество въ Петербургъ и чъмъ-нибудь хотълъ выразить ему свою благодарность за стараніе; частію потому, что, давно замътя въ немъ хорошія наклонности, желаль ввести его въ свой кругъ, чтобы отвлечь еще неопытнаго мальчика отъ дурныхъ обществъ, въ которыя могь онъ легко попасться. Андрюша явился, и здёсь-то, можеть-быть, впервые увидъль онь, какъ много ему недоставало. Здъсь, можеть-быть, больше, чемъ когда-нибудь, заметиль онъ то страшное разстояние между нимъ и другими почти одинаковыхъ съ нимъ лётъ молодыми людьми. Андрюшѣ было какъ-то неловко. Съ какимъ-то оскорбленіемъ на самого себя видёль Андрюша, что онъ не можетъ принять участія ни въ одномъ разговорѣ этой образованной молодежи. Говорили-ли о музыкъ и оперъ, Андрюша никогда не слыхалъ оперы и не имълъ никакихъ основаній въ музыкъ; говорили-ли о новомъ открытіи въ химіи, -и объ химіи онъ никогда ничего не слыхивалъ; говорили о Пушкинъ и литературъ, -- Андрюша не читалъ Пушкина, и долженъ былъ только слушать. Конечно, въ немъ было много природнаго такта, чтобъ не вившиваться въ разговоръ о вещахъ, которыхъ онъ не понималъ, и не показаться смѣшнымъ. Умѣнье молчать не маловажное умѣнье; но воля ваша, досадно бываеть иногда все молчать и молчать.

Большею частію говорили по французски, и Андрюша еще больше чувствовалъ, какъ много ему недоставало. Ему казалось даже, что незнаніе его такъ и бросается всёмъ въ глаза, что даже говорять они на счетъ его неловкости; хотя пріятели его начальника были слишкомъ хорошо образованы, чтобъ не понимать, что говорить о комъ-нибудь въ глаза было-бы пошло даже на допотопномъ какомъ-нибудь языкъ. Словомъ, Андрюша

чувствоваль себя какъ-то не на своемъ мість; онъ виділь себя, слишкомъ мелкимъ, слишкомъ ничтожнымъ передъ этими господами. Ему казалось, что и вев смотрять на него его собственными глазами, и сожальють его. Андрюшь было въ высшей степени неловко, хотя начальникъ его оказываль къ нему вниманія, едвали не болье, чымь къ прочимь. Я сказаль, что онь быль вполнъ образованный человъкъ и понималь, что Андрюша въ этомъ кругу всёхъ моложе, всёхъ бёднёе, и потому, чтобъ не сконфузить его, старался быть съ нимъ какъ можно деликатнъе, какъ можно въжливъе. Другіе были ему равны, равны между собою, и каждый быль самъ для себя защитою, а Андрюша быль одинь, ему нужна была посторонняя защита. Этою-то защитой и была преимущественная внимательность къ нему образованнаго начальника. Только истинно образованный человъкъ понимаетъ, какъ деликатны, какъ щекотливы струны человъческаго сердца, и какъ легко оскорбляется оно иногда; повидимому, отъ ничтожнаго прикосновенія одного звука різжаго слова.

Возвратясь домой, долго не могъ заснуть Андрюша, волнуемый разными чувствами. Какъ-бы хотълось выучиться ему всему, всему, о чемъ говорили у его начальника молодые люди. Ему съ ужасомъ представлялось, что все его труды, все его прилежаніе къ службъ могуть остаться навсегда безполезными безъ этихъ познаній. Въ первый разъ неохотно посмотръль онъ на кипу бумагъ, принесенныхъ имъ для переписки къ другому дню, и чуть-ли не сквозь слезы проговориль: Ивть; матушка, нвть, нельзя далеко уйти, нельзя... я ничего не знаю!.. Сомитніе и надежда сильно боролись въ молодой, неиспорченной душъ. Съ одной стороны представлялась ему цълая бездна препятствій, съ другой какая-то возможность достиженія, какая-то гордая увфренность въ собственныхъ силахъ. Я буду копить деньги, думаль онъ, откажу себъ кое въ чемъ, буду покупать книги, буду учиться. Но какія книги, опять думаль онъ. Кто укажеть мнѣ первоначальный ихъ выборъ, не будеть-ли это безполезная трата и денегъ и времяни? А начальникъ мой? Онъ такъ внимателенъ ко мнъ, онъ не откажется помочь мив; напротивъ, мив кажется, онъ будетъ радъ. Но развъ не могу я надоъсть ему своими вопросами, своимъ частымъ посъщениемъ? Не увидитъ-ли онъ во мит ясно человъка, совершенно необразованнаго, тогда какъ тенерь, можетъбыть, онъ еще несовствиь въ этомъ убъдился? Андрюша ошибался. Это было слъдствіемъ начинавшаго шевелиться въ молодой душъ самолюбія. Но невсегда самолюбіе бываеть дурнымъ свойствомъ, часто оно причиною самыхъ благородныхъ побужденій. Если съ одной стороны самолюбіе вводило Андрюшу въ заблужденіе на счеть его начальника, — съ другой, можеть-быть, оно одно одушевляло его твердымъ намъреніемъ достичь предположенной цъли. Есть натуры, у которыхъ съ дътства развивается быстро это чувство души, и не думаю, чтобы оно могло вредить имъ въ-последствін. Самолюбивый чедовѣнъ, по-крайней-мѣрѣ, рѣдко бываеть низкимъ человъкомъ, потому-что самолюбіе уважаетъ общественное мижніе. Натура Андрюши была именно такая натура. Ему оставалось ръшить, какимъ образомъ достичь своей цъли, не оскорбивъ этого чувства. Случай ръшилъ это лучше. Пустая причина повела къ важнымъ последствіямъ. Однажды вошла въ комнату Андрюши знакомая намъ Каролина Карловна. Андрюша переписывалъ какую-то бумагу. Увидъвъ Каролину Карловну, онъ поправиль у груди свой халать и привсталь со стула.

- Извините, Каролина Карловна...
- Не безпокойтесь, Андрей Савельичь. Я вамъ, кажется, помъшала, вы заняты.
 - Помилуйте, ничего-съ.
- У меня есть до васъ просьба, Андрей Савельичъ.
- Какая, Каролина Карловна?
- Вотъ къ барышив-то, Андрей Савельичъ, что перевхала ко мив въ прошломъ мъсяцъ, пришла гостья, старушка, да и засидълась, а пора-то такая темная, идти домой надо, а одной страшно.
- Такъ что-же-съ, не проводить-ли, Каролина Карловиа?
- Ахъ, кабы вы потрудились, Андрей Савельичъ. Барышнъто самой васъ просить совъстно, она такая тихая, такая стыдливая; такъ я ужъ взялась сама васъ попросить. Говорю, Андрей Савельичъ такой добрый, онъ, говорю, охотно...

- Съ удовольствіемъ, Каролина Карловна, я сію минуту буду готовъ.
- Покорно благодарю, Андрей Савельичъ. Извините, батюшка, отъ дъла-то мы васъ отвлекаемъ...
- Ничего, ничего, Каролина Карловна, я съ величайшимъ удовольствіемъ...

Каролина Карловна вышла увъдомить свою жилицу о готовности Андрюши, а онъ между-тъмъ одълся на-скоро, однако-же не безъ кокетства. Онъ нъсколько разъ перевязывалъ шейный платокъ, бросалъ то одну, то другую манишку-вев онъ казались недовольно чисто вымытыми; нъсколько разъ перечесывалъ проборъ на головъ; наконецъ надълъ шинель, и посмотръвъ еще разъ въ зеркало, вышелъ. Странно, Андрюша почти не зналъ жилицу Каролины Карловны; онъ, можетъ-быть, видълъ ее не болъе двухъ или трехъ разъ, и то вскользь, встрѣчаясь въ кухнѣ Каролины Карловны, чрезъ которую иногда проходиль онъ, возвращаясь изъ должности; онъ не говориль съ нею ни разу, а между-тъмъ руки его какъ-то странно дрожали, когда завязывалъ онъ галстухъ. Онъ почувствовалъ даже какую-то робость, когда, надъвъ шинель, отворилъ дверь своей комнаты, чтобы выйти. Отчего такъ быстры вы, такъ мимолетны, лѣта свътлыхъ впечатлъній! Помню васъ и я, годы нъжнаго волнованія, помню, какъ жадно вдыхалъ я бывало запахъ случайно попавшейся мив женской перчатки, и цъловалъ оторвавшійся отъ груди красавицы какой-нибудь бантикъ! Смъшно, а не промънялъ-бы я тогда эту перчатку или этотъ бантикъ на всъ сокровища міра. Но слишкомъ мимолетны вы, лъта пылкихъ ощущеній, едва мелькнете, какъ и слъдъ вашъ простыль! И смъется потомъ взрослый человъкъ надъ тъмъ, что едвали не составляло лучшую страницу его бъдной исторіи! Воть, говорить онъ, вспоминая свою молодость, воть какой дуракъ-то быль я. Не дуракъ быль онъ, а едвали не быль онъ больше, чъмъ когда-нибудь, человъкомъ. Что же, любовь-ли это или другое какое-нибудь чувство? Не любовь это, какъ понимаеть ее взрослый мужчина, и не любовь это, какъ понимаетъ ее отжившій старикъ. Больше! это первое, безгрѣшное, безразсчетное стремленіе любви! Не видить взоръ морщинъ и пятенъ, опыть не успѣлъ испугать души, свѣтло прошедшее, свѣтла надежда въ будущемъ, и такъ хорошо душѣ въ настоящемъ, словно цѣлый міръ веселится! Да, не любовь это, а первое, младенческое, безгрѣшное обоготвореніе идеала! первый лепеть невиннаго сердца!

Почти въ то самое время, какъ отворилъ Андрюша дверь въ кухню, изъ противуположныхъ дверей показалась фигура Каролины Карловны и за ней старушка въ капоръ и черномъ салопъ.

- Вотъ и они, сказала Каролина Карловна, указывая на Андрюшу.
- Покорно благодарю, батюшка, произнесла старушка. Мнъ одной-то такъ было-бы страшно.

Андрюша молча поклонился.

Въ это время изъ-за плеча старушки послышался звонкій женскій голосокъ.

- Мы побезпокоили васъ, Андрей Савельичъ, извините, я такая невъжа... Вы, кажется, занимались?
- Помилуйте, ничего-съ, я съ удовольствіемъ... произнесъ, краснъя, Андрюща и не кончилъ.
- Ахъ, я вамъ очень очень благодарна, продолжала жилица, поправляя салопъ старушки.
- Ну добро, прощайте, Софья Павловна, прощайте, голубушка, будьте здоровы, не скучайте, Богъ дастъ, все устроится, говорила старушка, цълуясь съ молоденькою дъвушкой. Прощайте, Каролина Карловна.

Каролина Карловна поцъловалась также со старушкою, и взявъ со стола свъчу, отворила дверь въ съни. Когда проходилъ Андрюша въ двери, жилица еще разъ поблагодарила его и извинилась.

Скоро возвратился Андрюша. На звонъ колокольчика отворила ему двери случившаяся въ то время въ кухнъ жилица. Каролина Карловна хлопотала около самовара.

- Проводилъ-съ, сказалъ смъшавшійся Андрюша, еще въ съняхъ снявъ свою шляпу.
- Ахъ, какъ я благодарна вамъ, Андрей Савельичъ. Извините меня, я отвлекла васъ отъ занятій.
- Ничего-съ, я ничъмъ почти не занимался, отвъчалъ Андрюща, сбрасывая съ себя шинель.

- Вы, кажется, что-то писали.
- Это такъ-съ, только отъ скуки, взялъ изъ должности. По вечерамъ нечего дълать.
- Я замѣтила, что вы большею частію бываете дома; вѣдь это должно быть для васъ очень скучно.
- Что-же дѣлать-съ, я не имѣю почти никого знакомыхъ. Бѣдненькій, подумала молодая дѣвушка. Можетъ-быть и опъ спрота.
- Ужъ и то я дивлюсь, Софья Павловна, замѣтила Каролина Карловна, раздувая угли въ самоварѣ. Какой, думаю, это скромный молодой человѣкъ, никакихъ-то компаній, никакого знакомства, ужъ такой Андрей Савельичъ придежный, все пишетъ,—другой разъ до третьяго часа.
- Я думаю, это должно быть очень скучно, прибавила жилица.
- Да чай и вредно такъ изнурять себя; храни Богъ, заболъть недолго, сказала Каролина Карловна.
- Я ужъ такъ привыкъ-съ, отвъчалъ Андрюша. Больше дълать нечего, такъ и пишешь...
- Можеть-быть, вы любите чтеніе? спросила Софья Павловна.
- Книгъ-съ не имбю; знакомыхъ такихъ нътъ...
- О, я могу служить вамъ этимъ; у меня книгъ очень много, вы выберете сами...
- Покорно благодарю, произнесъ обрадованный Андрюша.
- Я очень рада, что хоть этой бездълицей могу услужить вамъ за вашу доброту.
- Помилуйте... я кажется...
- И прекрасно. Пока Каролина Карловна сделаетъ намъ чай, вы выберете, что вамъ понравится. Пойдемте, пойдемте, я очень рада поделиться этимъ съ вами. Она взяла за руку оробъвша-го Андрюшу и весело ввела въ свою комнату.
- Вотъ цълый шкафъ, выбирайте любую, сказала она, подведя его къ шкафу и отворяя дверцы.

Сконфуженный Андрюша протянуль руку, чтобы взять первую попавшуюся ему книгу.

— Подождите, Андрей Савельевичъ, это, кажется, пустая книга; я выберу вамъ сама, на мой вкусъ.

Онъ поклонился.

— Садитесь, Андрей Савельевичь, я сейчась отыщу вамъ нъсколько книгь; онъ пока въ безпорядкъ, я еще не имъла времени устроиться, говорила Софья Павловна, указывая диванъ Андрюшъ.

Онъ сълъ. Съ любопытствомъ разсматривалъ Андрюша комнату дівушки, пока Софья Павловна искала въ шкафу книгь по разнымъ полкамъ. Вкусъ, съ какимъ была убрана эта комната, много говорилъ въ пользу ея хозяйки. Не роскошная, но красивой работы мебель содержалась съ необыкновенною чистотою. Стулья и диванъ были покрыты чахлами. Маленькій письменный столикъ, на которомъ въ чрезвычайномъ порядкъ были разложены всъ принадлежности женской канцеляріи: цвътная почтовая бумага, разноцвътный сургучъ и тому подобное, былъ поставленъ въ простънкъ между окнами; подлъ него стояли тщательно прикрытыя пяльцы съ начатымъ узоромъ. Въ углу стояли большой шкафъ съ книгами и красивая этажерка, на которой лежали также книги и ноты, хотя въ комнатъ не было видно никакихъ музыкальныхъ инструментовъ. Надъ диваномъ висълъ въ золоченной рамк' литографированный портреть. Андрюша не могъ прочесть надписи подъ портретомъ, потому-что она была написана англійскими буквами, но съ любопытствомъ разсматривалъ гордое выражение этого благороднаго лица. Это быль портреть лорда Байрона. Дверь въ другую комнату была полуотворена, и Андрюша успълъ разсмотръть тамъ какъ разъ примыкавшій къ противуположной ствив красивый женскій туалеть, на которомъ были разставлены разныя фарфоровыя бездёлушки, флакончики и тому подобное. Эта маленькая комнатка служила спальнею и уборною молодой жилицы. Еслибы Андрюша быль наблюдателемъ, много-бы могь онъ заметить, по обстановке этой комнатки, о свойствахъ ея владълицы, въ особенности по выбору книгъ, заключавшихся въ ея библіотекъ.

Но Андрюша не былъ наблюдатель и былъ совершенно незнакомъ съ литературою, а потому не могъ ничего заключить о

свойствахъ молодой девушки; онъ только желалъ, чтобы Софья Павловна скорће дала ему какую-нибудь книгу, чтобы могь онъ уйти къ себъ. Ему было какъ-то неловко туть; Андрюша непривыкъ быть въ обществъ, тъмъ болъе въ обществъ женскомъ. Привычка къ одиночеству и постояннымъ трудамъ успъла сдълать Андрюшу нъсколько дикимъ. Онъ чувствовалъ себя какъ-то спокойнъе только въ своей неприхотливо-убранной комнаткъ, въ своемъ шлафрокъ, съ трубкою, набитою Жуковскимъ табакомъ, за письменнымъ столомъ своимъ; а туть одинъ на одинъ съ женщиною, да еще съ какою женщиною! Софья Павловна была очень недурна собою. Особенное выражение ея тонкимъ нъжнымъ чертамъ придавали глаза, глаза черные, какъ ночь, въ которыхъ скрывалась цёлая бездна мысли. Глубокіе, непроницаемые, какъ тайна, свътились они изъ-подъ длинныхъ черныхъ ръсницъ. Кто не знаетъ могущественную силу женскихъ глазъ, кто не испытывалъ надъ собою ихъ мощное вліяніе! Блестящіе и глубокіе, свътятся они изъ-подъ темныхъ ръсницъ, многое, многое, кажется, говорять они пораженному ихъ красотою человъку; но чемъ больше всматриваешся, темъ темнее, темъ загадочнее душа ихъ красавицы!

— Сверхъ-того, думалъ Андрюша, она такая образованная, что буду я говорить съ нею. Нътъ, я откажусь, я не буду пить здъсь чай.

Андрюша боялся показаться неловкимъ, смѣшнымъ въ глазахъ молодой дѣвушки. Странно, скажетъ читатель, какъ молодой человѣкъ не желалъ пробыть долѣе въ обществѣ хорошенькой дѣвушки. Я уже сказалъ, что Андрюша былъ дикъ; сверхътого онъ не былъ влюбленъ. Еслибы Андрюша былъ влюбленъ, можетъ-быть это чувство взяло-бы верхъ, и желаніе созерцать долѣе предметъ своего обожанія побѣдило-бы самолюбивое чувство не показаться смѣшнымъ—и то не думаю; —но Андрюшѣ и въ голову не приходила тогда мысль о любви.

— Вотъ, Андрей Савельевичъ, я выбрала вамъ итсколько книгъ, сказала Софья Павловна, складывая на столъ цълую кину. Можетъ-быть, многія изъ нихъ вы уже читали, тогда я перемьню вамъ. «Евгеній Онттинъ» Пушкина—читали?

- Нѣтъ-съ, сказалъ, покрасиѣвъ, Андрюша.
- Эта книга доставить вамъ большое удовольствіе. А вотъ «Миргородъ Гоголя.»
- Тоже не читаль-съ.
- О, совътую прочесть ее вамъ; вы будете много смъяться и много плакать; чудесно, чудесно, рекомендую вамъ повъсть «Старосвътскіе помъщики.»
- Покорно благодарю, Софья Павловна, я прочту-съ.
- Вотъ «Торквато Тассо» Кукольника; вотъ лучшая русская комедія, говорила она, подавая ему изящно переплетенную тетрадку, въ которой ея собственною рукою было переписано «Горе отъ ума.» Вотъ еще нъсколько очень хорошихъ книгъ; всъ онъ, надъюсь, доставятъ вамъ много пріятныхъ минутъ.

- Андрюша молча кланялся на рекомендацію Софыи Павловны о той или другой книгъ. Между-тъмъ Каролина Карловна принесла скатерть и подносъ для самовара.

Андрюша собраль со стола книги, и поблагодаря Софью Павловну, хотъль идти.

- A чаю, Андрей Савельичъ? спросила она.
- Нътъ-съ, покорно васъ благодарю, я не хочу, говорилъ онъ, пятясь къ двери.
- О полно-те, полно-те, я не отпущу васъ безъ чаю, весело проговорила Софья Павловна. Садитесь, положите книги.
- Ей-Богу-съ, я не желаю, я... не кончилъ Андрюша.
- Пустое, Андрей Савельичь, нѣть, нѣть, вы будете пить съ нами чай, и она подвела Андрюшу къ дивану и заставила подожить книги.
- Софья Павловна, въдь Андрей Савельичъ конфузится, замътила Каролина Карловна.
- Полно-те, Каролина Карловна, сказалъ, краснъя, Андрюша.
- Да что-жъ правда, а хорошую правду никогда не утаю; примърный молодой человъкъ, примърный, два года въдь у меня живете, а худаго, могу сказать, не видала.

Между-тъмъ Софья Павловна приготовила чай и налила стаканъ Андрюшъ и двъ чашки себъ и Каролинъ Карловнъ. Постойте, Софья Павловна, въдь Андрей Савельичъ любятъ съ трубкой, говорила Каролина Карловна, я принесу имъ.

Но Андрюша ръшительно отказался отъ трубки, не потому, чтобы онъ не хотълъ курить, онъ точно пилъ чай всегда съ труккой и выпускаль огромные клубы дыма, это было одно изъ его любимыхъ наслажденій, -- но онъ не зналъ, какъ будеть ему теперь закурить эту трубку; онъ боялся насорить табакомъ на свъчку. Во-время чая Андрюша быль точно на иголкахъ; то пробоваль нить чай изъ стакана, то наливаль его на блюдечко. Софья Павловна, желая знать своего гостя, безпрестанно предлагала ему разные вопросы- на счеть его службы, спрашивала о его матери, о прежней деревенской жизни. Андрюша желаль показаться какъ можно развязне, но это-то ему и подгадило. Онъ даже разъ обжегъ себъ роть, потому-что, спъща отвътить на какой-то вопросъ, пропустиль цёлый глотокъ горячаго чаю; однакоже онъ и тутъ не номорщился. Въ другой разъ онъ уронилъ на полъ ложечку, и когда поднималъ ее, то такъ стукнулся головою объ столъ, что чашки зазвенъли на подносъ. Это его поразило окончательно; ему даже показалось, что легкая, едва замътная улыбка пробъжала по устамъ Софыи Павловны; онъ покраситль, какъ ракъ. А туть еще Каролина Карловна спросила, не ушибся-ли онъ. Ужъ хоть промолчала-бы.

Но ловкая хозяйка тотчасъ ободрила бъднаго Андрюшу. Она показала ръшительно видъ, что не замътила смущенія Андрюши, и тотчасъ-же послъ толчка весьма мило предложила ему еще чаю.

На этотъ разъ Андрюша рѣшительно отказался, сказавъ, что больше одного стакана не пьетъ. Совралъ, онъ пилъ по три. Каролина Карловна, кажется, хотъла и тутъ что-то замѣтить, но Андрюша уже раскланивался съ хозяйкою, держа въ объихъ рукахъ книги.

— Когда прочитаете, я вамъ дамъ другихъ, говорила Софья Павловна, провожая до дверей Андрюшу.

Когда пришель Андрюша въ свою комнату, онъ вздохнулъ какъ-то свободиъе.

— Какая это милая дъвушка, думалъ онъ, кладя на столъ книги. А я-то какой дуракъ, вотъ и обжегся. И онъ пощупалъ большимъ нальцемъ небо.

Раздъвшись и надъвъ халатъ, Андрей Савельичъ началъ разсматривать книги.

— И переплеты такіе красивые, думаль онъ, разсматривая дъйствительно красивые переплеты книгъ. Наконецъ онъ выбралъ одну, -- это, былъ, кажется, Онъгинъ, и принялся читать. Не умью сказать, поразили-ли на первый разъ Андрюшу красоты безсмертнаго Пушкина, знаю только, что чтене его въ этоть вечеръ было какъ-то тревожно; мысли его безпрестанно путались, онъ безпрестанно задумывался о томъ, какъ странно познакомился онъ съ молоденькою дъвушкою, какъ нечаянно пріобръль онъ елучай образовать себя, -- и отсюда уже заранве развивалось въ головъ его множество самолюбивыхъ надеждъ. То вспоминалъ онъ свою неловкость и свой толчекъ. На другой вечеръ онъ быль уже менье разсвянь и съ жадностью принялся за чтеніе. Въ нъсколько дней прочелъ онъ всъ данныя ему книги, и получилъ новыя. Страсть къ чтенію, подстрекаемая самолюбіемъ, развивалась въ немъ быстро. Приходя изъ должности, онъ тотчасъже принимался за чтеніе. Но на это была еще и другая причина. Андрюшъ хотълось прочитать поскоръе книгу, для того, чтобы обмѣнить ее на новую, и имъть случай поблагодарить за нее ея владълицу, которая всякій разъ разпрашивала его о томъ, что всего интереснъе нашелъ онъ въ прочитанной книгъ.

Андрюша замѣтно сдѣлался развязнѣе въ обращеніи съ Софьей Павловной. Ему стали нравиться бесѣды съ молодой дѣвушкой, котя въ этихъ бесѣдахъ сердце его не принимало или, но-крайней-мѣрѣ, если и принимало, то самое смутное участіе, о которомъ онъ и самъ не подозрѣвалъ. Могъ-ли думать Андрюша о любви. Онъ очень хорошо понималъ и свое ничтожное положеніе въ обществѣ, и свою молодость; сверхъ-того, онъ вовсе не зналъ обстоятельствъ жизни Софъи Павловии. Однакоже онъ съ особеннымъ жаромъ читалъ именно тѣ мѣста, которыя были ею подчеркнуты, добиваясь очень часто непонимаемаго имъ значенія, и разъ, когда попались ему въ одной книгѣ засохшій цвѣтокъ и какая-то ленточка, Андрюша сначала украдкой осмотрѣлся кругомъ, какъ-будто для того, чтобъ увидѣть, нѣть-ли кого въ комнатѣ, хотя и зналъ это очень хорошо, и вдругъ поднесъ обѣ эти вещицы къ губамъ и поцѣловалъ. Потомъ долго

думаль онь, оставить—ли эти вещицы у себя, и наконець рѣшился. Смѣшно, а въ первые годы юности любовь именно такова.
Вмѣстѣ съ познаніями ума западало что—то дотолѣ невѣдомое и
въ сердце. Такъ прошли два мѣсяца. Въ это время Андрюша успѣлъ перечитать очень много книгъ и обогатиться многими
нознаніями. Онъ уже начиналь какъ-то смѣлѣе говорить съ своимъ
начальникомъ, былъ какъ-то самоувѣреннѣе въ своихъ поступкахъ
съ равными.

Однажды оставался Андрюша одинъ дома. Софь Навловн нужно было что-то купить, и она попросила Каролину Карловну еходить вмъсть съ нею въ гостиный дворъ. Андрюшь повърена была цълая квартира. Вдругъ послышался звонокъ. Андрюша отперъ дверь, почтальонъ подалъ ему конвертъ. Андрюша взглянулъ на адресъ: Софъ Павловнъ Кастицкой. Здъсь, сказалъ онъ и принялъ письмо. Когда почтальонъ вышелъ, Андрюша долго, задумавшись, разсматривалъ конвертъ. Письмо было прислано изъ провинціи.

— Оть кого-бы это? думаль онъ. У нея върно есть родные, подруги. Можеть-быть туть заключена какая—нибудь радость. Дай ей Богъ.

Онъ опять повертълъ письмо.

— Какое толстое; изъ К... сказаль онъ. Ужъ не зовутъ-ли ее туда. Можеть быть, она должна убхать.

И Андрюшѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то скучно. О чего-бы не даль онъ тогда, чтобъ узнать, что заключалось въ этомъ письмѣ.

Звонокъ раздался снова. Андрюша посившилъ отворить дверь. Это были Софья Павловна и Каролина Карловна, съ покупками.

- Къ вамъ есть письмо, сказалъ Андрюша.
- Письмо? спросила молодая дѣвушка, и голосъ ея слышно дрожаль. Откуда?
- Мин Изв. К. при в са ти правления прави други и прин-
- Гдъ-же оно, Андрей Савельичъ, позвольте миъ его, съ живостію проговорила она. Въ голосъ и на лицъ ея выражалось какое-то волненіе, что не могло укрыться отъ глазъ теперь уже наблюдательнаго Андрюши.

 Я сейчасъ принесу его вамъ, сказалъ онъ и отправился въ свою комнату.

Андрюша вынесъ письмо. Софья Павловна нетерпъливо дожидалась его у дверей, снявъ въ это время салопъ и шляпку. Когда брала она письмо, рука ея какъ-то странно дрожала. Софья Павловна поблагодарила Андрюшу и вошла къ себъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ молодой дѣвушки послышался стукъ, какъ-будто кто-то упалъ, и потомъ слабый стонъ. Удивленный Апдрюша приставилъ къ стѣнѣ ухо, сердце его сильно застучало, какъ всегда бываетъ это, когда ожидаешь чего-нибудь необыкновеннаго. Испуганная вбѣжала въ комнату его Каролина Карловна.

- Андрей Савельичь, Андрей Савельичь. скорье за докторомь,.. барышня-то,.. ахъ батюшки,.. да ступайте скорье. И зачьмъ вамъ было давать ей это нисьмо... проговорила она, и опять убъжала. Совершенно растерявшійся Андрюша схватилъ фуражку, накинуль шинель, и ничего не понимая, выбъжаль изъкомнаты.
- Скоръе, батюшка, скоръе Андрей Савельичъ! кричала изъ дверей комнаты жилицы Каролина Карловна. Рядомъ-то въ домъ есть докторъ, зовите его, въдь она безъ чувствъ.

Андрюша быль уже на улиць и не слышаль посльднихъ словъ, а Софья Павловна дъйствительно лежала безъ чувствъ. Нъжная головка ея свъсилась на грудь. Она была блъдна, какъ полотно, а на губахъ ея были слъды хлынувшей изъ горла крови. Видио много горечи накопилось въ этой груди, и наконецъ не устояла она. Распечатанное письмо валялось на полу.

a real age against the man of his own off the safety ag

Для ясности моего разсказа, долженъ я познакомить съ обстоятельствами прежней жизни Софьи Павловны. Родители ей были очень бъдные люди. Отецъ Софьи Павловны служилъ нъкогда въ одномъ изъ присутственныхъ мъстъ, но въ-послъдствіи долженъ былъ, по болъзни, выдти въ отставку и жилъ весьма незначительнымъ пансіономъ. Мать Софьи Павловны была, можетъ-быть, очень добрая женщина, очень хорошая жена, умъвшая терпъливо и безъ ропота, въ-течение многихъ лѣтъ, сопутствовать на бѣдномъ пути жизни своему мужу, но у нихъ была дочь, единственная дочь, которую любила она со всѣмъ пыломъ материнской нѣжности. Ел-то будущее пугало сердце доброй матери.—Ну, еще пока мы живы, ну какъ-нибудь... думала она часто, любуясь на рѣзвую, беззаботную дѣвочку, а послѣ-то что? — И это послъ заставляло ел выронить не одну слезу, задумываться не на одинъ часъ.

У родителей Софыи Павловны была одна дальняя родственница, женщина молодая, очень красивая собою, вышедшая замужь за весьма богатаго человъка. Эта родственница крестила маленькую Соничку. Эта женщина умъла весьма хорошо разыгрывать свою роль покровительницы бъднаго семейства, какъ по долгу родства, такъ и по долгу кумовства. То бывало пошлеть съ служанкою Лизаветъ Власьевнъ (такъ звали мать Сонички) какой нибудь прошлогодній ченець съ полуполинялыми лентами, то поношенное платье.

— На, говорить, отнеси Кастицкой, пусть носить; она, бъдненькая, будеть рада а мнъ совсъмъ не къ лицу, да и не въ модъ нынче.

Опа помогала всъмъ, и тряпками, и сальными огарками и совътами. Разумъется, что совътами всего болъе, потому-что помощь такого рода самая легкая помощь. А шуму-то между-тъмъ, сколько шуму!

— Мы, говорить, все для бъдныхъ Кастицкихъ: и тъмъ-то и другимъ, и третьимъ; съ собственнаго тъла обрываю. Какъ не помочь, такъ жаль ихъ, ужъ такъ жаль; что было-бы съ ними безъ насъ.

Разумбется, въ числѣ лицъ, къ которымъ бывали обращаемы такого рода рѣчи, были люди разныхъ свойствъ. Были простодушные люди, которые не старались напрягать слишкомъ далеко свой умъ, — да и какое имъ было дѣло до бѣдныхъ Кастицкихъ, — и потому на слово вѣрили они заботамъ такой благодѣтельницы. Были люди и похитрѣе, которые хотя и догадывались, что ничего-бы не было съ бѣдными Кастицкими, еслибы и не была послана Лизаветѣ Власьсвиѣ въ имянины прошлогодняя шляпка, ничего-бы не было съ ними, еслибы и не получила

въ подарокъ Соничка какого—нибудь платыща изъ полинялаго капота своей покровительницы; но какъ не понодличать передъ корошенькою и богатою женщиною. И улыбались какъ—то странно и эти люди. А ужъ что говорили въ людской и дъвичьей, объ томъ и толковать нечего.—Ишь ихъ, нищіе право, говорила какая—нибудь толстогубая Парашка всякій разъ, какъ посылали ее съ узломъ какой—нибудь дряни.—А что, прибавлялъ какой—нибудь любезникъ лакей, ножки промочите чай; точно-съ, тамъ у нихъ и мостовой—то иту.—И впрямъ, ишь ихъ,—на край свъта бъги, ворчала Парашка, увязывая узелъ.—Словомъ, шуму на цтлый кварталъ, а пользы... но это въ сторону. Вотъ и пришла разъ въ голову странная идея богатой покровительницт,—выпросить на воспитаніе Соничку у бъдныхъ Кастицкихъ.

- Они будуть очень рады, думала она. Ну гдв имъ возиться съ ребенкомъ, такая бъдность, гдъ имъ воспитывать, а я... И въ головъ ея зашевелился цълый рой идей на счетъ будущаго воспитанія Сонички. Она такъ увлеклась разными мыслями, что ей самой стало казаться, будто она дълаеть огромное для нея благодъяніе; она стала върить, что Провидъніе именно ее избрало быть какой-то покровительницей этого семейства. Полно такъ-ли? Не было-ли туть другихъ побудительныхъ причинъ? Были. Вотъ онъ. Я сказалъ, что женщина эта была очень хороша собою, очень богата, сверхъ-того самаго своенравнаго свойства. Одинъ изъ многихъ канризовъ ея быль весьма замъчательный капризъ владычествовать надъ къмъ-нибудь: ей нужно было имъть что-нибудь въ родъ куклы, въ родъ одушевленной игрушки. Мужъ ея былъ старый, закаленный въ огнъ воинъ, слишкомъ серьозный, слишкомъ далекій оть того, чтобы плясать по женской дудкь; по целымъ часамъ ходилъ онъ бывало молча, крутя усы и не отвъчая ни слова послѣ какого-нибудь ея дурачества, и потому быль весьма неудобенъ для домашней забавы. Она пробовала держать у себя компаньоновъ, выбирая всегда самыхъ бѣдныхъ, разумѣется, чтобъ имъть болье права трунить, и самыхъ некрасивыхъ, чтобъ имъть оттыновъ для собственной врасоты; ныталась держать рыдкихъ, дорогихъ собачекъ, обезьянъ, попугаевъ; - и вотъ пришло ей въ голову взять на воспитаніе маленькую дівочку; дітей своихъ она не имъла. Заранъе думала она, какъ будетъ это мило, когда выъ-

деть она съ хорошенькой какъ купидонъ, одътой какъ куколка дъвочкой въ театръ, или въ открытомъ экипажъ прокатиться по Невскому. Сколько можеть привлечь она на себя глазь, она, такая прелестная, и рядомъ съ нею шестильтній милый ребенокъ. Не правда-ли, какъ это интересно, такая молоденькая мать. А воспитаніе Сонички? Болъе всего предавалась она мысли о воспитаніи. Какъ это должно быть пріятно, думала она, следить за развитіемъ себъ подобнаго, направлять его способности согласно своей собственной воль, образовать изъ нъжнаго существа, современемъ, свой идеалъ, существо необыкновенное, заставить удивляться этому созданію, сдълать женщину особенную, исключительную. Какихъ идей не приходить иногда въ голову человъку, отъ чего-же не могла придти и ей въ голову мысль создать изъ Сонички нъчто необыкновенное. Да и отчего-же не попробовать? Удастся, --- хорошо; выйдеть какой-нибудь уродь, --- такъ что-жъ, чужаго не жаль. Словомъ, ръшилась она во что-бы ни стало выпросить у Кастицкихъ Соничку, и въ одно прекрасное утро приказала заложить карету и отправилась, по ея собственнымъ словамъ, на край свъта, посътить бъдное семейство.

Следующій разговоръ между ею и Лизаветой Власьевной быль первый шагь, решившій дальнейшую судьбу ребенка.

- Отдайте, отдайте, Лизавета Власьевна. Пустое, полноте думать.
- Ахъ, какъ-же не подумать, Катерина Петровна; посудите, въдь и ей мать.
- Ну что-жъ, я объщаю вамъ любить ее, какъ родную дочь, я буду сама ходить за нею, —сама одъвать ее, —учить...
- Мы такъ привыкли къ ней, да и Павелъ Ивановичъ такъ ее любитъ; не знаю, какъ будетъ намъ съ нею разстаться.
- Какія вы странныя, Лизавета Власьевна; послі этого вы, право, не любите вашу дочь. Это не любовь, это эгоизмъ. Вамъ нравится любоваться на вашу дочь, для собственнаго удовольствія. Любовь родителей должна быть разумніве; вы должны смотріть гораздо даліве, обезпечить, устроить ея будущее. Я согласна съ вами, туть есть пожертвованіе, правда,—оторваться на время оть того, что такъ дорого сердцу, но разві это не для ея-же пользы.

- Ахъ, это правда; но върите-ли, какъ это тяжело.
- Върю, очень върю; зато смотрите на послъдствія. Я берусь замънить ей мать, я хочу ей дать воснитаніе, устроить ея будущность. Не обижайтесь, но будемъ говорить откровенно: вы небогаты, ваши обстоятельства весьма стъснены, что можете сдълать вы для вашей дочери? Сверхъ-того и мужъ вашъ имъетъ слабости, я знаю, онъ иногда любитъ и выпить... думаеть—ли онъ о семействъ? На что-же можетъ она надъяться въ будущемъ, скажите сами; къ тому-же и примъры...
- Правда, Катерина Петровна, матушка, ужъ кабы не слабость-то его, еще туда-бы и сюда; воть это-то меня больше и безнокоитъ.
- Ну то-то и есть. А у меня она будеть совершенно какъ родная дочь, и пристроить ее въ-послёдствии я могу имёть болёе васъ случаевъ. Полноте. Поди ко мнѣ, душечка. Какая ты милая крошка! говорила благодътельница, лаская Соничку. Хочешь ко мнѣ?
- Хочу, простодушно отвъчала дъвочка, играя цъпочкою у часовъ богатой дамы.
 - А какія у меня есть игрушки, чудо.
- II козель есть? при сти дорине оди того и II
 - Есть и козель, большой, большой, съ музыкой.
 - И кукла большая есть?
- Есть много куколь.
 - Хочу. И часы мнъ такіе купишь?
- Куплю, милочка моя, куплю, всего куплю, говорила дама, цълуя ребенка. Право, Лизавета Власьевна, отдайте-ка; видите, она сама хочетъ; ее занимаютъ такъ игрушки; она легко привыкнетъ и скучать не будетъ. Послъ труднъе будетъ и для нея разставаться, а въ жизни въдь все можетъ случиться.
- Хочешь къ тетенькъ? спросила сквозь слезы, лаская Соничку, бъдная мать.
 - Хочу, тамъ и игрушки есть.
- Видите, она и сама хочеть. Полноте, полноте думать; воть придеть мужъ, посовътуйтесь-ка, да ръшайтесь, говорила дама, вставъ и подавая Лизаветъ Власьевиъ руку, затянутую въ раздушенную перчатку.

- Посовътуюсь, посовътуюсь, Катерина Петровна, прощайте, посовътуюсь, говорила Лизавета Власьевна, провожая гостью. Охъ, какъ-то разставаться-то будеть.
- Ну, прощай купидончикъ, прощай Соничка! А какой я тебъ апельсинъ приготовлю, пріъзжай. Прощайте, Лизавета Власьевна; я жду Соничку.

Гостья отправилась домой въ полной надеждъ и созидая новые планы воспитанія, а бъдная мать плакала, цълуя ребенка и тревожно ожидая каждую минуту прихода своего мужа. Пришелъ и онъ. Стараясь придать менъе значенія обстоятельству такого дъла въ глазахъ Павла Ивановича, Лизавета Власьевна затаила въ глубинъ души горесть, и принявъ веселый видъ, будто мимоходомъ, вскользь, отъ слова до слова передала ему весь разговоръ съ богатою покровительницею. Павелъ Ивановичъ молчалъ.

— Что-жъ молчишь ты, Павелъ Ивановичъ? Какъ ты думаешь? Я сказала, что посовътуюсь съ тобою.

Павелъ Ивановичъ всталъ съ креселъ, подошелъ къ шкафу, налилъ рюмку и, молча, сълъ снова.

- A? какъ-же ты думаешь, Павелъ Ивановичъ? Отдать-ли? Павелъ Ивановичъ молчалъ.
- Или тебѣ все-равно, что ты даже не хочешь отвѣтить. Намъ самъ Богъ посылаетъ такое счастіе.
 - А ты какъ думаешь? проговорилъ Навелъ Ивановичъ.
- Я думаю, что это будеть хорошо. Что-жъ, погорюемъ, потоскуемъ конечно, зато ея будущее.
- Такъ, сказалъ Павелъ Ивановичъ, подошелъ опять къ шкафу, налилъ рюмку, выпилъ и сълъ, задумавшись.
- Посуди, какое можемъ дать мы ей воспитаніе, а междутемъ лета идуть; не успесть оглянуться, какъ она выростеть, что тогда?
 - Дълайте что хотите, сказалъ Павелъ Ивановичъ.
 - А ты?..
 - Я-бы не отдалъ, проговорилъ онъ.
- Мит странно, Павелъ Ивановичъ, какъ ты, проживъ столько на свътъ, не видишь, что въ этомъ ея единственное счастіе. Почему-же не отдать намъ ее?
 - Потому, сказалъ Павелъ Ивановичъ, что я люблю ее.

— Вѣрно, какъ мать, я люблю ее не меньше твоего; но представь, чего можеть надъяться она отъ насъ? Что можемъ едълать мы для нея? Развъ въ этомъ должна состоять наша любовь, чтобъ только баловать, какъ ты, ребенка, любоватьтся имъ, какъ куклой, и между-тъмъ вовсе не думать о ея будущемъ.

Лизавета Власьевна говорила противъ чувствъ, но ее увлекало дъйствительно блестящее будущее Сонички.

- Дълайте какъ хотите, повторилъ Павелъ Ивановичъ, и вздохнувъ, подозвалъ къ себъ Соничку.
- Хочешь къ тетинькъ?
- Хочу; у ней и кукла большая есть, и козель.
 - А папа?.. Ты не любишь папу?..
- . Люблю, говорила сквозь слезы дівочка.
- Папа останется дома, не будеть играть съ Соничкой.
 - Папа придеть къ тетъ; я безъ папы не хочу.
- Полно дразнить ребенка, Павель Ивановичь, какъ тебѣ не стыдно! Слава Богу, что она занята такъ мыслію о куклѣ; она легко привыкнеть, не скучая, а ты дразнишь.
- Быть по вашему, сказаль Павель Ивановичь. Такъ ты думаешь, что она получить тамъ блестящее образованіе, что Катерина Петровна замѣнить ей мать?..
- Да.
 - Дай Богь, а мать никто въ свъть не замънить.
 - А хорошее образованіе...
- Для чего ей оно? Чтобъ потомъ, современемъ, возвратясь въ кругъ свой съ понятіями, совершенно чуждыми этого круга, глубже сознать свое ничтожество и бъдность, увидъть ясно все, о чемъ она никогда-бы и не подозръвала, заставить жалъть ее о томъ, что только мелькнуло передъ ея глазами, и никогда не могло быть ея наслъдіемъ. И это называете вы счастіемъ?
- Ахъ полно, Павелъ Ивановичъ, тебъ приходить въ голову всегда такое странное, особенно, когда ты выпьешь своей настойки. Ты никакъ не хочешь попять, въ чемъ можетъ быть все ея счастіе.
- Быть по вашему, сказалъ Павелъ Ивановичъ, и поцёловавъ Соничку, отправился въ свой кабинетъ.

Можетъ-быть, въ другое время Лизавета Власьевна согласилась-

бы съ мужемъ, которому всегда, по ея словамъ, приходило въ голову такое странное, особенно когда онъ выпьетъ своей настойки, но на этотъ разъ она была совершенно проникнута красноръчивымъ софизмомъ своей богатой благодътельницы, и будущая участь Сонички представлялась ей во всемъ радужномъ свътъ. Посмотримъ.

Соничка дъйствительно безъ труда привыкла къ новому мъсту и къ новымъ лицамъ. Въ эти лъта счастливаго невъденія впечатлънія еще слишкомъ слабы, слишкомъ мягокъ еще мозгъ, чтобъ удержать въ памяти что-нибудь прочно; утраты и радости бывають чувствуемы только въ настоящемъ, и скоро забываются, смъняемыя другими явленіями. Особенно въ первые дни Соничка не вспомнила ни разу ни своего любимаго котенка, ни мъшка съ лоскутками единственныхъ, быть-можетъ, игрушекъ ея въ родительскомъ домъ. Ей было не до нихъ. Множество всякаго рода куколь, безпрестанныя обновки, катанье слишкомъ заняли непривыкшаго къ этому ребенка. Богатую благодътельницу такъ тъшила дътская простота и смъшили невинныя выходки Сонички, что она каждую минуту изобрътала для нея какое-нибудь новое удовольствіе. Къ чести богатой дамы, я должень зам'єтить, что по природъ она была очень добрая женщина и сердце ся способно было биться сильными впечатленіями. Были минуты, когда пробуждались въ ней истинно благородные порывы, она была способна, можетъ-быть, на пожертвованія, но къ несчастію, это были весьма короткія минуты, и большею частію высокіе порывы души оставались безплодными. Жизнь въ свъть слишкомъ обольстительна и развлекаетъ жизнь; и до того-ли молодой, красивой женщинъ, чтобъ думать о какихъ-то высокихъ пожертвованіяхъ. И потому нежность ея къ Соничке, какъ я уже сказалъ, скорее можно было отнести къ одному изъ ея капризовъ. Ее радовалъ ребенокъ совершенно столько-же, сколько Соничку радовали новая игрушка, новый капотикъ. Объ онъ были дъти.

Но какая-бы причина ни была, повторяю, Соничкѣ было очень весело въ новомъ домѣ, и только развѣ, когда приходила павѣстить ее мать, Соничка отрывалась на минуту отъ своихъ куколъ и бѣжала къ ней радостно навстрѣчу. Слѣдовательно и во внутренней жизни дитяти не было замѣтно никакихъ

перемѣнъ. Не то было въ родномъ ея домѣ, большія перемѣны произошли во внутренней и домашней жизни Павла Ивановича. Не такъ уже охотно, какъ бывало, приходилъ онъ домой, даже не такъ охотно выпивалъ передъ объдомъ своей настойки; и самая настойка, которую приготовляль самъ Павель Ивановичь, сделалась, по словамъ одного пріятеля, словно не такая. Пусто казалось ему въ своемъ семействъ. Сядетъ бывало на софу и задумается. Воть нъть Сонички, а то-бы и поиграль съ нею, скажеть онь, вздохнувши, и отправится въ свою комнату. Вечеромъ не утерпить Павель Ивановичь, чтобъ не надъть свой старенькій фракъ, чистую манишку, пригладитъ, причешетъ картузъ и голову какъ можно тщательнъе, и отправится навъстить Соничку. Сильно бывало забыется сердце старика, когда подходить онъ къ богатому дому, когда увидить онъ еще издали рядъ ярко-освъщенныхъ комнатъ, и еще издали взоръ его уже старается уловить въ которомъ-нибудь тень его любимой дочки. Не утерпитъ бывало Павель Ивановичь и забъжить прежде въ лавочку, купить изюму, какихъ-нибудь карамелекъ или орѣховъ въ сахарѣ, и неиначе, какъ съ гостиндами, идетъ навъстить свою Соничку.

— Для чего вы это дълаете, Павелъ Ивановичъ? часто говорила ему богатая дама. У Сонички довольно всего, я всякій день покупаю ей конфекты. И точно, у Сонички было довольно всего, а у Павла Ивановича это бывалъ, можетъ-быть, послъдній гривенникъ, и тотъ предназначался уже на покупку ваксы, и ему нужно было дня два ходить въ нечищенныхъ сапогахъ. Но таковъ ужъ былъ этотъ Павелъ Ивановичъ.

Павель Ивановичь навъщаль Соничку почти каждый вечерь, Лизавета Власьевна просиживала у богатой благодътельницы каждое утро по нъскольку часовъ; такимъ образомъ Соничка въпродолжение цълаго дня была окружена своими.

На посъщенія Павла Ивановича смотръла покровительница Сонички въ началь очень равнодушно, даже принимала его всегда съ нькоторою ласкою. Но когда стала замьчать, что посль отсутствія Павла Ивановича Соничка дълалась не такъ ръзва, разъдаже стала проситься домой, къ пань, она не вытерпъла и замьтила Павлу Ивановичу, весьма впрочемъ деликатно:

— Вы знаете, Павелъ Ивановичъ, что посъщенія ваши всегда

для насъ очень пріятны, что мы всегда рады видіть васъ и Лизавету Власьевну у себя въ домі; по я боюсь, чтобъ Соничка, бывая съ вами слишкомъ часто, не стала скучать, когда вы уходите. Ребенокъ слишкомъ ніжень, тоска можеть породить бользнь, я такъ ее люблю; мніз кажется, сначала нужно дать ей хорошенько привыкнуть къ намъ, чтобъ она не такъ часто вспоминала свой прежній кругь... а потомъ уже... Она остановилась, боясь сказать слишкомъ много.

— Впрочемъ, продолжала она, я увърена, что вы, какъ человъкъ умный, не примете словъ моихъ въ какомъ-нибудь превратномъ смыслъ; я высказала то, что мнъ только кажется луч-шимъ для ея пользы, но возставать противъ вашихъ чувствъ я не вправъ, вы отецъ, эти чувства священы, и ихъ долженъ уважатъ каждый, а потому прошу васъ дъйствовать такъ, какъ вы сами найдете лучшимъ; я только замътила вскользъ, какъ мнъ кажется.

Но для Павла Ивановича было много сказано; глубоко кольнули его въ сердце ласковыя слова ласковой дамы. Онъ рѣшился ходить рѣже.

Была еще одна причина, въ-следствіе которой хотелось знатной дам'в не столь частых посъщений Павла Ивановича. Почти всякій день собиралось въ домъ ся блестящее общество свътскихъ людей, умъвшихъ ловко щегольнуть кончикомъ лакированнаго носка или необыкновеннымъ искусствомъ носить тонкія, какъ почтовая бумага, перчатки, а Павелъ Ивановичъ являлся всегда среди этого общества въ старенькомъ фракт, можетъ-быть коегдъ и заштопанномъ очень неискусно, не имълъ батистовыхъ рубашекъ, а носилъ простыя кембриковыя манишки, и что всего ужаснве - ходилъ безъ перчатокъ! Нечаянное появленіе такого лица среди моднаго, блестящаго общества очень часто конфузило молодую хозяйку дома. Винить-ли ее — не знаю. Вглядитесь, сколько увидите вы въ свъть пустыхъ людей, съ увъренностію и дерзко толкующихъ обо всемъ, даже объ томъ, объ чемъ не имъють они вовсе никакого понятія. И внимательно слушаеть ихъ кружокъ человъчества. Что-же даеть имъ это странное право самоувъренности и общественнаго вниманія? Какъ что? Всъ они очень богатые люди, хорошихъ фамилій и носять англійскіе фраки. Вглядитесь, какъ часто увидите вы весь-

ма почтенныхъ людей, точно заискивающихъ расположенія какогонибудь недоучившагося мальчика. Да дело въ томъ, что этотъ мальчикъ владълецъ нъсколькихъ сотенъ родовыхъ душъ въ четырехъ губерніяхъ. И между-тімь сколько увидите вы въ этомъ же свътъ какъ-будто случайно попавшихъ туда личностей, робкихъ, незамъченныхъ, по уголкамъ, и никто не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Фраки ихъ, правда нетакъ-то новы и жилеты прошлогоднихъ фасоновъ, но между-тёмъ какимъ сильнымъ чувствомъ бъется другое сердце и подъ прошлогоднимъ жилетомъ, какія глубокія идеи вмѣщаетъ эта голова и подъ полуизношенной шляпой! И такъ, я не ръшаюсь винить богатую хозяйку. Каждое общество имъетъ свои условія, составляющія его внутреннюю душу, безъ которыхъ оно не существуеть. Возставать противъ этихъ условій значить возставать противъ самаго общества. Надо слишкомъ много увъренности, чтобъ показать новыя, лучшія условія жизни, да надо имъть на то и право.

Павель Ивановичь самъ понималь это очень хорошо, и потому всегда бывало забьется куда-нибудь въ темный уголь, а Соничка вскочить къ нему на колѣна, или онъ уйдеть съ нею въ дѣтскую, и играеть бывало тамъ въ куклы и лошадки. Но когда сталь замѣчать онъ, что намеки на посѣщенія его стали нѣсколько рѣзче, что хозяйка замѣтно краснѣла при его появленіи и сухо отвѣчала на его поклоны, а гости какъ-то странно улыбались, осматривая съ ногъ до головы его фигуру; когда замѣтиль онъ, что даже краснощекій лакей Оома какъ-то неохотно снималь или, лучше сказать, сдергиваль съ него шинель, а въ дѣвичьей подсмѣивались надъ его гостинцами Соничкѣ, Павлу Ивановичу стало очень, очень больно. Бѣдный старикъ, можетъ-быть, послѣднее отдалъ за этотъ изюмъ, и завтра не на что будеть купить ему четверки березинскаго табаку, а надъ нимъ еще смѣются, говорятъ: нашелъ что принести дочкѣ!

Однажды Павелъ Ивановичъ пришелъ домой скучный, не выпилъ даже своей любимой настойки, не раздъваясь сълъ на диванъ и задумался.

— Что ты такой грустный, Павелъ Ивановичъ? спросила его живо Лизавета Власьевна. Ужъ не случилось-ли чего съ Соничкой? Ты въдь оттуда!..

- Оттуда, отвъчалъ Павелъ Ивановичъ, и слезы навернулись на глазахъ его.
 — Ахъ Боже мой, да что-же это? Что случилось такое?
- Горько, проговорилъ Павелъ Ивановичъ, очень горько, Лизавета Власьевна.

Онъ отеръ платкомъ глаза.

- Что это такое? говорила испуганная Лизавета Власьевна, не понимая причины слезъ Павла Ивановича.
- Господи, продолжалъ онъ, единственная дочь! и вотъ до-бровольно оторвали мы ее отъ сердца, отдали въ чужія руки, какъ-будто надовла она намъ, какъ-будто на ея долю не послалъ-бы Богъ для насъ. Грешно намъ, Лизавета Власьевна!

И Павелъ Ивановичъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Лизаветъ Власьевиъ стало жаль Павла Ивановича, она прослезилась сама.

- Ну, если, Павелъ Ивановичь, ты такъ безъ нея скучаешь, ножалуй заболъешь, ты такъ слабъ, — мы можемъ взять назадъ Соничку, говорила она, и хитрила. Ей самой хотълось взять Соничку назадъ. Лизавета Власьевна скрывалась, но ей было не менье тяжело безъ дочки.
 — Я схожу за нею завтра, пока ты еще спать будешь, ска-
- BAJA OHA. TO TEED M. Teen Short our mys chomose current makes
- Не надо, произнесъ Павелъ Ивановичъ. Зачемъ? Можетъбыть ей будеть тамъ и въ-самомъ-дълъ лучше. Не хочу, чтобъ на меня падалъ упрекъ, что я не желалъ ей пользы. Видитъ Богъ, что я этого желаю! Къ тому-же мы возстановимъ противъ себя Катерину Петровну; играть съ такими людьми, Лиза, намъ, бъднякамъ, не приходится. Думать объ этомъ надо было раньше, а теперь только молить Бога, чтобы это было къ лучшему. Ты будешь навъщать ее каждый день, приносить мнь объ ней извъстія, кланяйся ей всегда отъ меня, не забывай, Лизавета Власьевна, ей отъ меня кланяйся, а я болье туда ходить не буду.
- Какъ? совсъмъ? Въ умъ-ли ты, Павелъ Ивановичъ?
 - Совстмъ, сказалъ Павелъ Ивановичъ, я такъ рашилъ.

Онъ всталъ и отправился въ свою комнату, оставляв въ совершенномъ недоумъніи добрую Лизавету Власьевну.

Павелъ Ивановичъ сдержалъ свое слово; онъ точно прекра-

тиль совершенно свое хождение въ домъ богатой покровительницы. Но не уживался и дома бъдный старикъ. Только бывало настанеть вечерь, уже и отправляется онь въ своей старенькой шинели и картузъ со двора, несмотря на просьбы и совъты Лизаветы Власьевны. Мъстомъ своего вечерняго пребыванія Павель Ивановичъ избралъ погребокъ, который былъ напротивъ дома, гдъ жила богатая покровительница. Окна погребка этого приходились какъ-разъ противъ ея оконъ. Тамъ по нъскольку часовъ просиживалъ Павелъ Ивановичъ, за графиномъ настойки, не спуская ни на минуту глазъ съ оконъ освъщеннаго дома, слъдя за каждою мелькающею тінью, въ надежді увидіть когда-нибудь на сторахъ маленькій профиль своей милой Сонички. Онъ дълалъ еще болье. Бъдный старикъ успъль привлечь на свою сторону швейцара, угостивъ его раза три порядкомъ въ погребкъ. Сътъхъ-поръ, возвращаясь домой, онъ всегда бывало покупалъ попрежнему гостинцевъ и заносилъ ихъ швейцару, прося убъдительно отдать ихъ какъ-нибудь, по секрету, дочкъ. Только отъ меня, именно отъ меня, прибавлялъ Павелъ Ивановичъ.

- Но что же вы сами-то, батюшка, когда-нибудь не зайдете? спросилъ швейцаръ однажды Павла Ивановича.
- Нѣтъ, ужъ я не пойду, это для нея нехорошо, она будетъ скучать, это для нея вредно, говорилъ Павелъ Ивановичъ, отдавая леденцы, или что-нибудь въ этомъ родъ.

Бъдный старикъ, онъ самъ начиналъ убъждаться, что его посъщения могутъ быть для нея вредны; онъ сталъ върить, что отецъ не долженъ былъ видъть родное дитя! Старикъ началъ забываться.

THE VI. STATE TOUR PROPERTY OF THE OR

to office the months was a through a supply the other, we to a margin

Прошли два года, Соничка совершенно забыла прежній укромный уголокъ своихъ родителей, да и самый образъ Павла Ивановича все смутнъе и смутнъе становился въ воспоминаніи ребенка, и то онъ представлялся ей только тогда, когда приносила отъ него гостинцы Лизавета Власьевна.

Соничкъ было очень весело въ домъ ея благодътельницы; ее всъ любили, ласкали, исполняли малъйшія ея прихоти. Къ концу вто-

раго года благодътельница родила дочь. Съ рожденіемъ малютки нъжность ея къ Соничкъ, можетъ-быть, и не уменьшилась, по-крайнеймёрё, она раздёлилась теперь между двумя существами. Малютка была еще слишкомъ неразвита, чтобы замънить собою ту забаву, которою представляла ей Соничка, и потому внимание ея къ воспитанницъ было, повидимому, прежнее; только вниманіе это какъ-то странно дробилось. Это происходило отъ своенравнаго характера благодътельницы. То, бывало, по цълымъ днямъ забавляется она Соничкою, учить ее лепетать французскія фразы, танцуеть съ нею, наряжаются объ, хохочуть объ; то цълые дни не обращаеть она вниманія на нее и забавляется съ своею малюткою, носить ее изъ комнаты въ комнату, пеленаетъ, поетъ и танцуетъ, держа ее на рукахъ. А когда подвертывалась тутъ-же Соничка, желая принять участіе въ странномъ весельи молодой дамы, она всегда сурово посмотрить на нее или скажеть: Ахъ, поди, Соничка, ты мит надобла сегодня. И бъдный ребенокъ тихо отходилъ къ своимъ игрушкамъ.

Болъе всего радовалась въ такія минуты, и веселью молодой дамы, и печали Сонички, мамка, кормившая грудью ребенка. Скрестя на груди руки, бывало стоить она у дверей залы, любуясь на ръзвость молодой матери и ворча сквозь зубы: Воть давнобы такъ, сударыня, все-же родное дътище, а то все съ чужимъ забавляешься... Дама только смъялась грубой наивности и продолжала скакать и принъвать, а Соничка, какъ-то робко посматривая то на мамку, то на молодую женщину, жалась далъе въ уголъ, къ своимъ кукламъ.

Однажды разшалилась Соничка болъе обыкновеннаго, въ то время, когда малютка спала, и уронила нечаянно на полъ какуюто игрушку. Стукъ пробудилъ ребенка.

- У, бъсенокъ, проворчала сквозь зубы мамка, принимаясь качать люльку. Соничка продолжала играть.
- Стыдно, сударыня, сказала мамка уже громко. Уймись, видинь барышня спить.
- A нешто Софья Павловна не барышня? проговориль вошедшій для чего-то въ дѣтскую Оома.
- Ну, ты еще. Все-же это своя барышня, а эта что? проворчала мамка, качая люльку.

Такое замѣчаніе какъ-то странно подѣйствовало на Соничку. Нельзя сказать, чтобъ она понимала глубокій смыслъ этихъ словъ, но можеть-быть, злое лицо и грубый голосъ кормилицы на нее подѣйствовали: она перестала рѣзвиться и вышла задумчиво изъ дѣтской.

Много можно-бы было привести подобныхъ случаевъ.

Конечно, можеть—быть, большая часть впечатлёній подобныхъ минуть скользнула только по дётской душё Сонички, не оставивь никакого слёда, однакожъ не думаю, чтобъ всегда подобныя впечатлёнія были безплодны. Слабыя, можеть-быть, едва прим'єтныя царапинки оставляють оне въ-начале на мягкомъ сердце, но въ-послёдствіи царапинки эти обращаются въ глубокія раны, и много зависить характеръ взрослаго человёка отъ этихъ первоначальныхъ царапинокъ души.

Росла и развивалась Соничка, росла и развивалась дочь благодътельницы. Разница въ томъ, что Соничка развивалась какъ
нъжный цвътокъ, а дочь благодътельницы была дъвочка слабая,
больная, необъщавшая современемъ даже посредственной красоты. Это обстоятельство имъло также вліяніе на Соничку.
Мать, по весьма впрочемъ простительному чувству, завидовала
миловидности Сонички; сверхъ-того, какъ больной, той оказываемо
было болье участія, къ ней прилагаемо было болье заботь, ей
прощалось болье, ея капризы сносили терпъливье; слъдовательно, разница въ обращеніи съ двумя дъвочками, хотя и незамътная
съ перваго взгляда, все-таки существовала и была очень ощутительна при строгомъ, внимательномъ наблюденіи.

Конечно, разница этого обращенія была не та грубая, очень часто встрѣчаемая между такъ-называемыми благодѣтелями, основанная на тонкихъ, безпрестанныхъ намекахъ на чувство благодарности за воспитаніе; тѣмъ неменѣе, говорю я, разница существовала.

Но если съ одной стороны она незамътно имъла вліяніе на развитіе характера Сонички, съ другой стороны, можетъ-быть, она-же незамътно служила ей въ пользу. Заставляя иногда грустно задумываться ребенка, она открыла четырнадцатилътней Соничкъ слишкомъ рано ту завъсу, сквозь которую, можетъ-быть, еще очень емутно, только инстинктивно, угадывала Соничка свое будущее: она

уже задавала себъ вопросы о своемь значени въ обществъ. Замътимъ, что нравственныя силы развиваются гораздо ранъе у дъвочекъ, чъмъ у мальчиковъ, особенно при извъстныхъ обстоятельствахъ, и потому ничего нътъ удивительнаго, что четырнадцатилътняя Соничка смутно вглядывалась уже въ перспективу своего будущаго. Слъдствіемъ этого было необыкновенное прилежаніе Сонички и любовь къ труду. Четырнадцати лътъ Соничка очень хорошо играла на фортеньяно, говорила по-французски, рисовала и вышивала. Но что горячо любила Соничка, — это литературу. Съ жадностію перечитывала она книги изъ библіотеки своей благодътельницы, которая, сама страстная охотница до чтенія, была неслишкомъ строга въ ихъ выборъ для Сонички, и ребенку были рано доступны такія книги, которыя слишкомъ сильно дъйствовали на молодое воображеніе дъвушки. Книги эти, какъ мы увидимъ въ-послъдствіи, сдълали ея характеръ нъсколько романически-мечтательнымъ.

Прошелъ еще годъ. Дочь благодътельницы не поправлялась въ своемъ здоровьи, и доктора посовътовали родителямъ увезти ее куда-нибудь въ теплый край. Решено было ехать съ первыми хорошими днями наступающей весны. Послъ долгихъ обсужденій относительно потздки, благодътельница ръшила съ своимъ супругомъ, что какъ предполагаемый срокъ пребыванія въ тепломъ краћ кратокъ, то, во избъжание излишнихъ хлопотъ, лучше оставить на это время Соничку у одной знакомой содержательницы пансіона; что это можетъ послужить ей даже къ пользъ, потому-что она легко могла-бы забыть вовремя путешествія свои уроки музыки и живописи. Здёсь кстати замітить, что родители Сонички давно покоились мирнымъ въчнымъ сномъ. Какъ вздумано, такъ и сдълано, и Соничка, не безъ слезъ разставшись съ своими благодътелями и маленькой соперницей своего дётства, переселилась въ пансіонъ, въ среду новыхъ, незнакомыхъ ей личностей.

Прошло около восьми мѣсяцевъ съ того дня, какъ Соничка въ первый разъ вступила въ стѣны пансіона. Въ-теченіе этаго времени благодѣтельница не забывала награждать ее нѣжными письмами, равно и Соничка не уставала повѣрять въ своихъ письмахъ благодѣтельницѣ всѣ свои малѣйшія внечатлѣнія, подробно писала

обо всёхъ своихъ успёхахъ. Прошло еще нёсколько мѣсяцевъ. Содержательница пансіона не могла нахвалиться прилежанію Сонички, пансіонерки полюбили ее съ перваго дня. Послѣ первыхъ обычныхъ вопросовъ, о томъ, кто ея папенька, жива-ли ея маменька, какой она губерніи и тому подобное, Соничка уже пріобрѣла множество обожательницъ, и сдѣлалась извѣстною подъ именемъ обожаемой сиротки.

Срокъ пребыванія въ теплыхъ краяхъ кончался, и съ нетерпъніемъ ждала Соничка того дня, когда обниметь она нъжно и кръпко свою вторую мать. Однажды, когда Соничка была занята вышиваніемъ по канвѣ какой-то картины, которую торопилась кончить къ прівзду благодвтельницы, содержательница паисіона подала ей письмо. Въ письмъ этомъ благодътельница извъщала Соничку о своей горести, что еще ивсколько мъсяцевъ не можеть обнять ее, что здоровье ея дочери очень плохо, и доктора совътують остаться еще итсколько времени въ тепломъ крат. Съ какъ-то досадою на свою участь, съ глазами полными слезъ, въ первую минуту по прочтеніи письма отодвинула отъ себя Соничка ненавистныя для ней теперь няльцы, и задумалась. Въ первый разъ тяжело показалось ей ея сиротство, въ первый разъ сердце ея безотчетно просило материнской ласки; въ эту минуту она словно угадывала душею, что чего-то недоставало въ нъжности ея благодътельницы, и сама испугалась своихъ мыслей. Слезы полились градомъ, воспоминаніе о Лизаветь Власьевит въ первый разъ такъ живо пробудилось въ ея душъ, и никогда еще образъ Павла Ивановича не представлялся такъ ясно ея воображенію. Но давно покоились ихъ косточки мирнымъ сномъ подъ съню крестовъ Волковскаго-кладбища.

Слезы облегчили нѣсколько грудь дѣвушки. Покориться участи требовало благоразуміе, и скоро Соничка еще прилежнѣе стала заниматься своими уроками.

Такъ прошло еще нъсколько мъсяцевъ.

Однажды позвали Соничку въ комнаты, занимаемыя самою содержатальницею пансіона. Зачъмъ-бы это? подумала Соничка, и сердце ея сильно забилось, какъ бы предчувствуя что-то.

Войдя въ первую комнату, Соничка увидъла сквозь амфиладу дверей, ведущихъ въ дальне покои, въ послъднемъ изъ нихъ

даму, пожилыхъ лътъ, довольно пышно одътую. Она сидъла на диванъ, а подлъ нея, въ креслахъ, содержательница пансіона. Онъ разговаривали очень горячо. Не безъ внутренняго смущенія подошла Соничка; дама поспъшила встать, чтобъ поцъловать ее.

- Здраствуйте, душечка, сказала ласково дама, окинувъ Соничку проницательнымъ взглядомъ; я имъю къ вамъ письмо отъ вашей маменьки.
 - Здорова-ли маменька? спросила робко Соничка.
- Здорова, она васъ цѣлуеть, сказала дама; вотъ Надинькато (такъ звали дочь благодѣтельницы) очень плоха, бѣдняжка. Садитесь здѣсь, душечка.

Дама показала Соничкъ на диванъ; Соничка съла.

— Знаете-ли вы, зачёмъ я пріёхала? продолжала дама Вы удивитесь: взять васъ съ собою.

Соничка съ удивленіемъ взглянула на содержательницу пансіона.

- Я знала, что это васъ поразить, продолжала дама. Вотъ видите-ли, мой ангель, я только на-дняхъ прівхала изъ провинціи, гдѣ мы жили по пріятельски съ вашей маменькой; ранѣе будущаго года они вернуться не могуть, доктора посовѣтовали имъ ѣхать за границу для Надиньки; маменька ваша просила меня взять васъ къ себѣ на это время. Надѣюсь, вы насъ полюбите; у меня есть дочь, съ которою вамъ будеть очень весело, между—тѣмъ ей будетъ польза отъ вашего общества. Анна Александровна (имя содержательницы пансіона) такъ много говорила объ васъ хорошаго. Вѣдъ не правда-ли, душечка, вы со-гласны?
- Я должна исполнить желаніе маменьки; ея воля для меня священна, сказала Соничка, едва удерживая готовыя вырваться наружу слезы.
- Мы будемъ васъ любить, ласкать, я положу вамъ жалованье на ваши наряды, говорила дама, осматривая Соничку. Такъ я думаю, Анна Александровна, у нихъ не велики сборы, я могу взять ихъ съ собою теперь-же, а за ихъ вещами можно будетъ прислать послъ.
- Извольте, сказала содержательница пансіона, ласково улыбаясь Соничкъ.
- Ну, та chère, приготовляйтесь, надо разставаться.

Соничка встала; едва держась на ногахъ, дошла она до передней; здъсь дала она просторъ своимъ чувствамъ, и дотолъ удерживаемыя слезы градомъ полились изъ глазъ. Рыдая, дошла Соничка до своего дортуара.

Объ чемъ плакала она, ръшить трудно. Была-ли это простая привычка къ мъсту, которое она должна была такъ внезапно покинуть; было-ли это наконецъ сознаніе, что она одна на свъть, безъ опоры, что ею движеть не теплая забота, не разумная искренняя привязанность, а посторонній, случайный произволь. Въ минуту весь пансіонъ уже зналь о предстоящей разлукт съ обожаемою сироткою. Дъвушки столнились около Сонички; прощаньямъ, сожальныямъ не было конца. Кто называль ее счастливицею и завидоваль ея участи; кто спъшиль написать ей нъсколько строчекъ въ альбомъ на память, пока Соничка укладывала свои вещи. Наконецъ перецъловалась она со всъми, и когда, не безъ искреннихъ слезъ простившись съ доброю содержательницей пансіона, пожелавшей ей отъ души счастія, она вышла, чтобъ състь съ дамою въ карету, десятки головъ высунулись изъ оконъ пансіона, десятки ручекъ махали платками на ея поклоны, и долго еще слышались слова: Adieu, adieu, Sophie! прощай, обожаемая сиротка!

Карета понеслась, и черезъ полчаса остановилась у подъёзда большаго дома, гдё жило семейство Волжскихъ.

ar mari, a temperation con productive family ending control Paration temperation of the other WII, as descript the most of years in the control of the other control of the other

Левъ Васильевичъ Волжскій, отставной маіоръ, имѣлъ порядочное состояніе, круглое, какъ шаръ, лицо, неразлучную пѣнкорую трубку и своенравную до крайности супругу. Въ характерѣ Льва Васильевича не было ничего рѣзкаго, особеннаго, за исключеніемъ лѣни и какой-то странной уступчивости въ отношеніи дражайшей половины. Въ семнадцать лѣть супружества тщетно старался разрѣшить Левъ Васильевичъ глубокомысленно заданный себѣ вопросъ о характерѣ своей супруги. Сначала казалось ему, что Пелагея Афанасьевна только не любитъ противорѣчить Пелагеѣ Афанасьевичъ всѣми силами избѣгалъ противорѣчить Пелагеѣ Афанасьевнъ. Но разъ какъ-то Пелагея Афанасьевна,

замътивъ съ балкона котенка на кровлъ садовой бесъдки, сказала: Посмотри, Левъ Васильичъ, какой милый котенокъ.

- Въ-самомъ-дълъ, какой милый, Паша, промолвилъ Левъ Васильевичъ, и хвостъ такой важный.
- Что за выраженіе, Левъ Васильичь, я удивляюсь; да и совсѣмъ нѣтъ ничего особеннаго въ котенкѣ. Я замѣтила, что ты ни въ чемъ не имѣешь своего мнѣнія. Пріятный мужъ! Оттого и имѣніе такъ разстроено, тебя прикащикъ за носъ водитъ. И Пелагея Афанасьевна ушла съ балкона.
- Нътъ, подумалъ Левъ Васильевичъ, она не любитъ, когда и соглашаются. Поди, угадай, прошепталъ, онъ набивая свою пенковую трубку.

Съ-тъхъ-поръ Левъ Васильевичъ былъ еще осторожнъе, и когда Пелагея Афанасьевна что-нибудь говорила, онъ тихо вставалъ, подходилъ къ табачницъ, и набивая или выколачивая свою трубку, изкоса, маленькими глазками высматривалъ движение мускуловъ на лицъ своей супруги, и по игръ ихъ уже или соглашался, или осторожно убъждаль въ противномъ. Изучать игру мускуловъ на лицъ Пелагеи Афанасьевны было одно изъ главныхъ занятій Льва Васильевича во все время пребыванія его въ отставкъ, въ деревнъ, и надо правду сказать, что онъ далеко усовершенствовался въ этомъ искусствъ и что весьма ръдко случалось ему ошибиться. Правда, хотя это изучение очень много отнимало у Льва Васильевича времени по хозяйству и служило въ пользу мошенника прикащика, но зато Левъ Васильевичь въ последніе годы быль гораздо спокойнее оть обмокоровь, на которые была чрезвычайно искусна Пелагея Афанасьевна. Значить, Левъ Васильевичъ любилъ свою супругу? Не знаю; но всмотръвшись въ круглое лицо Льва Васильевича, въ его плоскія, вялыя черты и маленькіе глазки, наблюдательный взоръ, мив кажется, усумнился-бы, чтобъ въ сердцъ Льва Васильевича еще пламенълъ свътильникъ страсти. Къ тому-же Пелагея Афанасьевна была немолода, хотя и украшала себя помощью косметическихъ средствъ, искусно вырывая щипчиками сёдины, и все еще думая правиться. Левъ Васильевичъ скоръе привыкъ къ ней, привыкъ, какъ кошка привыкаеть къ мъсту, какъ самъ онъ къ своей пънковой трубкъ. Онъ только до крайности боялся ея обмороковъ. А вдругъ, думалъ онъ, умретъ; вотъ сейчасъ только жила, и вдругъ умретъ. И Левъ Васильевичъ никакъ не могъ сжиться, съ идеею, что какъ-то это будетъ, когда она умретъ. Пелагея Афанасьевна, какъ женщина, хорошо понимала боязнь Льва Васильевича, и надо сказать правду, искусно употребляла ее въ свою пользу.

По выходъ въ отставку Левъ Васильевичъ поселился въ деревив, въ одной изъ южныхъ губерній Россіи. Здась предался онъ вполит врожденной ему лени. Целый день въ халать, съ неразлучною трубкою, Левъ Васильевичъ, какъ выражался онъ, почивалъ на лаврахъ. Сытно покушать, хорошо выспаться, побродить по полямъ, въ халатъ, передъ ужиномъ, и пожурить прикащика-это были единственныя заботы довольнаго, до крайности довольнаго своимъ положеніемъ Льва Васильевича. Такъ прошло нъсколько лътъ, прошло-бы и гораздо болъе, еслибъ Пелагеъ Афанасьевить, до крайности скучавшей въ деревить, разъ какъ-то, послѣ сытнаго обѣда, на которомъ, по словамъ лѣтописи, междупрочими блюдами была подана телячья головка подъ смътаною и хрвномъ, не приснился какой-то сонъ. Таже льтопись увъряеть, что лицо проснувшейся послъ объда Пелагеи Афанасьевны было на этоть разъ какъ-то особенно румяно, а на устахъ видиълась довольная улыбка. Вставъ съ постели, Пелагея Афанасьевна подошла къ окну, и помъстясь въ мягкія кресла, предалась тихому созерцанію окружающей природы. Глаза ея стремились куда-то вдаль, по дорогь, пересъкающей рычку и терявшейся въ густой опушкъ лъса. Громкій голосъ у самаго окна пробудилъ Пелагею Афанасьевну отъ мечтанія. Она взглянула: на дворів, въ халатів, съ неразлучною трубкою, Левъ Васильевичъ велъ горячій споръ съ босою скотницею. Предметомъ спора на этотъ разъ, кажется, быль предложенный Львомъ Васильевичемъ скотницъ вопросъ о томъ, что выгодиве имъть въ хозяйствъ-утокъ или свиней. Пелагея Афанасьевна слушала, слушала и наконецъ не выдержала: нетеривливо постучала въ окно. Левъ Васильевичъ обернулся, и махнувъ головою скотницъ, тихо пошелъ въ комнаты.

— Какъ ты гадокъ въ этомъ халатѣ, Левъ Васильичъ, говорила Пелагея Афанасьевна медленно входящему въ двери супругу. Ты такъ облѣнился въ этой противной деревнѣ; и что нашелъ ты говорить дѣльнаго съ этою бабой.

- Ахъ, матушка, надо-же спросить и по хозяйству; мы толковали о томъ, что полезнъе имъть—утокъ или свиней; она увъряетъ...
- Есть объ чемъ толковать, разумъется утокъ, перебила Пелагея Афанасьевна. Левъ Васильевичъ началъ выколачивать трубку и изкоса вглядываться въ черты своей половины; онъ ръшительно былъ на этотъ разъ въ затруднени—согласиться или сказать: нътъ, мнъ кажется свиней, но Пелагея Афанасьевна продолжала:
- Право, Левъ Васильевичь, мнѣ кажется, я скоро сойду съ ума въ этомъ захолустьѣ; впрочемъ, у васъ нѣтъ ко мнѣ ника-кого состраданія.
- Что-же могу я для тебя сдълать? робко спрашивалъ
 Левъ Васильевичъ, набивая трубку.
 - Убхать отсюда.
 - Но кому-же поручимъ мы управленіе?
 - Для чего поручать, мы можемъ продать деревню.
- Какъ, матушка, а наши дъти? Надо-же объ нихъ подумать.

Я забыль сказать, что у Волжскихъ было двое дътей, дочь лъть тринадцати и сынъ лъть девяти, ръзвый мальчикъ, любимецъ матери.

- Ты можешь положить деньги въ ломбардъ; мы будемъ жить процентами; сверхъ-того ты можешь служить.
- Послушай, матушка, я совсёмъ отвыкъ отъ трудовъ, я не вынесу ни однихъ маневровъ,... мое здоровье...
 - Все это вздоръ; ты могъ-бы служить по статской.
- Но посуди сама, гдъ-же найду я приличное для меня мъсто? Мой чинъ. Въдь не могу-же я служить канцеляристомъ; да къ тому-же по статской службъ надо быть сколько-нибудь приготовленнымъ, а я...
- Ты говоришь только для того, чтобъ противорѣчить, ты-бы очень легко могъ найти мѣсто, напримѣръ, чиновника особыхъ порученій.

Левъ Васильевичъ, все еще набивавшій трубку, стоялъ спиною къ Пелагев Афанасьевнъ, и потому не видалъ, какъ вощла въ ком-

нату тринадцатилътняя дочь ихъ, и поцъловавъ у матери руку, вдругъ закричала: — Ай, маменькъ дурно!

Только что собравшійся отвѣтить что-то Левъ Васильевичъ обернулся и точно увидаль, какъ поднялась съ креселъ Пелагея Афанасьевна, и опираясь на плечо дочери, пошатываясь, вышла изъ комнаты.

— Чорть возьми! сказаль Левъ Васильевичь, и началь ходить взадъ и впередъ по комнатъ. Въ первый разъ ему предстояло выдержать сильную борьбу. Левъ Васильевичъ никакъ не могъ сдружиться съ идеею о продажъ имънія; онъ такъ свыкся съ этою милою лѣнью, и вдругъ предстояло ему опять нести труды, заботы; это казалось ему выше силъ.

Машинально сѣлъ онъ въ кресла, только что оставленныя Пелагеею Афанасьевною, и безсмысленно началъ смотрѣть въ даль.

Въ комнату вбъжалъ девятилътній мальчикъ, сынъ Волжскихъ, съ самостръломъ, готовый спустить стрълу прямо въ носъ подававшему въ ту пору самоваръ краснощекому казачку.

Левъ Васильевичъ подозвалъ сына:

- Вася, полно шалить, а что маменька?
- Маменька больна, скоро проговорилъ шалунъ, и натянувъ лукъ, чтобъ спустить стрълу въ спину удалявшагося казачка, выбъжалъ вмъстъ съ нимъ изъ комнаты.

Левъ Васильевичъ продолжалъ думать. Черезъ комнату проходила служанка съ какою-то стклянкою.

- А что барыня, Матрена?
- Имъ оченно худо-съ, сказала горничная.
- Что это у тебя такое?
- Спиртъ-съ.
- Зови Лизаньку разлить чай.
- Слушаю-съ, сказала горничная, и вышла.
- Нътъ, это ужъ ни на что не похоже; я не уступлю, думалъ Левъ Васильевичъ, и ждалъ, что Пелагея Афанасьевна придетъ къ чаю.

Пелагея Афанасьевна не являлась.

Левъ Васильевичъ не выдержалъ и отравился къ женъ.

Черезъ. полчаса послъдовало примиреніе.

Послё трехъ или четырехъ сценъ въ этомъ роде именье было продано сосъду, и Волжскіе ръшили ъхать въ Петербургъ.

Это было въ то самое время, какъ благодътельница Сонички протвядомъ познакомилась съ Пелагеею Афанасьевною, прогостивъ у Волжскихъ около двухъ недъль, и обвороженная ласковымъ пріемомъ Пелагеи Афанасьевны и Льва Васильевича, ръшилась ввърить имъ судьбу своей питомицы до своего возвращения въ
Петербургъ.

VIII.

Болъе года прошло съ того времяни, какъ Волжскіе поселились въ Петербургъ. Кажется, благодътельница Сонички, подобно многимъ благодътелямъ и благодътельницамъ, совершенно была убъждена, что она сдълала для своей воспитанницы все, при-строивъ ее окончательно къ мъсту. По-крайней-мъръ переписка ея съ Соничкою, вначалъ довольно частая и аккуратная, малопо-малу становилась ръже, и наконецъ прекратилась совершенно.

Соничка не знала, что думать, и терпъливо покорилась своей участи. Съ самаго поступленія ея въ семейство Волжскихъ, дъвушка крайне была поражена видъннымъ. Еслибы Соничка была опытнъе, она съ перваго раза приняла-бы сторону Волжской, подобно многимъ хитрымъ приживалкамъ, и сдълалась—бы повъренною всъхъ тайнъ и любимицею своей хозяйки; но Соничка была почти ребенокъ и не постигала мудрую науку жизни. Мягкая, не-испорченная душа ея смущалась часто домашними сценами супруговъ, и хотя Соничка, по какому-то инстинктивному благоразу-мію, не принимала ни чьей стороны, однакоже втайнъ очень часто жалъла Льва Васильевича.

Пока все шло хорошо. Обязанность Сонички въ домъ Волжскихъ была въ полномъ смыслъ обязанность гувернантки. Въ-началъ Пелагея Афанасьевна обходилась съ Соничкою очень ласково, хотя, можеть-быть, иногда и не упускала случая замътить, что судьба всегда печется о сиротахъ и что это надо чувствовать и стараться всегда быть благодарной; но всь эти намеки, свойственныя женщинамъ, какова была Пелагея Афанасьевна, были покуда еще очень сносны, какъ одно, повидимому, ничтожное

обстоятельство дало совершенно иной обороть дѣлу. Приводимъ этотъ случай для того, чтобъ показать, какъ ничтожна была эта женщина, и какъ была способна душа ея къ пустому, мелкому мщеню. Однажды Левъ Васильевичъ былъ какъ-то особенно веселъ за обѣдомъ.

- Что нынче вы читаете, Софья Павловна? спросилъ онъ, обращаясь къ Соничкъ. Охотница, право охотница вы до чтенія. Да-съ, и мы въ старые годы любили въ этомъ упражняться. А въдь подумаешь, какія иногда забавныя вещи-съ входять въ голову этимъ сочинителямъ.
- Это правда-съ, примолвила какая-то старая гостья, очень часто посъщавшая Пелагею Афанасьевну, которая ее очень любила за сообщение разныхъ городскихъ новостей, и снабжала поношенными тряпками своего туалета. Я такъ мыслю, что все это отъ праздности происходить, Левъ Васильевичъ.
- Я тоже думаю, сказаль Левь Васильевичь, вкладывая въ роть кусокъ жареной баранины и вследь за нимъ кусокъ свеже-просольнаго огурца. А вы какъ объ этомъ полагаете, Софья Павловна?
 - Я несовствить съ этимъ согласна, сказала Софья Павловна.
- Вы что-же теперь читаете?
- Я перечитывала сегодня поэму Пушкина «Русланъ и Людиила.»
- A, объ Ерусланъ Слышали, какъ же-съ слышали, важный былъ богатырь, говорилъ Левъ Васильевичъ, самодовольно улыбаясь своей остротъ.
- Я удивляюсь, вмѣшалась Пелагея Афанасьевна, какъ можно тратить время на эти пустяки. Другое дѣло что-нибудь историческое. Я до крайности люблю историческія книги; по-крайней-мѣрѣ знаешь, что это такъ было, и къ тому-же всегда такъ правственно, говорила она, обращаясь къ старой гостьѣ.
- Это правда-съ, Пелагея Афанасьевна, замътила послъдняя съ свойственнымъ ей подобострастіемъ.
- Невсегда, сказала Софья Павловна. Я очень много читала историческихъ книгъ, но большую часть изъ нихъ не промъняла-бы на Пушкина.
 - Что-же находите вы особеннаго въ вашемъ Пушкинъ?

говорила Пелагея Афанасьевна, у которой начинало делаться лицо какъ-то румянее и на губахъ выразилась злость.

 — Очень много прекраснаго, скромно произнесла Софья Павловна.

Левъ Васильевичъ уже маленькими глазками изъ-подъ лобья всматривался въ черты своей супруги; онъ угадывалъ бурю и втайнъ клялъ себя, что началъ этотъ разговоръ.

- Положимъ и такъ, сказала Пелагея Афанасьевна, у которой лицо разгоралось болъе и болъе, но мнъ кажется, моя милая, вамъ слъдовало-бы со мною согласиться скоръе, нежели спорить. Я гораздо васъ старъе и болъе видъла; спорить съ матерью при дътяхъ нейдетъ, тъмъ болъе вамъ, которыя должны показывать имъ примъръ.
- Я съ вами не смѣю спорить, но мое мнѣніе... Софья Павловна не кончила, краска покрыла ея щеки, а на глазахъ навернулись слезы.

Объдъ кончился въ совершенномъ молчаніи.

- Какое даютъ нынче воспитание молодымъ дъвушкамъ, говорила Пелагея Афанасьевна старой гостьъ, усъвшись вмъстъ съ нею, послъ объда, въ гостиной, на диванъ, ни на что не похоже! Мы сами были молоды, но какая разница... смъли-ли мы подумать.
- Это правда-съ, Пелагея Афанасьевна, нынче молодежъ никуда негодится, никакого уваженія.
- А въдь что, круглая. Только изъ любви къ Катеринъ Петровнъ приняли въ домъ, нашими благодъяніями обласкана.
 - Это правда-съ.
- Взяли гувернанткой, положили жалованье, ну, думаемъ и Лизанькъ будетъ нетакъ скучно, а между-тъмъ...
- Не говорите, Пелагея Афанасьевна, ужъ эти гувернантки всѣ таковы, —возьмешь въ домъ, сначала и ничего, а обживется и задумаеть о себѣ нивѣеть что. И вѣдь никакой благодарности не окажуть за благодѣяніе; я тоже вотъ знаю...
- Признаться, я давно недовольна ею; съ мужчинами кокетничаетъ, хочетъ держать себя наравиъ съ Лизанькой, но посудите сами, какая-же разница.
 - Ужъ не говорите, Пелагея Афанасьевна.

- Вы знаете, голубушка Анфиса Парамоновна, насъ посъщаютъ очень хорошіе люди; ну конечно, между ними есть много и такихъ, что Лизанькъ подъ пару, а она что-же, развъ можеть она разсчитывать на такія партіи; такъ прилично-ли, сами скажите, вести себя такъ бъдной дъвушкъ?
- Ахъ, не говорите матушка, Пелагея Афанасьевна, не гововорите; и сдълать-то добро нынче надо подумавши, говорила гостья, прощаясь и увязывая въ узелъ какой-то дареный хламъ.

Съ этого дня обращение Пелагеи Афанасьевны съ Соничкою сдълалось гораздо суровъе. Если случались гости, и Соничка, по весьма простительному всякой молоденькой дъвушкъ чувству, старалась одъться какъ можно болъе къ лицу, была весела и принимала участие въ общемъ разговоръ, Пелагея Афанасьевна тотчасъ намекала ей объ ея обязанности, прибавляя, что это ея личная польза и самая лучшая дорога, которую можетъ избрать для себя бъдная дъвушка.

Краска выступала на лицѣ Софы Павловны, слезы готовы были брызнуть изъ прекрасныхъ глазъ ея; — самолюбіе дѣвушки было оскорбляемо тонко и разсчитано, — но Софья Павловна терпѣливо сносила все, въ ожиданіи, что возвращеніе ея благодѣтельницы избавить ее отъ горькой участи. Сынъ Волжскихъ былъ рѣзвый мальчикъ, баловень матери. Въ одно утро, когда Соничка занималась съ нимъ уроками, шалунъ укусилъ ей палецъ. Соничка вскрикнула, но рѣзвый мальчикъ былъ уже на улицѣ. Вошла Пелагея Афанасьевна.

- Что это? спросила она Соничку, вы кажется вскрикнули?
 - Ахъ, представьте, Палагея Афанасьевна, онъ укусилъ меня.
- Кто? Оединька? экой негодяй, воть я его. Покажите. Ну ничего, ужь будто можеть ребенокь укусить больно, продолжала Пелагея Афанасьевна, разсматривая палець, на которомъ очень ръзко изображались слъды зубовъ. Я накажу его, сказала она, и вышла.

Черезъ четверть часа Өединька, проходя мимо задумчиво сидъвшей Софыи Павловны, кричалъ: ябедница, миъ за васъ выдрали уши, и исчезъ въ двери.

Софь Павлови невыносимо становилось жить въ семейств Волжскихъ, въ тотъ же вечеръ написала она письмо къ своей

благодътельницъ; она выразила въ немъ всю свою къ ней привязанность, все свое горькое настоящее, и заклинала, именемъ матери, освободить ее. Письмо это ввърила она отдать на почту старушкъ нянькъ, единственному существу въ домъ Волжскихъ, къ которому питала Соничка привязанность, потому-что въ чертахъ ея было какое-то сходство съ ея матерью, и которая платила Соничкъ взаимною материнскою ласкою. Это была та самая старушка, которую провожалъ Андрюша съ квартиры Каролины Карловны. Соничка, ждавшая съ нетерпъніемъ отвъта, ръшилась до времени страдать молча. The Carlo Bull has Beautiful the more whose where the last one as

- or bloody the Charles of IX. demonstrate which the comment Въ числъ лицъ, посъщавшихъ семейство Волжскихъ, былъ молодой человъкъ, отставной корнетъ, Сергъй Александровичъ Пращовъ, очень богатый и очень красивый мужчина. Избалованный счастіемъ съ колыбели, Пращовъ рано началъ пользоваться жизнію и тъми наслажденіями, въ которыхъ сердце никогда не принимаеть участія и отъ которыхъ въ головѣ и душѣ остается одна пустота. Богатый и красивый собою, онъ рано началъ обращать на себя вниманіе женщинъ, надъ большею частію которыхъ побъды доставались ему всегда очень легко. Пращовъ понималь, что онъ служилъ для нихъ какою-то условною мѣтою расчетовъ и это крайне ему надобдало. Онъ желалъ сильныхъ ощущеній и продолжалъ плавать въ мелкомъ прудъ свътской суеты, бросая золото и расточая напрасно жизнь. Пращовъ былъ молодъ, но уже скучалъ.

Прівхавъ въ Петербургъ изъ своей деревни, Пращовъ отъ нечего делать посетиль домъ Волжскихъ. Пелагея Афанасьевна, крайне обрадовавшаяся такому богатому гостю, уже начала созидать въ головъ планы на счеть будущей участи Лизаньки. Но Пращовъ, скучавшій всеми и везде, скоро-бы оставиль и Волжскихъ и Петербургъ, если-бы не одно обстоятельство странно на него подъйствовало. Это было томительно безъисходное положеніе Сонички въ дом'т Волжскихъ. До-сихъ-поръ Пращовъ привыкъ встръчаться лицомъ къ лицу съ жизнію улыбающеюся, онъ имълъ дъло съ женщинами, умъвшими искусно маскировать свои

задушевныя мысли, —и вотъ, въ первый разъ видитъ онъ дѣвушку прелестную, образованную, кроткую, какъ ангелъ, предоставленную самой себъ, безъ покровительства, безъ друзей, осужденную терпъливо спосить упреки, трудясь изъ насущнаго хлѣба. Пращовъ былъ добръ съ душъ. Положение Софъи Павловны его тронуло до глубины. Чувство участия, въ первый разъ вкравшееся въ сердце Сергъя Александровича, было такъ ново для него самаго, такъ различно отъ всѣхъ испытанныхъ имъ ощущений, что онъ увлекся имъ невольно. Ему казалось, что онъ могъ быть избавителемъ Софъи Павловны, могъ вывесть ее изъ ея положения, и самъ, увлеченный новизной такого ощущения, Пращовъ легкомысленно взялся не за свое дѣло.

Не выказывая никогда прямо своихъ чувствъ, Пращовъ всеми силами однакоже старался дать замётить Софь Павловив, что положение ея въ домъ Волжскихъ опъ вполнъ понялъ и вполнъ бользненно ему сочувствуеть. Предупреждение желаній, взглядь полный участія, векользь будто нечаянно сказанное слово, повидимому ничтожное, но полное глубокаго внутренняго смысла, примъненное къ настоящему ходу вещей, - все это было употреблено Сергвемъ Александровичемъ, и незамътно, но върно и разсчитанно зароняло въ сердцъ Софыи Павловны тъ искры, которыя малъйшее обстоятельство могло современемъ раздуть въ пожаръ, способный изпепелить до тла ея душу. Но для чего-же дълалъ это Пращовъ? На это отвъчать трудно. Стало-быть онъ любилъ Софью Павловну? Любить — но нелегко повърить, чтобъ Пращовъ такъ скоро могъ влюбиться въ молоденькую, неопытную дъвушку. Пращовъ пережилъ многое, встръчался съ разными женщинами, и пережилъ много разбитыхъ, обманутыхъ надеждъ. Едвали върилъ Сергъй Александровичъ въ возможность любви; по-крайней-мъръ періодъ юношескихъ ощущеній для него давно минулъ. Въ любви Пращову нужна была цёль, а какой цели могъ онъ достичь въ любви къ Софье Павловие? Жениться, — она была бъдна, а дъла Сергъя Александровича приходили въ разстройство; сверхъ-того, онъ имълъ мать, старуху гордую, которая никогда-бы ему этого не позволила. Да и самъ Пращовъ быль какъ-то несовсемъ выгоднаго понятія о женитьбъ, и сознавался, что жена скоръе всего ему надоъла-бы. Другой

какой-нибудь, болье низкой цели Пращовъ никогда не имълъ. Сергьй Александровичь быль по природъ человъкъ качествъ весьма благородныхъ. Если богатство, положение въ свътъ и рано растраченная въ вихрѣ удовольствій молодость съ одной стороны довели его до какого-то страннаго невърія въ возможность безкорыстной любви, то съ другой стороны Пращовъ еще не успълъ глубоко погрязнуть въ полномъ скептицизмъ, и оставался въ душъ въренъ основнымъ началамъ добра. Пращовъ не любилъ женщинъ, но щадилъ невинность. Онъ не върилъ въ ихъ внутрениія склонности, но уважалъ репутаціи, и зная, отъ какихъ пустыхъ вещей иногда онъ зависять въ обществъ, какъ мало бываеть нужно иногда, чтобъ разбить навсегда покой и лучшія надежды женскаго серда, Пращовъ устрашился-бы и мысли-быть героемъ такого неблагороднаго, даже черезъ чуръ легкаго поступка. Пращовъ точно любилъ — но не Софью Павловну, а новизну своего положенія; этотъ новый для него родъ ощущеній; ему нравилась его настоящая роль; онъ взялся за нее отъ скуки, для развлеченія, и самъ увлекся ею.

Вдругъ Пращовъ очнулся.

Вышеописанныя мысли пришли неожиданно въ голову Сергъя Александровича въ одинъ прекрасный вечеръ.

— Глупо, сказалъ онъ самъ себъ; я зашелъ слишкомъ далеко, слишкомъ неосторожно. И такое непонятное легкомысліе при моей опытности! — Къ чему поведетъ это? — Зачъмъ я началъ? — Чъмъ можетъ все это кончиться? — Но время еще не ушло, чтобъ поправить. Да, я не долженъ болъе туда ъздить, я не долженъ ее видътъ. Ръшено, я завтра-же ъду въ деревню; время и разлука исцъляютъ самыя глубокія раны, а пока это только легкія царапинки.

Сергъй Александровичъ позвалъ человъка и велълъ подать одъться.

Одъвшись и сдълавъ кое-какія распоряженія на счетъ подорожной и укладки вещей, Пращовъ вышелъ освъжиться воздухомъ.

Вечеръ былъ безподобный. Свъжее дыханіе воздуха благодатно дъйствовало на воспаленную голову Сергъя Александровича.

Пращовъ шелъ медленно по набережной Невы, восхищаясь

невозмутимому, въ этотъ вечеръ, спокойствію водъ ея. Едва замѣтная улыбка показалась вдругь на губахъ Сергѣя Александровича. Такъ, подумалъ онъ, Исократъ совершенно правъ, сказавъ, разсуждай медленно, исполняй скоро. Какъ осторожно нужно браться иногда за что-нибудь, въ особенности, если дѣло идетъ о человѣческомъ сердцѣ. И доброе побужденіе часто приводитъ къ дурному результату. Не похожъ-ли я въ настоящее время на котенка, который, играя съ мышкой, и не подозрѣваетъ, что игра эта можетъ стоить ей жизни, по-крайней-мърѣ оставитъ глубокіе слѣды острыхъ когтей. Я очнулся во-время и ѣду. Рѣшено, я недолженъ болѣе ее видѣть.

Пращовъ пошелъ скоръе.

— Однакоже, подумаль онъ снова, убхать не простясь.... это было-бы уже черезъ-чуръ невъжливо. Сегодня въ послъдній разъ, сказаль онъ почти громко, и подозвавъ перваго попавшагося извощика, съль и пофхаль къ Волжскимъ.

Сергъй Александровичъ не ошибался: игра его дъйствительно походила на игру кошки съ мышкой, и уже успъла оставить слъды неосторожныхъ когтей.

Софья Павловна давно угадала причину частыхъ посъщеній Пращова. Она скоро поняла, что была замъчена имъ, и съ одной стороны самолюбіе дівушки, въ первый разъ польщенное, съ другой, первое встръченное ею участіе, и притомъ романическая мечтательность Сонички, плодъ, какъ я сказалъ, ранняго чтенія, были достаточными причинами для новыхъ, досель неизвъданныхъ ею ощущеній. Сердце ея въ первый разъ забилось какимъ-то отраднымъ, незнакомымъ ей чувствомъ, и Софья Павловна со всемъ пыломъ страстной, мечтательной натуры отдалась этому чувству. Воображая себя героинею то того, то другаго изъ безчисленнаго числа прочитанныхъ ею романовъ, Софья Павловна горячо схватилась за мысль, что судьба наконецъ послала ей въ лицъ Пращова избавителя. Первое, такъ-сказать, практическое примъненіе прочитанныхъ ощущеній къ собственному сердцу такъ было ново, такъ увлекательно для молоденькой дівушки, что нужна была еще одна ничтожная капля, чтобъ наполнить это сердце, до самыхъ краевъ, новою, возрожденною жизнію жизнію вполнъ, съ ея тревогами, съ ея надеждами, съ ея томленіемъ и

радостями, словомъ, жизнію женщины любящей, или погубить его безвозвратно. Под деления ва сторка автомнати стадину постор степно списре описиранов стадиом всего стану оп банет описи опсторого зава подстх. Вни виде принадам Едина од

dualness america na vro-mutras, na locofemiocem, ecau alla entera

Волжскіе въ этотъ день были куда-то приглашены. Софья Павловна сказалась больною и осталась одна дома. Дъвушка сидъла въ садовой бесъдкъ, углубясь въ чтеніе того мъста изъ Байрона, гдъ геніальный поэть съ такимъ увлеченіемъ возводить въ аповеозъ страсть Жуана и Хайде. Явленіе мрачнаго грека, такъ неожиданно и страшно разрушающаго счастіе любовниковъ, испугало ее. Она отодвинула книгу и задумалась. Въ это время подъбхалъ Пращовъ. Софья Павловна всныхнула, сердце ея застучало какъ-то неровно. Ей въ нервый разъ приходилось оставаться наединъ съ Сергъемъ Александровичемъ. Софья Павловна поправила волоса и шейный илаточекъ, притворилась читающею и ожидала. Од ото води полибили ви купоория стол баторо у

- Дома? спросиль Пращовъ у лакея.
- Никакъ нътъ-съ; всъ уъхали на вечеръ, одна барышня Софья Павловна домаличици продсту одны, видови П. насод тор — Можно видъть? на въздестя такиой одна свО вионеції
- Онъ въ саду-съ, пожалуйте.

Пращовъ вошелъ въ садъ.

- Mademoiselle, сказалъ Пращовъ, подходя къ бестдит и
- Bon soir monsieur. Rangen an un enres o Minser factore
- Вашихъ никого нътъ дома?
- Да, они сегодня на вечерв.
- О А вы?. ли очетур от отот от оченодет ибез пексодовей
- Я неохотница до шумныхъ развлеченій.
- трудно върить од апенска абагто от салони ва аодин
- Почему-же? почему-же ваши лъта...
- Это ничего не доказываетъ. Садитесь.

Пращовъ сълъ.

- Вы что-то читали. Я помъщаль вамъ.
- Напротивъ; мнѣ сдѣлалось грустно отъ чтенія.

- Что это? Пращовъ взялъ книгу. А! сказалъ онъ, върно васъ смутилъ старый пиратъ; вы не хотъли-бы такой развязки?
- Вы угадали; поэты слишкомъ капризны въ своихъ вымыслахъ. Для чего такъ безжалостно разбивать счастіе.
- Поэзія идеализація дъйствительности; а въ такъ.
 - Это жалко. Вы испытали?
- Можеть-быть. Не читайте Байрона.
 - Это что значить?
 - Я-бы не даль его своей сестръ. Вы экона в почта увърскъ.
 - Почему-же?
- Для чего заранъе разувъряться. Разочарованіе червякъ, подътдающий цвътъ у самаго корня, не давъ ему весело распуститься и взглянуть радостно на свътъ. Прежде нужно наполниться жизнію; разочарованіе придеть само собою.
- Мит болье бываеть жаль тоть цвътокъ, который прелестно развернулся и вдругъ побить грозою, чъмъ тотъ, который еще не разцвълъ. Первымъ любовались многіе, послъдній не восхищаль собою никого. Вы согласны?
- Несовсъмъ. Первый выполнилъ свое назначене, —онъ жиль и восхищаль своею красотою, - второй погибъ безплодно.
 - Неужели назначение всего въ жизни такъ горестно?
 - Почти и на почти дея Томатальной настипальной пристом тв.
 - Вы разочарованы сами, какъ этотъ поэтъ.
- Оттого, можетъ-быть я такъ и люблю его и не хотълъбы, чтобъ вы его читали. Отдайте мив эту книгу.
- Ваша цъль?.. чтобъ возвратить мнъ ее современемъ съ вашими замътками? Возьмите.
- Именно, я возвращу вамъ ее съ моими строгими коментаріями, по прівздв.
- Вы утажаете? спросила Софья Павловна, —и взглядъ ея выразилъ смъсь какого-то изумленія и боязни.

Взглядъ этотъ не укрылся отъ Пращова.

- Я ъду, сказалъ онъ, и сегодня прівхаль къ вамь проститься.
 - Куда вы тдете?
 - Въ деревню.

- Надолго? 12 миня вышен выбрабо от 12 d
 - Какъ знать. потрод от сле дарание выправления дося
- Вы говорите такъ хладнокровно, какъ-будто Петербургъ успъль надобсть вамъ болбе всего.
- Что-жъ мнѣ жалѣть?—Я не имѣю никакихъ сердечныхъ привязанностей.
- Можно-ли быть такимъ эгоистомъ? И вы поручитесь, что не имфють ихъ къ вамъ? Софья Павловна почувствовала, что она сказала многое неосторожно, и живой румянецъ пробъжалъ по ея атласнымъ щечкамъ.
- Въ этомъ я почти увъренъ.
 Вы молоды, богаты, на васъ, въроятно, многія разсчи-THEREOTE, and the other on the country to retain fill countries in
- Это-то меня и бъсить.
 - А въ искренность чувствъ вы не върите?
- Хотъль-бы и не могу.
- О, еслибъ не любопытство знать ваши коментаріи, я не хотъла-бы съ сегодняшняго дня читать Байрона.
 - Почему-же вдругъ?...
- Чтобъ не разочароваться, какъ вы, и не сделаться эго-HCTOMB. and abused the document of the action of the actio
- Что я не эгоисть и готовъ на многія пожертвованія, я въ состояніи быль-бы доказать. Требуйте и вы увъритесь.
 - Право? "ткой стоти стата досет синасереская МЕ
- Испытайте.
 Вы должны возвратить мит книгу какъ можно скорте и сами.

Софья Павловна сказала это съ какимъ-то милымъ удареніемъ на послъднемъ словъ, и невольно покраснъла.

- Вы обязываете меня на слишкомъ легкую жертву...
- Я не смѣю требовать большихъ пожертвованій.
- Почему-же? подрад и предприн от-пломы до по верхания
- Но... Однакоже... почему такое недовъріе?
- Какъ вы неотступны.
- Мив-бы хотвлось, чтобъ вы были откровенны.
- Къ чему послужить вамъ моя откровенность?

- Какъ знать! Можетъ-быть, разрушивъ мои прежнія убъжденія, она заставить меня увъриться въ томъ, чему я до-сихъпоръ не върилъ.
 - Я не умъю убъждать.
- Убъжденія всегда почти сухи, чувство дъйствуєть скоръе и благодатнье. Со мной никто еще не быль откровенень.
 - Неправда-ли, какъ это тяжело?
- Да, вы сочувствуете и не хотите быть откровенны.
- О, у меня есть многое, чтобы... но...
 - Ho?
- Послъ, не теперь, когда возвратите мнъ книгу съ коментаріями.
 - Отчего-же не теперь?
- Странная настойчивость. Пойдемте къ рѣкѣ; сегодня такъ тихо.
 - Съ удовольствіемъ.

Пращовъ предложилъ ей руку, Софья Павловна подала свою. Пращовъ поднесъ ее къ губамъ и поцъловалъ. Софья Павловна вся вспыхнула, взоръ ея выразилъ укоръ.

— Вы точно вдете, monsieur. Пращовъ? раздался голосъ сзади.

Пращовъ и Софья Павловна обернулись;—передъ ними была Пелагея Афанасьевна.

- Какая подлость! подумалъ Пращовъ и поклонился. А мнѣ сказали...
- Что насъ нътъ дома? произнесла Пелагея Афанасьевна, какъ-то язвительно посмотръвъ на бъдную Соничку, которая, полурастерянная, собирала свою работу въ столикъ.
- Я прітхалъ засвидітельствовать вамъ мое почтеніе передъ отъті домъ, говорилъ Пращовъ, по вашъ человіть...
- Онь самь этого не зналь. Левь Васильевичь убхаль одинь съ дътьми; у меня вдругь закружилась голова, и я осталась дома. Мит тотчасъ-же дали знать, что вы въ саду и я вышла васъ встрътить, чтобъ пригласить въ комнаты; но вы, кажется, такъ были увлечены разговоромъ съ Sophie, что и не замътили, какъ я подошла.

- Какъ ты подкралась, подумалъ Пращовъ, и сказалъ: Мы говорили о литературъ...
 - И, кажется, хотъли идти любоваться ръкой.
 - Да-съ.
- Такъ пойдемте. Sophie, велите приготовить чай и распорядитесь къ нашему приходу.

arisming other on D -

Она подала руку Пращову.

— Чорть тебя возьми! думаль Пращовь, ведя подь руку тучную Пелагею Афанасьевну, я совсьмь не думаль о такомъ обороть.

Разговоръ Пращова съ Пелагеею Афанасьевною какъ-то неклеился, но женщина эта злобно радовалась послъдней сценъ и тому, что ей удалось такъ неожиданно помъщать ихъ разговору. Она нарочно мучила Пращова прогулкой и пустыми разговорами.

Между-тъмъ Соничка сдълалась вся любовь. Это очень понятно. Она была обличена, она была жертва, Пращовъ былъ виновникъ. Вмъсто того, чтобъ сердиться на Пращова, Софья Павловна чувствовала, что съ этой минуты сердце ея все принадлежало ему. Не явись Пелагея Афанасьевна на последнюю сцену, легко могло быть, что встръча съ нимъ оставила-бы, по отъезде Пращова, только следъ смутнаго воспоминанія; легко могло быть, что, встретясь снова, и Пращовъ и Софья Павловна хладнокровно смъя-лись-бы своему увлеченію, всноминая прошедшее шутя, оба занятые новымъ, чуждымъ другъ другу Но Софья Павловна была обличена, она сдълалась жертвою, отъ неосторожной вспышки Пращова, жертвою, можеть-быть, насмъщекъ, злословія-это-то самое привязало ее къ Пращову. Состояніе души послъ какогонибудь едъланнаго проступка невыносимо тягостно до той поры, пока въ немъ не обличили. Обличите, и эта тревожная робость души мгновенно исчезаетъ. Любовь дъвушки совершенно похожа на это чувство: стоить обличить ее въ ней, стоить сдълать ее жертвою, и робость изчезла навсегда, окружающее словно для нея существуеть, она вся предается своему виновнику, видить только въ немъ свою защиту.

Состояніе души Софьи Павловны въ эти минуты походило на тревожное затишье передъ бурею. Она предчувствовала, что это даромъ не пройдетъ, и ожидала грозы, но открыто, гордо, съ

накою-то впутреннею увъренностію. Подали чай. Пращовъ и Пелагея **А**фанасьевна пришли.

Противъ ожиданія Пелагеи Афанасьевны, Пращовъ и Софья Павловна были очень веселы; никакого слѣда смущенія, и при ней! Это ее окончательно взбѣсило. Но Софья Павловна не обращала уже вниманія на ея выходки; она поняла, что роль гувернантки въ этомъ домѣ для нея кончена, хотя и не знала еще чѣмъ. Она была любезна; она вела себя какъ равная; въ душѣ ея произошла замѣтная катастрофа. Наконецъ Пращовъ уѣхалъ.

Уъзжая, онъ успълъ бросить значительный взглядъ на Софью Павловну и шепнуть: Завтра вы получите отъ меня объщанную книгу.

Пращовъ сдълалъ ударение надъ предпослъднимъ словомъ; дъвушка догадалась и сказала: Мегсі, я буду ждать. Тотчасъ по уъздъ Пращова Пелагея Афанасьевна сказалась больною и ушла въ свою комнату. Софья Павловна вышла въ садъ. Оставимъ ее съ ея мечтами, и посмотримъ, что происходило въ комнатъ Пелагеи Афанасьевны, когда возвратился съ дътьми ея мужъ.

Едва доложили Льву Васильевичу, что барыня въ своей комнатъ и нетакъ здорова, какъ уже онъ догадался, что недоброе что-нибудь произошло въ домъ во-время его отсутствія. Приготовляясь выдержать одну изъ обычныхъ сценъ, Левъ Васильевичъ робко вошелъ въ комнату своей супруги. Пелагея Афанасьевна, совсѣмъ одѣтая, лежала на кровати. Подлѣ, на столикъ, стояли графинъ съ водою и стклянка съ какими-то каплями. Хотя Левъ Васильевичъ по природѣ и не былъ изъ догадливыхъ, но привыкши къ разнаго рода домашнимъ сценамъ, онъ тотчасъ смекнулъ, что Пелагея Афанасьевна, только послышавъ пріѣздъ его съ дѣтьми, поспѣшила лечь въ постель и въ такомъ положеніи нетерпѣливо ожидала его прибытія въ комнату, показывая, впрочемъ, видъ совершеннаго равнодушія.

- Прекрасный выборъ, чудесный выборъ, Левъ Васильевичъ, правду сказать, мы можемъ похвастать такимъ выборомъ! этими словами встрътила Пелагея Афанасьевна входящаго супруга.
- Что такое, Паша? Что сдълалось? говориль Левъ Васильевичь, подходя къ постелъ.

 Прекрасный примъръ для дочери! Впрочемъ тутъ винить васъ нечего, я сама виновата, я сама дура.

Я это зналъ, подумалъ-бы другой на мѣстѣ Льва Васильевича, но къ чести его надобно сказать, что онъ даже этого не подумалъ, а робко предложилъ Пелагеѣ Афанасьевнѣ новый вопросъ о причинѣ ея разстройства.

- Представь, эта дѣвчонка... вотъ дѣлай благодѣянія... она въ интригѣ; хорошъ примѣръ для Лизаньки!
- Неужели въ интригъ? сказалъ Левъ Васильевичъ тономъ подобострастія, желая угодить своей половинъ. Кто-бы могъ ожидать! Кажется, такая скромная.
- дать! Кажется, такая скромная.
 О, въ тихомъ болотъ-то и водятся черти... прибавила Пелагея Афанасьевна. Да я этаго давно ожидала.
- Не понимаю, не понимаю, говориль Левъ Васильевичь, покачивая головою и сладко улыбаясь, какъ-будто желая показать этимъ, что онъ всегда былъ увъренъ въ проницательности своей супруги. Однако-же, душа моя, прибавилъ онъ какимъ-то мягкимъ, очень мягкимъ тономъ, точно-ли ты увърена, не напраслину-ли какую тебъ...
- Вотъ хорошо, кому-же лучше върить, какъ не собственнымъ глазамъ, не собственнымъ ушамъ своимъ! И Пелагея Афанасьевна пустилась въ длинный разсказъ описанной нами выше сцены, дополняя и украшая ее собственными выдумками и заключеніями, на сколько позволяло воображеніе подобной женщины. Левъ Васильевичъ слушалъ, сладко улыбался и покачивалъ головою.
- Теперь ты видишь, Левъ Васильевичь, очень ясно, что намъ держать ее не слъдуеть, сказала Пелагея Афанасьевна, окончивъ разсказъ.
- Вижу, сказалъ утвердительно Левъ Васильевичь, желая угодить супругъ, но Паша...
- Никакихъ *по*, Левъ Васильевичъ; я не хочу имъть въ домъ дурныхъ примъровъ; ты долженъ отказать ей, да, и долженъ сдълать это завтра-же.

Льва Васильевича поразила эта поспѣшность, и онъ рѣшился замѣтить, но тономъ еще мягче прежняго:

— Другъ мой, Паша, конечно, ты совершенно права, только

посуди сама, такъ скоро; надобно, по-крайней-мъръ, дать ей время отыскать себъ мъсто. Въдь мы объщали Катеринъ Петровнъ...

— Это мит очень правится: для Катерины Петровны, съ которою мы, можетъ-быть, больше никогда не встртимся, я буду терптъ въ домт подобныя вещи. Ты съ ума сошелъ, Левъ Васильевичъ! Вы имтете дочь. Впрочемъ вы никогда не думаете о томъ, что говорите, и кажется пришли только болте меня разстроивать.

Пелагея Афанасьевна протянула руку за каплями, которыя туть-же посибшиль подать ей Левъ Васильевичь, прибавя: Но, мой другь, я это только... напрасно ты огорчаешься, я сдёлаю, какь ты желаешь.

- Я желаю, чтобы вы увърились, что она для насъ совершенно лишняя.
- Если говоришь ты...
- И отказали-бы ей завтра-же.
- Если ты находишь, я завтра-же ее разсчитаю. Мы должны ей всего восемьсоть рублей ассигнаціями.
- И прекрасно, сказала Пелагея Афанасьевна, наливая въ рюмку капли.

Левъ Васильевичъ поцъловалъ ея пухлую руку, и вскоръ послъдовало примиреніе.

XI.

Было за полночь, а Софья Павловна еще не ложилась въ постель. И мудрено-ли, что сонъ не смыкалъ глазъ дъвушки. Съ одной стороны сердце ея успъло перечувствовать въ этотъ вечеръ столько новыхъ ощущеній: Софья Павловна любила въ первый разъ, въ первый разъ узнала она, что сама была любима; вотъ уже эта любовъ перестала быть тайною для прочихъ, и все это совершилось въ-теченіе нъсколькихъ часовъ. Съ другой стороны ей нужно было подумать серьозно о своемъ положеніи. Она не могла остаться въ домѣ Волжскихъ—это ясно. Знакомыхъ она никого не имъла, а если и были нъкоторые семейные дома, гдъ она бывала съ дътьми Волжскихъ въ качествъ гувернантки, то на нихъ была плоха надежда, потому-что Пелагея Афанась-

евна постаралась-бы навърно выставить имъ Соничку съ самой невыгодной стороны. Бхать къ благодътельницъ? Но для этого нужно было прежде списаться съ нею, иначе, какъ могла она знать, въ какомъ именно городъ или мъстечкъ найдетъ свою благодътельницу, безпрестанно мънявшую мъсто своего пребыванія на ють. Сверхъ-того Пращовъ объщалъ скоро возвратиться въ Петербургъ, а она хочетъ бъжать изъ него, бъжать, чтобъ, можетъ-быть, никогда болъе не встрътиться. Нъть, эта мысль не могла даже долго остановиться въ умъ Софыи Павловны, она только мелькнула какъ-будто нечаянно, вскользь, и тотчасъ-же изчезла безъ всякаго слъда. Вдругъ Софья Павловна вспомнила свой пансіонъ, и сердце ея радостно отдохнуло! Она съ удовольствіемъ воображала себя снова въ знакомыхъ залахъ и корридорахъ, окруженную веселыми, ръзвыми подругами, хотя многихъ изъ нихъ, конечно, тамъ давно уже не было, и кто зна-етъ, многимъ-ли изъ нихъ судьба судила лучшую Соничкиной долю. Прежняя содержательница пансіона также уже годъ какъ не существовала, и пансіонъ принадлежалъ теперь другой, незнакомой Соничкъ содержательницъ; тъмъ неменъе она была счастлива, воображая себя въ знакомыхъ мъстахъ безмятежно проведеннаго дътства. Соничка ръшилась идти завтра-же къ содержательницѣ паисіона и просить принять ее въ число класныхъ дамъ. Съ этими мыслями, нъсколько успокоенная, дъвушка легла въ постель.

Когда утромъ позвали Соничку къ чаю и горничная сказала ей, что барыня больна, Соничка предчувствовала скорую развязку. Идя въ залу, она еще издали увидъла Льва Васильевича, который въ какой-то тревожной ажитаціи ходилъ взадъ и впередъ съ своею пенковою трубкою, по временамъ останавливался у оконъ и молча барабанилъ пальцами въ стекла. Соничка вошла, Левъ Васильевичъ весьма учтиво ей поклонился и продолжалъ ходить молча.

[—] Вашъ стаканъ готовъ, Левъ Васильевичъ, сказала Соничка, наливая чай. Левъ Васильевичъ взялъ стаканъ и сълъ. Еще съ минуту молчалъ онъ, прихлебывая изъ стакана и пуская подъ носъ табачный дымъ; наконецъ началъ:

[—] А въдь я долженъ сказать вамъ, Софья Павловна, непріят-

ную новость; въдь несчастіе случилось съ нами, большое не-

- Что такое, Левъ Васильевичъ! спросила Софья Павловна, никакъ неожидавшая такого начала.
- Въдь акціи-то мои лопнули, совершенно лопнули, Софья Павловна.

Сопичка не знала ни про какія акціи Льва Васильевича, да и едвали были они у него; она догадалась, что это была остроумно изобрътенная Львомъ Васильевичемъ ложь, можетъ-быть въпродолженіе цълой безсонной ночи, однако-же спросила:

- Неужели, Левъ Васильевичъ! Какъ жаль!
- Да, Софья Павловна. И что теперь дёлать, я ужъ и не знаю. Въ губернію хочу ѣхать, рѣшительно въ губернію. Жить приходится нечёмъ. А вамъ-то, ужъ какъ обязаны мы вамъ за ваше попеченіе, Софья Павловна! Я ужъ и не знаю, какъ благодарить васъ. А что дёлать, матушка, и жаль разстаться, а приходится разстаться и съ вами. Въ школу отдамъ дѣтей; одно средство остается отдать ихъ въ школу. Дѣлать нечего, Софья Павловна, вы дѣвушка умная, вы поймете, что... Ну, поправятся обстоятельства наши, будемъ живы и здоровы, сами просить будемъ васъ, сами придемъ къ вамъ поклониться, а теперь, что дѣлать, Софья Павловна, приходиться намъ съ сожалѣніемъ съ вами разстаться. Окончивъ приступъ, Левъ Васильевичъ сдѣлалъ какую—то кислую гримасу, какъ-будто ему въ-самомъ-дѣлѣ было жаль Софью Павловну, и не поднимая глазъ, ожидалъ ея отвѣта.

Въ-продолжение всей этой ръчи дъвушка кусала губы, боясь расхохотаться. Она нисколько не сердилась на Льва Васильевича, понимая, что онъ былъ только пружина, употреблениая въ дъло другимъ двигателемъ; ей было даже жаль бъднаго Льва Васильевича, и едва онъ кончилъ, она сказала очень весело, хотя не безъ нъкоторой ироніи:

— Я всегда была очень довольна вашимъ семействомъ, Левъ Васильевичъ, и если судьбъ угодно разлучить меня съ нимъ, я всегда сохраню объ васъ самое пріятное восноминаніе. Бъдная дъвушка, предназначивъ себя быть гувернанткою, не должна разсчитывать на постоянную жизнь въ одномъ какомъ-нибудь семействъ,

и должна быть всегда готова къ перемънамъ. И въ этомъ случаъ я не имъю никакого права на васъ жаловаться.

Софья Павловна говорила это такъ весело и непринужденно, что Левъ Васильевичъ совершенно ожиль; онъ даже ръшился поднять маленькіе свои глаза и сказать: Конечно, Софья Павловна, я былъ всегда увъренъ въ вашемъ благоразуміи, ну, чтоже дълать, въдь и намъ жаль васъ. Однако-же гдъ вы думаете найти себъ мъсто? въдь это такъ трудно вдругъ.

— О, я надъюсь, что мит не откажуть въ немъ въ моемъ нансіонъ, и я сегодня-же отправлюсь къ содержательницъ.

Какъ гора свалилась съ плечъ Льва Васильевича. Онъ никакъ не ожидалъ такой удачной развязки, такого веселаго тона Сонички; щеки его сдълались даже масляны отъ удовольствія, глазки бъгали, а на губахъ показалась самая пріятная улыбка.

— Воть въдь что значить умъ-то! Да, Софья Павловна, самъ Богь внушиль вамъ такую мысль. И подлинно, что лучше можетъ быть, какъ въ пансіонъ; знаете, это все знакомое, родное точно. Хотите, такъ я прикажу и экипажъ вамъ дать, все-же оно, знаете, приличнъе.

Софья Павловна поблагодарила.

— А вотъ, матушка, я и деньги вамъ приготовилъ, знаете что должны мы вамъ за ваши труды, говорилъ онъ, вынимая изъ за пазухи пачку ассигнацій.

Софья Павловна снова поблагодарила, принимая деньги.

- Вы когда-же думаете тхать?
- Теперь. Для чего-же откладывать.
- Ну и прекрасно, такъ я прикажу заложить лошадей; оно, знаете, приличнъе, чъмъ тамъ на извозчикъ, говорилъ онъ, вставая, и самъ не понимая, какъ это могло кончиться такъ благопо-лучно, отправился въ комнату своей половины.

Ожидавшая его Пелагея Афанасьевна встрътила его словами: Ну что? кончили наконецъ? Да говорите-же!

— Кончиль, кончиль, матушка. Ужь признаться, было мив, трудовь. Ахъ, не дай Богь имъть дъло съ женщинами: просьбы, слезы; да я нъть, я по своему, по военному,—я прочель ей хорошую мораль, я говорю: это сударыня,—ну да словомъ все кон-

чено, она вдеть теперь-же къ содержательницв пансіона просить себъ мъста. А я ужъ прочель ей, будеть помнить!

И Пелагея Афанасьевна осталась очень довольна, что супругь ея прочель Софь в Павлови хорошую мораль, позволила даже поцъловать ему свою руку и вельла принесть къ себъ въ комнату чай.

Когда Софья Павловна вошла въ свою комнату, ей подали запечатанный конверть съ падписью: со вложеніемъ книги. Человѣку строго приказано было отдать въ собственныя руки. Нетерпѣливо разорвала она обложку. Тамъ былъ какой-то французскій романъ. Софья Павловна быстро перелистовала страницы, и вотъ въ рукѣ ея очутился тонкій, очень тонкій листокъ красивой бумаги: это-бы записка отъ Пращова.

Самыя страстныя, самыя нѣжныя выраженія употребилъ Сергѣй Александровичъ для извиненія въ своемъ неосторожномъ поступкъ. Онъ клялся загладить его; онъ увѣрялъ, что тогда только успокоится, когда получитъ прощеніе Сонички. Пращовъ писалъ, что ѣдетъ къ матери, что теперь-же долженъ ѣхать, какъ можно скорѣе. Для чего? Онъ не объяснялъ въ письмѣ, но Соничка догадывалась о томъ, чего не хотѣлъ Пращовъ написать прямо, хотя и не понимала, по какому своенравному капризу не хотѣлъ онъ высказаться. Письмо оканчивалось слѣдующими строчками:

«Такъ, увлеченный, очарованный, сдѣлался я неосторожно причиною злыхъ несправедливостей, можеть—быть, самаго колкаго злорѣчія. Я понимаю это, и никогда не простиль-бы въ томъ себѣ, еслибы какой—то внутренній голосъ не утѣшалъ меня, что вы простите меня, что вы позволите миѣ загладить мой проступокъ. Софья Павловна, положеніе ваше въ домѣ Волжскихъ всегда казалось миѣ нестерпимымъ; какъ счастливъ быль—бы я, еслибъ прежде всего вы позволили миѣ освободить васъ отъ этаго семейства. У меня есть тетка; добрая старушка была—бы весьма рада вашему обществу; повѣрьте, она любила-бы васъ, какъ родную дочь; я увѣренъ, что вы нашли-бы въ кругу ея много пріятныхъ минутъ, и въ простыхъ, тихихъ, откровенныхъ бесѣдахъ не знали—бы непріятности быть коварно подслушиваемой. О, отъ васъ зависитъ согласиться и позволить заѣхать миѣ по дорогѣ въ деревню моей доброй тетушки. Нетерпѣливо

жду вашего ръшенія. Хотя одно слово—могу или нътъ. Во всякомъ случать я вашъ должникъ, я долженъ васъ скоро видъть, я долженъ возвратить, по условію, вашу книгу съ коментаріями. О, еслибы это время пролетъло скоръе! »

Два раза пробъжала Соничка драгоцънныя для нея строчки. Онъ любитъ меня! шепнула дъвушка, и розовая бумажка очутилась у ея розовыхъ губокъ.

Соничка взяла первую попавшуюся подъ руку книгу изъ своей библіотеки, и дрожащею рукою написала на первомъ лист-къ ея карандашомъ: Можете. Какъ хотълось ей въ эти минуты написать болье, гораздо болье, но какое—то инстинктивое благоразуміе, какая—то странная робость удержали ее. Она запечатала книгу въ конверть и вышла отдать дожидавшемуся лакею.

- Благодари Сергъя Александровича, сказала Соничка лакею, и вотъ возврати прочитанную мною книгу.
 - Слушаю, сударыня, отвъчаль лакей, принимая конверть.
 - А когда тдетъ Сергъй Александровичъ?
 - Да никакъ сегодня хотъли.
 - Ну, кланяйся, благодари.

И дъвушка весело вошла въ свою комнату, чтобъ одъться и такать къ содержательницъ пансіона. Здъсь она не могла, чтобъ еще разъ не пробъжать письма Сергъя Александровича. Вскоръ пришли сказать, что лошади поданы. Веселая, радостная, упоенная первымъ пылкимъ объясненіемъ любви, Софья Павловна отрадно вдыхала въ себя лътній воздухъ, проъзжая по зеленымъ аллеямъ дачи, и мнилось ей, что самыя деревья зеленъе, воздухъ душистъе, и какъ-то привътнъе чирикаетъ въ травъ неугомонный кузпечикъ. Странно, но если состояніе души зависитъ часто отъ наружныхъ впечатлъній, то и наобороть, впечатлънія эти зависять часто отъ состоянія нашего духа. Больному кажется все непріятнымъ, а счастливый видитъ счастіе даже тамъ, гдъ его иногда вовсе не бываетъ.

Когда возвратилась Соничка, ее встрътила въ ел комнатъ знакомая читателямъ нянька Волжскихъ, которая, какъ я сказалъ, была почему-то особенно привязана къ бъдной дъвушкъ.

— Ну что матушка, далъ-ли Богъ счастья, Софья Павловна?

— Слава Богу, нянюшка. Объщали дать мъсто, только надо подождать немного.

Нянька покачала головою.

- Горемычная ты сироточка, Софья Павловна; право, какъ посмотрю на тебя, такъ сердце надрывается, и ступишь-то ты нетакъ, и взглянешь-то нетакъ. Правда говорится: и худа мать да родная, а нътъ ея, такъ и приголубить некому.
- Благодарю тебя, нянюшка, сказала, прослезясь, Софья Павловна.
- Да что правда, матушка, то правда. Ну, въдь вотъ теперь тебъ здъсь-же ждать приходиться?
 - Да, нянюшка, покуда буду жить здёсь.
- Эхъ, матушка, послушай моего глупаго совъта, не оставайся ты тутъ; ишь зелье-то, и нянька указала въ сторону головою. Послушай-ка, что вчера наговорила она про тебя барину.

И нянька, которая случайно подслушала весь разговоръ Пелагеи Афанасьевны и Льва Васильевича, передала его отъ слова до слова Софьъ Павловнъ. Обида, презръніе, гордость закипъли вдругъ въ душть дъвушки. Слезы градомъ брызнули изъ глазъ ея, она готова была-бы бъжать сію минуту отъ этихъ людей, но куда? Въ какомъ-то судорожномъ движеніи бросилась она на диванъ и дала волю слезамъ.

— Полно, голубушка моя, плакать-то, глазки пожальй, Софья Павловна; да и стоить—ли? а послушай моего пустаго разума. Полюбила я тебя, какь родную дочку, и сама не знаю за что. Есть у меня знакомая женщина, старушка честная, умная, и кума еще мнь приходится. Переберись—ка къ ней, сударыня, чьмъ здъсьто мыкаться, и будешь ты жить на волюшкь, горя не знаючи и упреку не слушая, а тамъ, Господь милостивъ, и пристроишься. На счеть—же угожденія, могу сказать, Каролина Карловна всьмъ тебь услужить, да и цыну-то береть съ постояльцевъ невеликую, сама, бъдная, горя много видъла.

Можеть-быть, въ другое время Софья Павловна испугаласьбы мысли,-жить одной въ Петербургъ, у незнакомой женщины; но въ настоящемъ положени она радостно схватилась за эту мысль. Ей казалось, что само Провидъне внушило этотъ совътъ доброй старухъ, и черезъ недълю, съ помощію услужливой няньки, Софья Павловна была уже полная хозяйка той комнатки гдъ я имълъ честь познакомить съ нею впервые читателя. Тотчасъ по переъздъ своемъ она написала письмо къ благодътельницъ въ К. о всъхъ малъйшихъ подробностяхъ своей жизни, но выходъ изъ пансіона, просила ея совътовъ, умоляла не забыватьее, и умолчавъ однакоже о любви своей къ Пращову, ждала съ нетерпъніемъ отвъта.

was the angle in an XII merse and

Что-же ділаль въ это время Сергій Александровичъ? Сознавая себя виновникомъ последствій, которыя могли-бы произойти отъ описанной сцены въ саду, мучимый совъстью, что онъ, хотя невольно, по какому-то странному увлечению, могъ навсегда новредить репутаціи бъдной дъвушки, Пращовъ ръшился во что бы то ни стало загладить свой проступокъ. Когда Сергый Александровичь провхаль заставу и оглянулся, чтобъ еще разъ посмотръть на удаляющійся Петербургь, сердце его даже какъ-то странно сжалось; ему стало невыносимо жаль Софью Павловну. Въ эту минуту показалось Пращову, что женившись на Соничкъ, онъ могъ-бы сдълаться совершенно счастливымъ, что наконецъ настаеть для него эпоха того возрожденія, когда пресыщенное сердце, послъ долгаго разочарованія, ищеть спокойствія, которое можеть оно найти только въ семейной жизни. И почему-же нетакъ? Состояніе Пращова, хотя нъсколько и разстроенное, было однакоже еще весьма достаточнымъ, чтобъ прожить скромно. Правда, Пращовъ имълъ мать, старуху гордую, постоянно хлопотавшую о выгодной аристократической партіи для своего сына, но Сергъй Александровичъ былъ какъ-то увъренъ, что онъ успълъ-бы выпросить согласіе старухи, безгранично его любящей. Онъ даже долго не задумывался на этой мысли. Прежде всего нужно было вырвать Соничку изъ семейства Волжскихъ. Пращовъ понималь, что положение бъдной дъвушки въ этомъ домъ могло становиться для нея день ото дня несноснъе. Съ этою мыслію рѣшилъ Пращовъ заѣхать по пути въ деревню своей тетки, старухи лътъ шестидесяти, очень благотворительной и

постоянно имъвшей при себъ бъдную приживалку. Пращовъ всегда смѣялся надъ многими причудами своей тетушки; онъ очень хорошо понималь, что и благотворительность ея есть ничто иное. какъ желаніе быть въ почтеніи у окружающихъ, и сохранить къ себъ внимание хоть этимъ средствомъ, если не оставалось другихъ. Увы! молодость и красота такія проходящія вещи! Но на этотъ разъ Пращовъ твердо ръшился прикинуться, чтобъ какъ можно сильнъе задъть слабую струну тетки. Конечно, подъйствовать на старуху было-бы не трудно, но разыграть передъ нею роль человъку, каковъ былъ Пращовъ, было несовсъмъ легко. Причудливость тетушки доходила часто до крайностей, а сострадание простиралось даже до покровительства тараканамъ, которыхъ строго было запрещено давить прислугъ. Однажды, войдя въ кухню и увидъвъ поваренка, потрошившаго живую рыбу, тетушка вскрикнула отъ ужаса, закрыла глаза, и взявъ новаренка за ухо, собственноручно поставила на четверть часа на колъна; однакоже за объдомъ ъла уху съ большимъ апетитомъ.

Такова была тетушка Сергья Александровича. Но и Пращовъ быль непромахъ, и особенно, подстрекаемый любовью или участіемъ, онъ такъ искусно умѣлъ вкрасться въ сердце старухи, такъ тонко задъть ея сострадательность, что, прощаясь съ нимъ при отъѣздѣ, она со слезами на глазахъ дала ему слово съ первою возможностью послать за бѣдною сироткой. Пращовъ уѣхалъ къ матери; а старуха, у которой на эту пору не случилось ни одной приживалки, утѣшенная мыслю новой благотворительности и тѣмъ, что снова будетъ кто-нибудь читать ей по вечерамъ длинные старинные романы и чесать въ головѣ, что наконецъ опять будетъ она не одна, окруженная только собаками разныхъ породъ и величины, —вскорѣ по отъѣздѣ Сергъя Александровича велѣла позвать къ себѣ управителя.

Управитель имѣнія, въ которомъ жила тетка Сергѣя Александровича, былъ ловкій плутъ, умѣвшій искусно пользоваться ея слабостями. Онъ принадлежаль къ тому сословію людей, которые, не получа ровно никакого образованія, за исключеніемъ кое-какого познанія русской грамоты, пускаются часто пробовать карьеръ свой на поприщѣ гражданской службы, но споткнувшись при самомъ вступленіи, и сообразивъ, что дальній путь нетакъ-то ле-

гокъ, а за разныя наслъдственныя склонности отъ временъ стариннаго сутяжничества дають нынъ порядочные щелчки, да еще и съ занесеніемъ въ формуляры, - пускаются въ поиски для себя частныхъ должностей. Неръдко, какой-нибудь Косушкинъ, ничтожный человъчекъ на службъ, въ которой нынъ требуются способности и образованіе, а съ нимъ неразлучное сознаніе достоинства и чести, разыгрываеть важную роль въ какой-нибудь конторѣ, ловко умѣетъ пустить пыль въ глаза плуту дворнику, и состоить въ большомъ уваженіи окрестныхъ торгашей; даже самъ городовой бываеть какъ-то особенно счастливъ, если г. Косушкинъ иногда подаетъ ему руку. Но наивеличайшее счастіе, цъль всъхъ желаній этихъ людей-попасть къ кому-нибудь въ управители домомъ или имѣніемъ. Туть-то умѣють показать они всю свою тонкость, всё свои способности, и очень часто, поступивъ на мѣсто въ одномъ плащѣ, вскорѣ укутывають носы свои въ воротники енотовыхъ шубъ.

Одна изъ отличительныхъ способностей управителя имѣніемъ тетки Працова была способность пить съ утра до ночи и никогда не напиваться. Онъ быль всегда въ положеніи человѣка не то чтобы пьянаго, да и не то чтобы трезваго; и только развѣ носъ, высунувшійся, какъ малиновая слива, быль коварнымъ его обличителемъ. Но я сказалъ, что управитель умѣлъ хитро пользоваться слабостями старухи, и весьма неравнодушная къ этому пороку въ другихъ, она прощала его въ немъ, ради его бѣдности, мягкости сердца и многихъ обидъ, претерпѣнныхъ, по словамъ его, въ жизни. За этимъ порокомъ прощались ему и другіе: недочетъ денегъ за проданный овесъ или рожь, пропажа нѣсколькихъ десятковъ аршинъ холста или дюжинъ талекъ изъ барской кладовой и т. и., и все по тѣмъ-же уважительнымъ причинамъ.

Когда вошель управитель, старуха сидёла въ мягкихъ дёдовскихъ креслахъ, укутанная съ ногъ до головы въ салопъ, который она имъла привычку носить даже въ комнатѣ, и въ большой шерстяной платокъ. Старуха глядѣла въ окно, изъ котораго представлялся видъ ея владѣній, любуясь на бабъ, жавшихъ и связывавшихъ снопы, и прислушиваясь къ пѣснямъ ихъ, глубокимъ, раздольнымъ и заунывнымъ, какъ русская природа съ ея

лѣсами, лѣсами кленовыми да сосновыми, съ ея рѣками, рѣками быстрыми, широкими, съ ея муравой зеленою, съ ея бурями, непогодами и снѣгами сыпучими.

Управитель вошель на цыпочкахъ, и поклонясь, остановился въ дверяхъ.

- Здравствуй, батюшка, а что, каково идетъ работа?
- Нешто, ваше превосходительство (такъ всегда величалъ управитель помъщицу, хотя она совсъмъ не была превосходи—тельною). Ишь деньки-то стоятъ какіе хорошіе; работа подвигается.
- Я позвала тебя, чтобы посовътоваться: у меня есть надобность послать въ Петербургъ, и именно я хочу, батюшка, чтобъ ты съъздилъ туда самъ, а чтобъ лошади не шли порожнякомъ, такъ нътъ ли у насъ чего-нибудь такого въ хозяйствъ, чтобъ можно было свезти на продажу?
- Да вотъ, ваше превосходительство, скоро ужъ и рожь везти можно будетъ.
- Нътъ, батюшка, мнъ нужно послать гораздо раньше; нътъ ли чего-нибудь такого — масла, меду.
 - Такого теперь ничего не имъется.
- Какъ это, батюшка, у тебя никогда ничего не имъется.
- Сами изволите знать, нынче быль падежъ на скотину; а ульи прошедшей зимой, отъ неосторожности розини Гришки, на половину вымерзли въ подвалахъ, а то какъ бы не имъться, всякой годъ въ изобили этой потребы имътеся.
- Нечего дълать, сказала, подумавъ, старуха; надо будетъ такъ послать лошадей; и ты, батюшка, съъздишь туда самъ.
 - Слушаю, ваше превосходительство.
- Мит нужно выписать оттуда одну благородную девицу, бъдную сиротку; мит рекомендоваль ее Сережа, но на слова его я много полагаться не могу; такъ ты долженъ будешь осторожно повыспросить, какова она, не заметили ли чего-нибудь, понимаешь, батюшка, тамъ, стороною, у людей что-ли.
 - Понимаю. Можно-съ.
 - А я дамъ тебъ письмо къ той госпожъ, гдъ живеть она.
 - Слушаю-съ.

- Да что это, батюшка, какъ отъ тебя лукомъ несетъ; ты хотъ бы закусывалъ чъмъ-нибудь, я терпъть не могу этого запаху.
- Виноватъ, вы изволили потребовать, а я только что луковку съълъ; день-то нынче постный.
- Все-же. Постъ конечно держать похвально, но ты, батюшка, хоть-бы роть выполоскалъ. Такъ я приготовлю письмо, а ты между тъмъ сберися.
- Да мои сборы не велики-съ; я хоть сейчасъ такъ и готовъ. Больше никакихъ приказаній отдать не изволите?
- Нътъ, никакихъ. Вели спустить съ цъпи Трезора, что это онъ, бъдный, точно похудълъ, говорила она, смотря въ окно на цъпную собаку, незнавшую куда дъваться отъ тучности и жары.

Управляющий вышель, а барыня стала придумывать, что-бы послать на продажу, чтобъ лошади не шли порожнякомъ.

Оставимъ ее въ размышленіяхъ и обратимся къ нашей молоденькой знакомкъ.

bridge opings are noticed to proper opinions

ground order to come order to an in-Софья Павловна съ нетеривніемъ ожидала отвіта отъ своей благодътельницы, и едвали съ не большимъ нетерпъніемъ ждала она возвращенія Пращова. Разлука нисколько не охладила ея страсти къ Сергъю Александровичу; напротивъ, въ ея полубезпріютномъ положеніи онъ представлялся ежеминутно ея воображенію тімь романическимь героемь, который назначень быль судьбою вывести ее изъ этого положенія, и Софья Павловна каждый день привизывалась къ нему больше и больше. Одна, въ мечтаніяхъ своихъ, она прослѣдила все время знакомства своего съ Пращовымъ отъ перваго дня; приномнила много случаевъ, улыбокъ, намековъ, недосказанныхъ фразъ, которыхъ она прежде не замвчала, которыя, можеть-быть, и не значили ничего сами по себъ, но которымъ она придавала теперь значение и старалась отыскать въ нихъ давнишій зародышь привязанности къ себъ молодаго человъка. Она взвъшивала каждое его обращение къ ней, каждое его слово, --и Пращовъ, всегдашній предметь ся мечтаній, не уменьшился, но выросъ въ глазахъ ея, во-время этой разлуки.

Прошелъ мѣсяцъ, — ожиданіе было напрасно. Софья Павловна не знала, что подумать. Наконецъ прошелъ и другой, и вотъ въ половинѣ третьяго мѣсяца Софья Павловна получила отъ благодѣтельницы то самое письмо, которое подалъ ей Андрюша и которое, какъ мы видѣли, было причиною ея внезапнаго обморока.

Вотъ что заключалось въ этомъ роковомъ письмъ:

«Я очень виновата передъ тобою, милая Sophie, не писавъ тебъ въ-продолжение многихъ мъсяцевъ, но я увърена, что, чувствуя всю мою къ тебъ привязанность, ты простишь меня, когда узнаешь всв причины столь долгаго молчанія. Начинаю письмо мое самымъ горестнымъ для меня событіемъ въ жизни. Ты знаешь, изъ прежнихъ писемъ моихъ, что здоровье моего друга, съ которымъ провела я самую счастливую пору моей жизни, всегда слабое, стало быстре разрушаться въ послъдніе полгода; доктора меня утъшали, я върила въ возможность его выздоровленія, но увы! надежды мои не оправдались! Да, Sophie, я лишилась лучшаго на свъть мужа! Не знаю, какъ перенесла я этотъ ударъ, не знаю, что было-бы со мною далье, на чужой сторонь, безъ родныхъ, безъ друга, съ больнымъ ребенкомъ и очень небольшими средствами, ибо состояние наше почти совстмъ разстроено. Ахъ, Sophie, я могла-бы сойти съ ума! Но Провидъніе всегда печется, о людяхъ въ несчастія. Случай познакомиль меня на водахъ съ одной весьма хорошей фамиліи дамой, старушкой ръдкой доброты. Она полюбила меня, какъ родную дочь, и непремънно настаивала, чтобъ конецъ лъта я провела вмъстъ съ нею, въ ея прекрасной деревив, въ разстояніи отъ К* какихъ-нибудь восемьдесять версть. Странно было-бы не принять ея предложенія: съ одной стороны ніжное, искреннее участіе, которое она принимала въ моемъ положеніи, съ другойвсе напоминало мив въ К мою горькую потерю, и вотъ, скоро я начала дышать отраднье подъ гостепріимнымъ кровомъ доброй старушки, а полевой воздухъ дъйствовалъ на здоровье Надиньки гораздо спасительнъе всъхъ водъ. Прошло три недъли, и въ мирный уголокъ нашъ прівхаль изъ Петербурга сынъ поміщицы, молодой человъкъ лътъ двадцати восьми или девяти, очень красивый мужчина, любезный, веселый, хорошо воспитанный. Нужноли описывать тебъ, какъ обрадовалась такому гостю старушка, и

накъ по прівздв его оживился нашъ мирный уголокъ; ты сама это можешь вообразить; но воть чего ты никакь уже не воображаешь, - что съ этого времени начался для меня новый романъ въ жизни. Да, Sophie, романъ для женщины въ тридцать четыре года! О, еслибы я дала волю своему воображенію и перу, я не нашутку прислала-бы тебѣ, вмѣсто этого письма, цѣлую тетрадь моего романа, но откладываю это до другаго времени, а всего лучше до свиданія съ тобою, которое, наділось, будеть скоро, потому-что мив очень хочется въ Петербургъ, объ которомъ я такъ давно скучаю. На этоть разъ скажу тебъ только, что судьба устроила мою встръчу съ старушкой-помъщицей, кажется, болъе чъмъ для одного быстролетнаго участія въ трудныя минуты горя; она видёла въ этой встрёчё далекое будущее. Словомъ, Sophie, ты можешь меня поздравить: я обручена за Сергъя Александровича Пращова; на дняхъ сватьба, а тамъ думаемъ ъхать въ Петербургь, гдв я посившу разцвловать тебя, мою милую, мою прелестную Sophie. Воображаю, какъ ты разцвъла, похорошъла. Ахъ, Sophie, неправда-ли, все это точно во снъ? неправда-ли, какъ похоже на чудесный романъ?..

Последнее письмо твое крайне меня разстроило; я никакъ не ожидала, чтобы Волжскіе были такіе люди, иначе могла-ли-бы я поручить имъ твою судьбу. Ты пишешь, что тебе обещано место классной дамы въ пансіоне, я вполне одобряю твое намереніе; въ твоемъ настоящемъ положеніи это пока самое лучшее. Старайся поступить какъ можно скоре; ты молода, должно-быть недурна собою, я вполне понимаю, какъ въ твои лета трудно руководить собою. До скораго, какъ надеюсь, пріезда посылаю тебе, другь мой, двести рублей, это все, что я могу теперь прислать. Не разсчитывая на верность твоего адреса, я переслала эти деньги на имя А. В., котораго прошу, отыскавъ тебя, передать ихъ тебе лично».

Далье слъдоваль совъть, какъ должно вести себя благоразумной дъвушкъ, и адресъ какого-то господина А. В. Читатель лег-ко вообразитъ, что должно было происходить въ душъ Софьи Павловны, когда она читала эти строки. Такая неожиданная для нея развязка! Такой страшный ударъ двумя ножами въ бъдную рудь въ одно и тоже время изъ одного и того-же мъста!

Софья Павловна любила Пращова; съ минуты на минуту она ожидала осуществленія своихъ надеждъ, и вдругъ-такое неожиданное разочарованіе. Конечно, это должно было нанести ей боль. Но это было-бы еще ничего; соблазнъ еще не успълъ глубоко внустить своихъ когтей, и получи Софья Павловна это письмо отъ кого-нибудь другаго съ извъстіемъ, что Пращовъ женится, чувство оскорбленнаго самолюбія, по-крайней-мъръ въ эти минуты взяло-бы верхъ надъ любовью, и образъ Пращова явился-бы передъ глазами девушки гадкимъ, недостойнымъ ея; можетъ-быть, туть примъшалось-бы другое чувство, и Софья Павловна внутренно поблагодарила-бы судьбу, что это кончилось такъ легко, не оставивъ послѣ себя глубокихъ душевныхъ царапинъ. Но тутъ, совсѣмъ другое дѣло. Софья Павловна получила письмо отъ благодътельницы, на которой основывала она всъ будущія свои надежды, которую она привыкла считать своею матерью, —и вдругъ дъвушка поняла, что все кончено между ними, что страшная пропасть должна раздёлять ихъ съ этой минуты, — и воть остается она въ мірѣ совершенною сиротою.

Мы видъли послъдовавшій за прочтеніемъ письма обморокъ и испугъ добраго Андрюши. Пришелъ докторъ, и пощупавъ пульсъ, прописалъ лекарство и велълъ какъ можно болъе стараться о спокойствіи больной, объявляя, что у нея должна образоваться маленькая горячка.

Такъ и случилось.

XIV.

Бользнь Софыи Павловны имъла замътное вліяніе на характерь Андрюши. Трудно было узнать въ немъ того робкаго, полустепнаго ребенка, какимъ видъли мы его въ началь нашей повъсти. Андрей Савельевичъ какъ-то нравственно выросъ, возмужалъ. Какая-же была причина такой быстрой перемъны? Простое, случайное сближеніе съ дъвушкою, забытою, предоставленною самой себъ, съ дъвушкою, участь которой, до-сихъ-поръ загадочная для Андрюши, сдълалась ему вдругъ понятною. Онъ поняль, что между ними есть нъкоторое сходство: оба они были сироты, оба они были бъдны.

Сверхъ-того Андрюша быль единственный въ домѣ мужчина, и понималь, что содъйствие его болье, чьмъ когда-нибудь, необходимо для Каролины Карловны, которая не могла теперь одна управиться съ своимъ хозяйствомъ. Сходить-ли въ лавочку, сбъгать въ аптеку, посмотръть, чтобъ не ушелъ самоваръ,—вездъ нужно было прибъгать къ Андрею Савельевичу, который, надо отдать ему справедливость, дълалъ это болье, нежели съ охотою.

Однажды Каролина Карловна попросила Андрюшу купить для больной курицу, но дала очень мало денегь; Андрюша прибавилъ своихъ и принесъ самую жирную пулярдку. Въ другой разъ больной захотълось варенья, Каролина Карловна опять попросила Андрюшу сходить въ лавочку за вареньемъ, Андрюша опрометью бросился въ кондитерскую, спросилъ самаго лучшаго варенья, вельль завернуть въ красивую бумажку и отдаль свой последній цълковый. Разумъется, все это было замъчено Каролиною Карловною, которая не упустила случая разболтать объ этомъ по своему выздоравливающей дъвушкъ, на блъдныхъ щечкахъ которой всегда показывался слабый отблескъ румянца при краспоръчивомъ разсказъ словоохотливой и доброй Каролины Карловны. Такъ прошло три недъли. Здоровье Софыи Павловны примътно понравлялось. Уже она могла вставать съ постели, ей было позволено иногда пройтись по комнать. Въ одно утро былъ приглашенъ и Андрюша къ Софьт Павловит выпить стаканъ чаю, въ первый разъ во-время бользии дъвушки. Софья Павловна очень граціозно сиділа на дивані, у столика, одітая въ легкомъ пеньюарѣ и маленькомъ красивомъ ченцѣ, изъ-нодъ котораго волною падали ея густые, черные волосы, оттъняя блъдное личико дъвушки и алебастровую шейку. Каролина Карловна разливала чай.

Съ какимъ-то сердечнымъ трепетомъ подошелъ Андрюща къ дверямъ, рука его какъ-то странно дрожала, когда брался онъ за мѣдную скобку. Робость, любопытство и какое-то еще странное чувство сливались въ одно, похожее на то, которое испытываетъ дитя, когда въ первый разъ вводятъ его, положимъ, хоть въ театръ, о которомъ слышалъ онъ такъ много чудеснаго отъ своей няньки.

Еслибъ я былъ женщина и испыталъ чувство перваго явле-

нія на великольпный баль, я пожалуй, сказаль-бы, что чувство Андрюши было похоже и на это.

- Здравствуйте, Андрей Савельевичь, давно, давно мы съ вами не видались; садитесь. Такъ встрътила молодая хозяйка ръшившагося наконецъ войти Андрюшу, который весь горълъ отъ внутренияго волненія, и кажется, даже забыль поклониться, а вспомниль объ этомъ уже тогда, когда сълъ.
- Ну какъ вы находите меня, Андрей Савельевичъ? Перемънилась я?
- Ахъ, очень Софья Павловна,—васъ нельзя узнать. Дитя, дитя, — у него какъ-будто навернулись слезы. Софья Павловна это замътила и улыбнулась.
- Върно вы нашли, что я очень подуривла?
- пер- Ивть-съ. В чине россии Мрана досо отнова детий сенция.
- ____ Неужели не нашли?
- Вы не можете подурнъть, сказаль Андрюша, и сдълаляс красень, какъ вареный ракъ.

Софья Павловна засм'ялась.

- Вотъ какъ. Покорно васъ благодарю.
- Мы такъ скучали во-время вашей бользни!
- Я думаю, я вамъ очень надобла.
- Почему-же-съ? възда съпудата потрог ате оватат
- Ахъ, я васъ еще не поблагодарила, Андрей Савельевичъ за ваши услуги; мнъ Каролина Карловна разсказала, какъ вы были для меня добры.
- Помилуйте, Софья Павловна, стоить-ли за это благодарить. Когда налили чай, Софья Павловна подала Андрюшъ варенье и съ милою улыбкою сказала: Это варенье мнъ очень помогло, я съ такимъ удовольствіемъ его ъла, и почувствовала себя гораздо лучше.

Андрюша весь вспыхнуль и съ упрекомъ глядъль на Каролину Карловну, которая лукаво улыбалась на его замъщательство.

 Благодарю васъ, Андрей Савельичъ, прибавила Софья Павловна, и слегка пожала Андрюшъ руку своею маленькою ручкою.

Въ первый разъ чувствовалъ Андрюша прикосновеніе такой миленькой ручки. Онъ едва не уронилъ стаканъ отъ волненія.

Утро прошло незамътно. Каролина Карловна много болтала,

Софья Павловна была впервые весела послѣ болѣзни, а Андрюша... но какое-же состояніе могло сравниться съ Андрюшинымъ: онъ былъ влюбленъ въ первый разъ.

Когда пришелъ Андрей Савельевичъ въ свою комнату, щеки его горъли, сердце его какъ-то особенно стучало, ему было такъ пріятно, какъ можетъ быть пріятно только любящему юношъ. Первое дъло, которымъ онъ занялся, было письмо къ матери. Чего не писалъ тутъ Андрюша? какихъ не выдумывалъ онъ чувствъ? Онъ говорилъ о какомъ-то неземномъ состояни, о какомъ-то непостижимомъ блаженствъ; звалъ прівхать скоръе, какъ можно скоръе мать свою въ Петербургъ. Зачъмъ? Онъ и самъ этого не зналъ, звалъ такъ, просто, безотчетно, посмотръть на него, полюбоваться имъ, обновленнымъ какою-то новою жизнію. Читая письмо его, всякій посторонній челов'єкъ върно сказаль-бы, что оно написано сумасшедшимъ, въ припадкъ самаго сильнаго кризиса, или отчаяннымъ поэтомъ въ шестнадцать лътъ; но что сказало сердце матери? Угадала-ли она другую причину этой наружной нескладицы, познала-ли иной внутренній смыслъ, нашла-ли въ этомъ хаосъ идей и чувствъ неподдъльную искру поэзіи, постигла-ли, что невысказанная въ письмѣ необходимость ея присутствія дъйствительно необходима, не знаю; знаю что добрая старушка черезъ полчаса по полученіи письма уже увязывала узлы, суетилась, хлопотала, подняла весь домъ на ноги, и торговалась уже съ оборваннымъ жидомъ, явившимся, чтобъ везти ее въ Питеръ.

XV.

День быль прекрасный. Блёдное осеннее петербургское солнце весело выглядывало сквозь розовыя тучки, играя разноцвётными лучами на окнахъ скромной комнатки Софьи Павловны. Какъто привольно, свётло, весело было на этотъ разъ въ этой комнаткъ. Одётая въ легкій домашній канотъ, хозяйка ея сидѣла на диванѣ, передъ столикомъ, и вязала какую-то косыночку, внимательно слушая чтеніе Андрюши. Это было въ какой-то праздникъ, и потому Андрюша оставался дома. Наканунѣ ему удалось гдѣто достать одинъ изъ романовъ Лажечникова, и Андрюша спѣшилъ подълиться удовольствіемъ съ Софьей Павловной. Дѣвушка внимательно вслушивалась въ чтеніе молодаго человѣка, а молодой человѣкъ внимательно слѣдилъ за всѣми впечатлѣніями дѣвушки. Чтеніе Андрюши было особенно одушевлено, присутствіе любимаго существа придавало его голосу силу, черты Софьи Павловны въ воображеніи его чудно сливались съ поэтическими чертами пламенной героини романа. Вдругъ отворилась дверь и Каролина Карловна ввела въ комнату какого-то мужчину.

- Васъ спрашивають, Софья Павловна; къ вамъ есть письмо.
- Вы Софья Павловна Кастицкая? спросилъ незнакомецъ.
- Я-съ. Что вамъ угодно?
- Къ вамъ есть письмецо, и онъ подалъ Софът Павловит письмо.
 - Отъ кого это? Прошу садиться.
 - Отъ Евстигнеи Павловны Сухариной.

Софья Павловна принялась читать, а управитель (это быль онъ) сълъ и съ особеннымъ любопытствомъ разсматривалъ комнату, бросая искоса взгляды на Андрюшу.

Носъ управляющаго въ этотъ день былъ какъ-то особенно красенъ, въроятно отъ холода, а отъ самаго его далеко припахивало согръвательными газами.

Надо замѣтить, что управляющій, отыскивая Софью Павловну, прежде всего явился, разумѣется, къ Волжскимъ. Пелагея Афанасьевна, узнавъ настоящую причину его пріѣзда, постаралась, какъ читатель можетъ думать, расписать бѣдную дѣвушку самыми невыгодными красками. А чтобъ болѣе расположить управляющаго ей вѣрить, и показать себя въ глазахъ его доброй, справедливой барынею, не забыла порядочно его употчивать. Отъ нея управляющій, въ-слѣдствіе даннаго ему помѣщицей наставленія, отправился развѣдывать о поведеніи дѣвушки у прислуги, которая, по примѣру своей госпожи, угощала его за разсказами, пользуясь случаемъ безнаказанно выпить, видя, что можно угодить барыпѣ, служа ей послушнымъ эхомъ. Таковъ всегда этотъ сортъ людей. Одна старая няня не принимала участія въ клеветѣ, но ея молчаніе едвали что-нибудь значило. Такимъ-образомъ, вполпѣ насыщенный и въ тоже время довольно наставленный, управитель, отправился отыскивать молодую дѣвуш-

ку, съ чувствомъ, совершенно похожимъ на то, съ какимъ отпирають двери въ то обиталище, гдв гивздится чудовищный порокъ.

Софья Павловна прочитала письмо, и машинально вкладывая его обратно въ конвертъ, сказала:

- Я очень благодарна Евстигнев Павловив за честь, которую она мив двлаеть своимъ приглашеніемъ, но въ настоящее время я согласиться на это не могу.
- Почему-же-съ такъ? спросилъ управляющій, покачиваясь на стуль и уже безсмысленно смотря въ лицо Софыи Павловны.

Кажется теплота комнаты на него замътно подъйствовала.

- Потому, во-первыхъ, отвъчала Софья Павловна, что я недавно выздоровъла, а такая дальняя дорога можетъ возвратить мнъ болъзнь...
- Да-съ, замѣтилъ управляющій, и крякнулъ. А во-вторыхъ-съ?
- Во-вторыхъ, я не хочу разстаться съ Петербургомъ, я въ немъ родилась, къ нему привыкла, и мит объщано здъсь вскорѣ мѣсто. Управляющій вновь крякнулъ.

— А и у насъ въдь хорошо-съ, вы не думайте, -да-съ, и у насъ тоже это хорошо все; только воть оно, видите, конечно, на счеть того, оно уже барыня этаго не любить.

Софья Павловна съ изумленіемъ посмотрѣла на управляющаго и подвинулась ближе къ Андрюшъ.

- То есть, чего-же это не любить? замътиль Андрюша.
- Чего-съ? да ужъ такъ этаго у насъ нъть, это мы, то есть, я говорю на счеть молодежи, это ужъ мы того.
- Что это значить? воскликнула съ гордостью девушка, смотря то на управителя, то на Андрюшу; въ глазахъ ея блеснули слезы.
- Софья Павловна, успокойтесь, видите онъ пьянъ, шепнулъ
 - Что-съ? пьянъ? Молоды-съ. А вы-то кто такой?
- Милостивый государь, вы забываетесь! вскрикнуль Андрюша. Я родственникъ, я братъ этой дъвицы.

— По какому колъну-съ? И управляющій, мигнувъ, прищолкнулъ языкомъ. Андрюша весь вспыхнулъ.

— Вонъ отсюда! закричалъ онъ. Ты смѣешь! Она моя певъста!

Последнее слово Андрюши, а можеть-быть его голосъ, подействовали на управляющаго; онъ поднялся, хотя съ помощію Каролины Карповны, и бормоча сквозь зубы: Извините-съ, я этаго не зналъ-съ, вышелъ, или, лучше сказать, былъ выведенъ вонъ Каролиною Карловною:

- Боже мой! когда они перестануть меня мучить! рыдая говорила бъдная дъвушка, и какъ-бы ища защиты, безсознательно встрътила рукою руку Андрюши.
- Софья Павловна, Софья Павловна, успокойтесь! говорилъ Андрюша, держа въ рукахъ руку Софыи Павловны.
- Ахъ Андрей Савельевичъ, Андрей Савельевичъ... Она не договорила, рыданія заглушили слова.

Растроганный, взволнованный, нечаянно сказавшій многое, Андрюша поднесъ руку ея къ губамъ, и горячій, долгій, юношескій поцёлуй раздался въ комнать. . But the count (sames, could not

Principles wante on the part of the part o

Въ одинъ изъ вечеровъ 185. года, въ красиво меблированной гостиной, дама среднихъ лътъ весьма граціозно сидъла въ покойныхъ креслахъ, у камина, въ которомъ еще блисталъ догорающій огонекъ. Несмотря на то, что она была не первой молодости, всъ черты ея свидътельствовали, что она была нъкогда прекрасна. Въ особенности глаза, которые она, съ самою очаровательною ивжностью обращала въ противуположный уголь комнаты, казалось нисколько не утратили съ лътами своего блеска.

Что особенно придавало много красоты ея чертамъ, это какая-то нъга, какое-то довольство, которыя такъ ясно высказывались въ ея полузадумчивомъ взоръ, и въ особенности въ ея улыбкъ, до того тихой, что я сравнилъ-бы ее съ тишиною невозмутимой поверхности озера, когда, въ прекрасный лътній вечеръ, тонетъ въ немъ румяное солнце.

Въ противуположномъ углу, на кушеткъ, за маленькимъ сто-

ликомъ, старушка лѣтъ семидесяти, въ огромныхъ очкахъ, сверхъ которыхъ еще надѣтъ былъ зеленый зонтикъ, играла въ карточныхъ солдатиковъ съ внукомъ, бѣлокурымъ, хорошенькимъ ребенкомъ лѣтъ восьми или девяти. Бабушка и внучекъ безпрестанно ссорились, и еслибы не сѣдые волосы и вся дряхлая наружность бабушки, довольно трудно было-бы рѣшить, кто изъ нихъ болѣе ребенокъ.

Ссора эта въ-особенности занимала нашу даму, которая съ граціозною нѣжностью слѣдила за всѣми движеніями нетерпѣливаго шалуна, безпрестанно сдувавшаго карточныхъ солдатиковъ, вопреки бабушкѣ, которая хотѣла прежде непремѣнно поставить всѣхъ.

- Маменька, какъ вамъ не надовстъ съ нимъ возиться, улыбаясь сказала дама, обращаясь къ старушкъ.
- Да что, матушка, картъ не даетъ поставить, такой нетерпъливый. Нътъ, твой мужъ тише росъ, право тише.
 - Бабушка, сдълайте лучше домикъ.
- Ну, вотъ теперь дълай ему домикъ. Ну, домикъ, такъ домикъ, да смотри-же не мъщай.

И старушка принялась строить домикъ.

— Поди сюда, Сашенька, сказала дама.

Мальчикъ подбъжалъ къ матери, она поправила ему бълокурые волосы и поцъловала въ лобъ.

- Сходи, другъ мой, къ папенькъ, скажи, что чай пора пить.
- Баринъ сей часъ выходять, сударыня, проговорилъ вошедшій въ эту минуту камердинеръ, въ длиннополомъ сюртукъ, съдой какъ лунь и съ кочергою въ рукахъ, которою весьма усердно принялся мъшать тлъющіе въ каминъ угли.
- Ты развъ былъ въ кабинетъ. Карпычъ? кротко спросила дама.
- Какъ-же, сударыня; въдь у барина тоже печка топится, кто-же ее безъ меня помъшать смъетъ. Я въдь знаю свою обязанность; вотъ тоже и въ дъвичьей печка топится, тоже моя обязанность.

Дама улыбнулась, а камердинеръ флегматически отправился по обязанности въ дъвичью.

Бабушка и внучекъ продолжали спорить. Обязанность стараго камердинера въ-течение болъе нежели десятилътней службы его въ этомъ домѣ заключалась единственно въ мѣшаній печекъ. Онъ даже не топиль печей, не закрываль въ нихъ трубъ, а только во-время топленія съ кочергою въ рукахъ прохаживался изъ комнаты въ другую и мѣшалъ угли, съ видомъ опытнаго знатока. Этой обязанности онъ не уступилъ-бы никому изъ дворни, и бъда тому слугъ или той горничной, которые, забывши, помъшали-бы въ печкъ безъ Карпыча. Карпычъ не забылт-бы этой обиды на цълую недълю. Зато ужъ и не бралъ онъ на себя чужихъ обязанностей, и если случалось даже, что прислуги не было въ комнатъ, а было время закрывать трубу, Карпычъ ни за что-бы этого не сдълалъ. Саркастически какъ-то посмотритъ онъ бывало на тлъющіе угли, проворчить подъ носъ: Теперь не мое дело, и пойдеть. И стой себе незакрытая печка хоть целую неделю, ему и горя мало. Летомъ не имелъ Карпычъ никакой обязанности, и цълый день удиль въ Фонтанкъ рыбу. Несмотря на все это, старый слуга быль крайне привязань къ господамъ, а господа крайне любили Карпыча.

Въ гостиную вошелъ мужчина среднихъ лѣтъ, довольно красивой наружности. Лицо его, нѣсколько худощавое, было весьма выразительно, чему способствовали еще густые, русые бакенбарды. Онъ былъ одѣтъ въ щегольской домашній сюртучекъ. Прежде всего подошелъ онъ къ женѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

- Не пора-ли чай, другъ мой, спросила дама.
- Я приказалъ подавать. Насилу отдълался! Маменька, вы опять ссоритесь, кажется, съ моимъ шалуномъ, улыбнувшись сказалъ онъ, поцъловавъ въ голову сына.

Старушка не разслышала и что-то проворчала на вопросъ вовсе не въ попадъ. Мужчина подошелъ къ камину и сълъ подлъ жены.

- О, какъ радъ я, Софи, что окончилъ это дѣло. Я измучился; пять ночей почти безъ сна; но Князь останется, надѣюсь, доволенъ. Признаюсь, тягостное порученье.
 - Зато, другъ мой, пріятна благодарность, сказала дама.
 - Да, жаловаться на князя мнё грёхъ. Онъ умёсть цёнить 1/7

трудъ; я ему благодаренъ. Однакоже, Софи, ты знаешь-ли, какой сегодня день?

- «Двадцать девятое августа.» Что-же?
- Вотъ посмотри.

И онъ вынулъ изъ боковаго кармана маленькій пакетъ и подалъ женъ.

Она взглянула на надпись и прочла: -29 августа 183* года.

- А, это годъ нашей сватьбы, сказала Софья Павловна. (Читатель давно узналъ, что это была она) А число?
 - Посмотри внутрь пакета.

Софья Павловна вынула засохшій цвътокъ.

- Ты не узнаешь? сказалъ, улыбнувшись, Андрей Савельевичъ.
- Нътъ.

Двадцать девятое августа день перваго нашего знакомства, а этоть цвътокъ, ровно восемнадцать лъть забытый въ моемъ бюро, я нашель въ первой книгъ, которую ты дала мнъ прочесть. Полный глубокаго значенія взглядъ Софьи Павловны остановился на нъсколько муновеній на засохшемъ цвъткъ; кажется, въ душь ея, при видъ этихъ сухихъ листковъ, пробудилась цълая бездна воспоминаній. Свътлая слеза засіяла на ея длинной ръсниць и тяжело капнула на засохшій листь.

- А ты не помнишь, въ какой книгъ? спросила она.
- Нѣтъ, и какъ помнитъ, когда съ того времени прочитано мною столько всякой всячины.
- Да, другъ мой, много утекло воды, много измѣнилось, нока этотъ цвѣтокъ лежалъ въ твоемъ бюро.
 - Ахъ, Софи, не правда-ли? Сколькихъ нътъ уже на свътъ.
- Да, и бъдная maman, она была такъ несчастлива со вторымъ мужемъ, и ея нътъ.
 - И самъ Пращовъ убить на Кавказъ.
- Не успъвъ даже исполнить объщанія: привезти мит свои комментаріи, сказала Софья Павловна, иронически улыбнувшись.
- А первые годы нашего супружества, Софи? Наши лишенія, наша бъдность, право и теперь страшно вспомнить, — труды твои.

И онъ поцъловалъ ея руку.

 Твое терпъніе и желаніе быть нехуже другихъ, проговорила она сквозь слезы, цълуя его въ голову.

- А кому я обязань, какъ не тебъ? Всемъ, всемъ тебъ, дорогая Софи! Ты образовала меня, ты сдълала изъ меня человъка.
- Для чего приписывать мит слишкомъ многое. Я сдълала то, что сдълала-бы всякая добрая жена; ты самъ образовалъ себя.
- Но ты дала мив первый нравственный толчекъ. Нътъ, Софи, безъ тебя я не быль-бы тъмъ, что теперь. Мы не бъдны, мы счастливы другъ другомъ, я имъю хорошее мъсто, я любимъ начальникомъ, Богъ далъ намъ милаго Сашу. Одно только плохо, маменьки-то здоровье, стара становится...
- По-крайней-мъръ Богъ далъ ей увидъть тебя человъкомъ.
 - Да, другъ мой, это правда.

Кто-то позвониль. Вошель Карпычь.

- Курьеръ отъ князя, Андрей Савельевичъ.
- Ну вотъ и курьеръ; върно князь прислалъ узнать о дълъ; хорошо, что я его кончилъ. Зови.

Вошелъ курьеръ.

— Честь им'єю поздравить съ монаршей милостью, ваще высокоблагородіе.

Всѣ посмотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ, даже старушка, слышавшая поздравленіе, потому—что курьеръ произнесъ его довольно громко, подавая Андрею Савельевичу запечатанный конвертъ.

Быстръе молніи бросился распечатывать Андрей Савельевичъ этотъ конвертъ, наконецъ онъ раскрылъ его, слезы наполнили глаза его, и горячо поцъловалъ онъ пожалованный орденъ.

— Посмотри, Софи, кажется само Провидѣніе, награждая меня, хотѣло вмѣстѣ со мною наградить и тебя, какъ виновницу моего счастія. Такая милость и именно въ этотъ самый день. Маменька, взгляните.

Но старушка уже давно искала прижать къ груди своего сына, наконецъ она обняла его горячо, и слезы градомъ полились изъ потускитвимихъ глазъ ея.

— Ну, теперь я умру спокойно, Андрюшинька, спокойно,

говорила она, я увидъла тебя въ почести. Старушка плакала и не выпускала изъ своихъ объятій сына.

Даже курьеръ, которому Софья Павловна подавала ассигнацію, не могъ не прослезиться, глядя на сцену семейной радости. Изъ дверей другихъ комнатъ высовывались головы любопытной прислуги; а Карпычъ, все еще съ кочергою въ рукахъ, такъ и заливался, вытирая слезы клътчатымъ платкомъ.

 Вотъ, говорилъ онъ, обращаясь къ курьеру, вотъ вѣдь и по штатской какъ кому повезетъ.

Всѣ были счастливы въ этотъ день въ семействѣ Вятниковыхъ.

management (1886) kan ang panggang dan panggang kan akan ng mga kana.

entioning and apply the configuration of square and

pelico et alcono dello escono de la constitución de la constitución de la constitución de la constitución de l

and second and the first and the adversary and

Николай Крояь.

CTHXOTBOPEHIA

teraphological action of the

И. П. Грекова.

JUNEAU BEDEEN.

Мнъ не спится; открылъ я окошко, И смотрю: къ саду вьется дорожка, Озаренная луннымъ лучомъ. Ни единаго звука не слышно. Липы дремлютъ, раскинувшись пышно Огромнымъ и темнымъ шатромъ. Прудъ какъ зеркало ясенъ; огнистый Брошенъ снопъ въ немъ луной золотистой, И милльонами искръ онъ блеститъ; А надъ нимъ и грустна и сонлива Наклонилась плакучая ива, И въ стеклъ его зыбкомъ дрожитъ.

Мнъ не спится... смотрю я, мечтая; И мнъ вспомнились: ива другая, И другой водъ кипучихъ потокъ... И мнъ грезятся звуки и стоны, И любовь и тоска Дездемоны, И Офеліи пышный вънокъ... А луна тъни вътокъ и оконъ Изъ-за облачныхъ свътлыхъ волоконъ На моемъ разстилаетъ полу. Охъ, ужъ эти мнъ лунныя ночи! Не заснешь: такъ и връжутся очи Въ эту блескомъ облитую мглу.

MACISA.

Ты меня увлекла далеко Жгучимъ взоромъ, прекрасная маска! Въ душу мнъ залегла глубоко Эта милая женская ласка.

Какъ брильянты глаза у тебя, Такъ и блещутъ, а бълыя плечи... О, невольно забудешь себя, Слыша звукъ этой сладостной ръчи.

Скрывъ лица молодаго черты, Ты всю душу свою мнъ открыла. Маска щитъ отъ людской клеветы, Съ нею тайна темна, какъ могила.

Мы не долгаго счастья хотимъ, Нътъ, мы ловимъ одно лишь мгновенье, Эту ночь мы съ тобой отдадимъ— Всю восторгамъ живымъ увлеченья.

Что за страхъ! отгони его прочь! Много дней намъ безцвътно-холодныхъ Эта выкупитъ свътлая ночь Въ изліяніяхъ чувства свободныхъ.

Въдь никто не узнастъ ее— Эту тайну любви скоротечной; Только сердце твое, да мое Сохранитъ ее въ памяти въчно.

А потомъ, если встрътимся мы, Подъ ярмомъ ежедневной истомы, Среди свътской, блестящей тюрьмы: Въдь мы будемъ съ тобой незнакомы.

Въдь твой образъ сокрытъ для меня, И я тайны твоей не нарушу, Въдь ты завтра-жъ, приличье храня, Эту маску надънешь на душу.

HEPOCTES!

(Изъ Байрона).

Прости!.. О, если здъсь мольба тоски глубокой О счастьи милыхъ намъ доступна небесамъ: Моя не пропадетъ въ той области далекой, И съ имянемъ твоимъ не разъ прольется тамъ. Что слезы и слова? что пъни и стенанья? Не болъе-ль всъхъ словъ, подавленныхъ въ груди, Всъхъ ядовитыхъ слезъ кипучаго страданья, Всю горесть выразитъ единый звукъ прости!

Уста мои безъ словъ, глаза безъ слезъ—сухіе, Но въ сердцъ у меня запали и живутъ Страданья жгучія, страданія нъмыя, И не задремлють въ немъ, и въчно не умрутъ. Безъ жалобъ, съ гордостью, всю пытку муки страстной, Всю боль растерзанной души стъснивъ въ груди, Я вижу лишь одно: любили мы напрасно, И чувствую одно лишь слово я: прости!

KAKAAJ.

Какъ милъ какаду твой ученый, Крылатый болтунъ твой какъ милъ! Изъ клътки своей золоченой Онъ все мнъ, что зналъ, повторилъ. Онъ такъ выговаривалъ ясно, Такъ твердо, отчетливо такъ: «Я страстно люблю ее, страстно, «А онъ-онъ дуракъ, онъ дуракъ!» И въ это мгновеніе косо ATHER REPRESENTATION OF THE Твой аргусъ угрюмый взглянуль, Потеръ кончикъ длиннаго носа И два раза громко зъвнулъ. Ты вспыхнула, сидя у пялецъ, А я-я у клътки стоялъ, И острому клеву мой палецъ Въ смущеньи на жертву давалъ.

Тутъ ръчь завязалась искусно О странностяхъ женскихъ идей,

. Grough

Must see mile

О прихотяхъ сердца, о грустной И въчной въ немъ драмъ страстей; Тутъ были цитаты, замътки... Я слушалъ и шляпу ужъ бралъ; Но въ это мгновенье изъ клътки Тьой попка опять закричалъ,

И такъ выговаривалъ ясно,
Такъ твердо, отчетливо такъ:
«Я страстно люблю ее, страстно,
«А онъ—онъ дуракъ, онъ дуракъ.»
Домой я вернулся—и странно:
Весь день я провелъ какъ въ бреду,
Твердя въ забытьи безпрестанно
Слова твоего какаду.

послъдние стихи байрона

T.

Нътъ, время погасить огонь, мит грудь сжигающій; Довольно сердце ей мольбами мит томить. Иль нътъ! пусть безъ надеждъ, одной судьбъ внимающій, Я буду въкъ любить.

П.

До времени поблекъ цвътъ жизни упоительной; Нътъ больше у любви цвътовъ мнъ для вънка, И мнъ въ удълъ отъ ней со страстью разрушительной Осталась лишь тоска.

Ш.

У сердца моего, страданьями обильнаго И одинокаго, на днъ волканъ огня; Но кто возметъ огонь отъ факела могильнаго, Который жжетъ меня?

IV.

Простите-же любви всъ жертвоприношенія! Надежды, радости, весь міръ волшебныхъ сновъ! Всъ отняты его у сердца упоенія— Оставленъ грузъ оковъ

V.

Но прочь, тоска моя! прочь съ думами гнетущими! Здъсь слава воину награду ниспошлеть: Оплачетъ мертваго, иль лаврами цвътущими Живаго обовьетъ.

VI. outpar a rocali

Вотъ край вседневныхъ битвъ, край, местію пылающій, Мечи съ знаменами повсюду вижу я; Спартанецъ не былъ самъ, съ оружьемъ умирающій, Свободнъе меня.

VIII. Awan Congress

Возстала Греція—проснись, душа усталая! Нътъ, прадъдамъ моимъ за внука не краснъть, Во мнъ ихъ льется кровь, во мнъ ихъ честь бывалая: Побъда или смерть!

machi VIII.

И вотъ ужъ попрана въ душъ моей страсть знойная, О милой красотъ не блещетъ взоръ слезой, И какъ улыбка устъ ея, всегда спокойная— Спокоенъ я душой.

IX.

О, если въ жизни нътъ тебъ очарованія, Что́-жъ заставляетъ жить и жизни не любя? Ищи средь славныхъ битвъ великаго возстанія Гробъ славный для себя.

X.

Здъсь смерти воина ты можешь удостоиться; Ее безъ трепета встръчають въ эти дни... Назначь-же мъсто самъ, гдъ прахъ твой успокоится, И въ гробъ отдохни!

BESDELSE.

«Ночи цълыя ты бродишь,
Соколъ ясный мой, какъ тънь,
Словно мъста не находишь;
Посмотри: въдь скоро день.
Звъзды гаснутъ, побълъли
Передъ утромъ небеса;
Пътухи три раза пъли;
Ужъ пора сомкнуть глаза.»
—Няня, мнъ не спится что-то.
«Отъ чего-жъ? Господь съ тобой.

Аль какая есть забота?
Аль недугъ въ тебъ какой?
Не отъ чернаго-ли глаза?
Такъ умойся съ уголькомъ,
Отче нашъ прочти три раза,
И заснешь ты кръпкимъ сномъ.»

—Голова все что-то грезить; Сердце ноеть, а въ глаза, Какъ змъя, вотъ такъ и лезеть Темнорусая коса.

И по груди бълосивжной Разсыпается она, А глаза глядятъ такъ нъжно, Такъ въ нихъ страсть отражена.

«Ръчь ведешь ты про кого-же? Безтолкова я, ей, ей— Чып глаза?»—Какъ чып? Ея-же, И веду я ръчь объ ней,—

Помнишь ты, съ которой къ мосту

Шли мы рядомъ ввечеру?
«Охъ, да это все не спросту,
Все, родимый, не къ добру:

Знаю дъвку я: шалунья И... ну, Богъ ей судія! Мать-же страшная колдунья, Подколодная змъя.

Върь мнъ, дитятко, не даромъ Это дъется съ тобой: Ночь не спишь ты, дышешь жаромъ, И тоскуешь день-деньской:

Много словъ есть приворотныхъ, Разныхъ зелій и корней, И людей недоброхотныхъ, Зложеланныхъ ворожей.

Порчи разныя бываютъ: Иль подсыплютъ на бъду, Иль по вътру напускаютъ, Иль колдуютъ на слъду »

—Няня, другъ мой, это сказки; Но когда-бы знала ты, Что за грудь у ней и глазки,
Что за дивныя черты!
И когда она цълуетъ,
Сердце таетъ, но потомъ
День и ночь оно тоскуетъ,
День и ночь горитъ огнемъ.
«Ну, смотри, сударикъ, охнешь!
Это дъло злой руки.
Ты истаешь и изсохнешь,
Какъ былинка, отъ тоски.
Знаемъ мы проказы эти,
И хотъ емъйся мнъ въ глаза,
А тебя поймала въ съти
Темнорусая коса.»

BECERNIE CHI.

Въ вечеръ ясный и тихій, весенней порой, Не садись подъ открытымъ окномъ, ангелъ мой. Той порою, какъ мъсяцъ за рощей встаетъ, А въ саду соловей неумолчно поетъ, И раскинувши тъни широко, льетъ садъ Отъ цвътущей сирени въ окно ароматъ! Каждый мъсяца лучъ, милый ангелъ, весной Говоритъ упоительно съ женской душой; Каждый звукъ соловья льетъ волненіе въ грудь, Каждый запахъ цвътка помъщаетъ заснуть. Отъ луны, соловья и душистыхъ цвътовъ Много снится весною несбыточныхъ сновъ, Зараждается много томительныхъ грезъ, Безотчетной тоски, думъ горячихъ и слезъ. Погоди: этотъ звукъ соловья и цвъты, Этотъ мъсяца лучъ средь ночной темноты Скоро въ образъ живой обратятся; -- тогда Не скажу я, малютка, тебъ никогда: Въ вечеръ ясный и тихій, весенней порой, Не садись подъ открытымъ окномъ, ангелъ мой!

> Ночь уходить торопливо И зоветь на смъну день. —

День тревожный, день ревнивый Озарить любви счастливой Тьмой раскинутую сънь. Посмотри, уже денницы Лучь бладнаеть золотой, Ужъ въ саду щебечутъ птицы И несутся вереницы Яркихъ тучекъ надъ землей, И дрожитъ зари сіянье На ръкъ въ извивахъ струй... И опять ужъ разставанье! И опять, въ залогъ свиданья, Жжетъ уста мнъ поцълуй, И опять тоской томима Будеть грудь-ночная тънь Пролетить неуловимо... И опять, какъ-будто мимо Пронесется счастья день. interpo alveiro, distribuyoro con 1 anglos 50

STATE OF A P'HIHA.

Пахнеть ландышемь въ аллев... Сядемь, другь мой, здъсь свъжъе, Подъ черемухой густой! За кудрявыми вътвями, Солнце жгучими лучами Не отыщеть насъ съ тобой.

Чудный запахъ отъ сирени!
Посмотри, какъ эти тъни
Разбъжались далеко
Тихо: листъ не шелохнется,
Только пъсня раздается
Ръзвой птички высоко.

А вдали, въ сіяньи утра, Словно всъ изъ перламутра Облаковъ плывутъ рои— Тамъ, надъ зеркаломъ залива, Гдъ въ волнахъ купаетъ ива Вътви сочныя свои.

ЗАПИСКИ БАРНУМА.

a ministration of the state of

out desirable to the first of the contract of the

(Часть вторая.)

V. activity of the street and the second

РАЗНЫЕ СЛУЧАИ.

Лотерея. — Объявленіе. — Бълыхъ билетовъ нѣтъ. — Маленькіе выпгрыши. — Исторія рыбы. — Гіероглифы. — Странное имя. — Форма пуговицъ. — Торгующій оловомъ. — Торговля точильными камнями. — Матеріалы для моей книги. — Топоръ. — Удивительный бобъ. — Неудавшаяся шутка. — Смерть отца. — Торговля бутылками. — Моя лотерея. — Бутылки и чумички. — Жестяныя вещи. — Таинственные чулки. — Любонытныя отношенія. — Благодъяніе. — Странныя примъты. — Кошка и крыса. — Еще шутка. — Объясненіе. — Бутылки съ ромомъ. — Старый пенсіонеръ. — Дуаль.

Между средствами къ обогащенію, употребляемыми мною съ двънадцати до пятнадцати лътъ, первое мъсто занимали лотереи. Я устраивалъ ихъ такъ искусно, что самые строгіе отцы позволяли дътямъ участвовать въ нихъ.

Выигрыши состояли вообще изъ гостинцевъ, апельсиновъ, леденцовъ и патоки. Я былъ вмъстъ директоромъ, хозяиномъ и кассиромъ лотереи. Самые больше выигрыщи доходили до пяти долларовъ, и иногда до десяти, но остальные были незначительны, такъ что вся сумма разыгрываемыхъ предметовъ доходила до восьмидесяти долларовъ, и я получалъ съ лотереи за билеты до двадцати, а иногда до двадцати пяти процентовъ. Билеты я раздавалъ работникамъ на шляпныхъ фабрикахъ и другимъ мастеровымъ. Первую идею о лотереяхъ подалъ мнъ нъкто Габбартъ, старый бродяга, жившій мірскимъ подаяніемъ.

Его метода устранвать лотерен была несовстви честная.

1

Однажды онъ объявиль о розыгрышь лотереи, въ которой главный выигрышъ стоилъ десять долларовъ. Такъ какъ билеты были дешевы, то ихъ скоро разобрали; но черезъ двъ недъли послъ этого не слыхать было еще ничего о днъ розыгрыша. Наконецъ начали приставать къ Габбарту, котораго почему-то всъ называли генераломъ, но онъ отвъчалъ очень спокойно:

- Что, господа, какая лотерея! Я пошутилъ съ вами.

Такъ какъ у насъ для шутки все прощалось, то и надъ Габбартомъ только посмъялись, хотя каждому было жаль своихъ денегъ. Въ эту эпоху лотереи были въ большой модъ, и имъ до того покровительствовало правительство, что устраивало лотереи въ пользу церкви, которая запрещала всякую игру.

Въ 1819 году дъдъ мой Финеасъ Тайлоръ, вмъстъ съ тремя назначенными особами, получилъ порученіе учредить лотерею. Надобно было придумать какой-нибудь другой, новый планъ, чтобъ привлечь вниманіе публики, и потому выбрали дъда, чтобъ онъ сочинилъ самое заманчивое объявленіе. Финеасъ Тайлоръ напечаталъ въ газетахъ слъдующее извъстіе:

«Съ позволенія правительства Конектикутскаго штата, въ пользу духовнаго Ферфильдскаго общества будеть разыгрываться лотерея на самыхъ выгодныхъ, небывалыхъ условіяхъ; вотъ причина лотереи:

«Въ минуту войны за независимость, Ферфильдское религіозное общество имъло церковь замъчательной архитектуры, съ богатыми церковными принадлежностями и многочисленною библіотекою. Кромъ-того было еще зданіе для духовныхъ лицъ, но по несчастію, все это сгоръло въ 1779 году, когда англичане, подъ начальствомъ Тріона, раззорили Ферфильдъ. Съ тъхъпоръ жители города были очень бъдны, чтобъ воздвигнуть на развалинахъ новый храмъ; правительство, выдавшее столько суммъ для вспомоществованія, тоже не можеть назначить капитала для построенія церкви, но оно позволило учредить лотерею съ самою похвальною цълью.»

Всего больше привлекло публику то, что не было ни одного проигрышнаго билета и что заплатившій пять долларовъ за билеть имъль право на нъсколько выигрышей. Директоры не забыли объявить объ этихъ преимуществахъ, и потому, кажется, никогда еще билеты не разбирались съ такою быстротою. Прежде всего удерживало публику то, что было много пустыхъ билетовъ, но теперь этого нельзя было бояться, и

напротивъ еще можно было надъяться выиграть вещь цъною въ сто долларовъ, хотя такихъ выигрышей было всего десять, а билетовъ двънадцать тысячъ; но каждый все-таки бралъ билеты, въ полной увъренности, что ему достанется лучшій нумеръ. Такъ какъ у моего дъда было очень много знакомыхъ, то ему поручили раздавать большую часть лотерейныхъ билетовъ, съ которыхъ онъ получалъ нъсколько процентовъ, и успълъ нажить себъ порядочную сумму.

Наконецъ наступило время розыгрыша. Дъдушка бралъ билеты, выпавшіе изъ колеса, и называлъ ихъ. Каждый день вынимали по пятисотъ билетовъ, и потому операція продолжалась двадцать-четыре дня. Бъдный Финеасъ Тайлоръ, должно-быть, очень усталъ.

Такъ какъ Данбюри находится въ двадцати миляхъ отъ моря, то у насъ не было рыбнаго рынка; но не чувствовалось въ немъ и надобности, потому-что множество рыбаковъ прівзжало поминутно изъ Бриджпорта, Норфолька, и привозили устрицъ и. рыбъ, продавая дешево и по небольшому количеству. Рыбаки являлись изсколько разъ въ недълю, всегда съ свъжимъ товаромъ, слъдовательно, мы, несмотря на отдаленность отъ берега, всегда могли имъть рыбный столъ. Дъдъ мой всегда любиль чъмънибудь отличиться передъ сосъдями, и потому каждый годъ объщаль давать по доллару тому изъ рыбаковъ, который принесетъ ему первую рыбу, называемую желъзницею, попадающую только въ одно время года. Такъ какъ другіе жители ееленія ждали, чтобъ рыба сдълалась дешевле, то дъдъ имълъ удовольствіе каждый годъ недълею раньше кушать жельзищу. Однажды привезли въ Бетель первую рыбу, за которую дъдъ заплатилъ долларъ, и пригласилъ на другое утро гостей завтракать. Жельзница положена была на ночь въ кадку съ холодною водою, стоящую на дворъ. Капитанъ Ноа Ферри вздумалъ пошутить: украль ночью рыбу и принесъ ее къ себъ. Дъдъ скоро замътиль воровство, и зайдя въ нашу лавочку, гдъ собрались всъ завтращніе его гости, въроятно уже знавшіе про шутку, разсказаль имъ про свое несчастіе. Всв жальли о немь, совьтовали не держать рыбы тамъ, гдъ близко собаки, утъщали его какъ могли.

— Не печальтесь изъ такой бездълицы, любезный сосъдъ, сказалъ капитанъ. Что за бъда, что вашъ завтракъ украли. Пойдемте ко мнъ, я васъ накормлю телятиною, приготовленною отлично.

Всъ согласились, и Ноа взяль литръ самаго лучшаго рома для завтрака. Приглашенные собрались въ назначенный часъ въ столовую капитана, и вмъсто телятины имъ подали большую вкусную рыбу, изжаренную превосходно, и которую дъдъ мой узналь. Раздался громкій хохоть, но дъдъ сохраниль свой серьозный видъ и сказалъ.

 Давно, сосъдъ, я подозръвалъ, что ты воришка, теперь-же увърился, что ты воръ.

Опять всв засмъялись громче прежняго, и весело съли за столъ. Въроятно аппетитъ усиливается отъ смъха, потому-что черезъ нъсколько минутъ отъ огромной рыбы остались только косточки.

На слъдующую весну опять привезли дъду первую желъзницу, но ее унесла въ этотъ разъ собака, и съъла почти половину. Другую-же половину у ней отняли и положили опять въ кадку съ водою. Сосъдъ Ферри, незнавшій ничего, опять улучиль минуту, чтобъ утащить рыбу, и пригласиль на завтракъ своихъ пріятелей. Дъдъ однако распорядился такъ, чтобъ придти попозже, и когда опъ вошель въ столовую, то капитанъ сказаль съ сожальніемъ.

- Напрасно ты опоздалъ, добрый Финеасъ, а я хотълъ угостить тебя первою желъзницею, привезенною сюда.
- Благодарю, сосъдъ, отвъчалъ дъдъ, по меня два раза трудно провести. Я нарочно не пришелъ завтракать, чтобъ не ъсть объъдковъ послъ моей собаки. Она первая попробовала рыбу, а потомъ ты угостилъ остатками твоихъ друзей.

Долго смъялись надъ этою мистификаціей, и дъдъ продолжаль отличаться оригинальностью своихъ поступковъ. У него на фермъ былъ лугъ въ десять десятинъ, и онъ въ одинъ день косилъ его, сушилъ и пряталъ съно на съновалы, чтобъ только похвастать, что онъ одинъ можетъ это сдълать. Разумъется, что для этого онъ прибъгалъ къ чужой помощи.

Въ 1820 году его назначили помощникомъ ревизора, и поручили сдълать ревизію жителей одной части графства. Върный своимъ привычкамъ, онъ хотълъ исполнить это въ самое скорое время, чего не случалось при его предшественникахъ. Онъ каждый день вставалъ съ разсвътомъ, завтракалъ какъ можно скоръе, потомъ садился на лошадь, и не сходилъ съ нея до вечера. Останавливаясь у каждаго дома, онъ вызывалъ хозяина и дълалъ ему слъдующіе вопросы: — Какъ васъ зовутъ, сколько дътей, какихъ лътъ, какого пола. Умъютъ-ли они читать и писать, нътъ-ли глухихъ, нъмыхъ, калекъ?

Послъ этого онъ вынималь свой портфель, записываль всъ отвъты, и въ галопъ скакаль къ другому дому, гдъ повторялось тоже самое. Дъдъ мой писалъ очень неразборчиво. Можно было принять его рукопись за гіероглифы, начертанные насъкомымъ, вышедшимъ изъ чернильницы. Самъ онъ никакъ не могъ прочитать своего писанья, если забывалъ, по какому случаю взяль въ руки перо.

Въ двадцать одинъ день онъ исполнилъ работу, которая десять лътъ тому назадъ, когда народонаселеніе было почти вдвое меньше, продолжалась тридцать девять дней. Это былъ въ-самомъ-дълъ подвигъ, которымъ можно было похвалиться, и дъдъ мой, разумъется, не пропускаль удобнаго случая.

Къ несчастію, этимъ не могла еще кончиться ревизія. Дъдъ означилъ всъхъ жителей, но теперь надобно было найти людей, которые могли-бы разобрать записки дъда, чтобъ переписать ихъ на-чисто. Для этого онъ пригласилъ Моисея Гача, адвоката изъ Данбюри, извъстнаго тоже своимъ оструміемъ, Бенжамена Гойта, который писалъ четко, и сына своего Эдварда Тайлора.

Любопытно было видъть, какъ эти трое несчастныхъ мучились, стараясь разобрать каракули помощника ревизора, тогда какъ самъ онъ ходилъ по комнатъ, положивъ руки за спину и поминутно подходя къ столу, чтобъ отвъчать и помогать читать китайскую грамоту. Тогда дъдъ надъвалъ очки, вертълъ во всъ стороны бумагу, и старался не прочитать свое писанье, но приномнить, когда и гдъ онъ писалъ это. Память его была до того необыкновенна, что онъ легко приноминалъ малъйшія подробности и отгадывалъ, что написано. Разумъется, что на это требовалось много времени и что время, выигранное при производствъ ревизіи, проходило теперь въ разбираніи замътокъ. Иногда самъ онъ терялъ териъніе, бранилъ своихъ секретарей, и говорилъ, что они разучились читать, потому-что совсъмъ нетрудно разобрать то, что онъ писалъ.

 Довольно того, что я ревизовалъ и писалъ, прибавлялъ онъ. Я не обязанъ еще учить васъ читать.

Моисей Гачъ больше всего мучился, разбирая собственныя имена, и сказалъ однажды дъду:

- Послушайте, дядя Финеасъ, у насъ есть человъкъ, кото-

раго фамилія Витлокъ, но скажите пожалуста, какимъ именемъ вы его окрестили. Я не могу понять ни одной буквы.

- Однако это написано такъ ясно, что каждый ребенокъ прочтетъ. Что за имя?.. Обыкновенное имя... Жіабодъ.
- Помилуйте, вскричалъ адвокатъ, да какая мать согласится назвать такъ своего ребенка. Никто на свътъ не носитъ имени Жіабода.
- Однако Витлока такъ зовутъ; я это помню очень хорошо, я увъренъ, что его зовутъ такъ.
- Нътъ, это невозможно, продолжалъ Гачъ; такого имени никогда не было... Припомните хорошенько, Финеасъ. Нътъ-ли чего нибудь похожаго. Постойте. Есть имя Ихабодъ, не такъ-ли зовутъ Витлока?
 - Кажется такъ, отвъчалъ дъдъ тихо.

Секретари засмъялись въ голосъ.

- Смъйтесь, смъйтесь господа, продолжаль помощникъ ревизора. Вы забыли, что я писалъ, сидя на лошади, подъ жгучимъ небомъ, и что мухи такъ кусали лошадь и мъшали мнъ, что никто-бы не написалъ и такъ, какъ я.
- Разумъется, что нельзя заниматься чистописаніемъ, сидя на лошади, въ жаркій день и въ обществъ мухъ; мы увърены, что безъ мухъ вы-бы написали какъ профессоръ калиграфіи.

Даже дъдъ не могъ удержаться, чтобъ не захохотать при этомъ ироническомъ комплиментъ. Съ-тъхъ-поръ долго еще его не называли иначе, какъ Жіабодъ.

Докторъ Гейтъ, отецъ Джона, былъ тоже весельчакъ, но шутки его были всегда безвредны. Онъ имълъ необыкновенный талантъ разсказывать смъшныя исторіи, хотя выраженія его, уже черезъ-чуръ нецеремонныя, не нравились многимъ чопорнымъ людямъ. Вообще онъ смотрълъ на всъ вещи съ хорошей точки зрънія.

Докторъ Карингтонъ, Джемсъ Кларкъ и другіе жители Данбюри были авторами многихъ шутокъ, забавлявшихъ мою первую молодость.

-Докторъ содержаль магазинь разныхъ товаровъ. Однажды сосъдній фермеръ пришелъ къ нему, предлагая промънять начто-нибудь нъсколько круговъ сыра.

— Съ удовольствіемъ, отвъчаль докторъ, покажи сыръ.

И фермеръ вынулъ изъ мъшка одиннадцать круговъ самаго маленькаго размъра.

- Только-то, сказалъ докторъ, сосчитавъ ихъ; я не могу взять эти круги.
- Отего-же?
- Оттого, что ихъ мало, а мив надобно, по-крайней-мврв, дввнадцать.
 - Помилуйте, на что вамъ именно это число?
- Потому, что меньше двънадцати пуговицъ не пришиваютъ къ платью, а твои сыры такъ малы, что ихъ нельзя употребить ни на что другое.

Фермеръ засмъялся и пошелъ разсказывать эту шутку.

Продавцы жести составляли многочисленный классъ. Они вздили въ большихъ закрытыхъ каретахъ, наполненныхъ домашнею посудою, разными мелочами, фальшивыми драгоцънностями, иголками, булавками. Эти странствующіе купцы были очень хитры, мъняли и продавали все, что угодно; но такъ какъ понятія о чести были у нихъ очень эластическія, то они не упускали случая обмануть простенькаго покупателя. Докторъ испыталь на опыть честность этихъ людей и потому ръшился никогда не торговаться съ ними.

Однажды странствующій купецъ жестью остановиль свою подвижную лавочку у дверей доктора, и предложиль ему вымынять нъсколько товаровъ.

Докторъ отказался, говоря, что его уже проучили, и онъ даль себъ слово не имъть дъла съ жестяниками.

- Неужели всъ мы виноваты, что одинъ мошенникъ обмануль васъ, сказалъ хитрый купецъ. Есть и между нами честные люди. Попробуйте еще разъ счастія. Я готовъ уступить вамъ мой товаръ по той цънъ, по которой самъ беру на фабрикъ, а вы дадите мнъ ваши вещи, какъ ихъ продаете по мелочи. Кажется, я не похожъ на мошенника!
- Предложеніе ваше довольно благоразумно, пойдемте смотрыть вашь товарь.

И онъ, выбравъ нъсколько точильныхъ камней, спросиль о цънъ.

- Они стоятъ гуртомъ три доллара дюжина.
- Хорошо, я возьму двънадцать дюжинъ.

Когда камни вынули, сосчитали и разставили на прилавкъ, странствующій купецъ сказалъ:

— Вы мит должны дать тридцать шесть долларовъ или то-

варовъ на эту цъну. Посмотримъ, что-то вы мнъ дадите, и еще по мелочной цънъ.

— Я всегда продаю мои точильные камни по полъ-доллара штуку, отвъчалъ докторъ серьозно, стало-быть я вамъ дамъ по моей цънъ шесть дюжинъ камней и мы будемъ квиты. Согласны-ли вы?

Купецъ остался съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія; потомъ залился гомерическимъ смъхомъ.

Ахъ я дуракъ, закричалъ онъ, попался-же и я наконецъ.
 Ну, докторъ, не ожидалъ я такой шутки. Я согласенъ дать долларъ, чтобъ вы отказались отъ вашего условія.

Докторъ согласился, и жестяникъ никогда уже не предлагалъ ему своего товара.

Въ это время все народоселеніе графства было въ большомъ волненіи, по случаю выборовъ. Въ Данбюри двъ партіи были во враждъ, и чтобъ не потерять ни одного голоса, они привозили больныхъ, слъпыхъ и разбитыхъ параличемъ, чтобъ только увеличить число приверженцевъ одного изъ кандидатовъ. На площади волновалась шумная толпа, и всъ хлопотали только о числъ голосовъ.

- Я ужъ подалъ мой голосъ, сказалъ одинъ грязный работникъ моему дядъ Габезу Тайлору, и хочу еще разъ подать, да не знаю, какъ сдълать, чтобъ меня не узнали.
- Нътъ ничего легче, отвъчалъ Тайлоръ, поди вымойся, и тебя примутъ за другаго.

Дядя мой, Старъ Барнумъ, тоже славился своимъ остроуміемъ. Онъ еще живъ, хотя ему больше семидесяти лътъ, и живетъ въ Бетелъ. Здоровье его слабо, но онъ сохранилъ живость ума. Я недавно посътилъ его и сказалъ передъ прощаньемъ.

- Дядюшка, я собираю мои воспоминанія, чтобъ написать записки; не можете-ли вы припомнить мнъ какихъ нибудь-случаевъ, которые украсятъ мою книгу?
- Я помню многое, отвъчалъ старикъ, да ты не помъстишь всего въ твоей книгъ.

Однажды вывалили возъ дровъ передъ домомъ моего дъда, который стоялъ на крыльцъ съ Бенжаменомъ Гойтомъ. Въ это время проходилъ мимо дровосъкъ.

- Какъ ты думаешь Бенъ, сколько надобно времени, чтобъ расколоть всъ эти дрова? спросилъ дъдъ.
 - Да неменьше пяти часовъ.

- А я думаю, четыре.
 - Это невозможно, дрова слишкомъ кръпки.
- Я берусь расколоть ихъ въ четыре часа, сказалъ подошедшій дровосъкъ.
- Полно хвастать, не расколешь, говорилъ Бенъ. Я утверждаю, что нътъ міръ человъка, который-бы могъ исполнить эту работу въ такое короткое время.
- Я держу бутылку рома, что дровосъкъ кончитъ все въ четыре часа! вскричалъ дъдъ.
 - Хорошо, я согласенъ на пари, отвъчалъ Бенъ.

Дровосъкъ снялъ свое верхнее платье, засучилъ рукава рубашки и спросилъ, который часъ.

- Девять часовъ въ минуту! сказалъ дъдъ.
- Десять, одиннадцать, двънадцать, часъ; стало-быть, если я окончу работу въ часъ, вы выиграете пари!
 - Да!

Дровосъкъ принялся рубить дрова, и щепки полетъли во всъ стороны.

- Я выиграю, кажется, сказаль дъдъ.
- Не думаю, отвъчалъ Бенъ.

Нъсколько сосъдей, услыша споръ, вышли и окружили крыльцо, желая узнать результатъ пари. Потъ катился по лицу работника, который дъйствовалъ топоромъ скоро, правильно, какъ машина. Дъдъ мой вынесъ ему стаканъ грога, чтобъ освъжиться. Въ одиннадцать часовъ половина дровъ была уже расколота.

- Теперь ясно, что ты проигралъ пари, замътилъ дъдъ.
- Совсъмъ нътъ, отвъчалъ Бенъ, дровосъкъ скоро утомится и не окончитъ работы.

Это замъчаніе еще болье усилило стараніе дровоська. Потъ лиль съ него, но онь не останавливался ни на минуту, и работа быстро подходила къ концу. Въ четверть перваго оставалось расколоть только нъсколько польнъ, какъ вдругъ работникъ выпрямился, какъ-будто вспомнилъ что-нибудь важное, и опершись на топоръ, спросилъ дъда:

- Да въдь мы не сговорились въ цънъ. Кто мнъ заплатитъ за работу?
- Не знаю, отвъчалъ дъдъ, сохраняя серьозный видъ опытнаго актера.
- Какъ! неужели вы думаете, что я для своего удовольствія потълъ надъ этими дровами.

- Да въдъ тебя никто не просилъ и не нанималъ. Ты самъ взялся расколоть въ четыре часа, и теперь почти кончилъ. Торопись-же, чтобъ я не проигралъ нари.
- Убирайтесь вы къ чорту съ вашимъ пари! закричалъ несчастный, бросивъ свой топоръ.

Сосъди, понявшіе комедію, начали смъяться, отчего гнъвъ жертвы увеличился. Потомъ всъ ношли объдать, а бъдный дровосъкъ остался сидъть на дровахъ, проклиная и браня все селеніе. Наконецъ дъдъ надъ нимъ сжалился и заплатиль, что онъ спросилъ.

 Благодарю, отвъчалъ работникъ, только впередъ я буду осторожнъе и не буду рубить дровъ, не узнавъ, кому они принадлежатъ.

Въ Бетель жиль старичекъ, котораго всъ звали дядя Ризъ. Онъ страстно любиль нюхать табакь, и клалъ всегда въ табакерку тонкскій бобъ, придающій будто-бы табаку особенный пріятный ароматъ. Дядя Ризъ торговаль рыбою въ Норфолькъ и Данбюри. Однажды дъдъ, нюхавшій тоже табакъ, попросиль у него ароматный бобъ на нъсколько дней, чтобъ онъ полежаль въ его табакеркъ. Потомъ онъ выстругалъ изъ дерева фигуру боба и выкрасилъ его черною краскою. Когда дядя Ризъ пришелъ требовать свой бобъ, дъдъ отдалъ ему деревяшку.

Старикъ, не замътя обмана, положилъ фальшивый бобъ въ табакъ и отправился въ Норфолькъ. Когда онъ возвратился въ Данбюри, всъ жители знали исторію съ бобомъ, но никто не сказалъ ему ни слова, чтобъ позабавиться надъ несчастнымъ.

Съ-тъхъ-поръ, съ къмъ-бы ни встрътился дядя Ризъ, съ мужчиной, женщиной или ребенкомъ, всъ просили у него понюхать табачку, и хвалили ароматъ боба. Бъднякъ не могъ напастись табаку, такъ что нъсколько разъ въ день наполнялъ табакерку. Всъ приставали къ нему также съ разспросами, чтобъ онъ разсказалъ, гдъ растутъ такіе ароматные бобы, на какомъ деревъ, какъ ихъ произрастать, и старикъ цълый день говорилъ одно и тоже, что тонкскіе бобы ростутъ на одномъ деревъ въ Восточной Индіи, что они передаютъ свой ароматъ всему, возлъ чего лежатъ, и дълаютъ табакъ превосходнымъ, такъ что кто привыкъ держать бобъ въ табакеркъ, тотъ уже не можетъ нюхать простаго табаку.

Эта мистификація продолжалась уже нъсколько дней, и дъдъ, для развязки, пригласиль къ себъ объдать дядю Риза и нъсколь-

кихъ сосъдей. Но къ несчастію секретъ открыли раньше. Жертва пришла въ нашу лавочку, чтобъ наполнить табакерку, и докторъ Оррасъ Тилеръ, случившійся тутъ, попросиль разсмотрътъ поближе бобъ. Ризъ началь въ сотый разъ читать о качествахъ боба, но докторъ разломилъ кусочекъ дерева, и вывель старика изъ заблужденія. Только громкій хохотъ собравшихся сосъдей показаль ему, что его давно дурачатъ и что все селеніе давно знаетъ тайну боба. Дядя Ризъ никогда не простиль этой шутки дъду, который долго сердился на доктора, открывшаго преждевременно тайну.

— Я отдаль-бы лучшую свою корову, чтобъ продлить мистификацію до объда, говориль дъдъ. И я увъренъ, что онъ сдълаль-бы это.

Въ мартъ мъсяцъ отецъ мой захворалъ лихорадкою такъ сильно, что слегъ въ постель. Скоро бользнь его усилилась, и 7-го сентября 1825 года онъ умеръ, сорока восьми лътъ.

Мнъ было тогда пятнадцать льтъ. Потеря отца поразила насъ всъхъ. Будущность казалась мнъ самою печальною, безъ лучшаго мосго друга и покровителя. Я чувствовалъ свою слабость, свою дътскую неопытность, вступая въ новую жизнь, и печаль моя доходила до отчаянія. Отецъ оставилъ свою вдову съ пятью дътьми, изъ которыхъ я былъ старшій, а меньшему не было семи лътъ. Проводивъ тъло отца до послъдняго жилища, мы грустно вернулись домой, боясь глядъть другъ на друга, чтобъ удержать слезы.

Когда назначили опекуновъ, то увидъли, что отецъ не успълъ еще нажить себъ ничего, и напротивъ, долги превышали его состояніе. Кредиторы получили по пятидесяти процентовъ, и матери предстояли тяжкія испытанія, но она своими трудами и терпъніемъ содержала семейство, и даже черезъ нъсколько льтъ вступила во владъніе домомъ отца. У меня былъ накопленъ маленькій капиталъ, но я отдалъ его отцу, и такъ какъ былъ несовершеннольтній, то не могъ требовать никакой части наслъдства. Принужденный взять въ долгъ сапоги, чтобъ идти за гробомъ отца, я смъло могу сказать, что началъ свое поприще не имъя въ карманъ ни одного су.

Я остался нъсколько времени прикащикомъ у г. Вида, продолжавшаго держать лавочку; потомъ отправился въ Грасси, за милю отъ Бетеля, гдъ гг. Келеръ и Витлокъ предложили мнъ мъсто прикащика, съ жалованьемъ по шести долларовъ въ мъсяцъ. Я началь дълать небольшія спекуляціи на свой счеть, и со всевозможною экономією собраль маленькую сумму. Я жиль у г-жи Велерь, доброй женщины, у которой были двъ дочери, Геруша и Мари, и привыкь къ нимъ какъ къ роднымъ. Дядя мой Адансонъ Тайлоръ давалъ мнъ совъты, и я слушался его, какъ моего опекуна и покровителя. Торговля занимала меня; я старался угодить хозяевамъ, былъ дъятеленъ, расторопенъ, и скоро заслужилъ ихъ расположеніе. Я всегда съ благодарностію вспоминаю, что они первые помогли мнъ заработывать хлъбъ.

Однажды передъ магазиномъ остановился странствующій купецъ съ цълымъ возомъ бутылокъ разнаго размъра, графиновъ и другаго стекла. Оба хозяина ушли куда-то, и я предложилъ кунцу промънять его бутылки на какой-нибудь товаръ. Тотъ, принявъ меня за простенькаго мальчика, согласился, и я отдалъ ему за его стекло всъ ненужныя вещи, давно валявшіяся въ магазинъ безъ употребленія. Обмънъ былъ уже конченъ, какъ вернулся г. Килеръ, и увидя магазинъ, заваленный бутылками, вскричалъ.

- На что намъ такая пропасть бутылокъ!
- Я вымънялъ ихъ на наши товары, отвъчалъ я.
- И вы сдълали очень глупо, потому-что не продадите этого стекла въ двадцать лътъ.
- Не безпокойтесь, они достались мнъ дешево, потому-что я далъ за нихъ вещи, которыя ничего почти не стоятъ и не найдутъ никогда покупателей; что-же касается до бутылокъ, то я берусь избавиться онъ нихъ въ три мъсяца.
- Посмотримъ, удастся ли вамъ сдълать это чудо, сказалъ хозяинъ, видимо довольный, что я сдълалъ все-таки выгодную сдълку. Однако грузъ бутылокъ все еще занималъ его, и онъ приказалъ перенести ихъ на чердакъ.

У моихъ хозяевъ быль тоже магазинъ, гдъ производилась мъновая торговля. Большое число шлянныхъ фабрикантовъ брали у насъ товары, платя шлянами, точно также какъ другіе работники мъняли свои произведенія.

Вообще у насъ было большое число покупателей, съ которыми я успълъ познакомиться, и признаюсь, что взявъ грузъ бутылокъ, я уже составилъ въ головъ планъ, чтобъ въ тоже время спустить съ рукъ множество жестяной посуды, почернъвшей отъ времени. Я вздумалъ устроить лотерею. Въ первый дождливый день сдълалъ я разсчетъ и распредълилъ выигрыши.

Первый выигрышь быль цьною въ двадцать пять долларовъ и состоялъ изъ товаровъ, выбранныхъ хозяиномъ билета; кромъ того, иятдесятъ выигрышей по пяти долларовъ (тоже товарами) и мелкіе выигрыши, состоящіе изъ чулокъ, бумажныхъ платковъ жестяныхъ кострюль, бутылокъ, перочинныхъ ножей и пр. и пр. Но большую часть товаровъ составляли бутылки и мелочные товары. Сто выигрышей были по доллару, сто по полдоллара и триста по четверть доллара. Билетовъ-же по полдоллара было тысяча, и по моему разсчету цъна выигрышей равнялась цънъ билетовъ, то есть ихъ было на пятьсотъ долларовъ. Я написалъ множество объявленій огромными буквами: Неслыханная лотерея! 1000 билетовъ и больше 550 выигрышей!!! Всъ выигрыши имъютъ цънность!!! Разбирайте билеты!! и пр. и пр.

Всъ бросились за билетами, не справляясь даже, въ чемъ состоятъ выигрыши. Работники, ученики, женщины покупали по нъскольку билетовъ. Въ десять дней всъ билеты были разобраны. День розыгрыша лотереи былъ назначенъ, и я не имълъ причины откладывать его.

Потомъ всъ начали являться за выигрышами. Одна молодая дъвушка, взявшая билетовъ на пять долларовъ, выиграла кусокъ лентъ, катушку бумаги, пачку булавокъ, тёрку, шесть жестяныхъ ложекъ, фаянсовую чашку и двънадцать бутылокъ. Она хотъла-бы промънять свои выигрыши на одну порядочную вещь, но я не позволилъ и отдалъ ей ея собственность.

Другой узнаваль съ удивленіемъ, что всъ его выигрыши состояли изъ оловянныхъ кружекъ разной величины; третій получаль множество пустыхъ бутылокъ. Нъкоторые сердились на свое счастіе, большая часть смъялись. Я-же забавлялся любопытною картиною, смотря, какъ люди, приходящіе ко мнъ съ веселымъ лицомъ, уходили печальные, таща цълый грузъ бутылокъ или испорченной жестяной посуды. Я избавился отъ всъхъ ненужныхъ вещей, загромождавшихъ магазинъ, и вмъсто пустыхъ бутылокъ и старой жести, у меня явилась новая посуда, блестящая, какъ серебро.

Ааронъ Никольсъ, мужъ моей тетки Лоры, былъ одинъ изъ главныхъ шляпныхъ фабрикантовъ. Его работники набрали у меня множество билетовъ, и самъ онъ, кажется, двънадцать. Ему посчастливилось выиграть семь выигрышей, состоящихъ большею частію изъ жестяной посуды. Когда онъ прівхаль за своими

вещами, то я наложилъ ему въ телегу цълую гору жести. Черезъ два дни тетушка Лора привезла мнъ назадъ всъ выигрыши.

— Дай мнъ что-нибудь другое, сказала она. Эта жесть похожа на чугунъ, и нътъ никакой возможности вычистить ее. Возьми ее назадъ.

Я отвъчаль, что мнъ не нужно этой посуды, что я не могу вымънять ее и что почтенный дядюшка такъ уменъ, что, въроятно, найдется, какъ употребить свой выигрышъ.

 — Дядюшка твой глупъ, что набралъ билетовъ въ такую лотерею, гдъ выигрыши хуже проигрышей.

Я захохоталь, что, разумьется, еще больше разсердило тетку и она насказала мнъ множество непріятных комплиментовъ; но я не переставаль смъяться, и наконець сказаль ей:

- Вы-бы тетушка попробовали продать вашу жестяную посуду. Вотъ г-жа Велеръ, которая живетъ напротивъ, еще сегодня спрашивала, нътъ-ли у меня оловянныхъ ложекъ.
- Неужели, вскричала тетка Лора; я пойду продавать ей мои ложки.

И набравъ ихъ нъсколко, она побъжала къ сосъдкъ.

- Купите у меня ложки, мадамъ Велеръ, сказала она ей.
- Благодарю, отвъчала сосъдка, у меня ихъ и такъ много.
- Да племянникъ мой Тайлоръ Барнумъ сейчасъ сказалъ мнъ, что вы хотите купить оловянныхъ ложекъ и цъдилокъ.
- Вашъ племянникъ просто шалунъ, который захотълъ позабавиться надъ нами. Онъ очень хорошо знаетъ, что я выиграла груду оловянной посуды.

Тетушка разсердилась не на шутку. Она разбросала весь свой выштрышъ по магазину, сказавъ, что ей ничего не нужно, потому-что не стоитъ носить домой этотъ хламъ, и ушла, ворча на меня.

Въ это время провзжала мимо телега. Я остановиль ее, сложиль всю посуду пирамидой, и вельль свезти все къ тетушкъ, такъ что когда она пришла домой, то прежде всего увидъла свой выигрышъ, съ четверостишіемъ моего сочиненія.

Надобно вообразить, какъ она заочно выбранила меня. Долго она не могла простить мнъ этой шутки, и недъли три послъ происшествія прислала мнъ пирогъ, завернутый въ бълую бумагу.

Я быль очень доволень этою присылкою, но развернувъ бумагу, увидъль, что пирогь быль испечень на оловянномъ блюдъ, выигранномъ тетушкою, и что онъ черенъ такъ-же, какъ металлъ носуды.

Я остался безъ пирога, но поняль, что если тетушка принялась шутить, то значить она мнъ простила, и въ тотъ-же вечеръ пошель къ ней пить чай.

Иногда случалось, что меня навъщали товарищи мои изъ Бетеля, и ночевали у меня, если было уже поздно, чтобъ вернуться домой. Однажды Джонъ Беби, мальчикъ моихъ лътъ, пришелъ ко мнв вечеромъ. Въ это время сосъдъ мой Амосъ Велеръ пришелъ попросить меня, чтобъ я переночеваль въ его квартиръ, нотому-что онъ съ женой долженъ куда-то вхать, но дълу, а дъти оставались одни. Я отправился туда вмъстъ съ Джономъ. Черезъ нъсколько дней Джонъ пришелъ ко мнъ и сказалъ, что когда ночевалъ у Велера, то нечаянно, вмъсто своихъ чулокъ, надълъ чужіе, и еще старые, тогда какъ его собственные были новые, и что на чулкахъ мътка А. В. Ясно, что чулки эти принадлежали сосъду и я сказалъ Джону, чтобъ онъ снесъ ихъ г-жъ Велеръ, которая, въроятно, тотчасъ узнаетъ чулки мужа и отыщеть тв, которые остались у ней. Черезъ нъсколько минутъ Джонъ вернулся раздосадованный и браня сосъдку. Она видъла мътку, но объявила, что это не мужнины чулки и что у нея нътъ чулокъ Джона.

Меня удивило, что г-жа Велеръ захотъла обманывать изъ такой бездълицы, и я показалъ чулки ея мужу, но тотъ тоже не призналъ ихъ. Признаюсь, мы начали подозръвать, что сосъди наши нечестные люди, потому-что доказательства были ясны. Странно только, что они вздумали доказать свое мошенничество по случаю такой ничтожной вещи. Джонъ очень горячился и называлъ ихъ громко ворами.

Черезъ недълю я встрътиль его опять, и смъясь спросиль, нашель-ли онъ свои чулки.

— Ахъ, да, вообрази, что случилось, сказаль онъ. Я совсьмъ напрасно обвинялъ честныхъ Велеровъ. Переночевавъ съ тобою у сосъда, я пошелъ къ Адаму Вильяму и провелъ у него ночь. Недавно, встрътясь со мною, онъ сказалъ, что носитъ мои чулки, которые я перемънилъ на его. Стало-быть мътка А. В. означала не Амосъ Велеръ, какъ я предполагалъ, забывъ совершенно о моемъ второмъ ночлегъ.

Это происшествіе, разумъется, ничтожно, но оно произвело на меня сильное висчатлъніе. Я подумаль, сколько судебныхъ ръ-

шеній, сколько приговоровъ сдълано было по доказательствамъ, подобнымъ чулкамъ Джона, и сколько невинныхъ пострадали отъ того только, что обстоятельства ихъ обвиняютъ!

Каждую еубботу я отправлялся въ Бетель, и оставался у матушки до понедъльника. Въ воскресенье я провожаль ее въ церковь. Мать моя продолжала содержать единственную таверну въ селеніи. Однажды, въ субботу вечеромъ, когда я собрался въ путь, сдълалась сильная гроза и полиль дождь. Несмотря на это, я не хотълъ откладывать путешествія. Миссъ Мари Велеръ, дочь сосъдки, прислала мнъ въ это время сказать, что у ней подруга изъ Бетеля, которой надобно непремънно домой и которая, боясь грозы, проситъ меня проводить ее. Я согласился и подъъхалъ на моей лошади къ крыльцу сосъдки. Зайдя къ нимъ на минуту, я увидълъ въ первый разъ молодую, свъженькую дъвушку, съ пріятною улыбкою и бъленькими зубками. Ее звали Шарити Галетъ, хотя подруги называли ее просто Шери.

Я-помогъ дъвушкъ състь на лошадь, на которой она прівхала къ Мари, и мы отправились въ Бетель въ темную, бурную ночь.

Признаюсь, что я не успъль еще хорошенько разсмотръть моей спутницы, но почувствоваль какое-то сладостное волненіе. Чувствъ своихъ не могъ я даже понять, потому-что это случилось со мною въ первый разъ. Не знаю, какъ я ръшился заговорить съ Шери, и молодая дъвушка отвъчала миъ такъ мило и умно, что я началъ жалъть, зачъмъ разстояніе до Бетеля не вдвое больше. Покуда я мысленно выговаривалъ это желаніе, блеснула молнія и освътила хорошенькое личико Шери, тогда я досадоваль, что намъ приходится вхать не двадцать миль вмъств. Я узналъ, что спутница моя швея, что она работаетъ въ магазинъ Зера Бенедикта въ Бетелъ. Скоро однако, къ моему неудовольствію, мы остановились передъ домомъ миссъ Галетъ. Я пожелаль ей покойной ночи и тихо поъхаль домой. Всю ночь снилось мнъ свъженькое личико молоденькой швеи. Въ воскресенье утромъ я увидалъ ее на яву въ церкви, куда аккуратно приходила она всякій праздникъ, но ни разу не могъ найти случая, возобновить наше знакомство.

Келеръ и Витлокъ продали свой магазинъ Левису Тайлору, который оставилъ меня прикащикомъ. Одна конектикутская пословица говоритъ: Если ты хочешь, чтобъ твой сынъ узналъ людей, то пусти его въ торговлю года на два. Съ этимъ я совершенно согласенъ, потому-что много узналъ, пробывъ прикащикомъ.

Я уже сказаль, что большая часть покупателей были шляпные фабриканты, платящіе товарами, а не деньгами. Нъкоторые изънихь, побогаче, вели дъла честно, но мелкіе торговцы обманывали при всякомъ случав безсовъстно, потому-что въ шляпной торговлъ всего легче мошенничать. Если шляпа была испорчена въ краскъ или разръзана, то ее ловко склеевали, чинили и приносили намъ въ уплату. Матеріалъ, употребляемый на шляпныхъ фабрикахъ, былъ различный, какъ по цънъ, такъ и по достоинству. Бобровыя, выдровыя, кроликовыя, мышиныя шкуры употреблялись для шляпъ, и разумъется, намъ всегда приносили кроликовыя, которыя самыя дурныя и непрочныя, выдавая ихъ за бобровыя. Иногда-же мъшали хорошій матеріалъ съ дурнымъ.

Мы, съ своей стороны, подмъшивали разныя снадобья въ чай, сахаръ, вина, продавая все за самый высокій сорть, котораго не держали. Стало-быть это была круговая порука. Бумажныя ткани продавались за шерстяныя, шерсть за шелкъ, словомъ, ни одинъ товаръ не носилъ настоящаго своего названія. Притомъже покупатели и продавцы знали очень хорошо, что ихъ обманываютъ. Мы увъряли, что наши ситцы никогда не полиняютъ, тогда какъ стоило только опустить ихъ въ воду, чтобъ всъ краски слились. Нашъ молотый кофе былъ отлично приготовленъ изъ жженыхъ бобовъ, гороху и крупъ, а инбирь сдъланъ изъ муки. Если странствующій торговець покупаль у нась партію касторовыхъ шляпъ, оцъненную въ шестдесятъ долларовъ, то онъ самъ зналъ очень хорошо, что беретъ кроликовыя шляпы, нестоящія и пятнадцати долларовъ. Зато онъ оставлялъ въ уплату нъсколько часовъ своей работы, божась, что они будутъ цълый годъ служить безъ поправокъ и показывать върно, тогда какъ мы знали, что они сдъланы по системъ бритвъ Петера Пиндара, тоесть чтобъ быть проданными, а не употребленными въ дъло. Мы еще считали себя въ выигрышъ, если въ часахъ была половина необходимыхъ рессоръ.

Въ подобной школъ можно было скоро изучить свъть и людей; но если ученикъ оставался въ ней долго, желая совершенно окончить курсъ торговли, то онъ терялъ безвозвратно всъ понятія о честности и нравственности.

У насъ тоже есть поговорка: пьяно како шляпнико, и сколько я помню, все шляпники, которых в зналь, съ немногими исключеніями, были страшные пьяницы. Тв, которые работали за городомъ, покупали разомъ по боченку рома, городскіе-же работники панимали человъка, чтобъ онъ поминутно приносилъ изъ магазина на фабрику нъсколько бутылокъ разной формы. Въ этотъ періодъ моей жизни я отпустилъ работникамъ на шляпныхъ фабрикахъ столько вина, что имъ можно было-бы наполнить огромный бассейнъ и спустить туда военный корабль.

Такъ какъ не надобно было большихъ способностей, чтобъ служить на посылкахъ у пьяницъ, то выбирали въ эту должность какого-нибудь бъдняка, слабаго или изувъченнаго, неспособнаго къ работъ, или стараго пьяницу, отбившагося отъ дъла, но который сохранилъ довольно честности, чтобъ но дорогъ не пользоваться виномъ тъхъ, которые его наняли. Въ мое время исполнялъ эту должность бъднякъ, полупомъщанный, по имени Яковъ, котораго называли мягкое сердие, что его чрезвычайно сердило, особенно если мальчики моихъ лътъ звали его такъ. Тогда онъ горячился комически и кричалъ:

— У меня не мягкое сердце, я вамъ докажу, что и я умъю злиться, какъ всъ вы.

Въ числъ нашихъ покупателей было нъсколько инвалидовъ, получавшихъ пенсію за участіе въ войнъ за независимость, но они тратили всегда впередъ свое жалованье и оставляли намъ въ закладъ свои документы. Однако, такъ какъ надобно было, чтобъ они сами являлись за полученіемъ пенсіи и расписывались, то надобно было распорядиться такъ, чтобъ они не истрачивали все до послъдняго доллара, потому-что случалось, что инвалиды, задолжавъ больше трети жалованья, не соглашались идти въ контору, за полученіемъ денегъ и росписаться, если имъ не прощали часть долга.

Въ числъ любителей нашего вина былъ инвалидъ Бевансъ, котораго звали всъ дядею Бибинсъ. Выпивши немного, онъ начиналъ разсказывать эпизоды изъ войны за независимость, о которыхъ никто не слыхалъ. По его словамъ, онъ участвовалъ во всъхъ замъчательныхъ сраженіяхъ, взялъ нъсколько кръпостей, совершилъ чудные подвиги.

Дядя Бибинсъ въ нъсколько дней задолжалъ намъ почти треть пенсін, оставя намъ свои бумаги. Но такъ какъ до полученія денегь оставалось три мъсяца, то мы не знали, какъ удалить нашего должника на это время. У него были родные въ Гиль ордъ, и мы уговаривали его ъхать къ нимъ въ гости, но инвалидъ не хотълъ и слышать. Наконецъ, я придумалъ драматическое средство, чтобъ обезпечить нашъ долгъ.

У дяди моего Никольса быль работникь, по имени Бентонь, который никогда не отказывался отъ шутки. Я уговориль его поссориться съ Бибинсомъ и вызвать его на дуэль. Это было легко. Стоило только во-время разсказовъ инвалида усомниться въ правдъ его подвиговъ. Бентонъ при первомъ случав нетолько засмъялся, но обвинилъ Бибинса въ трусости, говоря, что если онъ раненъ, такъ непремънно въ спину. Я въ это время поджигалъ ветерана, говоря, что подобныя оскорбленія требуютъ поединка, и противники назначили часъ и оружіе. Они должны были стръляться на двадцать метровъ.

Дядя Бибинсъ, разумъется, просилъ меня быть секундантомъ. Отозвавъ меня въ сторону, онъ попросилъ меня, чтобъ я зарядилъ пистолеты не пулями, потому-что не хочетъ смерти противника. Я успокоилъ его, и онъ послъ этого сталъ еще болъе храбриться, крича, что недаромъ былъ въ двадцати сраженіяхъ, что докажетъ свою смълость, всадивъ пулю прямо въ грудь врага.

Секунданты отмърили пространство, поставили противниковъ на мъста, и закричали пли! Оба выстрълили разомъ. Дядя Бибинсъ, разумъется, не былъ раненъ, но Бентонъ вскрикнулъ жалобно, привскочилъ и упалъ на животъ. Я подбъжалъ къ нему, чтобъ ощупать его, потомъ, отведя испуганнаго убійцу въ сторону, сказалъ, что онъ убилъ врага, что я не успълъ вынутъ пулю, и что теперъ остается ему бъжать какъ можно скоръе въ Гильфордъ, и оставаться тамъ, покуда дъло это уладится. Онъ убъжалъ со всъхъ ногъ, не взглянувъ на убитаго, и прятался отъ всъхъ до-тъхъ-поръ, покуда пришелъ срокъ получатъ пенсію, и я написалъ ему, что Бентонъ какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти, вылечился отъ раны въ сердце, и прощаетъ своего убійцу.

Дядя Бибинсъ вернулся къ намъ, заплатиль долгъ, и потомъ пошелъ навъстить Бентона.

- Храбрый мой другъ, вскричаль тотъ, я прещаю тебя, что ты хотълъ меня убить, и прошу у тебя извиненія, что обядъль тебя безъ всякой причины.
- Отъ всего сердца прощаю тебя, отвъчаль ундалидъ, только совътую тебъ впредь быть осторожнъе, и не ссориться съ такими извъстными дуэлистами, какъ я.

Бентенъ объщалъ исполнить этотъ совътъ, и дядя Бибинсъ остался увъренъ до конца жизни, что онъ серьозно ранелъ и чуть не убилъ своего пріятеля. Я привожу всв эти незначущіе анекдоты, чтобъ показать, что въ молодости я быль окружень веселыми людьми, придумывавшими безпрестанно разныя забавы и шутки, и что эта атмосфера имъла большое вліяніе на мой умъ и характеръ.

the state of the second second and the second second of the second secon

новыя происшествія.

Веревка у ноги. — Спекулативный духъ. — Лихорадка молодости. — Удачные опыты. — Увеличеніе. — Штрафь за проклятія. — Визить слону. — Сдълка по неволъ. — Аферисть. — Прерванная ръчь. — Первое дъло. — Дешевая свадьба. — Неисполнившееся ожиданіе. — Дантисть шарлатань. — Гусиныя перья. — Консультація. — Любовное письмо. — Медь и уксусъ. — Стихи. — Соглашенія. — Большіе расходы. — Избавленіе оть опасности. — Полезныя свъдънія. — Факты и цифры. — Страсть къ лотереямъ. — Мина и контръ-мина. — Моя женитьба. — Ирландець. — Процессъ въ шутку. — Отсрочка. — Настоящій адвокать. — Судья Парсонъ. — Расходы по хозяйству. — Герольдъ. — Процессъ. — Юбилей. — Разсчеть.

Осенью 1826 года Оливеръ Тайлоръ, оставившій уже давно Данбюри и поселившійся въ Броклинъ, въ Лонгъ-Эйландъ, предложилъ мнъ мъсто прикащика въ своемъ магазинъ. У него была въ Броклинъ также фабрика гребенокъ, которыя отправлялись въ Нью-Горкъ. Я согласился на это предложеніе, и перебрался въ магазинъ, находившійся на углу улицъ Зандсъ и Перлзъ.

Покупатели приходили за покупками очень рано, чтобъ успъть приготовить завтракъ; слъдственно, я долженъ былъ вставать чъмъ свътъ. Такъ какъ я непривыкъ къ этому, то мнъ было очень трудно вставать. И чтобъ не проспать, я уговорился съ вахтманомъ, ходившимъ по нашей улицъ, чтобъ онъ каждое утро будилъ меня, дергая за веревку, одинъ конецъ которой былъ привязанъ къ моей ногъ, а другой висълъ изъ окна на улицу. За это я обязался платить ему по два шилинга въ недълю.

Такъ прошло нъсколько времени. Вахтманъ будилъ меня всегда во-время, какъ вдругъ Тайлоръ узналъ какъ-то объ нашемъ
уговоръ, и однажды ночью такъ дернулъ за веревку, что я
вскочилъ въ испугъ, думая, что у меня оторвали ногу, и съ
намъреніемъ побранить хорошенько вахтмана, одълся и побъшалъ на улицу. Тамъ, разумъется, еще никого не было, потомучто былъ только часъ ночи. Долго я не могъ узнать, кому вздумалось подшутить со мною, но открылъ нечаянно, что это мой
хозяинъ. Съ-тъхъ-поръ я отпустилъ вахтмана и пріучился самъ
вставать рано.

Г. Тайлоръ скоро довърился мнъ совершенно, и поручалъ закупать товары, которые продавалъ по мелочи. Я началъ серьозно изучать торговлю, самъ ходилъ туда, гдъ провизія продавалась изъ первыхъ рукъ, сравнивалъ цъны, достоинства, не пропускалъ ни одной распродажи, и зналъ нетолько имена покупателей, но даже, что они заплатили за тсваръ и сколько берутъ процентовъ. На аукціонахъ, гдъ продавалось гуртомъ, я составлялъ компаніи съ другими купцами, которымъ нужна была небольшая часть товара, и покупалъ гораздо дешевле, чъмъ-бы пришлось изъ третьихъ рукъ.

Хозяинъ былъ доволенъ мною и обходился со мною ласково, желая удержать меня; но положение прикащика мнъ не нравилось. Есть люди, которые никакъ не могутъ довольствоваться назначеннымъ доходомъ, какой-бы онъ ни былъ, и не имъя никакой надежды на перемъну состоянія. Я принадлежу къ этому числу. Расположенный къ спекуляціямъ, я быль увъренъ, что моя энергія, настойчивость и старанія могуть доставить гораздо больше выгодъ, чъмъ одно и тоже занятіе. Вотъ почему я рышился оставить магазинъ и заняться собственными дълами, несмотря на мою молодость, или, можетъ-быть, по причинъ молодости, которая не сомнъвается въ успъхъ самыхъ важныхъ предпріятій. Правда, что у меня не было капитала, чтобъ начать какое-нибудь дъло, но объ этомъ я не безпокоился, потому-что многіе достаточные люди предлагали мнъ суммы, чтобъ пуститься въ спекуляціп. Я быль къ критическомъ возрасть, когда не быль уже ребенкомъ, но не могъ назваться и взрослымъ, и когда мальчику всего нужные умный и твердый путеводитель. Отъ шестнадцати до восемнадцати лътъ мы до того глупы и горды, что воображаемъ доступнымъ все, что достается долгольтними трудами, опытностію и ученьемъ. Эту эпоху можно назвать лихорадкою молодости, потому-что въ голову приходятъ самыя странныя идеи, самыя неестественныя мечты. Мальчики этихъ лътъ и дъвочки отъ тринадцати до шестнадцати могутъ почесться самыми несносными существами въ міръ. Родители всегда боятся этого возраста.

Лътомъ 1827 года у меня сдълалсь оспа, хотя восемь лътъ тому назадъ мнъ ее прививали. Я захворалъ такъ сильно, что пролежалъ нъсколько мъсяцевъ и пролечилъ большую часть моего маленькаго капитала. Потомъ только что я началъ поправляться, то собрался ъхать къ моему семейству на нъсколько

недъль. Когда я вошелъ въ шлюнку, отправлявшуюся въ Норфолькъ, моя наружность до того испугала пассажировъ, что они объявили капитану, что не ноъдутъ со мной, боясь, чтобъ къ нимъ не пристала бользнь, и капитанъ Мунсонъ-Гойтъ, съ которымъ у меня были торговыя сдълки, съ прискорбіемъ объявилъ мнъ, что не можетъ перевезти меня. Мнъ было очень грустно; но дълать нечего. Оспа оставила на мнъ страшные слъды, такъ что я не могъ видъть себя въ зеркалъ. Переночевавъ въ гостииницъ Гольтъ, въ Фультонъ-Стритъ, я на другой день сълъ на пароходъ, отправлявшійся въ Норфолькъ, и къ объду былъ въ Бетелъ.

Заботы матери и покойная жизнь ноправили меня въ нъсколько недъль, и я проводиль время съ товарищами моего дътства, съ добрыми сосъдями. Я успълъ также возобновить знакомство съ хорошенькою швеею Шери Галеть, которую провожаль однажды въ бурную ночь изъ Грасси-Плена до Бетеля. Я чувствоваль влечение къ этой дъвушкъ, и старался съ ней сблизиться, но любовь не волновала меня и я спалъ очень спокойно.

Черезъ мъсяцъ я простился съ родными и знакомыми, и воротился въ Броклинъ. Тутъ я уже открыль на свой счеть торговлю пивомъ, недалеко отъ магазина г. Тайлора, котораго, я, разумъется, предупредилъ заранъе, чтобъ онъ нашелъ себъ другаго прикащика. Насколько масяцевъ дала мон шли хорошо, но вдругъ нашелся выгодный покупатель моей лавочки, и въ тоже время миз предложили мъсто прикащика въ тавериъ г. Давида Торна въ Нью-Іоркъ. Разумъется, что я согласился съ восторгомъ, чтобъ только отправиться въ этотъ городъ. Таверна г. Торна была мъстомъ сборища для фабрикантовъ изъ Данбюри и Бетеля; стало-быть я быль окружень постоянно знакомыми. Жиль я въ семействъ г. Торна, гдъ обходились со мною ласково, Свободнаго времени было у меня довольно, и я пользовался имъ, чтобъ посъщать театральныя представленія, потому-что быль страстный любитель театра. Я ходиль туда всегда съ друзьями, и любиль громко критиковать піесы.

Вообще я вель порядочную жизнь. Продавая съ дътства вина и кръпкіе напитки, я не помню, чтобъ прежде двадцати-двухъ лътъ выпилъ пинту вина или пива. По праздникамъ ходилъ я аккуратно въ церковь, и читалъ библію такъ часто, какъ только было можно. Въ февралъ 1828 года дъдъ мой написалъ мнъ, что если и хочу торговать на свой счетъ какимъ-нибудь товаромъ, то онъ отдастъ мнъ даромъ половину своего магазина въ Бетелъ.

Этоть магазинъ находился въ большой улицв, на самомь выгодномъ мъстъ, и я ръшился завести тамъ фруктовую лавочку. Оставляя Нью-Іоркъ, я сговорился съ многими знакомыми купцами, которые взялись пересылать мнъ все, что нужно. Прівхавъ въ Бетель, я поспъщилъ устроить магазинъ, закупить товаровъ, въ томъ числъ боченокъ элю, и въ первыхъ числахъ мая 1828 года открылъ свою торговлю. Въ этотъ день наша милиція была на ученьи.

Я чувствоваль большое волненіе, какого не испытываль въ послъдствіи, въ серьозныхъ дълахъ, когда началь торговать отъ своего имени и на свой собственный счеть. Весь мой капиталь, состоявшій изъ ста-двадцати долларовь, быль употреблень на устройство магазина, закупку провизіп, и я все думаль объ одномъ: будеть-ли хорошая погода въ день открытія моего магазина, и соберутся-ли ко мнъ покупатели?

Надо себъ вообразить, какъ рано я всталь въ этотъ день, который, къ моему счастно, былъ ясный, и побъжаль въ мой магазинъ. Окрестные жители, собиравшісся съ утра въ селеніе, были привлечены красивымъ убранствомъ новооткрытаго магазина, и начали останавливаться у меня. Скоро у меня набралось столько покупателей, что я не успъваль отпускать товаръ, и долженъ былъ попросить одного товарища, чтобъ онъ помогаль мив. Это продолжалось цълый день, и вечеромъ, когда я, закрывъ лавочку, счелъ выручку, то увидълъ, что у меня шестдесять три доллара, тоесть почти та сумма, на которую я купиль товару, котораго осталось больше половины, за исключеніемъ эля, осущеннаго до послъдной капли.

Этотъ результать осчастливиль меня, доказавъ, что торговля моя пойдеть хорошо. Въ-самомъ-дълъ, я не ошибся. Купивъ другой боченокъ эля, я на остальныя деньги набралъ въ Нью-Горкъ мелочей: портфелей, гребенокъ, дешевыхъ вещицъ, ножичковъ и игрушекъ, которыя продавались такъ скоро и выгодно, что къ осени я началъ еще торговать устрицами.

Мои успъхи радовали дъда. Онъ посовътовалъ мит открыть еще контору для продажи лотерейныхъ билетовъ, съ которыхъ и получалъ-бы проценты. Въ это время лотереи не были уничтожены въ Коиектикутъ, а напротивъ считались почетнымъ и

законнымъ занятіемъ, какъ всякая торговля. Я исполнилъ желаніе дъда, и получилъ право продавать билеты, получая съ нихъ десять процентовъ. Это было очень выгодно, и при моей торговлъ плодами и мелочами я сбывалъ много лотерейныхъ билетовъ; дъла мои шли блистательно.

Однажды молодой человькъ пришелъ ко мнъ покупать портфель, и выбравъ одинъ по своему вкусу, просилъ кредита на нъсколько дней, говоря, что у него въ эту минуту нътъ денегъ. Мнъ показалось страннымъ, что онъ, не имъя денегъ, можетъбыть, на объдъ, покупаетъ такую ненужную вещь, й я, несмотря на его просъбы, никакъ не соглашался оставить ему портфеля въ долгъ, сказавъ:

 Когда у васъ будетъ что положить въ него, тогда приходите, и я вамъ открою кредитъ.

Мой магазинъ сдълался опять сборнымъ мъстомъ весельчаковъ селенія, и въ немъ происходило много забавныхъ сценъ.

Данбюри находится близь линіи, отдъляющей Нью-Іоркскій штатъ отъ Конектикута, стало-быть жители сосъдняго штата часто проходили черезъ Бетель. Между ними были два оригинала, старый мельникъ Крофутъ и нъкто Гакъ-Белей, которые часто сходились у меня. Крофуть быль очень богать, но все еще продолжаль торговать хльбомь, который привозиль самь, огромными пирамидами мъшковъ, на превосходныхъ лошадяхъ. Онъ быль очень грубъ въ обращении, выражался слишкомъ нецеремонно, прибирая самыя страшныя проклятія, и къ тому-же быль упрямь до чрезвычайности. Гакъ-Белей быль хозяиномъ звъринца. У него былъ первый слонъ, явившійся въ Соединенныхъ Штатахъ, и ему-то онъ и обязанъ своимъ состояніемъ. Въ послъдствіи, его звъринцы, управляемые прикащиками, путешествовали на собственныхъ пароходахъ по Нортъ-Риверу. Гакъ-Белей построиль въ Нью-Іоркъ великольный отель, названный Слономъ, изображение котораго, вылитое изъ золота, стояло у входа, на мраморной колоннъ.

Однажды Крофутъ пришелъ въ мой магазинъ и началъ, по обыкновенію, говорить, прибирая самыя энергическія проклятія. Въ числъ посътителей мохъ былъ мирный судья изъ Броклина, Натанъ-Сели, человъкъ строгой нравственности и примърнаго поведенія, который, слыша выраженія мельника, остановилъ его очень учтиво, и замътилъ, что законы запрещаютъ проклятія, за которыя назначенъ даже штрафъ.

Вмъсто отвъта, Крофутъ послалъ ко всъмъ чертямъ Конектикутъ, прибавя къ этому выразительное проклятіе.

— Это будеть два доллара, замътилъ судья.

При этомъ посыпались новые дьаволы.

— Три доллара, продолжаль Натанъ Сели.

Но мельникъ закидалъ его новыми проклятіями, такъ что наконецъ судья сказаль:

— Вы должны по законамъ заплатить пятнадцать долларовъ штрафа.

Крофутъ вынулъ билетъ въ двадцать долларовъ, и подавая его судьъ, послалъ его въ преисподнюю.

- Шестнадцать долларовъ, отвъчалъ тотъ спокойно, отдавая ему сдачи четыре доллара.
- Нътъ ужъ оставьте все, вскричалъ Крофутъ, я лучше на эту цъну потъшусь.

И онъ разразился страшными проклятіями, послъ чего ушель, сказавъ, что онъ не хочетъ раззоряться, выплачивая въ день по двадцати долларовъ, для своего удовольствія.

Гакъ-Белей, собравъ довольно денегъ, показывая слона, захотълъ отдохнуть, и поручилъ его своему товарищу, сговорясь, чтобъ тотъ взялся водить его по селеніямъ, и присылаль хозяину половину сбора.

Прошло нъсколько недъль, и Гакъ не получаль никакого свъдънія о своемъ слонъ. Онъ подождаль немного, потомъ написаль, но наконецъ сълъ въ дилижансъ, и черезъ нъсколько дней былъ въ Бостонъ, потомъ въ Нью-Бедфордъ въ Масачусетъ, догналъ своего товарища, и спросилъ, отчего онъ не присылалъ ему части сбора.

Тотъ отвъчалъ, что во все время не было никакихъ доходовъ, что слона мало смотрятъ, и что расходы на него огромные.

Гакъ узналъ по дорогъ, что слонъ имълъ много успъха и сборъ долженъ быть обильный, стало-быть товарищъ хочетъ его просто обмануть. Вотъ почему онъ требовалъ немедленнаго разсчета.

Мы уговорились разсчитаться весною, отвъчаль тотъ; теперь стало-бытъ ты не имъешь права требовать у меня ничего. Притомъ-же я заплатилъ тебъ за половину слона и могу показывать его гдъ хочу.

— Такъ купи у меня и другую половину, сказалъ Гакъ, тогда ты будешь полнымъ хозяиномъ слона.

- Не хочу, съ меня довольно и половины.
- Такъ продай миъ свою часть; я не хочу имъть съ тобою дъла.
- И этого не хочу. Въ нашемъ контрактъ сказано, что слонъ остается въ моемъ распоряжени до весны, и я не выпущу его изъ рукъ.
- Но тамъ сказано, что ты долженъ отдавать мнъ половину доходовъ.
 - Я невиновать, что доходовъ никакихъ нътъ.

Это явное мошеничество взбъсило Гака. Онъ зналъ, что законы не на его сторонъ, и ему безъ доказательствъ нельзя начать процесса, но все-таки ръшился проучить своего товарища.

На другое утро, когда тотъ пришелъ за слономъ, чтобъ вести его въ ближнее селеніе, онъ увидълъ Гакъ-Белея, стоящаго съ ружьемъ возлъ животнаго.

- Не подходи , закричаль Гакъ издали : мое ружье заряжено.
- Не хотите-ли вы меня убить, Г. Белей? спросиль испуганный илуть.
- Совсьмъ нътъ. Я не хочу ссориться съ нашими законами. Ты поступиль со мною какъ настоящій мошенникъ, и думаєшь, что я позволю тебъ надувать меня до весны. Я предлагаль тебъ разойтись и окончить все дъло, но ты не хотълъ пи купить, ни продать половину слона. Я не могу заставить тебя быть честнымъ, но такъ-какъ одна половина слона принадлежить мнъ, и я могу располагать ею, то я ръшился ее убить.

И Гакъ прицълился ез свою половину. Мошенникъ зналъ, что онъ иснолнитъ угрозу, тъмъ болъе, что слонъ доставилъ ему уже значительный капиталъ, и потому вскричалъ:

- Остановитесь, я покупаю вашу половину!
- А если теперь я не хочу продать?
- Я дамъ вамъ все, что вы спросите.

Гакъ опустилъ ружье и тутъ-же выторговалъ порядочную сумму за половину бъднаго слона, который былъ на волосъ отъ смерти.

Дъдъ мой быль мирнымъ судьею, часто разбиралъ ссоры и даже преступленія. Однажды остановили одного забіяку, который подрался и ранилъ своего противника. Дъдъ взялся разсудить это дъло. Молодой студентъ медицины вызвался защищать обвиненнаго, а Кучъ главный судья, просилъ меня, чтобъ я

заняль мьсто адвоката правительства, за что получу одинь долларь.

Въ селени тотчасъ разнесся слухъ, что два оратора будутъ въ первый разъ говорить въ судъ, и тотчасъ всъ дома и лавки опустъли, и густая толиа наполнила судилище. Подвиги забіяки были доказаны йъсколькими свидътелями, самъ онъ не отпирался во всъхъ поступкахъ, стало-быть ораторамъ нечего было и безпокоиться, чтобъ подтверждать то, въ чемъ никто не сомнъвался.

Однако студентъ Ньютонъ ръшился блеснуть своимъ красноръченіемъ и удивить многочисленную публику. Онъ началь свою ръчь пышными фразами, приводя Шекспира, вмъшивая какіе-то стихи, и цълые полчаса не упомянулъ ни разу объ обвиненномъ. Наконецъ дъду моему надоъло слушать эту болтовню, и онъ прерваль ее словами:

— Ваша ръчь нисколько не объясняеть дъла и не оправдываеть обвиненнаго, который, я думаю, самъ не понялъ ни слова изъ вашей исторіи. Вы такъ отдалились отъ сюжета, что никогда не доберетесь до него; стало бытъ теперь можеть говорить адвокатъ, представляющій штатъ Конектикута.

Бъдный Ньютонъ, видя неудачу, посившилъ състь, при насмъшливомъ ропотъ; я-же всталъ съ мъста, очень важно раскланялся съ собраніемъ и началъ ръчь безжалостными намеками на товарища, который, имъя превосходный сюжетъ, защиту обвиненнаго, не воспользовался этимъ случаемъ, не обратилъ вниманіе публики на нравственность народа, на его привычки, на мъры правительства. Одушевляясь все болъе и болъе, я началъ развивать эту мысль, забывъ совершенно, чей я адвокатъ и за кого долженъ говорить, какъ какъ вдругъ дъдъ прервалъ меня на самой патетической фразъ, сказавъ:

 — Позвольте спросить, кого вы защищаете въ этомъ судъ и кто здъсь обвиненный?

Я остановился посреди всеобщаго смъха, и видълъ, что Ньютонъ больше всъхъ радуется моему несчастію. Это меня разсердило и я сухо замътилъ дъду, что въ судъ неприлично хохотать. Но онъ сказалъ, что засъданіе кончено, отослаль забіяку въ тюрьму, и всъ разошлись, смъясь надъ неудачею двухъ новичковъ адвокатовъ, которые скрылись какъ можно скоръе, чтобъ оправиться отъ смущенія.

Въ Бетелъ жилъ шлянный работникъ, по имени Канъ. Это

быль человъкъ дъятельный, въжливый, одътый всегда прилично, но до того скупой, что не тратилъ ни одного ліарда безъ крайней необходимости.

Не знаю, какъ это случилось, только ему понравилась дъвушка, жившая въ нъсколькихъ миляхъ отъ нашего селенія, въ Вольфиигнев, и Канъ предложиль ей свою руку. Однако скупецъ разсчелъ, что въ церкви дорого вънчаться и что мирный судья имъетъ тоже право соединить супруговъ дома, что будетъ гораздо дешевле. Онъ и пригласиль Абраама Стоу, мирнаго судью, придти вечеромъ. Это было въ февралъ. Г. Стоу жилъ въ Вильдкатъ, отстоящемъ на милю отъ дома жениха, но надъясь получить вознагражденіе, отправился въ сумерки, по самой ужасной погодъ, по испорченной проселочной дорогъ, рискуя сломать себъ шею, и пришелъ на свадъбу измученный и измоченный. Женихъ просилъ тотчасъ-же исполнить обрядъ, послъ чего судья, по установленному обычаю, поцъловалъ молодую, которая при этомъ покраснъла, какъ ея волосы. Молодой-же, подойдя къ судьъ, вынулъ изъ кармана кошелекъ и спросилъ:

- Сколько вы берете, г. Стоу, за то, чтобъ женить людей?
- Я не назначаю и не требую *пичего*, отвъчаль судья, думая что скромностію заставить заплатить вдвое. Но онь въ этотъ разъ ошибся:
- Въ-самомъ-дълъ, вы такъ добры, что не берете ничего, вскричалъ скупой! Какъ вы великодушны, г. Стоу! Позвольте попросить васъ попробовать, по-крайней-мъръ, нашего сидра.

И молодой, спрятавъ кошелекъ, побъжаль за сидромъ, не замъчая гримасы судьи, который внутренно раскаявался, что не сказалъ прямо цъны, а положился на совъсть скупаго.

Дъла мои шли очень хорошо, какъ въ торговлъ, такъ и сердечныя, потому-что хорошенькая швея Шери оказывала миъ предпочтеніе передъ другими молодыми людьми, а я привязывался къ ней все больше и больше, такъ что безъ нея не находилъ удовольствія ни въ нашихъ собраніяхъ, ни на пикникахъ, ни въ прогулкахъ.

Однажды я вздумаль блистательно прокатиться съ Шери.

У дяди было много лошадей и экипажей, которыми я распоряжался какъ хотълъ и всегда ъздилъ на нихъ. Только одну любимую лошадь, по имени Арабъ, и самыя новыя сани, приводившія въ удивленіе все селеніе, было мнъ запрещено трогать. Разумъется, что мнъ на нихъ-то и хотълось прокатиться съ хорошенькою швеею, и хотя не было никакой надежды, что дъдъ

согласится поручить мнъ особенно такую дорогую лошадь, однако я отправился къ нему и сказалъ:

- Дъдушка, мы завтра сбираемся вхать пикникомъ погулять, позвольте взять сани и лошадь.
 - Возьми, какую хочешь.
- Но мнъ-бы хотълось Араба и красныя сани, проговорилъ я неръшительно.
- Пожалуй, если у тебя есть въ карманъ двадцать долларовъ.
- Какъ не быть, дъдушка, вскричалъ, я вытаскивая кошелекъ, тутъ больше двадцати долларовъ. И положивъ деньги въ карманъ, я прибавилъ, смъясь: Благодарю васъ, дъдушка, за позволеніе, завтра я приду запрягать Араба въ красныя сани.

Разумъется, что дъдушка хотълъ заставить меня заплатить эту сумму, или испугать, чтобъ я отказался отъ просьбы, но моя находчивость понравилась ему, и онъ только сказалъ:

— Смотри-же береги лошадь и не испорти саней.

На другой день я удивиль все селеніе, проъхавъ въ великолъпномъ экипажъ, на дорогой лошади и съ хорошенькою дамою.

Одинъ изъ нашихъ сосъдей, выдававшій себя за геніальнаго человъка, брался за всъ возможныя ремесла, и купивъ наконецъ ящикъ съ медицинскими инструментами, объявилъ, что берется дергать зубы безъ боли, по двадцати су за штуку, а съ родныхъ не будетъ брать ничего.

Двоюродный брать этого зубнаго врача прислаль ему ослиную голову, прося, чтобъ онъ вынуль изъ нея всъ зубы. Дантистъ исполниль это требованіе, и отославь голову и зубы, прибавиль счеть, доходившій до пяти долларовь; но родственникь отказался платить, ссылаясь на объявленіе.

— Я вамъ двоюродный братъ, это правда, отвъчалъ дантистъ, но я не родня ослу, и потому прошу васъ заплатить, а не то я позову васъ въ судъ.

И такъ какъ въ Бетель шутка должна была имъть блистательный конецъ, то дантистъ и родственникъ съ ослиною головой и зубами явились къ мирному судьъ, который заставилъ заплатить за дерганье зубовъ и за расходы семь долларовъ съ половиною.

Однажды вечеромъ въ моемъ магазинъ собралась шумная толпа, и одинъ изъ извъстныхъ фарсёровъ, остановя фермера, спросилъ его, иътъ-ли у него продажныхъ гусиныхъ перьевъ.

- Черезъ мъсяцъ я буду ощипывать моихъ гусей, и тогда могу вамъ доставить сколько угодно перьевъ, отвъчалъ фермеръ.
 - Почемъ?
 - Пятьдесять су за фунть.
- Какъ дешево! Я даль-бы двадцать пять долларовъ за столько-же фунтовъ перьевъ, только настоящихъ гусиныхъ.

Фермеръ видълъ, что фарсёръ хочетъ надъ нимъ позабавиться, но несмотря на это, согласился на предложение и взялся доставить двадцать пять фунтовъ гусиныхъ перьевъ черезъ мъсяцъ, или заплатить штрафъ въ двадцать пять фунтовъ.

Тотчасъ-же составили контрактъ и подписали его.

Въ назначенный день фермеръ привезъ мъшки съ перьями, а шутникъ, созвавшій своихъ пріятелей, пришель осматривать свою покупку. Вынувъ горсть перьевъ, онъ сказалъ:

- Ты, мой другъ, не исполнилъ условія нашего контракта. Я просиль двадцать пять фунтовъ настоящихъ гусиныхъ перьевъ, а тутъ больше половины перьевъ селезня, стало-быть надобно заплатить мнъ неустойку.
- Ошибаетесь, любезный, отвъчаль фермеръ, показывая всъ свои зубы. Я догадался, что вы хотите одурачить меня, и въ присутствии трехъ сосъдей, которые подписали вотъ это свидътельство, ощипаль для васъ однихъ только гусей и ни одного селезня.

Шутникъ попался въ свою западню и долженъ былъ заплатить условленную цену. Зато онъ былъ увъренъ, что получилъ чистыя гусиныя перья.

Въ одну субботу пришелъ ко мнъ молодой мальчикъ, работавшій у портнаго, съ просьбою, чтобъ я написалъ письмо его возлюбленной. Такъ какъ я самъ былъ неопытенъ въ этомъ дълъ, то позвалъ на помощь сосъда Биля Шепарта, который славился искусствомъ сочинять.

Въ девять часовъ я заперъ лавку, приготовилъ все для писанья, и мы начали втроемъ сочинять письмо. Прежде всего молодой портной, Жакъ Малетъ, объяснилъ въ чемъ дъло:

Вы знаете, что я давно влюблень въ молодую Лукрецію, которая отвъчала на любовь мою благосклонно, и такъ явно оказывала мнъ предпочтеніе, что всъ соперники удалились, видя, что выборъ ея сдъланъ. Это продолжалось шесть мъсяцевъ, какъ вдругъ Лукреція перемънила со мною обращеніе. Въ послъднее воскресенье она не хотъла подать мнъ руки, и къ мое-

му удивленію начала кокетничать съ первымъ, кто ей попался, и приняла его услуги. Я хочу требовать объясненія такого поведенія. Не щадите невърную. Осыпьте ее упреками.

Шепартъ взялъ перо и началъ писать.

«Бетель 15-го ноября 18..

«Лукреція,

Я вамъ пищу, чтобъ спросить у васъ объясненія по случаю вашего страннаго поступка въ послъднее воскресенье. Вы хотите, сударыня, забавляться мосю любовью и предпочитаете мнъ какого-то негодяя, съ которымъ встрътились въ первый разъ. Но вы ощибаетесь на мой счеть...»

— Мнъ очень правится, сударыня; она обидится этимъ словомъ. Негодяй тоже кстати; надобно унивить противника, замътилъ Малетъ.

Я-же подумаль, что слово это можеть произвести непріятности, тъмъ болье, что тотъ, кого мы называли негодяемъ, быль высокій здоровый мужчина, который могь жестоко отмстить за это названіе. Но я не почель нужнымъ объяснять этого товарищамъ. Шепартъ продолжалъ.

»Вы меня дурно знаете, если воображаете, что я принадлежу къ такимъ людямъ, которыхъ можно привлечь и потомъ оттолкнуть безнаказанно. Знайте, что кромъ васъ есть много молодыхъ дъвущекъ, ожидающихъ, чтобъ я обратилъ на нихъ вниманіе, и которыя красотою гораздо лучше васъ.

«Предупреждаю васъ, что я не намъренъ переносить ваши капризы...»

 Браво! закричалъ Малетъ. Теперь надобно немного нъжности. Напомнимъ ей счастливыя минуты нашей любви.

Мы продолжали:

«О любезная Лукреція! Неужели ты забыла счастливые часы, проведенные вмъстъ, наши прогулки при свътъ луны, наши гулянья по полямъ, съ которыхъ мы приходили съ большимъ аппетитомъ. Я никогда не забуду блаженныхъ минутъ, когда ты мнъ говорила, что предпочитаещь меня всъмъ соперникамъ. Чемуже приписать твою перемъну, которая поразила меня прямо въ сердце!

— Не худо-бы туть привести стихи, замътиль Малеть.

Но такъ какъ ни Шепардъ, ни я не знали никакихъ приличныхъ стиховъ, то общими силами сочинили какую-то чепуху съ рифмами, а потомъ продолжали прозою. «Вы забыли все, чъмъ я для васъ пожертвовалъ: какую подарилъ брошку и кольцо. И въ благодарность я заслужилъ только мистификацію. Если вамъ угодно продолжать кокетничать со всякимъ встръчнымъ, то пришлите мнв назадъ мои подарки. Я жду, чтобъ вы объяснились со мною, и завтра буду ждать отвъта на мое письмо.

 Окончите чувствительные и письмо будеть превосходно, сказаль Малеть.

«Сжальтесь надо мною, Лукреція, я провожу ночи безъ сна, и міръ кажется мнъ пустынею съ-тъхъ-поръ, какъ вы охладъли ко мнъ. Съ вами хижина и корка хлъба покажутся мнъ раемъ, а безъ васъ дворецъ хуже ада. Подумайте хорошенько о томъ, что вы дълаете. Прогоните облако, помрачившее наше счастіе, и не приводите въ отчаяніе върнаго вашего Жака, который никогда не перемънится, любитъ васъ страстно и надъется, что вы сжалитесь надъ нимъ.

«Жакъ Малетъ».

Мнъ было очень прискорбно, что наше письмо не произвело желаемаго дъйствія на Лукрецію, которая на другой день отослала Жаку кольцо и брошку. Черезъ нъсколько мъсяцевъ мы узнали, что невърная вышла за мужъ за того самаго негодяя, который былъ причиною ссоры.

Несмотря на неуспъхъ нашего сотрудничества, Малетъ подарилъ намъ за письмо нъсколько лоскутковъ сукна, которые я одгалъ матери.

Въ эту эпоху я собрался съ Самуиломъ Шервудомъ въ Питербургъ, гдъ намъ совътовали открыть продажу лотерейныхъ билетовъ. Надобно было прежде хорошенько изучить лотереи, и потому мы отправились въ центральную контору въ Нью-Іоркъ, гдъ директоръ, Дюдлей Грегори, принявшій насъ, объяснилъ намъ все, что нужно, и предложилъ мнъ быть лотерейнымъ агентомъ въ штатъ Теннези, если только я соглашусь открыть контору въ Нашвилъ. Предложеніе было очень лестно и выгодно, но пространство до Бетеля очень далеко, и я не хотълъ согласиться, не посовътовавшись прежде съ одною знакомою швеею. Вотъ почему я попросилъ, чтобъ мнъ дали недъли двъ подумать. Такъ какъ Шервудъ не хотълъ безъ меня ъхать въ Питербургъ, то мы ръшились прогуляться въ Филадельфію. На другое утро пароходъ перевезъ насъ въ Нью-Брунсвикъ, гдъ мы съли въ карету, чтобъ проъхать тридцать миль несками, а по-

томъ въ Бордентоунъ съли на другой пароходъ, и были къ ночи въ Филадельфіи. Мы остановились въ отелъ Конгресса, въ Щеснутъ-стритъ, и начали жить какъ богачи. Насъ удивляли, съ непривычки, толпы служителей, роскошь меблировки, великольпіе стола, но мы пользовались этимъ цълую недълю, какъ будтобы имъли огромные доходы, и еще посъщали всякій день театры, и то не пъшкомъ, а въ экипажъ. Наконецъ мы ръшились ъхать домой, но когда намъ подали счетъ, то мы испугались, увидя, что едвали будемъ въ состояніи заплатить его. Сложивъ наши капиталы, мы могли уплатить безумные расходы, но зато на обратный путь осталось намъ только два шиллинга.

Съ этимъ мудрено было доъхать и до Нью-Іорка, даже оставаясь всю дорогу безъ пищи. Къ счастію, за послъднимъ завтракомъ я взялъ въ карманъ нъсколько сухарей, чтобъ не умереть съ голода.

При выходъ изъ отеля, насъ остановилъ человъкъ, прислуживавшій намъ, и просилъ не забыть его. Шервудъ разсердился и хотълъ прогнать его, но я не хотълъ показать нашего крайняго положенія и важно подалъ служителю четверть доллара. Это великодушіе оставило намъ только сумму въ два сантима, такъ что мы не могли взять коммиссіонера, а несли сами чемоданы, увъряя всъхъ, что докторъ приказалъ намъ, для здоровья, сильныя движенія.

Въ этотъ день мы питались сухарями и водою, и прівхавъ въ Нью-Іоркъ, опять понесли на себъ чемоданы. На другой день Шервудъ заняль два доллара у встрътившагося товарища, чтобъ заплатить за нашъ проъздъ, а потомъ поъхалъ въ Неваркъ, гдъ двоюродный брать его, докторъ Шервудъ, далъ ему въ долгъ пятдесятъ долларовъ, изъ которыхъ онъ мнъ далъ половину, и мы съ нимъ отправились домой.

Не знаю, какое впечатльніе произвело на Шервуда наше путешествіе, но я быль недоволень собою, и сознавался, что мы поступили очень глупо, играя роль богачей, когда въ кармань было мало денегь. Дуракь никогда не уживается съ деньгами, говорить пословица, и я въ-послъдствій видъль много примъровь, доказывающихъ ея справедливость.

Однако предложеніе директора нью-іоркской лотереи занимало меня. Я уже продаль выгодно много лотерейных билетовь, получая отъ десяти до пятнадцати процентовъ съ каждаго, но директоръ сказалъ мнъ, что агенты его лотереи имъють отъ

двадцати пяти до тридцати процентовъ, потому-что у него число билетовъ такъ велико, что доходы позволяють быть щедрымъ.

Теперь лотереи уничтожены почти во всъхъ американскихъ штатахъ, но тогда на каждомъ шагу сыпались объявленія.

Вотъ одна програма лотереи, присланная мнъ изъ Бальтимора, розыгрышъ которой происходилъ 27-го сентября 1831 года, въ пользу канала Саскеганны и другихъ полезныхъ работъ.

Въ лотерев 76,076 билетовъ, по десяти долларовъ	ILASKA W	10
каждый	760,760	00
Изъ нихъ выигрываютъ 32,396 билетовъ, на сумму. 5	570,570	00
Стало-быть остается	90,190	00
Прибавя-же 15-ть процентовъ, вычитаемыхъ изъ	Add at Anna	
выигрыша	85,585	50
Останется чистаго барыша		

Другой проэктъ лотерен назначаетъ за билеты но два доллара, п даетъ агентамъ по 42 процента, что еще больше уменьшаетъ шансы на выигрышъ, но несмотря на всъ предостереженія и на самый въроятный проигрышъ, тысячи семействъ лишаютъ себя необходимаго, чтобъ только взять лотерейный билетъ.

Я нарочно привожу здъсь самыя красноръчивыя цифры, чтобъ доказать, кто выигрываеть навърное, и если могу предостеречь кого-нибудь отъ этой азартной игры, то буду очень доволенъ.

Собравъ всв нужныя свъдънія, я отправился къ директорамъ конектикутской лотереи, и взялся быть ея агентомъ. Потомъ я устроилъ самъ нъсколько агентствъ, и получалъ съ нихъ большой доходъ. Мнъ случалось продавать въ день на сто долларовъ билетовъ. Дядя мой Алансонъ Тайлоръ вступилъ ко мнъ въ компанію и еще больше распространилъ продажу.

Однажды тетка моя Лора Никольсъ съ одной сосъдкой взяла у меня на двадцать-пять долларовъ билетовъ, уговорясь, чтобъ выигрышъ былъ общій. Передъ самымъ тиражемъ сосъдка раскаялась, что истратила такъ много денегъ, и съ согласія тетки принесла мнъ эти билеты, прося ихъ купить. Въ эту минуту пришла уже почта съ извъстіемъ о выигрышахъ, но никто не зналъ нумеровъ. Я не хотълъ одинъ рисковать такою суммою и предложилъ сдълать складчину восьми покупателямъ, находившимся въ лавкъ. Тъ согласились, отдали деньги, и тотчасъ-же распечатали реестръ выигравшихъ нумеровъ. Съ какимъ удовольствіемъ увидъли мы, что одинъ изъ билетовъ складчины вы-

играль четыре тысячи долларовъ, такъ что восьмая часть каждаго была въ 500 долларовъ.

Эта новость быстро разошлась по селенію, и надобно себь вообразить, въ какое отчаяніе пришла тетка. Она, кажется, и теперь не перестала бранить сосъдку за ея трусость.

Извъстіе о нашемъ выигрышъ распространилось по окрестностямъ, и это еще болье увеличило продажу билетовъ. Мой прикащикъ продалъ ихъ въ одинъ день на тысячу долларовъ, и я роздалъ ихъ столько-же на фабрики и мануфактуры, которыя объъзжалъ верхомъ.

Въря въ могущество печатныхъ объявленій, которымъ я обязанъ многими успъхами, я не пренебрегалъ ничъмъ, чтобъ объявленія мои, съ самыми замътными буквами, илюстраціями и огромными цифрами, были разбросаны вездъ тысячами и попадались всякому, нехотя, въ глаза. Самыя яркія афиши покрывали стъны мосго дома, и такъ какъ въ это время имя Джоя Стрикланда сдълалось народнымъ, то я назвался докторомъ Пьеромъ Стрикландъ, и писалъ на афишахъ: Берите билеты у счастливато доктора Стрикланда, у него всю билеты вышгрываютъ. Иногда мои объявленія были писаны стихами, наполнены остротами, карикатурами, словомъ, я употреблялъ всъ способности, чтобъ привлечь покупателей, и умълъ утъщить и уговорить тъхъ, которые жаловались на всегдащній проигрышъ.

По моему совъту, выпгравшіе дали ужинъ въ тавернъ моей матери, и поручили мнъ пригласить человъкъ шестдесятъ гостей. Я выбраль самыхъ лучшихъ изъ моихъ покупателей, и по окончаніи ужина раздълиль выпгрышъ. Это имъло такой эффектъ, что тотчасъ-же пятдесять человъкъ сложились и купили на тысячу долларовъ билетовъ, которые тотчасъ-же запечатали въ пакетъ и оставили его до розыгрыща.

Такъ какъ я продавалъ огромное число билетовъ, то ничего нътъ мудренаго, что каждый разъ на долю моихъ покупателей приходилось нъсколько значительныхъ выигрышей. Я, разумъется, разглашалъ объ этомъ нечатно, и скоро моя контора получила название счастливой, такъ что изъ салыхъ дальнихъ штатовъ присылали ко мнъ за билетами.

Послъдователи всевозможныхъ сектъ являлись ко мнъ, и тъ, которымъ запрещены всъ подобныя игры, тихонько покупали у меня, прося никому не говорить.

Каждый разъ, какъ мнъ надобно было вхать по дъламъ въ

Брокфильдъ, я останавливался у одного строгаго профессора, который на всъхъ митингахъ говорилъ ръчи противъ азартныхъ шгръ. Однако онъ не пропускалъ ни одного разу, чтобъ не взять билета, умоляя только не говорить объ этомъ женъ, и когда онъ выходилъ изъ комнаты, то жена его, показывавшая всегда отвращене къ лотереямъ, покупала у меня тихонько билетъ, прося хранить тайну. Этотъ супружескій обманъ всегда забавлялъ меня, но я умълъ молчать.

Между-тъмъ я продолжалъ ухаживать за хорошенькою Шарити Галетъ, несмотря на то, что мать и другіе родные часто намекали, что я могу составить выгодную партію. Тъ-же, которые хорошо знали Шери, не могли нахвалиться ея прекраснымъ характеромъ, скромностью, дъятельностью, и прибавляли, что Тайлоръ Барнумъ не стоитъ такой чудной дъвушки. Я никому не объяснялъ своихъ намъреній, но переговорилъ съ Шери, получилъ ея согласіе и продолжаль попрежнему заниматься дълами, такъ что никто не подозръвалъ, что я сбираюсь жениться. Въ октябръ 1829 года моя невъста повхала въ Нью-Горкъ, къ дядъ своему Натану Беру. Я замътилъ въ тоже время, что у меня недостаетъ многихъ товаровъ, и тоже отправился въ городъ, будто-бы за покунками. На другой-же день моего прівзда почтенный Макъ Олей обвънчаль насъ, въ присутствіи друзей и родныхъ невъсты. Хорошенькая Шарити сдълалась г-жею Барнумъ, а я мужемъ доброй, милой, умной женщины, какихъ мало на свътъ.

Мнъ было тогда девятнадцать льть, но я увърень, что еслибы подождаль еще двадцать льть, то не встрытиль-бы лучшей жены, матери и хозяйки. Однако я не совътую молодымъ людямъ жениться такъ рано. Надобно, чтобъ умъ созрълъ, когда человъкъ дълаетъ самый ръшительный шагъ въ жизни. Говорятъ, что супружество лотерея, на которую надобно брать билеты закрывши глаза. Совсъмъ нътъ, это самое серьозное постановленіе, которое надобно обдумать хорошенько и сообразить всъ послъдствія. Въ Америкъ часто вступаютъ въ супружество почти дъти, но это повергаетъ только въ нищету тысячи несчастныхъ неспособныхъ быть семьянинами.

Черезъ нъсколько дней послъ свадьбы, мы вернулись въ Бетель, въ маленькую квартиру, куда Шери переъхала прежде. Мать и родные приняли меня попрежнему, хотя, въроятно, узнали о моей женитьбъ; только мать моя была печальна и какъбудто обижена, что я не сказалъ ей ничего. Однако я попреж-

нему навъщаль ее всякій день, не упоминая о жень, и наконець черезь мъсяць она сама сказала мнь:

 Я-бы желала познакомиться съ г-жею Барнумъ, приведи ко мнъ ее въ воскресенье.

Шарити прибъжала къ матери, и я увъренъ, что та съ перваго взгляда простила мой неровный бракъ и полюбила мою жену.

Однако дъла мои и семейная жизнь вовсе не истребили во мнъ етрасти къ шуткамъ. Однажды одинъ ирландскій странствующій торговецъ пришель къ дядъ Эдварду Тайлору и просиль потребовать въ судъ нашего сосъда, который будто-бы его обидълъ. Дядя, зная сосъда за мирнаго человъка, а ирландца за буяна, отказался вмышиваться въ это дъло; тогда обиженный пришель ко мнв, и объясниль, что желаеть судиться съ сосъдомъ. Я отвъчалъ, что у меня судьи знакомые, что я тотчасъ пошлю задержать виновнаго, и что судъ ръшить дъло по законамъ. Ирландецъ, слышавшій, что я разъ былъ адвокатомъ правительства и говорилъ ръчь въ судъ, повърилъ, что я имъю много власти, и далъ мнъ два доллара, чтобъ только усадить врага въ тюрьму. Такъ какъ у насъ всъ готовы помогать шуткъ, то я тотчасъ-же послалъ дать знать дъду, каменьщику Парсону и мяснику Портеру, которые собрались въ тавериъ матери, какъбудто въ судъ. Разумъется, что и любопытныхъ было немало. Три судьи, созванные мною, были немного странно костюмированы для такого торжественнаго засъданія. Президенть Тайлорь, работавшій въ саду, не надъль сюртука сверхъ рубашки, Парсонъ былъ въ кожанномъ передникъ, а Портеръ, только что умертвившій барана, быль забрызгань кровью своей жертвы.

Я играль роль адвоката, и прландець, сидъвшій возль меня, все удивлялся, что не ведуть преступнаго сосъда, и между-тъмъ разсказываль мнъ тихонько, какъ тотъ съ нимъ поступилъ, какъ оскорбилъ, и требовалъ примърнаго наказанія.

- Прежде всего надобно, чтобъ подавшій жалобу представиль свидътельства о своемъ собственномъ поведеніи, сказаль важно президенть суда.
- Черезъ недълю я вамъ представлю ихъ, отвъчалъ тотъ, потому-что живу въ Ферфильдъ, а здъсь меня никто не знаетт.
- Въ такомъ случав надобно отложить засъданіе, и обвинитель обязанъ заплатить за расходы и отсрочку. Но такъ какъ онъ нездъшній, то мы будемъ довольны, если онъ только угостить всю честную компанію.

Ирландецъ поблагодарилъ судей за ихъ великодушіе, и ко- медія кончилась великольннымъ угощеніемъ, посль чего проситель уъхалъ.

Мы думали, что шутка тъмъ и кончится, тъмъ болъе, что прландецъ былъ извъстенъ своимъ бурнымъ характеромъ, и никто не захочетъ поручиться за его нравственность, какъ вдругъ черезъ недълю пріъхалъ изъ Ферфильда адвокать и пошелъ прямо къ дядъ Эдварду Тайлору.

- У насъ сегодня дъло въ судъ, сказалъ онъ. Я взялся защищать обвинителя, для котораго уже было одно засъданіе.
 - Я ничего не знаю, отвъчалъ дядя.
- Какъ? вы не знаете, что недълю тому назадъ прландскій купецъ подалъ жалобу на Джона Фуджа, за оскорбленія и побои. Кажется, нашими законами нельзя шутить.
- Извините, я забыль это дело. Отдохните немного, а я пойду за бумагами.
 - Очень хорошо. Я подожду васъ.

Дядя прибъжалъ ко мнъ, чтобъ объявить, что наша шутка могла надълать намъ хлопотъ. Я испугался и предупредилъ прежде всего дъда, который заперся въ своей комнатъ и велълъ говорить, что онъ увхалъ. Послъ этого я влезъ на крышу, гдъ судья Нарсонъ достроивалъ трубу, и объявилъ ему, что намъ, можетъ-быть, достанется за нашу комедію, и не худо-бы намъ на время скрыться. Печникъ не отвъчалъ мнъ ничего, но когда я сошелъ внизъ, онъ поднялъ лъстницу на крышу, и такимъ образомъ отръзалъ сообщеніе съ землею, въ полной увъренности, что никакой адвокатъ не пойдетъ искать его въ трубъ, чтобъ допрашивать. Я-же вскочилъ на лошадь и поъхалъ въ Данбюри, сказавъ, по дорогъ, мяснику, чтобъ онъ не показывался нъсколько дней въ Бетелъ.

Между-тъмъ пріъхаль прландецъ, и требоваль ръшенія суда. Тогда дядя Эдвардъ Тайлоръ принужденъ быль объяснить пріъзжему адвокату, что шутники хотъли позабавиться и что не было никакого засъданія суда. Адвокату не понравилась эта мистификація, но такъ какъ онъ взяль впередъ деньги съ прландца, то и не сбирался безпокопть насъ, а только выбраниль просителя, и съвъ на лошадь, ускакаль назадъ.

Удивленный ирландецъ не понималъ, за что онъ платилъ деньги, и не можетъ добиться, чтобъ непріятеля посадили въ тюрьму, но дядя сказалъ ему:

— Совътую вамъ отправляться домой. Съ вами ношутили.

Ирландецъ побъжаль ко мнъ за объясненіями, но прикащикъ мой сказаль, что я уъхаль путешествовать. Тогда сосъди растолковали ему, что его одурачили и что онъ являлся съ жалобою не передъ судьями, а передъ фермеромъ, печникомъ и мясникомъ.

Взбъщенный прландецъ объявилъ, что онъ въ этотъ разъ пожалуется на насъ настоящимъ судьямъ и что не успокоится, покуда три подложные судьи и мнимый адвокатъ не будутъ въ тюрьмъ. Мы должны были ожидать ареста, еслибы онъ исполнилъ свою угрозу, но къ счастію, онъ остановился передъ новыми издержками и оставилъ насъ въ покоъ. Однако печника, живущаго до-сихъ-поръ въ Данбюри, называютъ неиначе, какъ судьею Парсонъ.

Въ послъдніе годы своей жизни дъдушка сдълался немного глухъ, однако стоило ему только усилить вниманіе и онъ слышаль все. Вотъ почему говорили, что глухота его очень удобна, потому-что онъ слышить только то, что хочетъ, и не понимаетъ, когда у него просятъ денегъ.

Зимою 1830 года я учредиль контору въ Данбюри, не оставляя бетельской, и такъ какъ въ Норфолькъ, Стамфордъ, Мидльтоунъ и другихъ городахъ были у меня небольшія конторы, то доходы позволили мнъ купить землю въ Бетелъ, гдъ Леви Осборнъ построилъ мнъ домъ въ два этажа, за двъсти пятдесять долларовъ. Въ слъдующую весну я перевхалъ туда съ женою.

Такъ какъ мой прикащикъ былъ человъкъ честный, которому можно было довъриться, то я поручилъ ему продажу лотерейныхъ билетовъ, а самъ занялся литературною спекуляціею. Скупивъ множество книгъ на аукціонахъ и у букинистовъ въ Нью-Іоркъ, я развозилъ ихъ по всъмъ селеніямъ и продавалъ. Только тутъ я не имълъ большаго успъха, несмотря на всъ мои объявленія. Притомъ-же въ Лифильдъ, въ Коннектикутъ и въ Ньюбургъ студенты и ученики украли у меня множество книгъ, и я бросилъ торговать ими.

Въ тотъ-же годъ я построиль еще домъ въ Бетель, извъстный подъ названіемъ желтаго магазина. Два верхніе этажа я отдаль въ наймы, а внизу дядя мой Алансонъ Тайлоръ открыль, пополамъ со мною, магазинъ съвстныхъ припасовъ, мелочей и разныхъ товаровъ. Сначала дъла наши пошли неблистательно, потому-что дядя не любилъ заниматься торговлею, и потому я купилъ его долю и объявилъ огромными афишами слъдующее:

«Компанія, извъстная подъ фирмою Тайлора и Барнума,

разошлась по общему согласію. Барнумь остается торговать одинь, и предлагаеть всь свои товары двадцатью пятью процентами дешевле, чъмь у другихь».

Въ эту эпоху митинги, особенно религіозные, производили большое волненіе въ Америкъ. Я не быль еще совершеннольтнимъ и не могъ подавать голоса ни въ чью пользу, но 5-го іюля 1831 года могъ наконецъ пристать къ какой-нибудь партіи. Я началь писать статьи въ данбюрійскихъ газетахъ, возставая противъ злоупотребленій. Наконецъ журналы отказались печатать мои выходки, и я ръшился завести свой собственный журналъ и свою типографію.

Скоро разсыпаны были тысячи объявленій о появленіи въ свътъ журнала: Герольдъ, и 19-го октября 1831 года явился первый его нумеръ.

Я защищаль такъ горячо Америку, что у меня набралось порядочно подписчиковъ, и что мнъ приходилось отсылать десятки экземпляровъ въ самые дальніе штаты.

Однако, увлеченный молодостью и необдуманностію, я дълаль непростительныя ошибки, и заслужиль справедливыя преслъдованія законовъ. Въ три года жизни журналиста меня три раза призывали въ судъ за дерзости, выходки и клеветы. Первые два раза я должень быль заплатить штрафъ, а въ послъдній приговорень быль къ тюремному заключенію на два мъсяца.

Журналь мой не могъ долго существовать, потому-что занятія журналиста не нравились мнъ, литература не была моею сферою, и притомъ-же я продолжаль заниматься торговлею, которая страдала отъ моихъ литературныхъ занятій.

Словомъ, никогда нельзя заниматься двумя вещами вдругъ, и я скоро увидълъ, что невыгодно отдавать мои товары на кредитъ, тогда какъ самъ платилъ за нихъ чистыми деньгами. Должниковъ набралось у меня множество, капиталы исчезали. До сихъ-поръ я храню книжечку, въ которой отмъчены всъ долги, незаплаченные мнъ по случаю смерти, банкротства или побъга должниковъ. Подъ однимъ изъ нихъ я подписаль: опъ слишкомъ богатъ, чтобъ платить долги. Въ-самомъ-дълъ человъкъ этотъ пользуется своимъ богатствомъ только для того, чтобъ забирать все, что ему нужно, въ долгъ, котораго не имъетъ привычки платить.

Лътомъ 1831 года я вступилъ въ товарищество съ Горасомъ Фершильдомъ, а въ 1833 году совсъмъ передалъ торговлю г. Тусею, брату сенатора, который и теперь торгуетъ подъ фирмою Фершильдъ и комп.

Сто шестидесятый *пумеръ Герольда* вышель въ Данбюри 5-го ноября 1834 года. Потомъ журналь быль переведень въ Норфолькъ, въ Коннектикутскій штатъ, гдъ его издаваль за меня Джонъ Амерманъ, покуда я совершенно не продаль его Жоржу Тайлору.

VII.

НЕУДАЧИ. ДЖОЙСЪ ГЕЙТЪ. ВИВАЛЛА.

Жительство въ Нью-Іоркъ.—Привлекательное объявленіе.—Отыскиваніе мъста.— Дарроу и рубашка.—Джойсъ Гейть.—Первое свиданіе.—Покупка.—Контракть.— Зала Нибло.—Митніе журналовъ.—Джойсъ въ Бостонъ. — Маальцель. — Важное открытіе.—Комическій случай.—Синьоръ Вивалла.—Второй феноменъ. — Вашингтонъ.—Засъданіе сената.—Анна Рояль.—Ея гнъвъ.—Спекуляція.—Часы въ закладъ.—Вызовъ.—Тайное свиданіе.—Волненіе.—Смерть Джойсъ. — Вскрытіе тъла.—Объявленіе. — Мистификація. — Споры журналовъ. — Какъ пишуть исторію.

Зимою 1835 года я перевхаль съ семействомъ въ Нью-Іоркъ, гдв наняль домъ въ Гудсонъ-стритъ. Я хотълъ найти какоенибудь выгодное занятіе въ большомъ городъ, потому-что лотереи были уничтожены въ Конектикутъ. Притомъ-же дурная привычка отдавать и лотерейные билеты въ долгъ раззорила меня. Я жилъ очень необдуманно. Сначала, когда доходы были большіе, я тратиль большія суммы на глупости, думая, что всегда такъ будетъ, а когда дъла мои запутались, у меня не случилось никакого капитала, отложеннаго на случай, такъ что я прівхаль въ Нью-Іоркъ почти безъ денегъ, поручивъ прикащику собрать, если можно, что-нибудь съ должниковъ. Несмотря на это, я не унываль и твердо надъялся, что въ будущемъ меня ждетъ богатство.

Я хотъль войти въ сношенія съ какимъ-нибудь торговымъ домомъ въ Нью-Іоркъ и предложить ему мои услуги, чтобъ получать домо съ доходовъ. За жалованье я не хотълъ служить, хотя мнъ и дълали приглашенія. И вотъ я началь отыскивать выгоднаго мъста, въ которомъ мои способности и опытность могли-бы принести много пользы. Между-тъмъ средства мои истощались, а надобно было содержать семейство. Наконецъ, я принужденъ былъ принять на себя должность маклера, и многіе негоціанты тотчасъ-же поручили мнъ нъсколько дълъ.

Разумъется, что я взяль эту обязанность только изъ крайно-

сти, но въ тоже время продолжалъ искать лучшаго. Каждое утро я съ жадностію читалъ въ Sun всъ объявленія, предложенія, требованія услугъ, думая нечаянно встрътить желаемое мъсто. Но какъ повърить этимъ объщаніямъ тому, кто самъ прослыль мастеромъ составлять заманчивыя объявленія, выгодныя только тому, кто предлагаетъ ихъ. Но смыслу объявленій стоило только явиться въ такую-то улицу, подъ № 16, чтобъ получить богатства Креза, а когда измучишься, отыскивая эту неизвъстную улицу и какой-нибудь развалившійся домъ, то найдешь тамъ человъка, большею частью порядочно одътаго, который прежде всего спроситъ у васъ сумму денегъ, а потомъ предложитъ купить какія-нибудь пилюли, спасающія отъ смерти, мышеловку новаго фасона или другую какую-нибудь глупость.

Однажды меня поразили слъдующія слова въ журналь: Огромная спекуляція съ маленькиму капиталому. Впрный доходу, въ году 10,000 догларову. Обратиться къ профессору *** въ американскому музет Скуддера.

Я думаль, что нашель кладь, и побъжаль отыскивать знаменитаго профессора. Вбъжавь, запыхавшись, въ музей, я очень удивился, увидя, что человъкъ десять пришло прежде меня, и отведя профессора въ сторону, спросиль его:

- Не продали-ли вы уже вашъ проектъ?
- Несовсъмъ, отвъчалъ ученый, хотя со всъхъ сторонъ предлагаютъ мнъ выгодныя условія.
- Пожалуйста отдайте мнъ предпочтеніе. Вы будете довольны мною.
- Мнъ нравится ваша живость, молодой человъкъ. Успъхъ въ вашихъ рукахъ, и я охотно передаю вамъ самую выгодную спекуляцію въ свътъ.
 - Благодарю васъ, но скажите въ чемъ дъло.
- Я владъю большимъ микроскопомъ, самымъ удивительнымъ инструментомъ въ этомъ родъ, который привлечетъ огромное число публики, если показывать его за деньги. Я очень слабъ здоровьемъ, чтобъ заняться самому всъми необходимыми хлопотами, и потому охотно уступлю мой инструментъ за двъсти долларовъ. Онъ можетъ обогатить васъ въ короткое время.

Мечты мои разлетълись, и я сказалъ профессору, чтобъ онъ искалъ другаго покупателя микроскопа.

Въ другой разъ прочиталь я, что объщають двадцать долла-

ровъ въ день, не требуя никакого капитала впередъ; я побъжаль отыскивать какой-то адресъ.

Въ маленькой квартиръ нашелъ я старуху, бъдно одътую и окруженную толною слушателей. Она скоро говорила, объявляя, что намърена издать брошюру: указатель квартиръ, содержащій въ себъ всъ пустыя квартиры Нью-Іорка.

— Для этого, господа, продолжала она, я приготовила большое число книжечекъ и карандашей. Каждый изъ васъ возьметъ по одной, заплатя мнъ по шилингу, и вы разсыплетесь по всему городу, отыскивая гдъ есть пустыя квартиры. Вы войдете въ каждую, осмотрите все, справитесь о цънъ, и запишете все. Надъюсь, что въ недълю весь Нью-Горкъ будетъ мнъ извъстенъ, и я тогда издамъ мой указатель. Выгоды этого предпріятія могуть быть неисчислимы. Я, какъ изобрътательница проекта, получаю половину доходовъ, а другую предоставляю моимъ помощникамъ, которые будутъ доставлять мнъ свъдънія о каждой только что очистившейся квартиръ. Публика разберетъ мою брошюру въ нъсколько часовъ, и я увърена, что вы будете довольны вашимъ вознагражденіемъ. Берите-же карандаши и книжечки по шилингу.

Однако не успъла сивилла кончитъ своей ръчи, какъ слушатели разошлисъ; но въ эту минуту нахлынула новая толпа, и ораторъ въ юпкъ началъ опять разсказывать свои химеры.

Разумъется, я ни минуты не върилъ, что спекуляція эта можеть быть серьозна, но остался въ комнатъ старухи, покуда она три раза повторила свою ръчь, такъ любопытно было для меня это эксцентрическое зрилище. Нъкоторые простяки увлеклись однако ея красноръчіемъ и слушали ее внимательно, но я не видалъ, чтобъ кто-нибудь взялъ хоть одну книжечку и карандашъ. Толпа всякую минуту прибывала; выслушавшіе ръчь уходили, такъ что на лъстницъ была толкотня страшная. Я насилу выбрался оттуда.

Однажды я прочиталь въ Sun, что предлагають мъсто прикащика у Вильяма Нибло. Я пошель въ садъ, посящій это имя, и познакомился съ хозяиномъ его. Г. Нибло сказаль мнъ, что ищетъ человъка ловкаго, способнаго, хорошаго поведенія и который долженъ обязаться контрактомъ прослужить два года. Это послъднее условіе было не по мнъ, потому-что я хотъль остаться свободнымъ, а не состоять въ зависимости. Напрасно упоминать всв мои искательства и неудачи. Довольно и того, что къ концу зимы я быль безъ мъста.

Къ счастію, весною получиль я нъсколько сотъ долларовъ долгу изъ Бетеля, и употребиль этотъ капиталь на устройство небольшой гостинницы для прівзжающихъ въ № 52 въ Франкфуртской улицъ. Я разсчитываль на многочисленныхъ моихъ знакомыхъ, прівзжающихъ въ Нью-Іоркъ, и ожиданія мои увънчались полнымъ успъхомъ. Скоро я могъ вмъстъ съ Джономъ Моди открыть фруктовую лавку въ Южной-улицъ, № 156.

Въ этомъ году мнъ случалось нъсколько разъ ъздить въ Бриджпортъ, гдъ я останавливался всегда въ одномъ трактиръ, и встръчался почти съ однъми и тъми-же лицами. Между ними былъ нъкто Дарроу, нещадившій насмѣшками ни друзей, ни враговъ, и всякій разъ когда являлся какой-нибудь неизвъстный путешественникъ, Дарроу выдумывалъ какую-нибудь шутку, чтобъ потъшиться надъ нимъ и позабавить всю компанію. При этомъ онъ всегда держалъ пари, и выигрывалъ нъсколько долларовъ на угощеніе. Однажды, въ началъ нашего знакомства, онъ вздумалъ позабавиться надо мною, но это ему никакъ не удавалось, потомучто я самъ былъ находчивъ. Наконецъ, онъ подступилъ ко мнъ ближе и сказалъ, заикаясь немного, какъ привыкъ, дурачась поминутно:

— Послушай Ба... барнумъ. Я держу па... пари, что у тебя на спинъ не... не цъльная рубашка.

Острота состоить въ томъ, что у насъ не вся рубашка на спинъ, но большая часть на другихъ частяхъ тъла, и такъ-какъ я зналъ давно эту шутку и ждалъ, что Дарроу, за неимъніемъ лучшаго, употребитъ ее противъ меня, считая меня гораздо проще, нежели я былъ, то приготовился къ ней, подъучивъ Гоуга поддерживать споръ.

Зала трактира была полна, и всъ съ вниманіемъ слъдили за комедіей, развязка которой должна была произойти не по программъ сочинителя.

- Что за глупое пари, сказалъ я напвно. Я знаю навърно, что на мнъ цъльная и почти новая рубашка. Я не хочу брать съ тебя денегъ даромъ.
- Не... не... не отговаривайся, вскричалъ Дарроу. Я опять говорю и утверждаю, что у тебя не цъльная рубашка на спинъ.
- Полно врать. Кажется, мнъ лучше извъстно, что у меня рубашка не разорвана. Выдумай что-нибудь другое.

- Нътъ, ты ош... шибаешься, болталъ Дарроу, горячась, ты только споришь, я я я увъренъ, что ты пришелъ въ клочкахъ изъ Да... данбюри.
- Да въдь я увъренъ, что ты не заплатишь пари, если я выиграю, сказалъ я, будто-бы разсерженный.
- Нътъ заплачу... Вотъ пять долларовъ. Я отдамъ ихъ капитану Гинману, сдълай и ты... ты тоже, и докажи, что у тебя на спинъ цъльная рубашка.

Нечего было отговариваться. Я далъ капитану пять долларовъ, сказавъ, что тотъ, кто проиграетъ долженъ угостить все общество, и самъ снялъ верхнее платье и началъ разстегивать жилетъ.

- Помни слова пари, кричалъ Дарроу; у те... те... бя нецъльная ру... ру... башка на спинъ.
 - Помню и понимаю, отвъчалъ я.

Присутствующіе, привыкнувшіе видьть Дарроу всегдашнимъ побъдителемъ во всъхъ пари, жальли меня и вслухъ подсмъивались надъ моею простотою. Дарроу былъ въ восторгъ, и когда я снималъ жилетъ съ одной руки, онъ подскочилъ ко мнъ, бормоча.

- Довольно, любезный... ты ... ты проиграль...развъ можеть быть цъльная рубашка съ рукавами, во... воротникомъ на спинъ?...
- Иногда можетъ, отвъчалъ я покойно, снимая жилетъ и показывая на спинъ подъ подтяжками, цъльную сложенную рубашку, положенную туда поутру.

Сильный смъхъ огласилъ залу, и Дарроу, пораженный неожиданностью, чрезвычайно разсердился, что его одурачили, и вспомня, что Гоугъ поджигалъ его къ этой шуткъ, закричалъ ему, страшно заикаясь:

— Это ты... ты... негодяй, помогъ ему... му... обману...ну...нуть меня. По... по... погоди, я разсчи... читаюсь съ тобою... бу... бу... дешь доволень!.

Трактирщикъ, слышавшій всю шутку, принесъ нъсколько бутылокъ; всв пили за мое здоровье и радовались неудачъ Дарроу, точно также, какъ радовались-бы моему несчастію. Что-же касается до шутника, то говорятъ, что онъ больше ни съ къмъ не держалъ пари о цъльной рубашкъ.

Въ Іюль мъсяцъ Колей Бертрамъ, жившій въ Ридингъ, пришелъ въ нашъ магазинъ и началъ разсказывать Моди и мнъ, что онъ отыскалъ удивительную ръдкость, негритянку ста шестидесяти лътъ, по имени Джойсъ Гетъ, которая была кормилицею генерала Вашингтона. Эта негритянка принадлежала г. Линдсею изъ Кентуки, который сбирался показывать ее публикъ и хочетъ везти въ Филадельфію. Колей сожалълъ, что Линдсей очень неопытенъ и можетъ испортить такую выгодную спекуляцію. Въ то-же время онъ подалъ намъ № пенсильванскаго журнала 15-го Іюля 1835 года, гдъ была напечатана слъдующая статья:

«Любопытное извъстие. — Жители Филадельфіи могутъ видъть въ масонской залъ самый ръдкій феноменъ, какого нътъ другаго на свътъ. Это негритянка, имъющая отъ роду сто шестдесятъ одинъ годъ и принадлежавшая нъкогда отцу генерала Вашингтона. Она знаетъ много гимновъ и поетъ ихъ върно, какъ пъли встарину. Она родилась на берегу ръки Потомакъ, въ Виргиніи, и жила лътъ девяностно въ семействъ Броулингъ. Всъ видъвшіе эту необыкновенную женщину не сомнъваются въ ея глубокой старости. Семейство Броулингъ, заслужившее всеобщее уваженіе, имъетъ подлинный актъ, подписанный Августиномъ Вашингтономъ, и много другихъ свидътельствъ, доказывающихъ, что негритянка была истинно кормилицею Вашингтона. Въроятно, дамы съ любонытнымъ соберутся посмотрътъ на самый древній образчикъ ихъ пола, показываемый каждый день, отъ полудня до вечера.

Журналы Нью-Іорка скоро перепечатали это извъстіе, и я посиъшиль въ Филадельфію, посмотръть на чудо.

Дряхлость негритянки поразила меня. Ей можно было смъло дать тысячу лътъ. Она лежала на диванъ, посреди комнаты, поднявъ колъни до груди, и казалась еще здоровою, только не могла перемънять положенія тъла. Одной рукою она могла еще шевелить, но остальное тъло, и особенно ноги, были безъ всякаго движенія. Старуха казалась совершенно слъпою и ея глаза до того внали, что ихъ невозможно было разглядъть. Во всемь рту былъ у ней одинъ зубъ, но зато вся голова покрыта густыми съдыми волосами. Лъвая рука, прижатая къ груди, не разгибалась больше, пальцы на ней согнулись и длинные ногти вросли въ ладонь. На ногахъ ея были тоже необыкновенно длинные и широкіе ногти.

Она была веселаго характера, любила поговорить, отвъчала охотно на всъ вопросы, пъла гимны. Когда ее просили и когда ръчь заходила о ея маленькомо Жормен, какъ она звала преобразователя Америки, она приходила въ большое волненіе, раз-

сказывала, что видъла, какъ онъ родился, потому-что принадлежала Августину Вашингтону, что она надъла на него первую одежду, няньчила его, воспитала. Она знала много анекдотовъ про Жоржа, и вообще была очень занимательна. Я попросилъ г. Линдсея, чтобъ онъ показалъ мнъ доказательства старости негритянки, и тотъ подалъмнъ бумагу, подписанную Августиномъ Вашингтономъ, изъ графства Вестморлендъ, въ которой было сказано, что онъ продаетъ Елизаветъ Атвутъ негритянку, по имени Джойсъ Гетъ, пятидесяти четырехъ лътъ, за тридцать три фунта монеты Виргиніи. Документъ этотъ заклюнъ былъ 5 февраля 1727 года, при свидътеляхъ Ричардъ Букнеръ и Вильямъ Вашингтонъ.

По разсказу Линдсея и Джойсы, мистрисъ Елизавета Атвутъ была родственницею Вашингтона и жила по сосъдству, такъ-что когда родился маленькій Джоржъ, то Джойсъ, какъ кормилица всего семейства, была позвана, чтобъ спеленать новорожденнаго.

Этотъ разсказъ быль правдоподобенъ и документъ имъль древній видъ, такъ что его надобно было хранить за стекломъ и въ рамкъ, чтобъ онъ не разсыпался.

Я спросиль, какъ отыскали это необыкновенное существо, и мнъ отвъчали, что она долго жила на дальней плантаціи, принадлежащей Броулингу, въ Кентуки, и такъ-какъ тамъ не было современниковъ старухи, то никто и не зналъ настоящихъ ея льтъ, покуда въ архивахъ Виргиніи не нашли старой бумаги, по которой Броулингъ узналь, что отецъ въ числъ невольниковъ оставилъ ему Джойсъ Гейтъ, старуху ста шестидесяти лътъ, Въ это время онъ продавалъ свою плантацію, и Линдсей, узнавъ объ этой ръдкости, предложилъ купить старуху. Броулингъ запросилъ за нее три тысячи долларовъ, что было, разумъется, слишкомъ много, тъмъ болъе, что старуха могла умереть съ часу-на-часъ, но наконецъ согласился уступить ее за тысячу.

- Я рышился купить этоть живой феномень, продолжаль Линдсей, только, къ несчастію, могь располагать пятью стами долларами. Я повхаль въ Нью-Іоркъ, заняль тамъ денегъ, и покончиль дело. Только мнъ некогда хорошенько заняться, чтобъ привлечь публику или возить Джойсъ по другимъ городамъ, и я охотно продамъ ее за ту цъну, за которую самъ купилъ.
- Я куплю у васъ ее, сказаль я, хотя въ эту минуту не могь располагать тысячью долларами. Но я зналь, что старуха будеть имъть успъхъ, и я могу достать денегъ.

Слъдовательно я поспъшиль продать Моди мою часть въ торговлъ и, черезъ нъсколько дней быль опять въ Филадельфіи, гдъ получиль во владъніе живой феномень, съ правомъ показывать его во всъхъ штатахъ.

Я попросиль Линдсея подержать ее еще недълю, а самъ поъхаль въ Нью-Іоркъ, чтобъ приготовить приличное помъщеніе для старухи.

Я побъжаль къ Вильяму Нибло, видъвшему, кажется, негритянку въ Филадельфіи, и нанялъ у него большую залу, выходящую окнами въ садъ, гдъ можо было получать разные припасы и прохладительные напитки. Входъ былъ украшенъ гирляндами изъ фонарей и великольпными транспарантами, которые были новостью въ Америкъ. Ганнингтонъ, сдълавшійся впослъдствіи извъстнымъ декораторомъ, нарисоваль мнъ нъсколько огромныхъ транспарантовъ, гдъ были бълыя слова на темномъ фонъ.

джойсъ гетъ,

прожившая

161 годъ.

Я сдълалъ условіе съ Нибло, чтобъ онъ далъ мнъ залу, освъщеніе, украшеніе, что аффиши, объявленія, билеты будуть на его счетъ и что мы будемъ дълить доходы пополамъ. Онъ остался въ большомъ выигрышъ, потому-что получилъ въ недълю до тысячи пяти сотъ долларовъ.

Я взяль еще себъ въ товарищи Леви Лимана, бывшаго адвоката, чтобъ онъ помогаль мнъ принимать гостей, посъщающихъ тетку Джойсъ. Онъ былъ ловкій, умный янки, въжливый и расторопный до того, что правился всъмъ. Онъ говорилъ очень живо и остроумно и былъ какъ нельзя больше способенъ исполнять назначаемую ему роль.

Я вступиль на поприще директора спектакля, потому-что старуха составляла все-таки любопытный спектакль, и обратился къ газетамъ, чтобъ протрубить о новомъ чудъ.

Лиманъ составилъ историческія записки о нашемъ феномень, нарисовалъ портретъ негритянки, и продавалъ эту брошюру на свой счетъ. Я разсылалъ тысячи объявленій и портретовъ, такъ что всякій получилъ извъстіе о появленіи кормилицы Вашингтона.

Вотъ нъсколько образчиковъ моего красноръчія.

САДЪ НИБЛО.

«Въ залъ, недавно построенной для діорамы, показывають самый замъчательный феноменъ въ свътъ. Это чудо должно интересовать американцевъ больше другихъ народовъ, потомучто феноменъ нечто иное, какъ Джойсъ Гетъ, кормилица генерала Жоржа Вашингтона, знаменитаго освободителя Америки. Этой удивительной женщинъ теперь сто щестьдесятъ первый годъ, что доказано несомнънными свидътельствами, и несмотря на эту глубокую старость, она сохранила умственныя способности. Она не чувствуетъ никакой бользни, и даже весела. Въ ней въсу сорокъ девять фунтовъ. Она разсказываетъ очень мило анекдоты про своего молодаго барина, эпизоды про красныхъ вовремя войны за независимость, и вообще, кажется, не очень уважаетъ послъднихъ.

«Множество особъ всъхъ званій и состояній уже посътили эту древность; доктора, осматривавшіе ее, объявили, что имъ никогда не случалось видъть примъра такой дряхлости; словомъ, всъ согласны, что въ наше время это самый ръдкій и любопытный феноменъ.

«Она чрезвычайно любитъ разговаривать. Она поетъ также охотно старинные гимны.»

Воть другой образчикь объявленія въ патріотическомъ духъ. «Джойсь Геть — это чудо, которое уже не можеть повториться. Она была невольницею Августина Вашингтона, отца нашего героя, и первая имъла попеченіе о дътствъ великаго человъка, даровавшаго намъ славу, свободу отечеству. Какъ дорого должно быть для каждаго американца воспоминаніе о Георгъ Вашингтонъ!»

джойсь геть.

«Прибытіе въ садъ Нибло этого остатка прошлаго въка произвело большое водненіе въ народъ, и любители ръдкостей и древностей бросились смотръть на это чудо. Надобно сознаться, что мы до-сихъ-поръ не видали ничего подобнаго. Судя по длинъ членовъ и сложенію костей, женщина эта, должно быть, была въ молодости высока и сильна. Теперь она похожа на мумію. Говорятъ, что въ ней въсу не болъе пятидесяти фунтовъ. Ноги ея состоятъ изъ костей, обтянутыхъ кожею. Пальцы рукъ и ногъ до того вытянулись, что похожи на когти звърей. Удивительнъе всего, что, несмотря на сверхъестественную старость, она со-

хранила разсудокъ и веселость. Слухъ у ней также очень хорошъ » (New-Yorks Sun).

«Знаменитая старуха привезена въ Нибло, и привлекаетъ толпы любопытныхъ. Это настоящая мумія временъ Фараона, но она драгоцънна для насъ потому, что выняньчила нашего герояпзбавителя, Жоржа Вашингтона!» (New-York Evening Star).

«Старая Джойсъ, кажется, забыта смертью и заставила забыть Сатурна. Она должно быть родственница вычило жида, и върно живая встрътится съ нимъ.» (New-Iork Spirit of the Times).

И множество другихъ разглагольствованій въ этомъ-же родъ. Джойсь чрезвычайно любила курить, и слъдующее объявленіе Торнбурна доставило большую выгоду табачнымъ фабрикантамъ. Вотъ что онъ написалъ въ своей статьъ:

«Я сейчасъ посътиль Джойсъ Гетъ. Ко всъмъ своимъ мильмъ качествамъ она прибавляетъ страсть къ куренью, такъ, что еслибы ее не останавливали, то она не выпускала-бы трубки изо рта. Я ее спросилъ, давно-ли она куритъ? Она отвъчала: Сто двадцать лътъ. Если табакъ ядъ, какъ говорятъ нъкоторые доктора, то теперь можно удостовъриться, что это самый медленный ядъ.»

Когда публика собиралась, мы начинали поочереди разсказывать жизнь старухи, сношенія ея съ семействомъ Вашингтона, дътство великаго человъка и какъ она жила въ Виргиніи, забытая всъми.

Обыкновенно, нъкоторые посътители, изъ недовърчивыхъ, подходили къ ней и дълали вопросы, желая ее затруднить, но старуха отвъчала такъ върно и ясно, что никто не могъ сомнъваться въ достовърности ея словъ.

Такъ какъ Джойсъ была любительницею музыки, то часто пъла гимны, покачивая въ тактъ своею длинною рукою. Однажды случилось, что одинъ изъ посътителей началъ подиъвать ей, и когда она кончила одинъ гимнъ, онъ запълъ другой и третій, и старуха всъ помнила и пъла, не сбиваясь.

Всякій спрашиваль себя: Можеть-ли быть, чтобы это была подлинная кормилица Вашингтона? Не обманщица-ли это, выучив-шая роль? Разумъется, что съ этими вопросами приставали ко мнъ ежедневно, но я отвъчаль, что самъ ничего не знаю, что я не училь ничему старуху, что, напротивъ, она разсказала мнъ про Вашингтона много, чего я не зналь, и что я взялъ ее какъ

она есть, и со всъми документами, не доискиваясь, справедливыли они или подложные.

Скоро мы повезли наше чудо въ Бостонъ, эти Авины нашихъ временъ, гдъ я еще не былъ. Городъ мнъ чрезвычайно поправился. Я осмотрълъ всъ церкви, зданія, и былъ доволенъ, что здъсь, также какъ въ Коннектикутъ, строго наблюдаютъ воскресенье, и съ субботы вечера оставляютъ всъ работы и дъла.

Мы наняли маленькую концертную залу въ Гановерской-улицъ. Такъ какъ извъстіе о старухъ опередило насъ и аффици заранъе были разосланы по городу, объявляя о пріъздъ Джойсь, то успъхъ нашъ быль великольпный.

Въ тоже время быль въ Бостонъ Мельцель со своимъ знаменитымъ автоматомъ, играющимъ въ шахматы. Онъ нанялъ большую залу возлъ нашей, но публика бъгала смотръть одну нашу старуху, такъ что Мельцель принужденъ былъ спрятать автомата и предложилъ мнъ свою залу. Я переъхалъ туда, Мельцель часто разговаривалъ со мною, и находясь вовремя нашихъ представленій, сказалъ мнъ, что я могу обогатиться какъ директоръ театра, потому-что имъю всъ необходимыя качества для этого званія. Мнъ было пріятно слышать это Къ томуже онъ прибавилъ.

— Я готовъ помогать вамъ, когда ваша старуха умреть и вы захотите открыть другой спектакль. Я дамъ вамъ монхъ автоматовъ и другія ръдкости, и увъренъ, что вы извлечете изъ нихъ больше пользы, чъмъ я. Вы поняли первые, что для содержателей разныхъ спектаклей необходимъе всего аффици, объявленія, газетныя статьи. Это самая лучшая, самая върная метода.

Я поблагодариль его за великодушное предложеніе, увъряя, что воспользуюсь имъ, когда буду безъ дъла. Между-тъмъ-Джойсъ продолжала привлекать множество посътителей, число которыхъ не убавлялось въ-продолженіе цълой недъли. Я-же въ это время не переставаль возбуждать любопытство публики разными статьями и объявленіями.

Наконецъ, когда интересъ началъ ослабъвать, явилась въ газетъ статья, подписанная постьтитель, гдъ говорилось о новомъ, странномъ открытіи. Авторъ утверждалъ, что Джойсъ Гетъ просто $ny\phi$ ъ, что старуха не существуетъ и что это просто искусно устроенный автоматъ изъ каучука и костей, съ рессорами, заставляющими куклу дълать нъкоторыя движенія. Что-же касается до голоса куклы, то за нее отвъчаетъ и поетъ хозяинъ,

извъстный вантрилокъ. Это послъднее обстоятельство всего яснъе, потому-что всъ согласятся, что у старухи голосъ не человъческій.

Эта выходка имъла огромный успъхъ, тъмъ болъе, что автоматы Мельцеля, показываемые передъ этимъ, приготовили публику къ чудесамъ механизма. Всъ бросились теперь смотръть на Джойсъ Гетъ, какъ на автомата, и старались удостовъриться, живое она существо или кукла.

Однажды посътилъ насъ даже членъ конгресса съ своимъ семействомъ, и долго разговаривалъ со мною, тогда какъ жена его и мать разспрашивали Лимана, живая-ли это старуха или автоматъ. Лиманъ отдълывался двусмысленными отвътами, возбуждавшими еще больше любопытство, но одна изъ дамъ, осматривавщая Джойсъ со всъхъ сторонъ, вскричала:

- Теперь я увърена, что это живой человъкъ.
- Что заставляетъ васъ думать, что она живая? спросилъ Лиманъ хладнокровно.
 - У ней пульсъ быется также ровно, какъ у меня.
- Это еще не доказательство. Развъ механикъ трудно произвести мърное движеніе. Вы върно видъли движеніе маятника въ часахъ. Тоже самое можно устроить и въ рукъ куклы.
- Возможно-ли, вскричала дама, не зная, шутять съ ней или говорять правду. Стало-быть это автомать! Жоржъ, въдь старуха не живая, продолжала она, обращаясь къ мужу.

Тотъ немного сконфузился, тоже не зная чему върить. Въ публикъ послышался сдерживаемый смъхъ, и почтенное семейство удалилось, провожаемое Лиманомъ, который сохранилъ свое невозмутимое хладнокровіе.

Изъ Бостона, гдъ любопытство и выдумки истощились, мы поъхали въ Гингамъ, потомъ въ Ловель, Ворчестеръ, Спрингфильдъ и Гартфордъ. Вездъ появление наше производило необыкновенный успъхъ, и мы собирали обильную дань съ любопытныхъ.

Впрочемъ я торопился вернуться въ Нью-Іоркъ, чтобъ опять расположиться съ Джойсъ въ залъ Нибло, потому-что Американскій-институтъ начиналъ свои ежегодныя засъданія въ сосъднихъ залахъ, и къ этому времени собралось много посътителей. Я воспользовался стеченіемъ публики, невидавшей еще старухи, наводниль городъ объявленіями, и опять зала наша была

полна, такъ что мы просили зрителей оставаться недолго, чтобъ не заставлять ждать другихъ.

Потомъ мы отправились на три дни въ Нью-Гевенъ, оттуда въ Альбани, въ Неваркъ, и вездъ производили обыкновенный фуроръ.

Въ Альбани я познакомился съ владътелемъ музеума, Мичемъ. Въ музеъ давали каждый вечеръ представленія, состоящія большею частію изъ эквилибровъ и фокусовъ синьора Антоніо. Эквилибристика и фокусы были тогда совершенно неизвъстны. Я самъ никогда еще не видалъ ихъ, и потому неудивительно, что публика смотръла на нихъ съ любопытствомъ и удивленіемъ. Я началь разспрашивать Мича объ Антоніо, и узналь, что это молодой италіянець, только что прізхавшій изъ Англіи въ Канаду, и который кромъ Альбани не быль ни въ одномъ городъ Америки. Г. Мичъ сказалъ мнъ, что черезъ недълю Антоніо будеть свободень, и я поспъшиль ангажировать его на годъ, платя ему по двънадцати долларовъ въ недълю, на полномъ моемъ содержаніи, но зато я имъль право возить его по всъмъ городамъ Соединенныхъ Штатовъ. Не зная самъ хорошенько, что я буду дълать съ этимъ эквилибристомъ, я былъ однако увъренъ, что могу извлечь изъ него много пользы.

И такъ весь нашъ караванъ, состоящій изъ Джойсъ Гетъ, Антоніо, Лимана и меня, воротился въ Нью-Іоркъ, и я помъстилъ ихъ въ моемъ бывшемъ трактиръ въ Франкфуртской-улицъ, проданномъ при покупкъ негритянки, а самъ помъстился съ женою и дочерью въ Шерри-стритъ, у г. Кнапса.

Прежде всего попросиль я Антоніо, чтобъ онъ хорошенько вымылся съ головы до ногъ, чего онъ, въроятно, не дълалъ уже нъсколько лътъ. Потомъ я объявилъ ему, что надобно перемънить имя. Антоніо было совсъмъ незвучно и недовольно иностранно. Я придумалъ имя Вивалла! Антоніо согласился на всъ мои требованія, и я тотчасъ выпустилъ огромныя афиши, извъщавшія о пріъздъ изъ Италіи знаменитаго синьора Виваллы, который покажетъ американской публикъ необыкновенные таланты. Потомъ я разослалъ письма къ директорамъ нью-іоркскихъ театровъ и въ другіе города Америки, предлагая имъ ангажировать пріъзжаго.

Вильямъ Диннефордъ, директоръ театра Франклина, къ которому я обратился лично, сказалъ, что не надъется на успъхъ

синьора Виваллы, потому-что, въроятно, штуки его нетакъ необыкновенны, чтобъ возбудить сильное любопытство.

- Вы ошибаетесь, г. Диннефордъ, отвъчадъ я. Увъряю васъ, что ничего подобнаго не видали еще въ Америкъ, и притомъ-же онъ италіяницъ, а вы знаете, что все иностранное принимается здъсь съ восторгомъ.
- Да, наши республиканцы имъють страсть къ чужому, но все-таки я боюсь взять вашего фокусника. Что вы потребуете за него?
- Возьмите его на одинъ вечеръ даромъ, и если онъ понравится, то я за недълю возьму небольше пятидесяти долларовъ. Послъ этого, если публика оцънитъ талантъ моего штукаря, я буду брать по пятидесяти долларовъ за вечеръ.

Директоръ согласился испытать Антоніо. Я употребиль всъ средства для возбужденія любонытства, и покрыль всъ стъны домовъ аффишами и иллюстраціями, возвъщавшими блистательное представленіе синьора Виваллы.

Труды мои не пропали даромъ. Зала театра наполнилось до нельзя. Самъ я былъ на сценъ, чтобъ слъдить за Антоніо, помогать ему, подавать тарелки, кинжалы, шары, ходули.

Это было мое первое появленіе на сценъ.

Громкіе аплодисменты слъдовали за каждой новой штукою. Директоръ быль въ восторгъ, и тотчасъ-же ангажироваль Виваллу на недълю. По окончаніи, публика вызвала фокусника, котораго я вывель изъ-за кулисъ, и хотя онъ пробыль долго въ Англіи и зналь англійскій языкъ, но я почель нужнымъ объявить, что синьоръ не можетъ объясниться, и поручилъ мнъ поблагодарить публику за благосклонность. Тутъ-же я пригласилъ всъхъ на второе представленіе,

Однако, занимаясь Антоніемъ, я не бросаль моей старухи, которую помъстиль въ залъ Бовери и продолжаль показывать ес. Но замътя; что Вивалла принесетъ мнъ больше пользы, я поручиль негритянку Лиману, который, видя что Нью-Іоркъ обратился къ другой ръдкости, повезъ ее въ коннектикутскіе города.

За вторую недълю ангажемента Виваллы на Франклинскомътеатръ я взялъ полтораста долларовъ, потомъ повезъ его въ Бостонъ, гдъ онъ за такую-же цъну давалъ представленія; оттуда поъхалъ я въ Вашингтонъ и уговорился съ директомъ театра Вемиссомъ, чтобъ онъ давалъ мнъ часть со сбору.

Вашингтонскій театръ быль маль и неудобень для нашихъ

представленій, и мы 16-го января 1836 года наняли большой домъ, стоившій намъ довольно дорого, такъ что въ-началъ я не получалъ почти никакихъ доходовъ.

Но я былъ доволенъ тъмъ, что увидълъ столицу Соединенныхъ Штатовъ, былъ въ конгрессъ, гдъ мнъ показали Клея, Кальгуна, Бентона, Вебстера, Адамса, Полька, Ричарда, Джонсона и другихъ знаменитостей.

Полькъ быль тогда ораторомъ палаты представителей, а Ванъ-Бюренъ, бывшій вицепрезидентъ Соединенныхъ Штатовъ, предсъдательствоваль въ сенатъ. Я самъ быль свидътелемъ однажды, какое огромное вліяніе имълъ Ванъ-Бюренъ на своихъ собратовъ. Его красноръчіе было такъ убъдительно, что невольно увлекало всъхъ, и его не даромъ называли колдуномъ, который можетъ заставить всъхъ согласиться съ его мнъніемъ, какое-бы оно ни было.

Я слышаль также оратора Кальгуна, который говориль живо и казался взволнованнымъ положеніемъ дълъ въ новой Англіи. Въ ръчи своей онъ нападаль на многихъ, и особенно на Ванъ-Бюрена, но этотъ удивительный человъкъ, бывшій тутъ, не показаль и вида, что ръчь шла о немъ, и все время очень весело разговаривалъ съ сосъдомъ.

Я посътилъ Анну Ройяль. Она считалась въ то время знаменитостью, и издавала маленькій журналь. Я быль принять ею ласково.

Анна Ройяль была такай отчаянная говорунья, какой я еще не встръчаль. Это была мельница, а не старуха. Когда я пришель къ ней въ первый разъ, она закричала, что я чрезвычайно похожъ на депутата Миссисипи, Клеймона, который часто ее навъщаетъ, несмотря на несходство мнъній, котораго она не уважаетъ, но любитъ за доброе сердце.

- Салли, закричала она потомъ своей старой служанкъ, убери здъсь все хорошенько, потому-что я жду многихъ членовъ конгресса. Да, г. Барнумъ, меня навъщаютъ нетолько пріятели, но и враги, потому что всъ боятся меня. Я знаю всъхъ этихъ людей очень хорошо и могу напечатать про нихъ непріятныя вещи, но я не зла, а люблю говорить правду. Скажите-ко мнъ, кого бы вы выбрали президентомъ и вицепрезидентомъ.
 - Ванъ-Бюрена и Джонсона, отвъчалъ я, не думая.

Старуха была такъ поражена моими словами, что долго не могла выговорить ни слова, и наконецъ разразилась:

- Какъ вы хотите, чтобъ у насъ былъ президентомъ кол-

дунъ, хитрецъ, разбойникъ, врагъ нашего отечества! О Барнумъ, я не полагала, что вы такой дурной гражданинъ. Вы приводите меня въ ужасъ. О зачъмъ не утонулъ пароходъ, на которомъ вы пріъхали!

Я не могъ удержаться отъ громкаго смъха при этомъ наивномъ желаніи.

- Смъйся, чудовище! продолжала старуха. О несчастная Америка! Эти изверги погубять тебя, продадуть...
- Полноте, сказалъ я наконецъ, во всъхъ партіяхъ есть честные люди.
- Нътъ, у моихъ противниковъ все мошенники, я всъхъ ихъ знаю. Всъ они эгоисты, думающіе объ обогащеніи, а не о благъ отечества.

И Анна Ройяль продолжала сердиться самымъ комическимъ образомъ, что меня чрезвычайно забавляло, потому что мнъ случилось слышать въ первый разъ, какъ женщина разсуждаетъ о политикъ. Наконецъ, когда она устала проклинать своихъ противниковъ, то опять сказала ласково:

— Извините, Барнумъ, что я погорячилась, но политика всегда раздражаетъ меня. Пойдемте лучше въ типографію, разбирать статьи моего журнала.

Я охотно проводилъ старушку въ небъленное зданіе близь ея дома. Тамъ цълая комната была наполнена листами журнала, и два человъка складывали ихъ и запечатывали, чтобъ отсылать подписчикамъ.

— Помогите мнъ завертывать эти листы, сказала писательница. Надобно, чтобъ ихъ получили скоръе, а эти люди копаются такъ, что не кончатъ, кажется, и въ недълю.

И такъ какъ въ комнатъ не было ни одного стула, Анна Ройяль съла на полъ, и я долженъ былъ послъдовать ея примъру. Цълые полчаса свертывали мы листы, и во все это время старушка болтала безъ умолку, разсказывая мнъ свою собственную исторію, которая, признаюсь, очень меня заинтересовала. Я предложилъ ей читать публичныя лекціи о политикъ въ главныхъ городахъ Америки, увъряя, что она произведетъ большой эфектъ и поправитъ свое разстроенное состояніе, но писательница гордо отказалась, предпочитая жить въ независимой бъдности, чъмъ подчиняться вкусу и требованіямъ публики.

Разставаясь съ Анною Ройяль, я объщаль навъщать ее, когда буду въ Вашингтонъ, но больше мнъ не удалось ее видъть. Ско-

ро я прочиталь въ газстахъ, что оригинальная старушка умерла, «оплаканная всъми и сохранивъ до конца жизни умственныя способности».

Вовремя моего пребыванія въ Вашингтонъ шелъ всякій день такой сильный сибгъ, что всъ жители оставались дома, и сталобыть театръ оставался пустымъ, несмотря на талантъ Виваллы. Такъ какъ безъ доходовъ трудно было содержать театръ, я ръшился уъхать въ Филадельфію, но къ несчастію увидъль, что денегъ не достанетъ на провздъ. Не зная никого въ городъ, я со стыдомъ снесъ въ закладъ мои часы съ цъпочкою, за тридцать пять долларовъ. Но почти тотчасъ встрътилъ Веммиса, только что пріъхавшаго въ городъ, который далъ мив взаймы. Я побъжалъ выкупать часы, и хотя они были въ закладъ небольше часа, но все-таки я заплатилъ цълый долларъ процентовъ.

Наконецъ я могъ вывхать съ синьоромъ Вивалла, и открылъ въ Филадельфіи маленькій театръ. Тутъ я встрътиль актера Гадевей, теперь извъстнаго, но который тогда только что начиналь играть. Я однако поняль, что талантъ его принадлежитъ къ первокласнымъ. Въ-самомъ-дълв, я еще не видалъ такого удивительнаго комика. Этотъ человъкъ, кажется, былъ созданъ нетакъ, какъ другіе. Его походка, жесты, голосъ возбуждали смъхъ, но все-таки онъ былъ не пошлымъ фарсеромъ, а высокимъ, благороднымъ комикомъ, можетъ-быть первымъ нашей эпохи.

Въ первый вечеръ Вивалла быль принятъ прекрасно. Во второй раздалось нъсколько свистковъ въ партеръ, что меня чрезвычайно удивило. Антоніо быль тоже обиженъ этимъ пріємомъ. Я началъ смотръть, откуда происходять эти знаки неодобренія, и увидъль группу зрителей, посреди которой горячился извъстный наъздникъ изъ цирка, по имени Робертсъ. Онъ громко объявляль друзьямъ, что Вивалла просто шарлатанъ, что всъ фокусы его такъ стары, что онъ самъ сдълаетъ каждый изъ нихъ. Я тотчасъ-же написалъ слъдующую записку и папечаталъ ее на другой день въ объявленіяхъ:

«Тысяча долларовъ награды тому, кто возмемся сдълать всъ фокусы и эквилибры Виваллы въ присутствіи публики».

На другое утро Робертсъ прислалъ ко мив и объявилъ, что принимаетъ вызовъ. Я прежде всего посившилъ приготовить залу какъ можно обширнъе, гдъ-бы могъ сдълать пятсотъ долларовъ сбору (въ театръ Вальнута я не собиралъ больше семидесяти

1,4

долларовъ), но не уговорившись окончательно съ хозяиномъ залы Варреномъ, требовавшимъ треть сбора за наемъ, я побъжалъ въ гостиницу, гдъ жилъ Робертсъ.

- Вотъ тысяча долларовъ, сказалъ я ему, показывая деньги. Они будутъ ваши, если вы съумъете перенять всъ штуки Виваллы.
 - Надъюсь даже затмить вашего паяца, отвъчаль онъ.

Я даль ему подписать обязательство, и прибавиль, что завтра будеть публичное испытаніе, о которомь тотчась-же будуть разосланы афиши, и весь городь узнасть объ этомъ новомъ посдинкъ двухъ фокусниковъ.

- Такъ вы можете исполнить все, что дълаеть Вивалла? спросилъ я опять.
- Почти все, отвъчалъ Робертъ, понижая тонъ. Я признаюсь только, что никогда не пробовалъ ходить на ходуляхъ.
- Въ такомъ случав вы не можете выиграть закладъ. Я напечатаю, что вы только похвастались, а не можете сравниться съ Виваллою.
- Да я знаю много другихъ фокусовъ, которыхъ Вивалла не дълаетъ.
- Дъло не въ томъ. Надобно съумъть перенять его штуки. Стало-быть вамъ нечего и думать о тысячъ долларовъ, которыхъ вы не получите никогда. Но вотъ что я вамъ предложу. Вы теперь незаняты въ циркъ, и я дамъ вамъ тридцать долларовъ, если вы согласитесь явиться въ публикъ вмъстъ съ Виваллою, будто-бы серьозно вступаете съ нимъ въ борьбу, а междутъмъ мы устроимъ только комедію для забавы публики. Согласны-ли вы?

Робертъ согласился. Я тотчасъ-же нанялъ залу, познакомилъ моихъ противниковъ, которые начали показывать другъ другу свои знанія, и объявилъ во всъхъ газетахъ о любопытномъ вызовъ и закладъ въ тысячу долларовъ между американцомъ Робертсомъ и италіянцемъ Виваллою. Робертсъ со своей стороны напечаталъ, что онъ назначаетъ выигрышную сумму на какоето богоугодное заведеніе, словомъ вся Филадельфія была взволнована, и огромная зала оказалась мала въ день замъчательнаго представленія.

Такъ какъ роли были назначены заранъе, то все шло превосходно. Сначала Вивалла дълалъ легкіе фокусы, перенимаемые Робертсомъ съ необыкновенною ловкостью, возбуждавшею громкіе аплодисменты національной партіи, но подъ-конецъ штуки Антоніо сдълались такъ сложны и замысловаты, что Робертсъ принужденъ былъ объявить себя побъжденнымъ. Послъ представленія противниковъ начали вызывать, но я успълъ за кулисами ангажировать Робертса на мъсяцъ, и шепнулъ ему новую штуку, такъ что когда онъ вышелъ на авансцену, то сказалъ небольшой спичъ, признавая, что итальянецъ побъдилъ его, но что онъ назначаетъ новое представленіе, въ которомъ будетъ дълать фокусы, которыхъ не знаетъ Вивалла. Публика закричала, чтобъ Вивалла принялъ этотъ вызовъ; тотъ согласился очень серьозно. Назначенъ былъ день новаго поединка, объявленъ закладъ въ пятьсотъ долларовъ, и новый обильный сборъ былъ мнъ обезпеченъ, благодаря моей выдумкъ.

Мы умъли продлить интересъ этой борьбы въ-продолжение цълаго мъсяца, заставляя побъду склоняться то на сторону американца, то на сторону италіянца, который быль чрезвычайно доволень, что дурачиль публику, увлекающуюся подобными мелочами. Но эти мелочи могуть обогатить театры, директоры которыхъ не должны пренебрегать ими.

Между-тъмъ старая Джойсъ захворала у брата, въ Бетелъ, гдъ за ней былъ хорошій присмотръ, и наконецъ 21 февраля 1836 года братъ прислаль мнъ тъло старухи, говоря, что безъ меня не смълъ ее похоронить, полагая, что надъ ней будутъ дълать медицинскіе опыты. Я позваль одного изъ лучшихъ докторовъ, видъвшаго Джойсъ живою, и попросилъ его придти на другой день съ нъкоторыми товарищами и издателями газеты, чтобъ вскрыть тъло кормилицы Вашингтона.

Церемонія эта была торжественная. Только по окончаніи ея, когда почти всв разошлись, главный докторъ подошель ко мнъ съ Лиманомъ, и сказаль что такъ-какъ артеріи близь сердца по-койницы не отвердъли, то льта негритянки не могуть быть такъ преклонны и что вмъсто ста шестидесяти, ей не можетъ быть и восьмидесяти льтъ.

Я отвъчалъ, что ничего положительнаго не зналъ на счетъ этой женщины, но что довърился наружной ея дряхлости и документамъ, признаннымъ всъми неподложными. Лиманъ не могъ удержаться, чтобъ не усомниться въ познаніяхъ доктора, который обидълся, и на другой день напечаталъ въ Sun статью, объявлявшую о вскрытіи тъла Джойсъ и о доказательствахъ, подтвержденныхъ наукою, что ей не могло быть ста шестидесяти лътъ.

Всъ журналы принялись опять за диссертаціи о старухъ. Публика толковала о Джойсъ, какъ вдругъ Лиманъ увеличилъ всеобщее волненіе тъмъ, что напечаталь въ Герольдъ слъдующую статью.

«Новый пуфъ. — Статья въ Sun, подписанная докторомъ Роджеромъ, чистая фантазія. Онъ не могъ вскрывать тъла Джойсъ, потому-что она еще жива и показывается въ Коннектикутъ, гдъ ее могутъ всъ видъть. Стало-быть нътъ ничего мудренаго, что нетритянка, анатомированная докторами, не могла имъть ста шестидесяти лътъ.»

Публика раздълилась на двъ партіи. Одни върили въ льта Джойсъ, другіе смъялись надъ довърчивыми; журналы междутъмъ продолжали сильную полемику, но никто не зналъ ничего достовърнаго, въ томъ числъ и я, потому-что тутъ ровно ничего не придумываль и не приготовлялъ, а взядъ готовый пуфъ (если только это былъ въ-самомъ-дълъ пуфъ). Лиманъ этимъ не довольствовался и сочинилъ цълую исторію, какъ я встрътилъ Джойсъ, разбитую параличемъ на одной плантаціи, какъ я выбиль ей всъ зубы, выучилъ ее говорить про Вашингтона, пътъ гимны. Все это имъло то преимущество, что имя мое, повторяемое во всъхъ журналахъ, сдълалось извъстнымъ и всъ ночитали меня самымъ искустнымъ антрепренеромъ спектаклей.

Между-тъмъ тъло бъдной Джойсъ, произведшей столько шума, было отвезено въ Бетель и похоронено тамъ прилично на приходскомъ кладбищъ.

and a substitution of the substitution of the

and a page of the company of the property of the contract of t

Application of the second second

to a feet the property of the state of the s

de Sancial de la companya del companya de la companya de la companya del companya de la companya

AYAB 3A TEPERONB.

foreign and described an experimental service of the production and the service of the service o

the in all street notes married in alcovering. It was

the larger control parties if a control of other to the control of

изъ дорожныхъ записокъ

А. ЧУЖБИНСКАГО.

tjaktiloger sit a sit. Ta ar inter vider ji gjen sjittie Zojene sije:

Свътлымъ майскимъ днемъ вступили мы во Владикавказъ, или Капкай, по простонародному. Небольшой городокъ этотъ раскинутъ почти у подошвы горъ, по берегу Терека, и не представляетъ никакого вида, тъмъ болъе, что тутъ-же высятся снъговые исполины, поглощающіе все вниманіе путника, посътившаго въ первый разъ мъста эти. Однако, уставъ съ похода, я съ удовольствіемъ слезъ съ коня и занялъ чистый нумеръ въ гостинницъ, который сулилъ мнъ свой посильный комфортъ на нъсколько сутокъ, назначенныхъ намъ пробыть во Владикавказъ. Зная, что должно предстоять мнъ, я еще заранъе приготовилъ списки горцевъ, которыхъ слъдовало распустить по домамъ, и сдълавъ нужные разсчеты, принялся приводить въ порядокъ листки дневника, писанные отъ Георгіевска какъ попало, на дневкахъ и ночлегахъ: тамъ невозможно было сдълать этого аккуратно.

Никакого нътъ сомнънія, что потомство ничего не потерялобы, еслибы и утратились мои дорожныя записки: въ нихъ нътъ ни поэтическихъ описаній, которыя, правду сказать, по-обыкновенію и невсегда интересны,—ни статистическихъ замътокъ, сдълавшихся теперь необходимой принадлежностью путевыхъ записокъ;— однако-же меня не оставляетъ мысль, что разсказъ очевидца о Кавказъ не можетъ-же быть хотя безъ нъкоторой занимательности. Конечно, ръдко кого займетъ собственно моя особа, но то, что я видълъ и слышалъ, переданное просто, какъ оно было, безъ сочиненія небывалыхъ приключеній, можетъбыть и доставитъ кому минуты развлеченія.

Путь отъ Екатеринограда до Владикавказа, по кабардинской плоскости, который совершался прежде сътакъ-называемой оказіей, которую подробно описываетъ А. С. Пушкинъ, въ своемъ «Путе-шествіи въ Арзерумъ», не представляль уже въ 184* — особой опасности, потому-что на протяженіи 105 верстъ поселены малороссійскіе козаки Владикавказскаго линейнаго полка. Дорога устроена здъсь точно также, какъ и вездъ по линіп: на каждыхъ семи верстахъ постъ, на половинъ разстоянія между постами вышка и пикетъ. И хотя дорога идетъ почти вездъ по мъстности, покрытой кустарникомъ, однако съ-тъхъ-поръ, какъ поселены здъсь козаки, нападенія горцевъ на проъзжихъ сдълались менъе часты и менъе значительны.

Не могу не привести здъсь случая, окончившагося компчески, но который, при другихъ условіяхъ, могъ-бы перейти въ трагедію. Мы дневали въ Николаевской-станиць, расположенной при впаденіи Бълой въ Терекъ. Станицы эти представляють вилъ кръпостцы, конечно весьма слабой для регулярнаго войска, но довольно сильной для того, чтобы держать въ почтительномъ отдаленіи даже значительную толпу горцевъ. Станція Николаевская, имъющая видъ параллеллограма, обрыта глубокимъ рвомъ, шириною сажени въ полторы, надъ которымъ сдълана земляная насыпь, усаженная сверху колючими вътвями, что и служить надежнымь оплотомъ для осажденныхъ. По угламъ стоять орудія, всегда заряженныя, возль которыхъ находятся часовые артиллеристы, готовые по первому знаку угостить непріятеля картечью. Только на съверт и югъ находятся вороты, съ вышкою для сторожевыхъ козаковъ, и на ночь запираются и закладываются бревнами. Съ разсвътомъ разъвздная партія козаковъ отправляется изъ станицы, освидътельствовать слъды по рось, и если замътить, что ночью не было хищнической переправы черезъ Терекъ, тогда станичный начальникъ приказываетъ отпереть вороты, и жители отправляются въ поле, для хозяйственныхъ занятій, разумъется подъ прикрытіемъ достаточнаго конвоя, кромъ того, что каждый козакъ выъзжаетъ на работу, вооруженный съ ногъ до головы; иногда, въ случав надобности.

въ конвой высылается и орудіе. Помните-же, что изъ станицы только два выхода, и что если вы отправились въ съверныя ворота, съ намъреніемъ обойти станицу, то иначе входа иътъ, какъ въ южныя ворота, отстоящія на довольно значительное пространство.

Въ половинъ мая день былъ превосходный. Послъ объла. когла большая часть команды нашей улеглась стдыхать, а князь заперся въ своей комнатъ писать письма, мы съ однимъ изъ молодыхъ и довольно образованныхъ мусульманскихъ офицеровъ рышились прогуляться. Привыкнувъ накоторымъ образомъ къ безопасности и считая многіе разсказы о нападеніяхъ чиствишими вымыслами, я, признаться, на дневкахъ и ночлегахъ неслешкомъ исполнялъ кавказское обыкновеніе-не выходить изъ дому безъ оружія. Товарищъ мой, въроятно, чтобы не уронить себя въ моихъ глазахъ, тоже не вооружился, и мы оба, съ однимъ кинжаломъ за поясомъ и съ трубками въ рукахъ, пошли смъло по станицъ, а потомъ, вызванные чудесной погодой, отправились въ съверныя ворота. Влъвъ у насъ шумълъ Терекъ, отъ котораго отдъляли насъ густые кусты, но мы считали неблагоразуміемъ подходить къ ръкъ, и продолжали путь вдоль канавы, намъреваясь пройти въ южныя ворота, а если не устанемъ, то пробраться и по другую сторону. Пройдя половину дороги, то есть очутясь противъ средины станицы, въ которую войти иначе было нельзя, какъ въ однъ изъ воротъ, отстоявшихъ отъ насъ на большое разстояніе, мы остановились, и я, вынувъ зажи гательное стекло, расположился закурить трубку. Наводя фокусь на табакъ, я отвель глаза въ сторону и - растерялся... Въ кустахъ мелькнуло нъсколько бълыхъ черкесскихъ шапокъ, и человъкъ шесть горцевъ, выскакавъ изъ кустарника, пустились прямо на насъ во всъ лопатки. Товарищъ мой обнажилъ кинжаль, я стояль въ прежнемъ положенін, а въ это время на вышкъ раздался выстрълъ козачьей винтовки.

 Здорово, Искендеръ-Ага! проговорилъ одинъ изъ всадниковъ, осадивъ коня передо мною, и соскочивъ съ съдла, подбъжалъ ко мнъ.

Но я не успълъ опомниться, какъ изъ станицы неслись къ намъ козаки, выхвативъ изъ чехла винтовки. Горцы замахали шашками, козаки подскакали, и дъло объяснилось. Распущенные изъ нашей команды по домамъ всадники, узнавъ что мы днюемъ въ Николаевской-станицъ, вздумали навъстить прежнихъ това-

рищей, и разглядъвъ насъ изъ кустарника, захотъли сдълать сюрпризъ нечаяннымъ появленіемъ. Я зналъ всъхъ лично, но, признаюсь, не былъ слишкомъ обрадованъ подобной встръчей. Впрочемъ минутный испугъ прошелъ тотчасъ, и я серьозно сталъ доказывать горцамъ, что сюрпризъ ихъ могъ-бы дорого имъ стоить, еслибы я взялъ съ собой двухствольное ружье, а товарищь мой имълъ-бы пару пистолетовъ. На это горецъ отвъчалъ мит: «Аллахъ великъ, а Магометъ пророкъ его!» и непремънно настапвалъ, чтобы я и товарищъ мой пересъли на лошадей, и такимъ образомъ мы торжественно въъхали въ станицу, въ которой распространилась тревога и всъ уже были готовы.

Послъ этого происшествія я даль себъ слово никогда на Кавказъ не выходить безъ оружія, потому-что если одинъ разъ случилось встрътить мирныхъ черкесъ, и притомъ старыхъ знакомцевъ, то въ другой разъ можетъ встрътиться и недругъ, который, пользуясь беззащитнымъ положеніемъ, накинетъ арканъ на шею, и быстро умчится съ своей добычей.

Потомъ еще я вспомнилъ ночлегъ въ Ардонъ. Въ станицъ этой тоже поселены малороссійскіе козаки, и мнъ пришлось стоять въ хатъ земляка, даже сосъда, жившаго въ одномъ со мною селеніи. Козаки принесли съ собой всъ свои нравы и обычан; домашнее хозяйство ихъ тоже, что и въ Малороссін; хата убрана по старому обычаю; въ ней все необыкновенно чисто и опрятно, и тоже самое гостепримство и радушіе, какое привыкли мы встръчать подъ благодатнымъ небомъ Украйны. Сами только козаки переродились совершенно: изъ мирныхъ пахарей, они сдълались ловкими наъздниками, и въ какихъ-нибудь двънадцать лътъ, проведенныхъ на Кавказъ, стали грозою хищныхъ горцевъ. Одинъ старожилъ, линеецъ Гребенскаго полка, говорилъ мнъ, что Владикавказск й козачій полкъ скоро не уступитъ кореннымъ кавказцамъ. Да и нътъ ничего удивительнаго! Развъ-же они не потомки тъхъ удалыхъ рыцарей, которые грудью оберегали Русь отъ набъговъ Турокъ и Татаръ? Развъ не ихъ-же предки, предводимые храбрыми вождями, переправлялись на лодкахъ чрезъ Черное-море, жгли мало-азійскіе берега, и въ томъ числъ Синопъ и Транезонтъ, и наводили ужасъ на самый Константинополь?

Вечеромъ молодежъ проводитъ время въ обычномъ пъньи пъсень на улицъ, и заунывныя гармоническія мелодіи, раздающіяся на берегахъ Сулы и Слъпорода, повторяются у береговъ Терека, въ виду снъговыхъ исполнновъ Кавказа. Вечеръ этотъ для меня еще тъмъ интересенъ, что я случайно напалъ на одну народную сказку, слышанную мною когда-то въ дътствъ, именно о любви молодаго парня и одной въдъмы, и записалъ нъсколько малороссійскихъ пословицъ, дотолъ мнъ неизвъстныхъ.

Приведя въ порядокъ свои бумаги, я отправился бродить по городу, который, не краснъя, можетъ имътъ претензію на это названіе, потому что обстроенъ довольно порядочно, имъетъ гостиный дворъ, залу для собранія и десятка три домовъ весьма презентабельной наружности, не включая въ то число домиковъ простенькой архитектуры, стоящихъ въ порядкъ по просторнымъ улицамъ. Въ гостиномъ дворъ преимущественно торгуютъ армяне, котя есть нъсколько и русскихъ торговцевъ.

Изъ Владикавказа мы отпускали остальныхъ горцевъ, бывшихъ въ нашей командъ, оставаясь, для дальнъйшаго путешествія, съ одними мусульманами, какъ ихъ называютъ оффиціально. Конечно они мусульмане, потому-что большая часть изъ нихъ татары нашихъ закавказскихъ провинцій и турки, но въ числъ ихъ довольно также и армянъ, которыхъ всегда можно отличить по облику.

Въ числъ горцевъ, слъдовавшихъ съ нами, быль одинъ молодой мальчикь, очень хорошенькій собою, сдълавшій было попытку къ европейской образованности, которая однакоже, бывъ весьма новерхностною, обратилась для него во зло, что часто бываеть съ его единоплеменниками. Молодой этотъ человъкъ, котораго скрою настоящее имя, а назову просто Али, нахватавшись коекакихъ познаній, вмъсть съ тъмъ утратиль все, что было въ немъ добраго отъ природы, и усвоилъ всъ гнусные пороки, существующіе между жалкимъ отребьемъ цивилизованныхъ большихъ городовъ. Онъ любилъ и выпить, подсмъиваясь надъ запрещениемъ Магомета, любиль и сплутовать въ карты, играя съ всадниками, за что часто грозиль ему обнаженный кинжаль, любиль солгать, объщать, не думая исполнить объщанія; а между-тъмъ въ этомъ мальчикъ обнаруживался острый природный умъ и необыкновенная смътливость. Сначала онъ было втерся въ милость къ князю, ъхалъ почти всегда съ нами въ каретъ въ дурную погоду, бывалъ вездъ, куда былъ приглашенъ князь, и старался выдавать себя за офицера, гдъ только, представлялась къ тому возможность. Надо здъсь замътить кстати, что азіатцы необыкновенно падки на чины и на какое-нибудь значеніе. Али при каждомъ

удобномъ случат выдаваль себя за офицера, и, разумъется, многіе върили ему на-слово. Однажды на Дону, между козаками и нашими всадниками вышла непріятность, повлекшая за собою небольшое слъдствіе. Для болье успъшнаго дъла князь поручиль мнъ сходить вивств съ депутатомъ, и помогать его плохому знанио русскаго языка. Такъ-какъ это было дъло въ одной станицъ, атаманъ которой хотълъ окончить дъло миролюбиво, то прежде, чъмъ начать оффиціальное слъдствіе, положено было согласить объ враждующія стороны. Войдя къ станичному атаману, я засталъ много мусульманъ, и въ томъ числъ Али. При моемъ входъ сотникъ всталъ почтительно и называлъ меня поминутно полковникомъ. Не имъя чести состоять въ этомъ чинъ, я поправилъ ошибку сотника, и онъ объявиль мнъ, указывая на Али, этотъ горецъ назвалъ меня полковникомъ, а себя моимъ адъютантомъ! Али былъ сдъланъ строгій выговоръ, но это ни къ чему не послужило, потому-что на вечеръ у одного помъщика онъ началъ выдавать себя за поручика гвардіи, и нацъпилъ на себя эполеты, которыя съ него, разумъется, сняли, что однакоже нисколько его не обезкуражило.

Боялся-ли меня Али, любиль-ли истинно, не знаю, только онъ ностоянно оказывалъ мнъ всевозможные знаки уваженія, и когда, вслъдствіе разныхъ его проказъ, онъ быль удаленъ княземъ, и предоставленный самому себъ, впалъ въ нищету и погрязъ въ порокахъ, то часто меня слушался и дня по два велъ себя весьма норядочно. Мнъ было жаль мальчика, но я видълъ, что исправить его не предстояло никакой возможности, тъмъ болъе, что онъ не понималъ чести съ европейской точки зрънія, а нравственныя начала горца утратилъ совершенно. Все, что я могъ дълать для него, это кое-какія матеріальныя пособія, и небольшимъ вліяніемъ своимъ на князя избавлялъ иногда погибшаго мальчика отъ наказанія. Онъ понималъ это и до конца оставался мнъ признателенъ; даже сообщилъ извъстіе объ одномъ намъреніи нъсколькихъ мусульманъ, предупрежденіемъ котораго мы избавили себя отъ нъкотораго рода непріятности.

Перехода за три до Владикавказа, однажды утромъ, Али вошелъ ко мнъ на квартиру. Лицо его было блъднъе обыкновеннаго; одътый, почти въ лохмотьяхъ, онъ, казалось, былъ подъ вліяніемъ стыда.

[—] Что скажещь, Али?

[—] Велите дать мит стаканъ чаю, Искендеръ-Ага.

- Съ удовольствіемъ! Очень радъ, что ты не просишь запрещеннаго напитка.
- Натъ, я уже болъе пить не стану.
 - Въ добрый часъ! Ну, садись.

Али сълъ; на глазахъ дрожали слезы.

- Я очень виновать, Искендерь-Ага; знаю, что все время вель себя самымъ гнуснымъ образомъ; но я раскаялся.
- Если чистосердечно, то поздравляю тебя. Ты мальчикъ неглупый, кое-какъ образованъ, могъ-бы служить.
- Я это и сдълаю, только пробуду съ полгода на родинв, а тамъ поступлю на службу, и вы если не увидите, то услышите, что Али надънеть эполеты.
 - Желаю поскоръе.

И наливъ стаканъ чаю, я подвинулъ его горцу. Съ жадностью глоталъ онъ горячую жидкость.

- Я къ вамъ съ просьбой, Искендеръ-Ага.
- Напримъръ.

Али замялся.

- Послъ завтра мы вступаемъ въ Капкай, а я видите въ какомъ положени.
- Кто-жъ виноватъ, Али! Ты пропилъ и проигралъ свой прекрасный костюмъ и свое дорогое оружіе; не знаю, какъ уцъльла шашка.

Али гордо удариль по рукояткъ.

— Шашка священна: это еще оружіе дъда, и мнъ отецъ далъ ее съ приказаніемъ беречь пуще глаза. Сдъланнаго не воротишь! Васъ любитъ князь. Выхлопочите мнъ у него прощеніе, и одъньте меня хоть какъ-нибудь. Въ Капкай могутъ пріъхать мои родственники, и мнъ стыдно будетъ показаться нищимъ.

Али заплакаль. Мнъ стало жаль мальчика.

- Ну, хорошо, я выхлопочу тебъ прощеніе и мы одънемъ тебя. Только кто-же порукою, что ты будешь весть себя порядочно.
 - О, я клянусь...
- Душа моя, ты столько уже разъ клядся, что клятва твоя вошла въ командъ въ пословицу.
- Правда, сказалъ онъ. Ну, я самъ объщаю, и нозволю назвать себя подлецомъ всенародно, если не исполню объщанія.
- Въдь для меня все-равно, Али, поправишься-ли ты или сдълаешься негодяемъ; но ты подумай о себъ.

- Такъ я могу надъяться?
- Можешь.

Али бросился цъловать мои руки, и послъ того какъ усълся онъ на мъсто, прекрасное лицо его приняло какое-то гордое выраженіе.

— Теперь еще одна просьба, сказаль онъ. Если князь меня простить, и я буду одъть хорошо, я хочу, чтобы попрежнему онъ позволиль мнъ ъхать рядомъ съ собою, какъ бывало въ прежнія времена. Видите-ли, пусть знають всъ горцы въ Капкаъ, что я не какая-нибудь дрянь.

Я только улыбнулся, и зная доброту князя, быль увърень, что успъю склонить его и на эту просьбу. На другой-же день, я обдълаль дъло: Али быль одъть щегольски, ъхаль съ нами вмъстъ и ръшительно не пиль ничего, несмотря на то, что за объдомь у князя всегда подавалось шампанское. Подъъзжая къ Владикавказу, онъ даже спрашиваль у меня, не надъть-ли ему эполеты, или, по-крайней-мъръ, офицерскую шинель, но я просто не позволиль ни того, ни другаго, и Али въъхаль въ городъ вслъдъ за княземъ, разыгрывая роль его адъютанта, безпрестанно рыская взадъ и впередъ, какъ-будто съ приказаніями.

Проведя вечеръ по обычаю съ княземъ у его старинныхъ знакомыхъ, которые изъ Тифлиса переъхали во Владикавказъ, я довольно поздо возвратился къ себъ въ горницу. Али дожидался меня.

- Ты върно завтра-же, Али, отправляешься на родину? спросилъ я.
 - Завтра, Искендеръ-Ага, и пришелъ попрощаться.
- Спасибо! Ну посидимъ послъдній разъ вмъстъ, попьемъ чаю и побалагуримъ.

Надо знать, что Али посъщаль порядочный кругъ въ Варшавъ, зналь бъгло русскій и польскій языки, и быль пріятнымъ собесъдникомъ.

- Хотълось-бы миъ на прощанье попросить васъ, Искендеръ-Ага, да боюсь, что вы не исполните.
 - Почему-же, Али, если это возможно.
 - Очень возможно.
 - Такъ говори скоръе.
 - Вы въдь ъздили въ аулъ къ Арсланъ-Бею.
 - Hy?

Сдълайте-же и мнъ честь, побывайте въ домъ моего отца;
 онъ давно мирный и преданъ русскому правительству.

Приглашение это было мнъ по душъ, но я не зналъ еще, какъ приметъ его князь.

- Я непрочь, Али, побывать въ горахъ, только въдь ты знаешь, что у меня есть обязанности.
- Всего полдня взды; завтра къ вечеру вы возвратитесь въ Капкай, а въдь команда останется здъсь по-крайней-мъръ двои сутки. Кажется, вамъ бояться нечего.
 - Бояться-то я не боюсь...
- А какія у насъ мъста, Искандеръ-Ага! Я увъренъ, что у Арсланъ-Бея и вполовину нътъ такихъ видовъ.
- Я полагаю что въ горахъ у васъ въ-самомъ дълъ должно быть очень хорошо.
- А какія у насъ женщины!..

Здъсь мы оба замолчали. Я люблю красоты природы во всъхъ ея проявленіяхъ, но, признаюсь больше всего прихожу въ восторгь отъ красоты женщины; по-крайней-мъръ, никакой въ міръ ландшафть не можеть меня увлечь такъ, какъ прекрасное лицо молодой женщины или дъвушки, особенно, если въ немъ разлито какое-нибудь выражение. Женская красота до того обаятельно дъйствуетъ на меня, что я могу, молча, по цълымъ часамъ любоваться прелестнымъ созданіемъ, не имъя никакой цъли, никакихъ желаній. Въ присутствіи хорошенькой женщины мнъ дълается какъ-то теплъе жить на свъть, и на душъ разливается тихое спокойствіе и самозабвеніе, и даже утъшеніе, если я и чувствую какую-нибудь моральную тягость на сердцъ. При всей моей страсти къ новизнъ, при всемъ многіе отдълы кавказской этнографіи, желаніи пополнить послъдній намекъ Али чутъ-ли не былъ сильнъйшимъ двигателемъ отыскать возможность выпросить у князя разръшеніе проникнуть въ горы. Я такъ много читалъ и слышалъ о красо. тъ горянокъ, -притомъ-же недавно видълъ типъ этой красоты въ меньшой сестръ Арслланъ-Бея, что мнъ захотълось посмотръть еще на красавицъ, обитающихъ за Терекомъ, въ племени назрановцевъ. Это племя чеченское, названное такъ отъ нашей кръпости Назрана, предано Россіи и живетъ въ необыкновенно красивыхъ мъстахъ, верстахъ въ тридцати отъ Владикавказа.

Утромъ рано я уже выпросилъ позволение у князя, а часу въ девятомъ, въ обществъ Али и четырехъ горцевъ, выъхалъ по

10 Смпсь.

дорогъ къ Назрану. Путешествіе мое было самое благополучное, несмотря на многіе разсказы о встръчахъ съ немирными горцами; мы обогнали только двухъ всадниковъ, попросившихъ табаку у одного изъ монхъ спутниковъ, да кормили лошадей и сами объдали вмъстъ съ армянами-маркитантами, которые везли разные припасы. Купецъ хозяннъ, болтавшій кос-какъ по русски, былъ необыкновенно разговорчивъ и сообщилъ мнъ много различныхъ анекдотовъ изъ своей кочевой жизни. Армяне порядочные трусы, но если придется защищать свои товары, они дерутся какъ львы, и неръдко случается, что гибнутъ до послъдняго.

Козачьи разъвзды попадались намъ и опрашивали очень часто. Въ одномъ мъстъ мы услышали довольно значительную перестрълку, но не могли узнать причины этому. Вблизи аула попались намъ въ небольшомъ лъсу два пъхотные солдата, изъ которыхъ одинъ велъ на веревкъ барана. Увидя наше приближеніе, они мигомъ остановились, и сняли съ плечъ ружья. Я счелъ обязанностью замахать бълымъ платкомъ и подскакалъ къ нимъ. Удостовъривъ ихъ, что горцы мирные и возвращающіеся изъ Варшавы, я спросилъ егерей, гдъ ихъ команда.

- Верстахъ въ двухъ, ваше благородіе, отвъчаль одинъ, да человъкъ насъ сорокъ здъсь вблизи отбили стадо барановъ у хищниковъ; горцы-то удрали, а овцы разбрелись.
 - Большая была партія.
- Человъкъ сотия.
- И вы не боитесь отстать отъ команды.
- Чего бояться, да вотъ и наши. Въ-самомъ-дълъ я увидълъ въ кустарникахъ егерей. Я подъъхалъ къ командъ, и унтеръ-офицеръ подтвердилъ сказанное. Партія хищниковъ потянулась въ Чечню, но, по словамъ унтеръ-офицера, далеко не уйдутъ, потому-что полсотни линейцевъ съ четверть часа пронеслись по ихъ слъду.

Посль этого мы спокойно продолжали путь, и часу въ шестомъ прибыли въ аулъ, въ которомъ жило семейство Али. Аулъ раскинутъ на покатости горы, и весь въ садахъ, примыкая однимъ концомъ къ большому лъсу. Сакли, плетеныя изъ хвороста, напоминаютъ малороссійскія хаты, — точно также разбросаны въ безпорядкъ; нъсколько впрочемъ домовъ, принадлежащихъ зажиточнымъ горцамъ, сложены изъ камня. Мечеть каменная, самой грубой архитектуры; вокругъ нея набросаны кучами глыбы кам-

ня. Увидя приближеніе всадниковъ, аулъ пришель въ движеніе: сначала бросились къ намъ очень злыя собаки, потомъ мгновенно выскочили изъ саклей вооруженные горцы. Вскоръ однакоже вновь прибывшіе были узнаны, и все народонаселеніе радостно ихъ привътствовало, бросая на меня неслишкомъ привътливые взгляды. Али проговорилъ нъсколько словъ, и это, повидимому, успокоило горцевъ.

— Маршъ за мной, Искендеръ-Ага! сказалъ онъ мнъ, и пустился по извилистой улицъ.

Черезъ нъсколько минутъ мы очутились на концъ аула, примыкавшемъ къ лъсу, и соскочили съ лошадей близь неуклюжаго каменнаго дома, посреднит котораго возвышалась четыреугольная башня. Собаки привътствовали насъ дружнымъ лаемъ, и два дюжіе горца выбъжали навстръчу. Одинъ изъ нихъ назваль Али по имени, съ громкимъ крикомъ, и вслъдъ за этимъ на порогь сакли показался старикь въ малиновомъ ахалукъ, съ съдой остроконечною бородою. Это быль отецъ Али. Старикъ радостно привътствоваль сына, и когда послъдній сказаль ему обо мнъ, онъ проговорилъ по-татарски извъстную фразу, приглашающую путника считать домъ хозянна своимъ домомъ. Я слезъ съ лошади, и по обычаю, вручилъ старику свое оружіе. Послъ этого горскій этикеть налагаеть уже на хозяина, какъ отвътственность въ безопасности гостя, такъ и обязанность самаго изысканнаго гостепрінмства. Мы вошли въ кунацкую. Это была просторная комната, увъшанная оружіемъ и сбруею, но въ которой стояло лишь двъ три скамейки, да широкій сундукъ, покрытый простымъ ковромъ; боле никакой мебели не находилось. Не успъли мы усъсться, какъ съ крикомъ вбъжали въ кунацкую двъ женщины: одна изъ нихъ, старушка, бросилась на шею къ Али, другая, молоденькая, остановилась среди комнаты, и увидя чужаго, потупила глазки. Али нетолько не съ нъжностью привътствовалъ мать послъ долгой разлуки, а напротивъ, несовствы деликатно освободился изъ ея объятій, сказавъ ей отрывисто какую-то фразу. Съ сестрой обощелся онъ тоже весьма хладнокровно, и поворотивъ ее ко мнъ, сказалъ:

— А въдь плутовка недурна!

Старикъ тотчасъ-же приказалъ женщинамъ удалиться, и обращаясь ко мнъ, примолвилъ:

— Терпъть не могу, если бабы вертятся передъ глазами.

Нъсколько времени поговорили мы съ отцомъ Али о полити-

NAZASE ROJECTOR REPRESENTANTO

Смъсь.

12

къ; онъ истолько не зналъ Европы, а даже не имълъ нималъйшаго понятія о Россіи, но, по обычаю словоохотныхъ горцевъ, пускался въ разсужденія.

Намъ подали кумысу и полную миску плову, что я охотно промъняль-бы на стаканъ чаю; но, по какой-то странной забыв-чивости, позабывъ взять съ собой походный чайникъ, я долженъ былъ отказаться отъ этого удовольствія до возвращенія во Владикавказъ.

Вовремя транезы отецъ говорилъ съ сыномъ на своемъ языкъ, котораго я не понималъ ръшительно.

— Мы удалимся часа на два, сказалъ мнъ Али: снача пойдемъ въ мечеть, а потомъ къ нъкоторымъ старъйшинамъ аула, а ты, Искандеръ-Ага, оставайся дома и усни, если хочешь. Я провожу тебя въ твою комнату.

Мит отвели помъщение на верху башни, въ комнатъ съ однимъ окномъ, очень маленькой и весьма неопрятной, изъ которой и быль выходь на платформу. Я тотчась-же принялся за устройство пріюта: разостлаль войлокь, положиль кожаную подушку и покрымъ все это широкой буркой; потомъ вынулъ бумагу, походный письменный приборъ и кое-какія необходимыя вещицы. Сидъть въ этой каютъ мнъ казалось однакоже преступленіемъ въ то время, когда чудный майскій вечеръ спускался на окрестность. Я изъявиль желаніе прогуляться по аулу, но Али не совътоваль мит дълать этого въ его отсутствіи, объщая завтра показать все до малъйшей подробности. Онъ далъ мнъ однакожъ одного дюжаго горца въ тълохранители, которому приказалъ повесть меня на близь-лежавшую гору, откуда виды были восхитительны. Я воспользовался этимъ и отправился. Провожатый мнъ консчно быль полезень, потому-что при встръчь съ горцами, въроятно, объявляль имъ кто я, и мы шли безъ помъхи; но съ другой стороны этотъ чеченецъ быль для меня невесьма пріятенъ, оттого что по русски не зналъ ни слова, а по татарски умълъ одну только фразу, и то весьма нсутешительную: бильмирамъ (не знаю). Картина, открывшаяяся мив съ горы, точно была превосходна. Въ дорожныхъ запискахъ я подробно описалъ ее; но съ-тъхъ-поръ прошло много времени, и теперь поэтическія описанія красотъ природы до того кажутся реторикой, что я пропускаю всъ свои впечатлънія и скажу только, что видъ на аулъ, утонувшій въ густыхъ садахъ, и потомъ очертанія горъ, тянувшичся справа, достойны кисти

хорошаго художника. Стада возвращались домой, коровы мычали, овцы блеяли, какъ мычатъ и блеятъ онъ во всъхъ странахъ земнаго шара, и мнъ не захотълось уже оставаться въ обществъ четвероногихъ. Я возвратился.

Войдя довольно посившно въ свою конурку, я невольно привель въ замъщательство объихъ хозяекъ: старушка съ любопытствомъ разсматривала дорожную чернильницу, а дъвушка, Зено, держала въ рукахъ мое походное зеркальцо, и конечно любовалась собою, потому-что была болъе чъмъ прекрасна. Онъ испугались моего прихода. Старуха проговорила какую-то оразу, а дочь тотчасъ перевела ее по-татарски:

- Мать проситъ, чтобы ты не сердился и не сказывалъ отцу, что мы смотръли твои вещи.
- Я очень радъ, что вы смотръли. Но куда-же вы? спросилъ я, видя, что мои гостьи спъщать удалиться.
- Намъ нельзя быть въ твоей комнатъ, молвила Зено и покраснъла.
 - Миъ одному будетъ скучно.
- Отецъ и братъ скоро придутъ... Если хочень, приходи въ кунацкую, мы будемъ сквозь дверь разговаривать.

Разумъется, я не заставилъ долго ждать себя, и явился въ кунацкую, освътивъ ее стеариновымъ огаркомъ, потому-что у нихъ табли только дрова на камелькъ. Помъстившись на широкомъ сундукт, я могъ видъть хорошенькую профиль стройной Зено, сидъвшей въ двухъ шагахъ отъ меня въ другой комнать. Ужъ, конечно, не думая о томъ, она приняла самую кокетливую позу: наклонившись немного впередъ и облокотясь головой на руку, она такъ мило протянула свои крошечныя ножки, въ пунцовыхъ сафьянныхъ туфляхъ, шитыхъ золотомъ, что, при невърномъ свътъ, казалась полулежащею въ воздухъ. На ней былъ малиновый шолковый бешметь, стянутый серебрянымъ поясомъ но талін, право не шире шести вершковъ; такого-же цвъта шальвары необыкновенно живописно спускались къ лодыжкъ, у которой пристегнуты были серебрянымъ галуномъ; а головной уборъ, состоявшій изъ плоской красной шапочки, отороченой мъломъ и общитой узенькими серебряными тесемками, довершаль ея нарядъ. Насмотръвшись по дорогъ на осетинокъ, показывавшихся въ отмънной нечистоть и неряшествь, я боялся найти что-нибудь неопрятное и въ Зено; но къ мосму удовольствію, эта дъвочка, не обнаруживала нцкакихъ признаковъ нечистоплотности.

- Ну, что-же, Зено, спросиль я: рада-ли ты прівзду брата?
- Какъ-же, очень рада. Насъ въдь только двое.
- Но ты, въроятно, не помнишь его.
- О, нътъ, хорошо помню: я была ребенкомъ, и онъ почти каждый день колотилъ меня.
- Чъмъ-же ты занимаешься, Зено?
- Шью, вышиваю.
- А подруги ходять къ тебъ?
- Довольно часто. И я хожу въ гости.
- Значить, не скучаешь.
- Не знаю, какъ сказать тебъ. Я всъмъ довольна, но у меня есть большое горе.

Въ это время послышались голоса старика и Али, и Зено отошла отъ двери.

Мы остались въ кунацкой вдвоемъ со старикомъ, а Али ушель въ сосъднюю комнату посидъть съ сестрой и съ матерью. Старикъ много мнъ разсказывалъ, и чъмъ дальше, тъмъ больше я замъчалъ въ немъ хвастливости. Онъ говорилъ мнъ, напримъръ, что у него огромные табуны, что овецъ тысячи, что онъ побъждалъ десятки наъздниковъ, и т. и. А между-тъмъ, я-же видълъ эти табуны и этихъ овецъ, и если и въ его военныхъ подвигахъ было столько-же правды, то сомнительно, чтобы онъ былъ такимъ знаменитымъ храбрецомъ.

— Отеңъ мой, говорилъ онъ, поглаживая бородку, былъ немирный, но я далъ обътъ върности Падишаху, и никогда ни одна партія Шамиля не смъетъ приблизиться къ нашему аулу: Шамиль знаетъ, что Хабо и на старости не побоится одинъ схватиться съ полсотнею наъздниковъ...

И у старика сверкали глаза, словно въ-самомъ-дълъ онъ былъ извъстенъ за храбръйшаго горца. Онъ подошелъ къ стънъ и снялъ шашку.

— Видишь эту шашку, сказаль онъ: лътъ пять тому назадъ, былъ я въ козачьемъ отрядъ, и собственноручно этимъ клинкомъ изрубилъ въ клочки человъкъ семдесятъ.

Я, разумъется, выражаль мое удивленіе, хотя въ душъ и не раздъляль его, потому-что маленькій съденькій старичекъ, крошившій, на словахъ, словно капусту, десятки непріятелей, казалось предавался волъ воображенія. Я уже хорошо зналъ горцевъ, и не знаю почему, но всегда могъ отличить хвастуна, даже по одному выраженію лица.

Въ заключение старикъ спросилъ, не взялъ-ли я съ собою араку. У меня была на всякій случай фляжка рому, и когда я предложилъ ее Хабо, онъ обрадовался, какъ ребенокъ, и тотчасъ послалъ за однимъ пріятелемъ. Съ появленіемъ сосъда, довольно оборваннаго горца, который прежде, чъмъ протянуть мнъ руку, обощелся безъ помощи платка, я кликнулъ Али и пригласилъ къ себъ побесъдовать. Хабо упрашивалъ меня остаться раздълить наслажденіе, но очевидно остался доволенъ моимъ отказомъ, что я замътилъ изъ взора его, брошеннаго на сосъда и потомъ на дорожную флягу. Мы вышли на дворъ, а оттуда по узкой лъсенкъ взошли въ башню. Когда я зажегъ свъчку, ужасъ обуялъ меня: тысячи разныхъ насъкомыхъ ползали и бъгали по стънамъ и по моей постели. Али совътовалъ мнъ не обращать на это никакого вниманія, и утъшалъ меня тъмъ, что въ Грузіи этого добра гораздо больше. Оставалось одно средство—покориться участи.

- Ну, что, Искендеръ-Ага, видъль-ли гдъ-нибудь нашихъ женщинъ во-время прогулки?
- Видълъ мелькомъ, но не успъвалъ разсмотръть.
- Завтра днемъ увидишь больше. А какъ тебъ поправилась Зено?
- Она очень хороша.
- И знаешь-ли, какую я сыграль штуку: я увъриль ее, что ты волшебникь.
 - Зачъмъ-же это?
- Видишь-ли, я узналъ, что за нее собирается внести калымъ одинъ кунакъ изъ сосъдняго аула, Габиралъ, ужаснъйшій уродъ и мошенникъ. Она его терпъть не можетъ, и въроятно будетъ просить у тебя какой-нибудь травы, какъ талисмана.
 - Не гръхъ-ли тебъ шутить надъ горемъ сестры!
- Ты ничего не понимаешь въ нашихъ обычаяхъ. Какое-же тутъ горе! Надо въдь ей выйти замужъ, а кто-бы ни внесъ калымъ, все-равно.
- Ты, Али, кажется, не питаешь особой нъжности къ сестръ.
- Это уже у насъ такъ водится: Какой-же джигить станетъ возиться и нъжничать съ бабьемъ!
 - Фи! Али! ты въдь сколько-нибудь образованъ.
- А на женщинъ все-таки смотрю по своему. Увидишь, какія штуки я буду выдълывать здъсь въ аулъ! Однако я усталъ, хочется спать.

- Не думасшь-ли ты присосъдиться къ веселой компаніи въ кунацкой.
- Нътъ, меня туда не примутъ. Отецъ мой мастеръ своего дъла, да и Магаремъ, сколько помню, не любитъ проливать. Я полагаю, что за послъдній глотокъ, въ кунацкой могутъ и подраться.

Вынувъ изъ переметныхъ сумъ какую-то книгу, я принялся читать ее, потому-что мнв не хотвлось еще спать, да признаться, я боялся и подумать прилечь на постель, которая со всъхъ сторонъ была осаждена легіономъ насъкомылъ. Маленькіе хищные враги эти были слишкомъ воинственны и осаждали меня, даже несмотря на всъ мои непріязненныя движенія. Послъднее обстоятельство вывело меня изъ терпънія. Изъ моей комнаты была лъсенка наверхъ, въ родъ люка, и я предпочелъ провесть ночь на открытомъ воздухъ и вылезъ на плоскую кровлю башни. Усъвшись довольно комфортабельно на закраинъ и прислонясь спиной къ какому-то неровному возвышенію, сдъланному, въроятно безъ всякой цъли на одномъ углъ, я не раскаявался въ томъ, что оставилъ душную комнатку. Ночь была теплая и дупистая; мъсяцъ свътилъ слегка, безпрестанно ныряя въ полупрозрачныхъ облакахъ, которыя, медленно отрываясь отъ снъговыхъ исполновъ, тихо плыли съ востока на западъ, а соловьи въ окрестныхъ садахъ не умолкали, словно соперничая другъ передъ другомъ.

Въ аулъ было тихо.

- Ты не спишь, русскій? раздалось внизу въ-полголоса.
- Я наклонился черезъ закраину и увидълъ Зено, которая сидъла на камиъ у самой стъны.
 - Не спится, Зено, отвъчалъ я.
 - Върно думаешь о родинъ?
- Правду сказать, думаль не о ней, а любовался горами. Я проворно оглядъль мъстность и съ сожальніемъ увидъль, что спуститься внизъ мнъ было ръшительно невозможно: у единственнаго выхода изъ башни лежали на землъ, разметавшись, два дюжіе горца, и вблизи ихъ сидъла огромная собака.
 - Я къ тебъ съ просьбой, проговорила несмъло Зено.
 - Очень радъ, если могу чъмъ-нибудь услужить тебъ.
- Братъ говорилъ мнъ, что ты знаешь много разныхъ травъ и кореньевъ.
 - Онъ сказалъ неправду.

— О, нътъ, не отговаривайся, а выслушай меня! Мнъ грозитъ несчастье: за меня вноситъ калымъ одинъ наъздникъ, Габиралъ, который мнъ противенъ. Дай мнъ, Искендеръ-Ага, какой-нибудь травы, чтобы Габиралъ отказался отъ меня, и я буду всю жизнь помнить твое благодъяніе.

Въ голосъ этой дъвочки было столько мольбы, она казалось, такъ слъпо върила въ мое могущество, что дальнъйшія разувъренія въ моемъ искусствъ были безполезны: оставалось одно средство уговорить Али помочь ей, на что я и понадъялся.

- Ну, если уже ты непремънно требуешь у меня помощи, Зено, сказалъ я, то признаюсь тебъ, что я точно знаю многія травы и коренья. Но я долженъ тебъ сказать, что у меня ихъ нътъ съ собою, а я не знаю, растутъ-ли онъ въ вашемъ аулъ.
- Върно растутъ. Завтра утромъ, когда отецъ съ братомъ пойдутъ въ гости къ Магарему, ты оставайся дома. Я проведу тебя въ лъсъ, и мы вмъстъ станемъ отыскивать волщебные цвътки.
- Желаю отъ души, милая Зено, помочь тебъ, и употреблю всъ усилія быть полезнымъ.
- Мнъ ничего не нужно больше, какъ только избавиться отъ Габирала.
- Признайся, Зено: какой-нибудь молодой джигитъ занялъ твое сердце.
- Нътъ, Искендеръ-Ага, я еще не знаю этого. У насъ джигиты неслишкомъ любятъ нъжничать съ дъвушками...
 - Однако-же, въроятно, тебъ нравится кто-нибудь?
- Бываетъ, что приглянется молодой навздникъ, да всъ они ужасные насмъшники. Мнъ кажется, я не пошла-бы замужъ, еслибы на то была моя воля.

Меня это удивило.

- Почему-же? спросиль я.
- Дъвушкамъ у насъ гораздо лучше и свободнъе. Какія у меня теперь заботы? Работать я люблю, шью, вышиваю, помогаю матери, и на мнъ никто ничего не спрашиваетъ. Ръдко отецъ ударитъ за что-нибудь, и то когда очень сердитъ, все больше достается матери. А выйду замужъ, я должна буду содержать весь домъ, исправлять всъ работы. У насъ мужчины ничего не дълаютъ: цълый день они сидятъ у порога, играютъ въ кости или въ карты, чему научились недавно, или чистятъ сбрую и оружіе, а жена работай. Въришь-ли, Искендеръ-Ага, мужъ за-

18 Смъсь.

ставляеть жену переносить какую-нибудь тяжесть, а самъ идеть сзади и подгоняетъ нагайкой, словно лошадь... Нътъ, я не хочу замужъ.

- Неужели мужъ, который любитъ жену, не помогаетъ ей?
- Любовь любовью, а работа работой. Была у меня подруга, любила джигита, который заплатиль за нее большой калымъ, а посмотри, какъ онъ съ нею обращается. Нътъ году, какъ они женились, а третьяго-дня при мнъ онъ избилъ ее чуть не до полусмерти, за то, что она нечаянно опрокинула горщокъ съ молокомъ.

Мнъ сдълалось грустно.

- У васъ женщинамъ лучше, я неразъ слышала объ этомъ, сказала она.
 - О, конечно! Наша въра повелъваетъ мужу любить жену.
- Славная въра! А мы своей совершенно не знаемъ, да врядъ-ли знаютъ и мужчины. Правда, что мы ходимъ въ мечеть, но ничего не понимаемъ...
 - Гдъ-же этотъ Габиралъ?
- Гдв-же этоть гаопраль: Недвли двв какъ увхалъ куда-то. Онъ недобрый человъкъ. Онъ воруетъ скотъ и лошадей у мирныхъ и у немирныхъ, и разъ даже попался въ воровствъ у линейныхъ козаковъ.
 - Что-жъ опъ богатъ?
- Иногда очень богать, а иногда ничего нътъ: все проигрываеть. Онъ прогналь уже четырехъ женъ.
 - Такъ онъ немолодъ?
 - Ровесникъ моему отцу, а дуренъ собой, какъ шайтанъ.
- Ну, милая Зено, постараюсь во что-бы ни стало помочь тебъ.

Такъ мы пробадагурили съ Зено почти до разсвъта, и мнъ много стоило труда уговорить ее уйдти въ саклю.

По уходъ Зено, спать уже мнъ было невозможно: прелесть горнаго утра до того была обаятельна, свъжій воздухъ до того живителенъ, что я не чувствоваль никакой усталости и полной грудью вдыхаль въ себя бальзамическій воздухъ, насыщенный ароматами цвътущихъ растеній. Ауль началь пробуждаться. Изъ саклей выходили горцы и горянки, выгоняли стада, и многіе туть-же у порога становились для молитвы. Среди мычанья и блаянья стадъ слышались разкія, отрывистыя фразы горцевъ; перекликавшихся между собою на далекомъ разстоянін. Пастухи

въ оборванныхъ черкесскахъ, но вооруженные, бодро и поспъшно уходили въ горы, запасаясь предварительно въ сакляхъ кліентовъ чурсками (просяный хльбъ) и кусками сыра. У одного изъ нихъ было въ рукахъ подобіе свиръли, на которой онъ взяль нъсколько нестройныхъ, раздирающихъ душу звуковъ, -- и не успъль онъ огласить окрестность этой гармоніей, какъ уже толна ребятишекъ пустилась выплясывать лезгинку противъ моей обсерваторін. Пастушьи собаки все это время чинно сидъли поодаль и, казалось, не обращали ни малъйшаго вниманія на происходившее вокругъ, ожидая, въроятно, какого-нибудь знакомаго выраженія. Музыканть увлекся своей фантазіей, присвлъ на камень и пустиль такія трели, отъ которых в страшно страдали мои уши, а въ это время къ ребятишкамъ присоединились два взрослые горца и начали выдълывать ногами тъ удивительные па, какіе врядъ-ли исполнить самый искусный европейскій танцовщикъ. Однако-же скоро высокая старуха, настоящая мегера, выбъжала изъ сакли и, въроятно, напомнила пастуху, что онъ попусту теряеть время, а пастухъ, волей неволей, заткнуль за спину свою свиръль, сердито кликнуль собакъ, и погналь стадо. Вслъдъ за нимъ прошли еще два, три пастуха; десятка три всадниковъ выъхали по разнымъ направленіямъ изъ аула; горянки сходили къ ручью за водой и возвращались, а черезъ полчаса въ аулъ сдълалось пусто, и только ребятишки играли кое-гдъ у саклей, да старики выползли за порогъ, погръться на солнышкъ.

Дымъ поднялся надъ ауломъ и скоро согналъ меня съ моей башни. Хозяйка моя, въроятно, принялась готовить изобильную трапезу, потому-что дымъ, выходившій изъ кровли, былъ проникнуть жирнымъ запахомъ.

Спустившись внизь, въ кунацкую, я засталь довольно жаркій споръ у Али съ отцомъ его, и конечно ни слова не поняль изъ этого спора, потому-что онъ происходиль на непонятномъ для меня наръчіи, но увидъль изъ жестовъ старика и его суроваго вида, что дъло было нешуточное.

Старикъ однакоже утихъ при моемъ входъ, и разспросивъ, каково я провелъ ночь, удалился, погрозивъ сыну кулакомъ и проговоривъ:

— Ко! ко! ко!

Али разсмъялся.

— Что это у васъ за споръ? спросилъ я.

- Это пустяки, отвъчалъ Али: у старика не вышелъ еще вчерашній хмъль.
- Чъмъ-же ты оскорбилъ его?
- Видишь-ли—довольно рано, когда еще никого не было въ кунацкой, я вздумалъ пересчитать свои деньги, и не замътилъ, что отецъ видитъ меня-изъ за двери. Онъ примътилъ у меня на рукъ четыре рубля, вбъжалъ и потребовалъ деньги. Я сказалъ, что у меня только и есть, но старикъ не въритъ и считаетъ меня богачемъ. Я согласился дать ему рубль, но онъ и слыщать не хочетъ, и уходя, требовалъ три.
 - A это слово, которое онъ повториль?
- Это и значить три. Я-же тебъ раза два говориль счеть нашь: ца, прши, ко...
- Довольно Али, сказаль я: мнв никогда не выучиться по вашему,—а скажи, что ты будешь двлать здвсь въ горахъ, когда уже на другой день прівзда у тебя съ отцемъ несогласіе?
- Это ровно ничего не значить: я въдь взрослый, выстрою саклю, женюсь и буду жить своимъ домомъ.
- Нужны средства?
- Какія средства!
- И Али хитро улыбнулся.
- Во всякомъ случав нужно-же обзавестись на первый разъ;
 да и жену купить надо.
- Жену украду, да и лошадей и коровъ припасу.
 - Не хочешь-ли ты идти по слъдамъ Габирала.
- Габиралъ глупъ—вотъ и все: онъ просто разбойничаетъ. Да неужели, ты думаешь, я стану воровать? Я просто поддъну молодцовъ, напримъръ обыграю въ карты.
 - Эхъ, Али, всъ эти средства и невърныя и нечестныя.
- Ты ничего не понимаешь, отвъчаль Али, а ловкому человъку у насъ не жизнь, а масляница. Если когда случится проъзжать этой дорогой, заверни ко мнъ и увидишь, какъ я поведу свои дъла. Я однакоже тебя оставлю часа на два: мы съ отцомъ поъдемъ къ его кунаку; а тамъ послъ полудня, коли не захочешь остаться сегодня въ аулъ, я провожу тебя на дорогу къ Капкаю.

По отъвздъ отца и брата, Зено не преминула войдти въ кунацкую. Она мнъ казалась еще лучше, чъмъ вчера: волосы ея заплетены были съ особеннымъ тщаніемъ, ахалукъ, охватывавшій стройную ея талію, казалось, былъ надътъ въ первый разъ, а бладность, сладствіе безсонной ночи, придавала ея лицу необыкновенно интересное выраженіе.

— Пойдемъ, Искендеръ, въ лъсъ, сказала она. Ты наберешь мнъ цвътовъ, которые предохранятъ меня отъ ненавистнаго замужства.

Волей неволей, я долженъ быль разыгрывать роль волшебника, тъмъ болье, что утро было прелестное, Зено такая хорошенькая, а я оставался совсршенно безъ занятія.

Закинувъ за спину двухствольное ружье, я отправился за своимъ прекраснымъ проводникомъ, и переступивъ каменную ограду двора, мы очутились въ лъсу, который влъво поднимался на гору, а прямо спускался въ долину, орошаемую небольшимъ протокомъ. Тропинки вились въ разныхъ направленіяхъ, пересъкая одна другую подъ различными углами и представляя лабиринтъ для человъка, незнакомаго съ мъстностью.

Не умью разсказать, какъ было мнъ совъстно, при видъ этого милаго довърчиваго созданія, ожидавшаго отъ меня помощи, выдумывать лишь для препровожденія времени разрывъ-траву или цвътокъ, уничтожающій любовь. Но я успоконваль себя тъмъ, что несмотря ни на какія убъжденія, Зено не повърила-бы мосму незнанію волшебства, а отказъ мой могъ-бы огорчить прекрасное дитя природы. Надо было видъть, какъ свътились ея глазки и сколько счастья дышало во всемъ ея прекрасномъ лиць! Въ этой глуши, въ этомъ страдательномъ положеніи горянокъ, для Зено много значила даже мечта о счастьи, хотя счастье, котораго она желала, заключалось лишь въ томъ, чтобы избавиться отъ ненавистнаго женйха. Мы подошли къ небольшой лужайкъ. Зено подняла на меня свои выразительные глаза.

 Здъсь много цвътовъ, сказала она. Сюда ходятъ многія наши старухи искать лекарственныхъ травъ и кореньевъ.

Ръшительная минута приближалась. Конечно, мнъ ничего не стоило сорвать первый попавшійся цвътокъ и назвать его разрывъ-травою; но какъ я подумалъ, что бъдное созданіе съ увъренностью станстъ носить его, а потомъ не сбудутся ея желанія и она мысленно начнетъ упрекать далекаго чужестранца—ръшимость меня оставляла. Случай однакоже мнъ поблагопріятствоваль. Вправъ послышались выстрълы, и вскоръ до слуха нашего долетьли громкіе голоса горцевъ. Я, признаться, вздрогнулъ; Зено испугалась неменьше моего, и схвативъ меня быстро за

руку, увлекла въ чащу деревьевъ. Первымъ моимъ движеніемъ было схватиться за ружье, но Зено шепнула, чтобы я слъдоваль за нею. Она провела меня къ скалъ, и почти втолкнула въ небольшую разсълину, входъ которой почти заслонялся густымъ льсомъ. Въ этой разсълинъ почти невозможно было поворотиться. Я присълъ на выдавшемся камнъ, а Зено всъмъ корпусомъ прижалась ко мнъ; и я долженъ былъ придерживать ее руками. Голоса приближались, и вскоръ по шелесту мы догадались, что горцы были въ нъсколькихъ шагахъ.

— Они ищутъ дикую козу, шепнула мнъ Зено, поворотясь ко мнъ.

Горячее ея дыханіе въяло мнъ на лицо, и я чувствоваль, какь у меня на груди билось ея встревоженное сердце. Отъ испуга-ли, отъ близкаго-ли прикосновенія хорошенькаго молодаго существа, у меня кровь прилила къ головъ, въ глазахъ сдълалось темно, и я, право, не знаю, какъ окончилось-бы наше исканье волшебныхъ травъ, еслибы пришлось подолъе оставаться въ пещеръ. Чтобы удобнъе выглянуть въ разсълину и не потерять равновъсія, Зено обняла меня одною рукою за шею, и осторожно наклонилась впередъ увлекая и меня.

— Всъ ушли въ аулъ, сказала она, и намъ не надо терять ни минуты: ты ступай по тропинкъ подъ скалою и выйдешь за нашъ садикъ, а я вернусь на гору. Послъ попробуемъ счастья.

Я не опомнился, какъ горячій поцълуй остановиль во мнъ дыханіе, и Зено была уже на верху пещеры. Словно послъ сновидънія, я протеръ глаза, очнулся, и послъдовавъ совъту милой горянки, вышелъ къ своему садику.

Ауль наполнился горцами и мнъ невозможно уже было выходить изъ сакли. Я сидълъ въ кунацкой, куда вскоръ пришла Зено. Я долго всматривался въ прелестное лицо этой дъвочки, и съ разныхъ стеронъ обдумывалъ причину нъжнаго поцълуя, который ръшительно не давалъ мнъ покоя. Но разсудокъ взялъ верхъ надъ самолюбіемъ. Дитя природы поцъловало меня безъ всякой запасной мысли, безъ всякаго сердечнаго увлеченія, но въ знакъ благодарности за то, что я согласился исполнить ся желаніе. Все время сидъла она возлъ меня, хотя грустная, однако спокойная, и всъ ръчи ея заключались въ жалобахъ на судьбу. Кто знаетъ, что произошло-бы изъ моего дальнъйшаго пребыванія въ аулъ, тъмъ болъе, что хорошенькія дъвушки имъютъ надо мною большое вліяніе, но я обязанъ былъ въ тотъ-же день

вывхать въ Владикавказъ, и не начиналь романа, остановясь на первой страницъ. Желая хоть сколько-нибудь успокоить доброе существо, я воспользовался невиннымъ обманомъ, и подаривъ Зено небольшое колечко, увърилъ ее, что подарокъ этотъ предохранитъ ее отъ многихъ бъдствій въ жизни, если она не будетъ снимать его. Зено снова поцъловала меня, и на этотъ разъ такъ пламенно, что я невольно прижалъ ее къ сердцу и, кажется, заплатилъ за этотъ поцълуй съ избыткомъ. Она даже вырвалась отъ меня и покраснъла. Это привело меня въ себя. Мнъ стало досадно; я спросилъ, не разсердилась-ли она.

О, нътъ отвъчала она, потупя глаза, но меня еще никто не цъловалъ.

Я взяль ее за руку.

- Прости меня, милая Зено, я не думаль оскорбить тебя.
- Я не сержусь, Искендеръ, сказала она, смотря мнъ въ глаза, но ты меня кръпко притиснулъ.

Я не зналь, что отвъчать на это.

— Теперь я рада, что у меня есть талисмань, и Габираль откажется отъ меня, сказала она, снова подходя ко мнв, и довърчиво положила мнв руку на плечо.

Къ чему было разувърять ее въ безсили талисмана!

Скоро прівхаль Али съ отцемь, и я объявиль, что пора мнъ вхать. Али созваль двухъ пріятелей проводить меня, и я ушель на верхъ укладывать переметныя сумы.

- Послушай, Али, сказаль я, когда мы остались одни. Неужели ты допустишь выдать сестру замужъ противъ ея воли.
- Велика важность ея воля! отвъчаль онъ со смъхомъ. Впрочемъ есть средство помъщать...
 - Какое?
 - Если она тебъ нравится, увози, я помогу ей братски.
 - Это средство невозможно.
 - Есть другое.
 - Напримъръ.
- Какъ я узналъ, то Габиралъ такой воръ и мошенникъ, что ему не сдобровать, и онъ врядъ-ли уцълветъ.

Но мнъ что-то плохо върилось. Признаюсь откровенно, я съ грустью покидаль ауль, и когда прощался съ Зено, мнъ казалось по выраженію лица ся, что ей не суждены были радости въ жизни. Конь мой биль копытомъ землю. Я вскочиль въ съдло, и помчался вслъдъ за проводникомъ. При выъздъ изъ аула я

обернулся, не безъ намъренія увидъть на башнъ Зено, но изъ-за ярко-зеленой купы деревьевъ виднълась платформа башни, на которой не было никого.

Доъхавъ до перваго пикета, я простился съ Али, и отправился въ Владикавказъ съ отправлявшимся туда небольшимъ козачьимъ отрядомъ.

e countries of the second seco

At the color of the color and the color of the color of the color of the color of

THE BUILD RIP AND A TOWN AND A PROPERTY OF THE PARTY OF T

told and or land from the order of the collection of the collection of

andran propagati and and the control of the control

The second of th

train vonces cere as promisel about of bring by end of the

in eagens, the his given been deal and one with appearing from an all an indice.

(an experience experiment 4 for experimental light arms those and old from receive with the experimental and the exp

DESCRIPTION OF THE OWNER OF THE STREET OF THE STREET OF THE STREET

1855 года, іюля 9. Полюстрово.

путеществие въ новую-зеландию.

Secretaria de culto servicio em sua el esta de contrata al mandia de contrata de contrata

L.

Начинало свътать; утренній вътерокъ приносиль отъ берега, къ которому мы плыли, аромать тропическихъ растеній. Нъсколько звъздъ, разсъянныхъ на блъдноголубомъ сводъ, слабо блистали, между-тъмъ какъ бълыя облака, на восточномъ горизонтъ, стали понемногу алъть. Сумракъ покрывалъ еще поверхность океана; тамъ и сямъ, одинокій албатросъ, размахивая тяжелыми крыльями, пролеталъ въ воздушномъ пространствъ, какъ духъ тьмы, устрашенный внезапнымъ явленіемъ свъта.

Волны, то возвышаясь, то падая, походили на грудь великана, воздымаемую ровнымъ біеніемъ пульса. Тишина нарушалась только всплескомъ какого-нибудь утренняго дельфина или пронзительнымъ крикомъ водяной птицы. При этомъ крикъ, сонный пеликанъ, утомленный ночною ловлею, покоющійся на гребнъ волны, пробуждался, нетерпъливо помахивалъ головою, и опять пряталъ ее подъ крыло, чтобъ снова заснуть.

Между-тъмъ свътъ на востокъ становился болъе и болъе замътнымъ, и вотъ, тропическое солнце, освободясь отъ лона ночи, зажгло своими огнями равнину водъ, слегка колеблемую угасающимъ вътеркомъ.

Величественное свътило быстро возвышалось надъ горизонтомъ; лучи его, наводняя все пространство, упали и на одинокій, почти неподвижный, въ моръ парусъ,—и формы маленькой шедшей къ берегу шкуны начали ясно обозначаться. — Она вооружена была на манеръ американскихъ шкунъ, только съ меньшимъ рангоутомъ, и предназначалась къ плаванію между бере-

гомъ Австраліи и сосъдственными островами; иногда-же доходила и до Новой-Зеландіи, несмотря на вътры и бури.

Шкуна «Казуаръ» отправилась изъ Портъ-Джаксона, и послъ быстраго плаванія, приближалась уже къ мъсту своего назначенія, къ съверо-восточной сторонъ острова Ика-на-мави, составляющаго половину большаго двойнаго острова, извъстнаго подъ названеймъ Новой-Зеландій; но вътеръ, дотолъ попутный, стихъ передъ вътеркомъ, подувшимъ съ берега, и паруса, лъниво опустясь вдоль мачтъ, хлопали по нимъ, всякой разъ, когда судно поднималось или опускалось по волнамъ океана.

Экипажъ въ это время не оставался празднымъ: изъ четверыхъ вахтенныхъ матросовъ трое мыли и скребли палубу, междутъмъ какъ на кормъ, облокотясь на гака-бортъ, сидълъ довольно тучный человъчекъ, котораго носъ върно отражалъ всъ розовыя краски утра. Онъ держалъ въ рукъ длинный телескопъ, и внимательно смотрълъ въ него на отдаленный еще берегъ. По временамъ онъ протиралъ правый свой глазъ концемъ алаго фуляра, и снова принимался разсматривать берегъ. Одинъ только человъкъ на палубъ, повидимому, ничъмъ незанятый—былъ рулевой. Безпечно облокотясь на шинцы штурвала и склоня голову на грудь, онъ иногда машинально поглядывалъ на неподвижные паруса, да на повисшій вдоль мачты вымпель, и потомъ принималъ прежнее положеніе, съ спокойствіемъ человъка, исполнившаго свою обязанность.

Но вотъ изъ каютнаго люка показалось новое лицо, и на палубу вышли два человъка; въ одномъ изъ нихъ легко было узнать начальника экипажа.

Видъ другаго былъ какъ-то страненъ. Ему было съ небольшимъ лътъ тридцать; онъ имълъ черные, произительные глаза, былъ силенъ и ловокъ. Кто разъ его видълъ, тотъ едва-ли могъ забыть его. Въ особенности привлекали на себя вниманіе его манеры и одежда,—странное сочетаніе европейскаго съ индъйскимъ. Чернота лица его могла быть и отъ загара, но русые, выощіеся волосы, красныя щеки и всъ черты лица обличали въ немъ нетолько европейца, а даже англичанина. Что касается до широкой новозеландской епанчи, брошенной на его плеча, до обуви изъ невыдъланной кожи, на манеръ мокасиновъ, до штиблетовъ, подвязанныхъ пониже колънъ, по обычаю индъйцевъ,-то по этимъ признакамъ можно было принять его за мулата.

Товарищъ его, начальникъ судна, которыхъ обыкновенно на

купеческихъ корабляхъ величаютъ капитанами, казалось, очень дивился костюму своего пассажира, и осмотръвъ его съ головы до ногъ, принялъ полунасмъшливую улыбку, чъмъ, повидимому, пассажиръ обидълся.

- Что-жъ, капитанъ, вскричалъ нетерпъливо послъдній, до сыта-ли вы на меня насмотрълись? Скажите, пожалуйте, неужели эта епанча—такая для васъ новость, что вамъ надо было пялить на меня глаза съ такимъ удивленіемъ, какъ будто-бы мы встрътились съ вами въ лондонской улицъ, а не въ виду новозеландскаго берега?
- Виновать, виновать, почтенный ій! отвычаль, смыясь, морякь. Я нисколько не думаль оскорбить вась. Я воображаль только, какую мину сдылаеть губернаторь, когда увидить вась на носу шкуны въ такомъ нарядь. Вы походите на военное судно, съ юпкой на гафель и съ прялками въ портахъ. Ужъ не плаваете-ли вы подъ чужимъ флагомъ?
- Что это? что это? вскричаль третій человъчекь, о которомъ мы уже говорили, оборотясь впервые къ разговаривающимъ и смотря съ величайшимъ удивленіемъ на г. Гумфри въ новозеландской одеждъ.
- Господа, возразиль Гумфри, позвольте мнъ поговорить съ вами объ одномъ предметъ, которымъ намъ надо серьозно заняться, прежде чъмъ вступимъ на берегъ. При этихъ словахъ нельзя было не замътить мимолетной на его лицъ заботы, между-тъмъ какъ взоры его все еще устремлялись на голубоватый берегъ, который, освъщаясь утреннимъ солнцемъ, все явственнъе и явственнъе обрисовывался.
- Ну, сказаль капитанъ, покачивая головою и запустивъ руки въ карманы своей синей куртки, это какой-нибудь секретъ. Если такъ, то сойдемъ лучше внизъ. При этомъ онъ значительно поглядълъ на рулеваго. На небольшой палубъ трудно было говорить, чтобъ онъ не слыхалъ.
- Намъ нечего бояться вашихъ людей, отвъчалъ Гумфри. Только я думаю, что вы хорошо сдълаете, если не будете отпускать ихъ на берегъ.
- Тише! прерваль капитанъ. Этотъ негодяй, что на руль стоитъ, безпаспортный конвиктъ *; онъ у насъ контрабанда. * Такъ называють въ Новой-Голландіп ссылочныхъ.
- Что дълать! людей было мало, а онъ хорошій матросъ и могъ быть намъ полезенъ; впрочемъ, доселъ, я не имъю причины на

28 Смъсь.

него жаловаться. Мы можемъ бросить якорь въ заливъ, и нашлюнкъ отправиться на берегъ. Что касается до матросовъ, то они врядъ-ли захотятъ пуститься вплавь къ острову; акулы ихъ къ тому не допустятъ; а этой рыбки здъсь водится довольно.

— Прекрасно, подхватиль человъкъ въ епанчъ; останемтесьже здъсь. Потомъ, подойдя ближе къ борту, сталъ между своими товарищами, глядя, попрежнему, на берегъ. Но прежде чъмъ сообщимъ мы ихъ разговоръ, скажемъ нъсколько словъ о нынъшнемъ состояніи Новой-Зеландіи; наши читатели лучше поймутъ тогда причины дъйствій пассажировъ шкуны, и, можетъ-быть, заинтересуются предметомъ ихъ экспедиціи.

Англійское правительство, какъ извъстно, поощряєть своихъ соотечественниковъ пріобрътать въ Новой-Зеландіи земли и на нихъ селиться. Между-тъмъ, несмотря на значительныя суммы, выплачиваемыя начальникамъ новозеландскимъ, послъдніе отъ того не богатьють, по принятому обычаю щедро дълиться съ родными и товарищами въ битвахъ. И такъ, по израсходованіи денегъ, они жальють о сдъланной продажъ, отсюда возникаютъ ссоры, а пногда и попытки лишить англичанъ пріобрътенной ими собственности.

При такихъ-то обстоятельствахъ, одинъ изъ начальниковъ, по имени Гаки, если върить журналамъ, ирландскій уроженецъ, давно бъжавшій съ какого-то судна, сроднившись съ туземцами, отличился въ многихъ битвахъ и сдълался заклятымъ врагомъ англичанъ, въ которыхъ видълъ будущихъ поработителей прекрасной, дъвственной Новой-Зеландіи. Ненависть его къ чужеземцамъ, поселяющимся въ странъ, его усыновившей, съ каждымъ днемъ усиливалась. Между-тъмъ одинъ случай, какъ искра въ порохъ, произвелъ всеобщій пожаръ.

Дочь одного начальника была застрълена изъ ружья какимъто англичаниномъ, безъ сомнънія ненарочно. Слъдствіемъ этого сдълалась между дикарями и англичанами схватка, окончившаяся убийствомъ капитана Векфильда и нъкоторыхъ его товарищей. Смерть новозеландской дъвушки, приписываемая намъренію, а не случаю, возбудила ярость дикарей до изступленія. Воинственные крики разныхъ племенъ раздавались въ ушахъ изумленныхъ англичанъ; впрочемъ дикія орды не могли противустоять европейскимъ пушкамъ. Новозеландцы, трепеща отъ гнъва, принуждены были отложить до времени месть свою, но подавленная страсть не укрощалась въ груди ихъ, хотя и взяты были съ нихъ

объщанія и залоги; — кровавые эпизоды служать тому яснымъ доказательствомъ.

Результать этой борьбы легко предвидъть: какъ было вездъ, такъ будетъ и въ Новой-Зеландіп. Часть туземцевъ, доступная къ просвъщенію, сольется съ европейцами, а остальная осуждена будетъ изчезнуть мало-по-малу съ лица земли. Первобытные жители Великой Австраліи, кажется, обречены, подобно гуаншесамъ канарскимъ, не оставить для потомства другихъ слъдовъ существованія, кромъ костей своихъ,—остатковъ, свидътельствующихъ о жалкой истинъ, что рука времени всё еще легче руки человъческой.

Этотъ краткій обзоръ положенія дъль въ Новой-Зеландіи позволить намъ теперь легче объяснить цъль плаванія шкуны къ этому острову.

Нъсколько времени спустя послъ событій, о которыхъ мы выше упомянули, одинъ человъкъ, выдававшій себя за новозеландскаго плантатора, прибылъ въ Сидней *. Онъ дъйствительно обладаль обширными землями на съверовосточномъ берегу острова, и имълъ на это надлежащій актъ за подписаніемъ на-, чальника Гаки, ** гарантію довольно необыкновенную въ подобнаго рода сдълкахъ. Обстоятельства, о которыхъ онъ умалчиваль, заставляли его, какъ онъ говориль, возвратиться въ Европу, почему и уступаль онъ права свои на принадлежащую ему въ Новой-Зеландіи собственность за наличныя деньги, которыя надлежало выплатить извъстному дому Борнгольмъ, Бригсъ и к°. Сверхъ-того, онъ требовалъ, -- и это было однимъ изъ главиъйшихъ условій, чтобъ въ распоряженіе его дано было небольшое судно, на которомъ онъ отправится въ Новую-Зеландію въ въ сопровождени двухъ лицъ отъ торговаго дома, которымъ на самомъ мъстъ покажетъ границы продаваемой земли, дабы они могли быть свидътелями, когда придется покупщику принять ее во владъніе.

Такъ какь актъ на землю былъ несомнителенъ и цъна за нее умъренна, то покупка представлялась выгодною спекуля-

^{*} Главный городъ англійскихъ поселеній на восточномъ берегу Новой-Голландіи, въ Новомъ-Южномъ-Валлисъ.

^{**} Гаки женился на дочери начальника Гонги, которому онъ наслъдовалъ. Почетное свое титло пріобръль онъ впрочемъ мужествомъ и отвагою въ битвахъ.

30 Смъсь.

ціей. Въ Сиднев счень хорошо знали, что англійское правительство, покоривъ туземныхъ начальниковъ, поддержитъ права своихъ соотечественниковъ. Однакожъ до сего времени, инженеры, посылаемые для снятія земель на планы, встръчали, при исполненіи этихъ порученій, разныя препятствія. Вообще новозеландцы противились отчужденію своей собственности, и если какой-нибудь неосторожный землемъръ попадаль въ ихъ руки, они жестоко вымъщали на немъ свою злобу; несчастнаго нетолько предавали мучительной смерти, но не забывали надъ нимъ и гнуснаго канибальства, которое до-сихъ-поръ не изгнано еще съ острова. Впрочемъ путешественники, посъщавшіе берега Новой-Зеландіи, принимаемы были островитянами съ уваженіемъ, если только они не нарушали правъ туземцевъ, за которые дикари кръпко стоятъ, и для защищенія которыхъ не щадятъ своей жизни.

Предположеніе послать судно, чтобъ подъ видомъ какой-нибудь ловли осмотръть продаваемый участокъ, казалось Гг. Борнгольму и Бригсу удобнымъ и върнымъ средствомъ скоръе окончить дъло, хотя они и не понимали, отчего такъ сильно настаиваетъ на этомъ самъ Гумфри. Они посиъщили снарядить легкую шкуну, которая чрезъ три дня послъ предложенія снялась съ якоря и съ попутнымъ вътромъ летъла къ Новой-Зеландіи.

Досель Гумфри, какъ въ Сиднев, такъ и на шкунъ, обыкновенно одъвался въ англійское платье; отъ того-то спутники его и удивились, когда онъ явился въ новозеландскомъ костюмъ; но примъчая, что товарищъ ихъ посматриваетън а разстилающійся предъ нимъ берегъ все, болье и болье съ озабоченнымъ видомъ, поняли, что онъ не даромъ въ такомъ нарядъ.

Капитанъ Томсонъ, повидимому, не обнаруживалъ особеннаго любопытства услышать что-нибудь новенькое отъ Гумфри. По временамъ онъ тоже посматривалъ на берегъ, и наконецъ, вынувъ изъ кармана кисетъ съ жевательнымъ табакомъ, откусилъ зубами порядочной его кусочекъ и положилъ за щеку. Напротивъ того почтенный Ван-Брумъ, первый конторщикъ дома Борнгольмъ, Бригсъ и к°, старался громкимъ кашлемъ обратитъ на себя вниманіе задумавшагося пассажира. Углубленный въ свои мечты, Гумфри ничего не видълъ, ничего не слышалъ. Ван-Брумъ, потерявъ напослъдокъ терпъніе, обернулся къ нему и сказалъ значительнымъ тономъ: «Милостивый государь!» причемъ такъ сильно толкнулъ его въ бокъ, что тотъ поневолъ

долженъ былъ придти въ себя. Плантаторъ содрогнулся, но тотчасъ оправясь и не отрывая глазъ отъ берега, сказалъ: «Господа, вамъ, конечно, странно видъть меня въ новозеландскомъ костюмъ, когда мы подходимъ къ берегу?»

- Кто въ Римъ, тотъ и поступаетъ по римски, отвъчалъ сухо Томсонъ.
- Нътъ, на это есть другая причина, возразилъ Гумфри, живо обратясь къ сторонъ рулеваго, чтобъ удостовъриться, не слушаетъ-ли онъ его. Рулевой, хотя былъ и недалеко отъ пассажировъ, но стоялъ къ нимъ спиною, облокотясь попрежнему на спицы штурвала, повременамъ лъниво поднимая голову, какъбудто это стоило ему большихъ усилій. Казалось, онъ не замъчалъ и присутствія нашихъ трехъ лицъ, что совершенно успокоило Гумфри. Между-тъмъ рулевой вовсе не былъ такъ безпеченъ, и если оставался неподвижнымъ, то именно для того, чтобъ не проронить ни одного слова изъ разговора.

Еслибъ Гумфри могъ видъть странное выражение глазъ рулеваго, то, разумъется, не остался-бы ни минуты на палубъ, но полагая, что онъ не обращаетъ на нихъ ни малъйшаго вниманія, онъ сказалъ слъдующее:

 Вамъ извъстно, господа, что я жилъ въ Новой-Зеландіи и имълъ тамъ собственность, уступленную мнъ актомъ за собственноручнымъ подписаніемъ начальника; актъ этотъ даетъ мнъ право на всегдашнее спокойное пользование этою собственностию. Войны я не могъ бояться, потому-что, съ одной стороны, туземцы считали меня своимъ, а съ другой, мои соотечественники искали во мнъ, чтобъ употреблять мое вліяніе на туземцевъ въ свою пользу. Но хотя Гаки оказывалъ мнъ дружбу и увъряль меня въ своемъ покровительствъ, мелкіе начальники смотръли на меня завистливыми глазами и я не могъ избъгать безпрестанно возобновлявшихся съ ними ссоръ. Ясно было, что они хотъли вывести меня изъ терпънія и имъть предлогъ, погубить меня. Въ-продолжение изкотораго времени я умълъ разстроивать ить ихъ козни и избавляться отъ разставляемыхъ мит сътей; но однажды, въ минуту гитва, въ злосчастную минуту, когда всъ обиды, всъ оскорбленія живо мнъ представились, я не могъ владъть собою, напаль на противника и убилъ его. По обычаямъ новозеландскимъ, кровь требуетъ крови. Съ этой минуты, все могущество Гаки несильно было защитить меня. Мнъ невозможно дать вамъ понятія, съ какимъ звърствомъ дикари

32

преслъдовали меня. Даже миссіонеры, пользующіеся общимъ уваженіемъ, не смъли дать мнв пріюта въ домахъ своихъ, чтобъ не навлечь на себя мщенія свиръпыхъ начальниковъ. Точно чудомъ какимъ избъгнулъ я безчисленныхъ опасностей и добрался до голландской шкуны, гдъ меня приняли и избавили отъ мученій медленной пытки.

- Такъ для нея-то вы и возвращаетесь сюда съ нами? спросиль Ван-Брумъ, слушавшій этотъ разсказъ съ возрастающимъ ужасомъ. Да вы съ ума сошли. Неужели вы думаете, что они васъ не узнаютъ? И вы дождались берега, чтобъ намъ это сказать! Намъ не остается ничего болъе, какъ повернуться назадъ и идти въ Сидней.
- Опасность нетакъ велика, какъ вы думаете, продолжалъ Гумфри, понизивъ голосъ, безъ чего, натурально, я не сталъ-бы подвергать себя риску. Одъвшись по новозеландски, и съ помощію табу *, я могу ходить по всему острову съ конца на конецъ, цълые мъсяцы, не боясь быть узнаннымъ. Когда сойду на берегъ, я накроюсь этой соломенной рогожкой, и никто изъ новозеландцевъ не посмъетъ приподнять ее, потому-что это былобы нарушеніемъ самаго священнаго между ними закона.
- Вотъ странная исторія, проворчаль маленькій голландець, покачивая головою съ недовърчивымъ видомъ, пренепріятная исторія, и мы можемъ дорого поплатиться за свое безразсудство.
- Это очень возможно, отвъчалъ Томсонъ. Правда, что дикари почитають табу, и, можеть случиться, что его не узнають; но я еще разъ повторяю, прибавиль онъ, обращаясь къ мнимому новозеландцу, какая нелегкая несеть васъ въ страну, отъ которой вамъ надо быть какъ можно дальше?
- Да, повторилъ Вамъ-Брумъ, я тоже любопытенъ знать этому причину.
- Пособите мнъ, продолжалъ Гумфри, какъ-бы неслыша требуемыхъ отъ него объясненій, пособите мнъ здъсь въ дълъ, касающемся собственно до меня, а я постараюсь о вашихъ пользахъ; это я вамъ объщаю.
 - Тысячу громовъ! воскликнулъ, теряя терпъніе, капитанъ;
- * Табу естъ наложение запрещенія на лицо или вещь. Оно совершается посредствомь тогунгаст или мудрыхь. Кладбища, цвиныя вещи, положенныя въ уединенныя мвста, майсь, сладкій патать, бананы пользуются также запрещеніемь. Законь табу, имветь великое значеніе и силу между дикими.

палите, сударь, палите! Долой чужой флагь, поднимайте настоящій, чтобъ мы знали, что изъ ващихъ портовъ глядять пушки дъйствительныя, а не мнимыя! Чего, сударь, вы отъ насъ требуете, и какого рода помощь можемъ мы вамъ оказать?

- Хорошо, отвъчалъ Гумфри, обратись, по нъкоторомъ молчанін, къ Томсону, я скажу вамъ все, надъясь вполнъ на ваше пособіє. Вамъ извъстно, господа, что прежде передачи акта, за подписаніемъ Гаки, на мою собственность, я поставляль непремъннымъ условіемъ при этой продажъ, чтобъ домъ Борнгольмъ, и Бригсъ доставиль миз средство побывать въ Новой-Зеландіи. въ сопровождении двухъ свидътелей. Обозръние границъ было одною изъ причинъ настоящаго путешествія, но эта причина могла интересовать одинъ только домъ Борнгольмъ и К°; но есть другая, интересующая собственно одного меня. Мы пристанемъ къ берегу, который теперь лежить прямо передъ нами; въ нъсколькихъ миляхъ отсюда стояла моя хижина. Не знаю, что случилось со времени моей отлучки и цъла-ли она; но неподалеку отъ нея есть мъсто, на которое наложено табу, и гдъ, прежде моего бъгства, я схорониль въ землъ все золото, накопленное мною въ-течение десятильтняго здъсь пребыванія, не говоря о томъ, что прежде нажилъ въ колоніяхъ Австралін.
 - 0! кладъ! кладъ! вскричали вдругъ оба товарища.
- Тише! сказалъ Гумфри, бросивъ проницательный взглядъ на рулеваго. Но послъдній, невольно вздрогнувъ отъ восклицанія Ван-Брума, опустилъ снова голову свою на грудь. Впрочемъ движеніе его, какъ ни было быстро, не ускользнуло отъ Гумфри, который, понизивъ голосъ, пригласилъ пріятелей своихъ сойти въ каюту, чтобъ докончить тамъ свой разсказъ.

Лишь только скрылись они съ трапа, какъ рулевой, слъдившій за ними глазами, сказалъ самъ себъ: Вотъ прекрасно! мы будемъ качаться въ заливъ, а тамъ будутъ вырывать кладъ. О! проклятая желтая куртка *, когда я могу отъ тебя освободиться? Но въдь теперь представляется самый удобный къ тому случай. Надо только попасть въ число гребцовъ, когда шлюпка пойдетъ на берегъ. И въ эту минуту онъ сильно налегъ на штурвалъ, чтобъ направить рыскнувшую шкуну опять къ берегу.

Между-тъмъ видъ моря и неба измънился; вътеръ подулъ на берегъ, и волны, набъгая однъ на другія разбивались и пънились.

^{*} Желтая куртка составляеть форменную одежду для ссылочных въ англійскихъ колоніяхъ.

«Казуаръ», воспользовавшись свъжею полоскою, наполнившею его паруса, быстро разсъкалъ массу водорослей, которыя дотоль его задерживали. Берегъ ясиъе обозначился, на возвышенностяхъ стали показываться купы деревьевъ, а потомъ и густые лъса; ближайшее къ взморью.

Ссылочной быль еще на руль, когда зазвонили стклянки (1) на смъну вахты (2); въ тоже время, съ бака (1) на корму безпечно отправился одинъ матросъ, засунувъ больше пальцы за узкій поясъ, поддерживающій его парусинныя панталоны. Матросъ этотъ долженъ былъ смънить рулеваго, «сиднейскую-птицу»—такое прозвище послъдній имълъ отъ товарищей своихъ. Новый рулевой молча брался уже за штурвалъ, какъ сиднейскаянтица, замътивъ, что его товарищъ робко вокругъ озирается, спросилъ его:

- Ну, Виль, что новаго? что ты такъ кругомъ нюхаещь?
- Тише! отвъчаль другой, приближаясь къ нему. Послушай, человъкъ-ли ты, Нидъ?(1)
- Вотъ странный вопросъ, пробормоталъ, оскорбившись, Нидъ.
 Еслибъ я не былъ человъкомъ, то не носилъ-бы желтой куртки.
- Такъ хочешь-ли ты... онъ еще разъ посмотръль вокругъ себя, и не видя никого на палубъ, докончилъ тихонько: хочешь-ли навострить лыжи?
- Вотъ что! отвъчалъ Нидъ, устремивъ проницательный взглядъ на своего товарища, въ лицъ котораго не замътно было ничего подозрительнаго. Найдя такимъ образомъ неожиданнаго помощника, конвиктъ доселъ, несмъвшій ни съ къмъ изъ экинажа сблизиться, наклонился впередъ, и не выпуская изъ рукъ штурвала, сказалъ на ухо матросу.
- Навострить лыжи конечно было-бы нехудо; но я не вижу въ этомъ надобности въ настоящую минуту. Нъкоторые изъ насъ будутъ гребцами на шлюпкъ, которая пойдетъ на берегъ. Если удастся найти между ними молодца, чтобъ намъ пособилъ, то дъло и будетъ въ шляпъ. Если-же не найдемъ, такъ что-жъ! я думаю, что насъ и двоихъ будетъ довольно. А! что ты на это скажешь?

⁽¹⁾ Стклянками называются песочные часы. Число ударовь въ колоколь означасть, сколько разъ вытекъ песокъ изъ получасовой стклянки.

⁽²⁾ Очередное дежурство матросовъ на палубъ.

⁽³⁾ Передняя часть судна,

⁽⁴⁾ Виль сокращенное Вилліамъ; Нидъ сокращенное Эдуардъ.

Матросъ, родомъ изъ Прландіи, не тотчасъ поняль смыслъ этого предложенія; онъ глядълъ нъсколько секундъ на своего товарища, съ видомъ удивленія и недовърчивости.

Наскучивъ англійскою службою, онъ хотъль просто избавиться отъ нея; конвикть напротивъ, хотъль во что-бы то ни стало получить свободу, и не затруднялся въ выборъ средствъ для достиженія своей цъли. Но ирландецъ, представивъ себъ возможность преступленія, покачавъ головой, отвъчаль:

- Нътъ, Нидъ, это дурное дъло; тутъ можетъ пролиться кровь, которая стала-бы преслъдовать меня въ сновидъніяхъ. Но мы можемъ вмъстъ спастись, вотъ это такъ дъло. Ты можемь на меня надъяться и...
- Тсъ! прервалъ конвиктъ, я слышу шаги ихъ. Я иду завтракать, мы усивемъ послъ поговорить объ этомъ дълъ. Сказавъ это, онъ пошелъ на шкафутъ и изчезъ на бакъ, гдъ были развъшены матросскія койки.

Съ попутнымъ вътеркомъ шкуна летъла прямо въ заливъ, окруженный, какъ большая часть острововъ въ Южномъ-моръ. полукруглымъ коралловымъ рифомъ. Море разбивалось буруномъ объ эту коралловую стъну, въ которой было небольшое только отверзтіе, для входа въ заливъ. Томпсонъ, въ эту критическую минуту, самъ сталъ на руль, а прландца отослалъ на корму. для исполненія, въ случат надобности, какихъ-нибудь приказаній. Матросы, всв до одного, были на палубв, гдв царствовала глубокая тишина, и глаза всъхъ устремлены были на канитана. Въ самой срединъ прохода послышался громкій его голосъ; команда мгновенно была исполнена. «Казуаръ», пролетъвъ подъ встми парусами узкій каналь, вдругъ перемтниль направленіе, капитанъ положилъ въ это время руль на бортъ, и шкуна казалось тотчасъ ударится о коралловый рифъ; но вдругъ раздалась команда: «отдай якорь!» Съ этимъ словомъ якорь упалъ въ море, а шкуна, удерживаемая вытянувшимся канатомъ остановилась, и ея прекрасныя формы отражались теперь въ прозрачныхъ водахъ спокойнаго залива.

До берега было неболъе двухъ миль.

Кромъ новозеландской лодки, принадлежавшей капитану, у «Казуара» была одна только шлюпка, висъвшая на кормъ, которую и велъли спустить на воду, нагрузивъ необходимой провизіей.

Гумфри, Ван-Брумъ и Томсонъ сбирались на ней ъхать, Гумфри къ своему новозеландскому костюму присоединилъ и оружіе 36

новозеландское. Онъ повъсиль себъ за спину, на ремнъ, длинный одноствольный карабинъ; въ правой рукъ, на петлъ, болтался у него изъ зеленаго камия кистень, а за поясомъ торчала дубинка (томагакъ), введеная въ этой странъ американскими китоловами.

Томсонъ имълъ обыкновенное оружіе моряка: пару большихъ пистолетовъ, матросскій ножъ за поясомъ и тесакъ на лъвой сторонъ; ножа невидно было въ широкихъ складкахъ шараваръ.

Вооруженіе Ван-Брума не походило на вооруженіе его товарищей. Онъ призналь за лучшее снабдить себя орудіями или, правильнъе средствами, которыя не отнимають а сохраняють жизнь. Вмъсто оружія для нападенія, изъ обоихъ кармановъ его высовывались горлышки двухъ бутылокъ, запечатанныхъ краснымъ сургучемъ; нодъ лъвой рукой было что-то во все непохожее на патронташъ. Гумфри сначала посмотрълъ на него съ удивленіемъ, потомъ нолусердитымъ, полунасмъщливымъ голосомъ вскричалъ:

- Что это вы еще на себя навязываете? Развъ вы думаете что мы...
- Только аршинъ колбасы, нолсыра, полхлъба, да фляжку настоящей шейдемской водки, перебилъ Ван-Брумъ, отвъчая флегматически на первую половину вопроса, и въ тоже время раскрывая котомку, какъ-бы въ подтвержение своихъ словъ.
- Господинъ Ван-Брумъ, вскричалъ Томсонъ, покатываясь со смъха, сдълалъ запасъ на случай осады.
- Прошу извинить меня, возразиль голландець, закрывая свою котомку и сунувъ ее подъ мышку, я вовсе не думаю быть въ осадъ, а еслибъ думалъ, то можете быть увърены, что остался-бы на суднъ. Я не сдълалъ условія съ домомъ Борнгольмъ и Бригъ, къ которому, впрочемъ, питаю наиглубочайшее уваженіе, я не сдълалъ, говорю, условія быть мишенью для свинцовыхъ пуль или дозволить разрубить себя на кусочки всевозможными орудіями дикарей.

Гумфри закусилъ себъ губы и оборотился къ нему спиной; но въ ту-же минуту глаза его опять устремились на нарядъ своего товарища. Вы не можете, сказалъ онъ ему съ живостію, выйти на берегъ безъ оружія, Хотя я и не предвижу опасности, но во всякомъ случаъ, было бы верхомъ безумія явиться вовсе беззащитнымъ; поступать такъ, значитъ подвергать дикаря искушенію. Возьмите, по-крайней-мъръ, ружье, хотя-бы вы и не стали стрълять изъ него.

[—] Заряженное ружье! Подумали-ли вы объ этомъ? вскричалъ

нервый конторщикъ. А если оно выстрълитъ! Боже мой! у меня никогда не было въ рукахъ заряженнаго ружья, и сколько, я слыхалъ, несчастныхъ случаевъ было отъ подобнаго неблагоразумія.

- Ну! возьмите ружье незаряженное, отвъчаль нетерпъливо Гумфри, можетъ-быть вы не станете бояться пустой жельзной трубки?
- Бояться? Кто говорить о боязни? Я, сударь, ничего не боюсь; а только считаю излишнимъ навьючивать на себя оружіе, которымъ не умъю владъть. Это ружье точно-ли не заряжено?
- Даже и порохомъ, отвъчалъ Гумфри. Возьмите его, по ложите на илечо и маршъ въ дорогу. Мы должны спъшить, если котимъ воротиться на судно ранъе ночи.
- Возьмите ружье, повториль маленькой человъкъ. Это легко говорить, но какъ сдълать, когда руки у меня заняты. Если необходимо мнъ его взять, не можете-ли вы надъть мнъ его на шею? Между-тъмъ не забудьте, что если случится со мной какое несчастіе, вы заплатите мнъ за всъ протори и убытки, когда вернемся въ Сидней. Говоря это, онъ нагнуль голову; Гумфри повъсилъ ему на шею легкое ружье, и завязалъ ремень на его спинъ. Потомъ онъ сошелъ въ шлюпку, гдъ сидъли Виль и конвиктъ, съ веслами въ рукахъ. Лишь только замътилъ ихъ Томсонъ, то вскричалъ: Это что значитъ! Кто послалъ васъ, негодяи, на шлюпку? Вамъ захотълось побывать на чистомъ воздухъ, да нарядиться въ новозеландское платье, не такъ ли? Вотъ маленькій заговоръ! Долой, негодяи! Бросьте весла и убирайтесь отсюда!
- Сейчасъ, капитанъ, отвъчалъ Виль, но, право, жаль; вы знаете, что мы не лентяи; Нидъ и я хорошіе гребцы; мы здъсь единственно...
- Молчать, рыжая собака! А, ты хочешь, чтобъ я добрался до тебя?
- Пошелъ всъ на верхъ! закричалъ онъ такимъ громовымъ голосомъ, что всъ досчечки задрожали на маленькой шкунъ.

Виль хорошо зналь слъдствія непослушанія, и поспъщиль взбъжать на палубу. Нидъ съ секунду держаль еще весло, но принуждень быль также отправиться вслъдъ за своимъ товарищемъ, сопровождаемый бранью и угрозами капитана. Запустивъ руки въ карманы, онъ съ мрачнымъ видомъ прошелъ толпу экипажа, который собрался на палубъ въ числъ десяти человъкъ, 38

въ томъ числъ кокъ *, баталеръ ** и арапъ, убъжавшій изъ Соединенныхъ Штатовъ, все молодцы съ атлетическими формами, въ еннихъ шерстяныхъ рубахахъ, въ брюкахъ изъ толстой парусины и въ низкихъ соломенныхъ шляпахъ. Негръ отличался отъ прочихъ своимъ краснымъ камзоломъ, какъ конвиктъ желтой курткой.

— Теперь, слушайте, морскіе волчата, началь капитань, бросая на экипажъ сердитые взгляды, - вы остаетесь здъсь на якоръ. пока мы не воротимся, что будеть, думаю, раньше ночи. Когда стемнъетъ, не подпускайте къ себъ ни одной лодки, и еслибъ кто вздумалъ приставать къ вамъ силою, палите!.. Нидъ, поди сюда, негодяй! Когда съ тобой говорять, ты должень стоять смирно и не бормотать, сквозь зубы, иначе мы съ тобой разсчитаемся, когда воротимся въ Сидней. Если у тебя есть охота побывать на берегу, то можешь пуститься вплавь; только я тебя предупреждаю, что тебъ останется выбирать между акулами, -- вотъ сейчасъ видна ихъ пара, -- и дикарями. Вся разница будеть въ томъ, что одни съъдять тебя съ солью, а другія безъ соли. Впрочемъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ тимерману, который во-время его отсутствія обыкновенно исполняль должность лейтенанта, впрочемъ, Бобъ, я приказываю тебъ стрълять въ лобъ первому негодяю, который осмълится во время моей отлучки оставлять шкуну; мы теперь у непріятельскаго берега, и я учреждаю военный судъ, слышите-ли, олухи?

Тимерманъ пробормоталь что-то въ знакъ послушанія, и Гумфри, который сидъль уже въ шлюпкъ, кричалъ нетерпъливо: Пожалуйте сюда, пожалуйте, капитанъ, время не ждетъ насъ, не успъемъ оглянуться, а ночь какъ и тутъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвъчалъ Томсонъ, успъемъ. Ну, дътушки, будьте умны; когда вернемся въ Сидней, дамъ вамъ погулять.

Гумфри и Ван-Брумъ сидъли уже въ шлюпкъ, и первый изъ нихъ схватилъ лъвое весло. Томсонъ, въ свою очередь, скакнулъ въ лодку и взялъ другое вссло, между тъмъ какъ Ван-Брумъ, очень довольный, что остался на кормъ, буровилъ въ водъ крюкомъ, который нашелъ внизу. Быстро скользя по поверхности моря, легкій яликъ скоро приблизился къ золотому песку, который блестящею лентою опоясывалъ темные склоны прибрежья.

^{*} Поварь. Поправно по продреждения по типо пристедор за прис

^{**} Хранитель провизіи.

Уже невозможно было различить людей на налубъ шкуны, и чрезъ полчаса острый носъ шлюпки връзался въ ручей воды, лившійся изъ горы. Туть наши трое авантюристовъ, защищаемые кустарниками, увидъли себя въ безопасномъ мъстъ, и ръшились выдти на берегъ.

Цапляясь за корни и ватви кустарниковъ, растущихъ по отвъс ному берегу, съ котораго стремился ручей, Гумфри и Томсонъ успъли подняться наверхъ.

Но туть они замътили, что бъдный Ван-Брунъ такъ запутался въ дикимъ виноградникъ, что не могъ податься ни взадъ, ни впередъ. Они поспъшили къ нему на помощь, и освободили его отъ ружья, дуло котораго завязло въ виноградныхъ лозахъ (1).

Мъсто, на которомъ они остановились, хотя удалено было отъ прибрежья неболъе какихъ-нибудь сотни шаговъ, покрывалось сильнъйшею растительностію, какъ-будто находилось въ самой чащъ лъса, такъ что нельзя было сдълать свободнаго шагу въ этомъ колючемъ лабиринтв. Гигантскія деревья, съ обнаженными стволами, возвышались какъ колонны, поддерживающія своды зелени. Кагикатеа (2), риму (3), тотара (4), кори (6), рата (6) и другія деревья протягивали другь къ другу вътви свои, обремененныя блестящими фестонами и цвътами паразитовъ. Но величественные и красивые прочихы были пальма никаны (7), отличающаяся своими нъжными ярко-зелеными листьями, и гигантскій напоротникъ, котораго широкіе, какъ опахало, листья, качаясь въ воздухъ, давали этой странъ видъ истинно тропическій.

Каждый камень, каждый стволь покрыть быль зеленью паразитовъ, и вездъ ароматическая растительность развертывалась богатыйшимь ковромъ подъ ногами путешественниковъ. Даже высохшія деревья, которыхъ не пощадила рука времени, способ-

⁽¹⁾ Авса новозеландскіе почти непроходимы оть ліанъ или выющихся растеній, которыя падають фестонами съ сучьевь деревь и какъ-бы сътями обвивають путешественника.

⁽²⁾ Podocarpus dacrydioides.

⁽a) Dacrydium cupressimum. Листья этого прекраснаго дерева похожи на султанъ изъ страусовыхъ перьевъ.

⁽⁴⁾ Podocarpus totara, изъ рода тисовыхъ деревъ, употребляется на строенія,

⁽⁵⁾ Dammara australis, употребляется на мачты военныхъ судовъ.

^(*) Metrosideros robusta, которая, кажется, больше идеть въ землю, нежели изъ земли. (1) Areca sapida.

40 Cuncs.

ствовали къ украшенію этой очаровательной страны: старые стволы деревьевъ, полусогнившіс или расколотые, но еще стоящіе, лишенные вътвей и листьевъ, переплетены были сътью выощихся алаго цвъта ліанъ, и увънчанные зеленью, казалось возникали подъ новою формою къ новой жизни.

Ван-Брумъ, обыкновенно холодный къ прелестямъ природы, когда они не служатъ къ прямому удовлетворенію его естественныхъ потребностей, не могъ не обнаружить удивленія своего, при видъ этой очаровательной растительности. Но Гумфри не далъ ему времени восхищаться природою; онъ побъжалъ къ шлюнкъ и принесъ оттуда одинъ изъ небольшихъ ящиковъ съ провизіей; потомъ пригласилъ своихъ товарищей немедленно за нимъ слъдовать, прося ихъ идти какъ можно тише, потому-что, по увъренію его, хотя и нечего было бояться дикарей, но всеже лучше избъгать встръчи съ ними.

Аъсъ этотъ казался уединеннымъ, дъвственнымъ, котораго не попирала еще нога человъческая; могло очень статься, что они совершатъ свое путешествіе и возвратятся на судно, не бывъ никъмъ замъченными.

Гумфри, вступивъ на берегъ, накрыль лицо свое рогожкой и объяснилъ своимъ товарищамъ будущія свои намърснія. Въ то-же время онъ замътилъ имъ, что ручей, къ которому они пристали, называется Та по-кай, и составляетъ съверную границу продаваемаго участка.

Они шли вдоль этого ручья, но имъ предстояла труднъйшая дорога по западной границъ, для того-то Гумфри и запасся, какъ объявиль своимъ товарищамъ, томагакомъ, чтобъ дълать имъ знаки на деревьяхъ, по которымъ будущій владътель легко узнаетъ съ этой стороны свои предълы. Не мъшкая долъе, онъ углубился въ чащу первобытнаго лъса; за нимъ слъдовалъ Томсонъ, нахлобучивъ шляпу на лобъ, держа въ одной рукъ большой пистолетъ и засунувъ другой, также заряженный, за поясъ. Ван-Брумъ составляль собою арріергардь; за спиной у него болталось ружье безпрестанно задъвая за чужеядныя растенія; между-тъмъ онъ не доволенъ былъ своимъ постомъ. - Неизвъстно, говорилъ онъ, не бродитъ-ли позади насъ какой-нибудь людовдъ, готовый пуетить въ меня ядовитую стрълу. Голландцу не хотвлось быть п въ авангардъ, какъ предлагалъ ему: смъясь, Гумфри. Нътъ, любезнайшій, ни за что въ свата не хочу быть передовымь; пожалуй тотчасъ наткнешься на засаду. По этому не оставалось

лучшаго, какъ помъстить его въ центръ отряда; въ такомъ порядкъ и продолжали они идти по низменной почвъ вдоль ручья, не встръчая ни дикарей и никакихъ опасностей, не видя даже другихъ существъ, кромъ попугаевъ, блиставшихъ яркими цвътами, и маленькихъ пернатыхъ обитателей лъса.

Чрезъ нъсколько времени они дошли до болъе возвышенной почвы; тамъ растительность быта нетакъ обильна; по временамъ встръчались прогалины, позволявшія имъ успъшнъе подвигаться впередъ; но и тутъ встръчался иногда особаго рода папоротникъ, замедлявшій ихъ путъ. Достигнувъ до небольшой лужайки, покрытой этимъ растеніемъ, Гумфри остановился и объявилъ своимъ товарищамъ, что теперь они удалятся отъ ручья и пойдутъ верхомъ горы. Тутъ начиналась западная граница участка. Чтобъ сдълэть ее примътною, онъ повалилъ двумя или тремя ударами томагака нъсколько кустарниковъ, окружавщихъ пальму, отличавшуюся отъ другихъ меньшимъ ростомъ и объемомъ.

Верхъ горы покрытъ былъ густъйшимъ папоротникомъ, который былъ въ иныхъ мъстахъ дотого непроходимъ, что путешественники должны были дълать большіе обходы. Наконецъ они дошли до узкой тропинки, казалось нарочно проложенной и хорошо извъстной Гумфри, хотя онъ объ этомъ ничего не сказалъ.

Наши путешественники достигли до значительной высоты, и дорога становилась болье и болье крутою; иногда она вилась надъ пропастями, въ которыя съ темныхъ ребръ горы ниспадали потоки. Маленькій караванъ продолжалъ слъдовать по тропъ, доведшей ихъ до самой вершины, поросшей папоротникомъ. Съ этой площадки видны были многія долины. Въ эту минуту Гумфри остановленъ былъ крикомъ Томсона; тотчасъ-же повтореннымъ и Ван-Брумомъ.

Гумфри поспъпилъ накинуть на голову рогожку, которую приподнялъ было для большей удобности въ пути, и направилъ дуло своего ружья по тропинкъ. Но сколько ни смотрълъ онъ во всъ стороны, чтобъ узнать причину тревоги, ничего не видълъ, кромъ Томсона съ протянутой рукой, въ которой держалъ заряженный пистолетъ, устремившаго глаза свои на чащу въ кустарникахъ.

[—] Что это значить? вскричаль онъ. Развъ вы видъли чтонибудь подозрительное?

- Да, отвъчалъ морякъ, не отводя глазъ своихъ отъ чащи, здъсь что-то пробъжало.
- Человъкъ?
- Почемъ я знаю, пробормоталъ Томсонъ. Тутъ мелькнуло молніей что-то черное, вотъ все, что я видълъ.
- Это долженъ быть кабанъ, сказалъ Гумфри, принимая кладнокровный видъ. Ихъ довольно на островъ, и это почти единственные здъсь дикіе звъри. Бояться нечего.
- Вотъ опять онъ! вскричалъ Ван Брумъ, показывая со страхомъ на кустарникъ, и когда все внимание его товарищей устремлено было на это мъсто, они замътили, что кустарникъ былъ помятъ и поломанъ какимъ-нибудь тяжелымъ тъломъ.

Гумфри наклонился впередъ, но высокій папоротникъ мъщалъ ему что либо видъть. По близости не было ни возвышенія, ни дерева, на которое-бы онъ могъ взобраться.

- Ван-Брумъ! господинъ Ван-Брумъ! сказалъ онъ потихоньку, потому-что неизвъстный предметъ еще разъ перемънилъ свое мъсто, говоря это, онъ показалъ своимъ ружьемъ на ту сторону, откуда слышался шумъ: не можете-ли вы встать на плечи къ капитану, чтобъ посмотръть, что такое тамъ двигается; между-тъмъ я буду наблюдать тропинку.
- Гмъ! пробормоталъ маленькой голландецъ, обращаясь къ моряку, который, охотно согласясь на это внезапное предложеніе, уперся лъвою рукою о лъвое кольно, чтобъ сдълать изъ себя обсерваторію. Гмъ! пожалуй, попробую, надъюсь, что я могу сойти живымъ и здоровымъ
- Скоръй! скоръй! вскричалъ Гумфри, неужели вы думаете, что этотъ будетъ васъ тамъ ждать?
- Этотъ! кто этотъ? спросиль удивленный Ван-Брумъ обратясь къ Гумфри. Томсонъ тоже посмотрълъ вокругъ себя.

Гумфри съ досады топнулъ ногою. Ван-Брумъ, все еще въ неръшимости, подошелъ къ капитану, кивая головою, и схвативъ его за шею, уперъ свою ногу пониже его пояса, потомъ съ размаху, какъ-бы садясь на съдло, всею тяжестію упалъ такъ неожиданно на моряка, что тотъ повалился головою, съ своимъ еъдакомъ, на средину площадки.

— Тысячу громовъ! воскликнулъ Томсонъ, невольно протягивая руки, чтобъ не ушибиться; но при этомъ движеній, онъ забылъ, что въ рукъ у него заряженный пистолетъ, курокъ спустился, и пуля просвистала надъ головою Ван-Брума.

Гумфри инстинктивно наклонился, и въ туже минуту черный предметъ, опять перебъжавъ дорогу, скрылся въ срединъ папоротника, прежде чъмъ онъ успълъ упереть въ плечо свое ружье. Но Гумфри достаточно было взглянуть на бъглеца, чтобъ ръшиться бросить ружье, которое могло только затруднять его въ этой чащъ. Схвативъ томагакъ, который висълъ у него за поясомъ, онъ пустился чрезъ кустарники въ погоню по слъдамъ, означавшимся поломанными вътвями.

Капитанъ и первый конторщикъ, вставъ на ноги, увидъли, что они оставлены ихъ товарищемъ и, повидимому, окружены опасностями, или, какъ выразился Ван-Брумъ, людоъдами.
Что дълать? Ожидать-ли возвращенія вожатаго, или вернуться
назадъ и искать убъжища на шлюпкъ? Ван-Брумъ склонялся на
послъднее; но Томсонъ былъ противнаго мнънія, и замътилъ, что
не зная лъса, они не выйдутъ изъ этого лабиринта, и гибель ихъ
будетъ несомнънна, если наблюдаютъ ихъ теперь дикари. Впрочемъ нельзя было скрыть, что и на мъстъ оставаться также было
неочень выгодно, потому-что тутъ они могли со всъхъ сторонъ
ожидать нападенія непріятеля. Ван-Бруму чудилось даже, что
уже стрълы дикарей свистятъ мимо его ушей; Томсонъ посматривалъ вокругъ себя съ безпокойствомъ.

Въ эту минуту послышался шорохъ въ кустарникъ. Капитанъ, ръшась дорого продать жизнь свою, устремился въ ту сторону съ вновь заряженнымъ пистолетомъ, готовясь выстрълить, но въ тоже самое время онъ услышалъ свистъ, и тутъ-же самъ Гумфри, съ непокрытымъ лицомъ, блъдный, разстроенный, показался на тропинкъ.

Не теряя ни секунды, не отвъчая даже на дълаемые ему вопросы, онъ далъ знакъ, чтобъ они слъдовали за нимъ, и пошелъ по узкой тропинкъ такъ скоро, какъ только позволяли папоротникъ и густая трава. Вскоръ они достигли до края лъса,
гдъ оканчивалась тропинка, и хотя имъ не представлялись болъе
прежнія препятствія, но они все еще задерживаемы были въ пути
опрокинутыми деревьями, колючимъ кустарникомъ и переплетеннымъ хворостникомъ. Какъ-бы то ни было, они дошли до подошвы почти отвъсной скалы, на которую Гумфри сталъ тотчасъ взбираться. Товарищи его колебались, но повелительный
знакъ заставилъ ихъ также идти впередъ. Послъ труднъйшаго
восхожденія, они всъ очутились на вершинъ уединеннаго волканическаго конуса, возвышавшагося надъ темнымъ лъсомъ, отку-

да простирался превосходный видъ на значительную часть острова и окружающаго его моря.

Лазурныя воды освъщались полуденнымъ солнцемъ. Тамъ видиълась маленькая шкуна, колеблемая пънистыми волнами разбивавшимися о коралловые рифы, между-тъмъ, какъ на отдаленномъ горизонтъ бълълись паруса судовъ, скользящихъ съ попутнымъ вътеркомъ по гладкой равнипъ водъ. Небо было ясное и чистое; только къ югу, надъ лъсомъ, плавали прозрачныя розовыя облака, сгущавшіяся къ горизонту.

Но какъ ни замъчательна была эта картина, никто пзъ нашихъ трехъ знакомцевъ ни словомъ, ни жестомъ не обнаружилъ своего удивленія и даже любопытства. Вниманіе Ван-Брума обращалось единственно на то мъсто, гдъ они находились; для него было достаточно, если это убъжище избавляло ихъ отъ нападенія. Гумфри простиралъ свои взгляды далье: зная хорошо мъстность, онъ могъ лучше всъхъ предвидъть, съ которой стороны могла угрожать имъ опасность. Но видно результатъ его наблюденій былъ успоконтеленъ, потому-что онъ ни о чемъ болъе не заботился, какъ о показаніи границъ своего владънія. Вниманіе-же Томсона обращалось на море, на маленькую шкуну, которой тонкія мачты смъло рисовались на голубомъ небъ.

- Томсонъ! вскричалъ Гумфри, прерывая молчаніе: видители вы горы, — влъво отъ этихъ пальмъ, отличающихся живою зеленью?
- Да, пониже блъдно-сърой полоски въ облакъ?
- Именно Тутъ южная граница владънія. Тамъ начинается другой ручей, который, пробъжавъ около пяти миль къ востоку, впадаетъ въ заливъ. Въ состояніи-ли вы будете теперь отыскать эти границы?
- Конечно, еслибъ мы дошли до конца ихъ, отвъчалъ Томсонъ, засовывая за поясъ заряженный пистолетъ, который дотолъ держалъ въ рукъ. Однако намъ нечего здъсь прохлаждаться, и мнъ-бы не хотълось знакомиться съ дикарями. Какая въ томъ польза! А въдь кто-то ходилъ въ кустарникахъ?
- Намъ не нужны теперь дальнъйшія изслъдованія, сказаль угрюмо Гумфри, не отвъчая на сдъланный ему вопросъ. Вы знасте оба, какъ опасно попасть въ руки дикарей тому, кто занимается снятіемъ плановъ. Еслибъ мы стали обходить вокругъ всего владънія, то могли бы возбудить подозръніе дикихъ, тогда какъ, направясь по прямой линіи къ берегу, черезъ лъсъ, мы

избъгнемъ ихъ преслъдованія, тъмъ болъе, что дорога наша на цълую милю будетъ пролегать по обнаженной каменистой почвъ, по которой и опытный глазъ новозеландца не найдетъ нашихъ слъдовъ.

- А что-же кладъ? прервалъ Томсонъ. Развъ вы отказались отъ клада, и мы воротимся на шлюпку съ пустыми руками?
- Мы воротимся на шлюбку, какъ я надъюсь, съ сокровищемъ, для котораго я рисковалъ моею жизнію. Но точно-ли вы увърены, что отыщите границы, которыя я вамъ показывалъ?
- Точно-ли отыщу ихъ, пробормоталь Томсонъ. Натурально, я не могу утверждать этого подъ клятвою. Вотъ еслибъ у насъ была карта...
- Вотъ она! вотъ она! вскричалъ Ван-Брумъ, вынимая не безъ затрудненія изъ кармана, набитаго разными разностями, тщательно свернутую карту, вложенную въ жестяную трубку. Вотъ она, господа, хотя я, по правдъ сказать, не вижу, на что она можетъ служить; тутъ не.....
- Смотрите сюда, сказалъ Гумфри, быстро развернувъ карту и указывая пальцемъ на ломанную линію; это ручей, къ которому мы пристали. Вы знаете, какъ онъ называется, и каждый человъкъ на берегу покажетъ вамъ его устье. Вотъ прогалина, поросшая папоротникомъ, гдъ я сдълалъ на пальмъ замътку. Вы это можете опять найти?
- Безъ сомнънія, отвъчаль Томсонъ, если пойдемъ отъ устья ручья.
- Очень хорошо! отвъчалъ Гумфри. Вотъ этотъ крестъ означаетъ возвышеніе, па которомъ мы теперь стоимъ; а тамъ пониже, гдъ сбирается туманъ и откуда течетъ другой ручей, также, впадающій въ море, —тутъ южная граница владънія. Кажется, нельзя ошибиться.

Томсонъ долго разсматривалъ карту; потомъ, свернувъ ес, положилъ опять въ жестяную трубку и отдалъ назадъ Ван-Бруму, сказавъ: Я понялъ теперь хорошо мъстность, но однакожъ, мы, можетъ-быть, не увидимъ нашей шкуны, если станемъ медлить; она стоитъ очень близко къ рифамъ, а, кажется, сбирается гроза.

- Въ этой странъ грозы бываютъ страшныя, замътилъ съ живостію Гумфри, какъ-бы стараясь хвататься за все, что можетъ ускорить ихъ возвращеніе.
 - А кладъ? повторилъ Ван-Брумъ, не желая упускать воз-

46 Смись.

награжденія за претеривнныя личностію его безпокойства и опасности.

— Мы коснемся его, возвращаясь на шлюпку, отвъчалъ Гумфри. Теперь, господа, самая главная, или лучше сказать, единственная опасность, которой мы подвергались, миновалась. Дорога наша по прямой линіи будеть легкая, и я надъюсь, что прежде, чъмъ этъ тучи усиъють закрыть солнце, мы будемъ уже на шкунъ, и другъ нашъ Томсонъ доставить насъ невредимо въ Портъ-Джаксонъ.

И не дожидаясь отвъта, онъ пустился внизъ почти по отвъсной скаль, — другаго пути не существовало. Томсонъ отважно послъдоваль его примъру; но это нетакъ-то легко было для достойнаго конторщика: его члены недовольно были гибки для такой гимнастики. Онъ попробоваль было потихоньку спускаться, придерживаясь за кустарники, но поскользиулся, и увлекаемый своею тяжестію, покатился внизъ, испуская жалобные вопли и разсыпая по объимъ сторонамъ бутылки и съъстные припасы; наконецъ, по счастію зацъпился за молодую пальму, и съ отчаяніемъ взглянулъ на дорогу, усыпанную дребсзгами его груза.

Но въ эту самую минуту, изъ кустарниковъ, покрывавшихъ конусъ горы, вышла потихоньку какая то смуглая, татуированная фигура и проскользнула къ тому самому мъсту, откуда спустились наши трое знакомцевъ, и за которыми по отвъсной горъ летъли еще кремни. Тамъ, подъ защитой густыхъ кустарниковъ, два черные, пронзительные глаза, на размалеванномъ челъ, зорко слъдили за всъми движеніями пришельцевъ, между-тъмъ какъ Томсонъ и Гумфри, повернувъ назадъ, спъщили подать помощь своему товарищу. По счастію, послъдній отдълался небольшими ушибами; всъ, немедля, пустились далъе къ востоку, и скоро скрылись въ кустарникахъ.

Индвецъ съ четверть часа оставался неподвижнымъ на своемъ наблюдательномъ поств, и когда убъдился, что незнакомцы довольно удалились, ловко спустился внизъ; видя потомъ, что бълые идутъ по высохшему руслу потока, взялъ туже самую дорогу, и также скрылся въ кустарникъ.

UTS TO IN A CONTRACT STREET TO THE COURSE OF THE WAT VEHICLE

- A Rush's more open Burghyan on as as and converse aga

We are expensely commenced arounded the special part of the

вторичный бракъ.

the musical or object regions as designed and

(Разсказъ Евгенія Ніонь).

Popper and reviewed manping Links appropriate angular section of the property of

Въ одно сентябрское утро 1784 года въ домъ графа Дестрадъ была большая суматоха. Огромные дворы графскаго дома были загромаждены каретами и наполнены лакеями, и несмотря на это, число и тъхъ и другихъ увеличивалось безпрестанно. Парижская аристократія толпилась въ гостиныхъ. Дамы, перешоптываясь, мънялись дружественными улыбками; мужчины, собравшись въ кружки, тихо разговаривали, и часто смъхъ прерывалъ ихъ разговоры.

Видно было, что непринужденная веселость одушевляла общество. Такъ всегда бываеть въ ожиданіи, большихъ удовольствій.

Что-же такое должно было случиться? Королевскій нотаріусь приготовляль все нужное для подписанія брачнаго контракта Генріетты, единственной дочери графа, съ молодымъ маркизомъ де-Монтоньякъ, полковникомъ Нивернейскаго полка и старшимъ сыномъ герцога Вильмона. Тотчасъ-же послъ подписанія контракта положено было совершить бракъ въ домашней церкви графскаго отеля. Объ эти церемоніи должны были сопровождаться блистательнымъ баломъ. И такъ пріятное ожиданіе предстоящихъ удовольствій было причиною веселости, оживлявшей собраніе; но это собраніе состояло изъ людей, привыкшихъ къ нышности королевскихъ баловъ, и какъ бы ни былъ блистателенъ балъ, даваемый графомъ, оно, навърно, видало лучшіе. Что-же такое возбуждало общую веселость? Отчего разговоры полны остроты и шутокъ.

Минуту терпънія, мы скоро узнаемъ причину этого. Пока невъсты нътъ еще въ гостиной, не угодно-ли заглянуть въ ея уборную, тамъ мы легко разгадаемъ эту загадку.

Въ эту минуту Генріетта окружена гувернанткой и двумя горничными, которыя ее одъвають, но она, не заботясь нисколько о томъ, что ее ждутъ, не думаеть торопиться своимъ туалетомъ.

— Ради. Бога... позвольте васъ умыть, сказала гувернантка.

48 Сміьсь.

Вы никогда не будете готовы... Подумайте, въдь вы сегодня выходите замужъ, это важный шагъ въ вашей жизни.

- Дай мнъ конфекту изъ ящика, что стоитъ на каминъ, сказала Генріетта, тогда я нетолько позволю себя умыть, но даже сама умоюсь.
- Хорошо, пусть будеть такъ, но вы непрежде получите конфекту, какъ умоетесь.
- Торгъ заключенъ! вскричала Генріетта, вырвавъ полотенце изъ рукъ горничной и съ посиъшностію вытирая имъ лицо. Сдълано, сказала она.
- И заплачено! прибавила гувернаптка, подавая сй огромный обсахаренный миндаль.
- Теперь постарайтесь хорошенько причесать вашу госпожу, сказала гувернантка, обращаясь къ горничнымъ.
- Разумъется, за это мнъ еще дадутъ конфекту, сказала Генріетта.
- Хорошо, хорошо, дадимъ, только ради Бога скоръе кончайте вашъ туалетъ, отвъчала гувернантка.

Четверть часа спустя, посль многократныхъ восклицаній Генріетты:—Ай больно! Ты мнъ рвешь волосы! Боже мой, какъ вы неловки! прическа была кончена. Но неменъе хлопоть было съ прочими частями туалета, и каждая сопровождалась увъщаніями гувернантки и требованіемъ конфекть со стороны Генріетты.

— Надо-же наконецъ кончить! вскричала гувернантка. Оставите-ли вы вашу куклу? Можно-ли заниматься такими игрушками въ день своей свадьбы. Извольте надъть это бълое атласное платье. Еслибы вы знали, сколько уже собралось гостей! Вы заставляете дожидаться г-на маркиза, вашего будущаго мужа.

Но маркизъ не думаетъ дожидатся: его не могутъ найдти въ эту минуту. Всъ люди герцога сбились съ ногъ, ища его. Маркизъ давно уже окончилъ свой туалетъ и дожидался отца, но въ ту самую минуту, когда его отецъ былъ уже совсъмъ готовъ и позвалъ маркиза, чтобы ъхать къ Дестраду, маркизъ исчезъ! его нигдъ не могутъ найдти. Наконецъ вотъ онъ! Одинъ конюхъ нашелъ полковника Нивернейскаго-полка подъ навъсомъ, верхомъ на деревянной лошади, которая служила ему въ его дътскихъ играхъ. Это упражнение въ верховой ъздъ запылило бълые шелковые чулки будущаго мужа m-lle Генріетты, и слегка помяло его платье, но все это скоро было приведено въ порядокъ и женихъ съ герцогомъ поъхали въ отель Дестрадъ.

— Поторопитесь, m-lle Генріетта. Но что я вижу? Вы воспользовались временемъ нашего отсутствія; туалетъ вашъ конченъ, ящичекъ съ конфектами пустъ, гувернантка ваша утомлена до крайности. Наконецъ вы готовы...

Двери первой гостиной отворились и громкій голосъ швейцара доложилъ собранію:

— Г. маркизъ де-Монтоньякъ, m-lle Генріетта Дестрадъ!

И будущіе супруги вошли въ гостиную. Ихъ встрътиль одобрительный шопотъ и у всъхъ появилась улыбка, и Генріетта, получая поцалуи отъ дамъ, переходитъ отъ одной къ другой, междутъмъ маркизъ карабкается на кресло, чтобы обнять тетку своей невъсты, старую, высокую и страшно худощавую даму, которая, будучи невольницей этикета и корсетныхъ костей, приняла намъреніе не нагибаться, для того, чтобы встрътить будущаго племянника.

Наконецъ явился нотаріусъ, воцарилось молчаніе, контрактъ прочтенъ, остается его подписать. Для взрослыхъ это очень легко, но когда дошла очередь до Генріетты, то, не умъя писать, она должна была поставить только крестикъ, подлъ котораго и маркизъ нацарапалъ свое имя, не безъ того, чтобы не закапать бумаги чернилами.

Наступила очередь церковной церемоніи, которая и была совершена по обрядамъ католической церкви.

Читатель, безъ сомнънія, отгадаль уже, что это были два ребенка, которымъ обоимъ вмъстъ едва можно было насчитать девятнадцать лътъ. Мужу одиннадцать, а женъ едва только восемь. Графъ и герцогъ были большіе друзья, и графу первому пришла счастливая мысль соединенія двухъ семействъ.

Это еще болье скрыпляло ихъ дружбу, и кромъ-того было выгодно во многихъ отношеніяхъ. Но Генріетта и маркизъ де-Монтоньякъ были еще слишкомъ молоды и потому надо было долго дожидаться ихъ соединенія; однако графъ и герцогъ ръшились, несмотря на лъта, обвънчать ихъ. Исполнить это было очень легко. Герцогъ, бывшій въ силъ при дворъ, взялся испросить на этотъ бракъ королевское согласіе.

Въ царствованіе Людовика XVI, во Франціи много фамилій вступало въ родство подобнымъ образомъ.

Герцогъ безъ затрудненія получиль дозволеніе отъ короля, который, сверхъ-того, позволиль ему купить полкъ для молодаго маркиза, и объщался подписать контрактъ.

Послъ этого ничто уже не препятствовало свадьбъ, которая и была совершена, какъ мы уже видъли. Между-прочимъ было положено, что Генріетта, подъ надзоромъ гувернантки, будетъ жить въ домъ графа, а маркизъ сейчасъ послъ свадьбы отправится въ помъстье герцога, гдъ его наставникъ, учитель фехтованія и верховой ъзды долженъ будеть окончить его воспитаніе.

Супруги не прежде могутъ соединиться, какъ тогда, какъ маркизу минетъ девятнадцать, а Генрісттъ шестнадцать льтъ.

Всв эти условія были въ точности выполнены.

Вечеромъ послъ свадьбы, маркизъ де-Монтоньякъ отправился въ Беарнъ, а Генріетта была ввърена попеченіямъ гувернантки, которую продолжала, попрежнему, выводить изъ терпънія.

H

Разразилась французская революція, Людовикъ XVI паль на эшафоть, множество дворянь было изгнано изь Франціи ужасами междоусобицы. Посмотримь, что сталось съ лицами, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главъ? Герцогъ де-Вильмонъ не видаль ужасовъ, терзавшихъ Францію; онъ умеръ въ своемъ Беарнскомъ замкъ, отъ продолжительной бользни, въ день взятія Бастиліи, оставивъ сыну огромное богатство, и завъщавъ ему составить счастіе супруги, съ которой маркизъ быль обвънчанъ за пять льтъ предъ тъмъ.

Александръ де-Саблонъ, маркизъ де-Монтоньякъ, ставшій по емерти отца герцогомъ де-Вильмонъ, быль всего шестнадцати лътъ, когда судьбъ угодно было надълить его славнымъ именемъ его предковъ и огромнымъ ихъ богатствомъ.

Отдавъ послъдній долгъ нъжно-любимому имъ отцу, молодой герцогъ хотъль было отправиться въ Парижъ, къ графу Дестраду, котораго его покойный отецъ назначилъ ему опекуномъ; но вспомнивъ, что было положено, чтобы онъ неранъе соединился съ Генріеттой, какъ по достиженіи девятнадцати лътъ, онъ рышился свято исполнить это условіе. Къ тому-же въ это время Парижъ былъ центромъ революціи, и наставникъ молодаго герцога, человъкъ благоразумный, доказаль ему, что гораздо безопаснъе въ замкъ, находящемся въ Ниринеяхъ, нежели въ домъ графа Дестрада, и что если этотъ послъдній пожелаетъ, чтобы герцогъ былъ съ нимъ, то навърно увъдомитъ его объ этомъ, а потому всего лучше дожидаться отъ него увъдомленія.

Однако аббать взялся написать къ графу отъ имени своего воспитанника; но пока онъ ръшился это сдълать, прошло много

мъсяцовъ. Наконецъ онъ отправилъ письмо съ однимъ путешественникомъ, ъхавшимъ въ Парижъ, котораго и просилъ своеручно доставить его графу. Оттого-ли, что человъкъ, которому дано было порученіе, не исполниль его, или по какимъ-инбудь другимъ причинамъ, но на письмо не отвъчали. Герцогъ долго ждалъ, но не получая ни отъ тестя, ни отъ своей жены никакого извъстія, ръшился самъ отправиться въ Парижъ. По пріъздъ туда, первымъ его долгомъ было пуститься въ домъ графа. Онъ нашелъ его запертымъ; однако-же ему удалось узнать отъ швейцара, что графъ эмигрировалъ, вмъстъ съ своею дочерью, но никто не зналъ мъста ихъ пребыванія.

Это извъстіе разстроило герцога, но вскоръ онъ ръшился тоже убхать за границу и тамъ отыскивать свою жену.

Сперва онъ отправился въ Швейцарію, объткаль вст кантоны, но ничего не могъ узнать объ участи графа и его дочери: Тогда онъ посттиль Германію, но и здъсь его поиски не имъли лучшаго успта. Онъ уже хотъль тхать въ Англію, какъ изъ одной французской газеты, случайно ему попавшейся, узналь, не безъ живъйшаго огорченія, что графъ, утхавшій сперва въ одно изъ своихъ помъстій, испуганный ужасами революціи, хотъль оставить Францію, но быль остановлень вмъстъ съ дочерью, и оба погибли на эшафотъ. Легко можно представить, какъ подъйствовало на него это извъстіе.

Цъль его поисковъ уничтожилась. Что-же оставалось ему дълать? Познакомясь съ однимъ молодымъ дворяниномъ, ъхавшимъ въ армію Конде, онъ отправился съ нимъ и вступилъ въ полкъ волонтеромъ. Во второмъ сражени онъ быль такъ тяжело раненъ, что не возвратился въ лагерь, и его товарищи сказали, что видъли, какъ герцогъ былъ убитъ.

Вотъ все, что я могъ узнать о дъйствующихъ въ этой исторіи лицахъ, которую я началь въ надежда продолжать далье.

Въ противномъ случав, для чего было-бы мнв разсказывать вамъ, что двое двтей были обвънчаны, и потомъ въ двухъ словахъ окончить тъмъ, что они умерли, не соединившись? Однако, къ сожальнію, и долженъ здъсь остановиться, потому-что встлица, выведенныя мною на сцену, умерли.

Но въ замънь этой исторіи, я прошу у васъ позволенія разсказать другую; я не очень отдалюсь отъ эпохи, въ которую случилась первая. И такъ я начинаю.

·III.

Тринадцатаго апръля 1796 года, на другой день послъ сраженія при Монтене, въ четверти мили отъ этого города, въ скромномъ домикъ случилось то, что я намъренъ вамъ разсказать.

Наканунъ дня, въ который начинается эта повъсть, то есть, въ самый день сраженія, вечеромъ двое французскихъ солдать, несшіе раненнаго офицера, остановились у дверей маленькаго домика. Посовътовавшись между собою, они постучали въ двери, которыя въ туже минуту были отворены. Старикъ и молодая дъвушка были единственными обитателями этого дома.

- Что вамъ угодно? спросилъ старикъ на чистомъ французскомъ наръчіи.
 - Вы не піемонтецъ, какъ я вижу, сказаль одинъ изъ солдатъ.
- Я французъ! отвъчалъ старикъ, поднявъ гордо голову.
- Мы не можемъ желать лучшаго! вскричалъ другой солдатъ. Вотъ полковникъ Бодуинъ, тяжело раненный нынъшнимъ утромъ. Походные лазареты еще не устроены, и мы боимся оставить его безъ тъхъ попеченій, которыя требуетъ состояніе его здоровья... Хотите-ли оказать ему гостепріимство? Зная, что вы французъ, я надъюсь, что вы не откажете намъ въ этой просьбъ.
- О! разумъется не откажемъ, отвъчала молодая дъвушка, которая при первыхъ словахъ солдата приблизилась къ двери. Мы сейчасъ приготовимъ постель для раненнаго. Войдите и положите его покуда на этотъ коверъ; но, ради Бога, осторожнъе.

Спустя четверть часа, полковникъ Бодуннъ быль уже въ постелъ; солдаты, увърившись въ его безопасности, поспъшили соединиться съ французской арміей, которая шла на Мелизино.

Между-тъмъ объ раненномъ были приложены всъ попеченія; быль позванъ докторъ, и послъ первыхъ перевязокъ, полковникъ пришелъ въ чувство. Послъ ночи, немного безпокойной, утромъ онъ успокоился, почувствовавъ облегченіе въ своихъ страдніяхъ. Недалеко отъ постели раненнаго стояла молодая дъвушка, а въ углу, подлъ камина, старикъ, съ сложенными руками и, казалось, съ безпокойствомъ смотрълъ на полковника.

Дъвушка скоро замътила задумчивость старика, и увърившись, что раненный спить, подошла къ нему.

- Венсенъ, сказала она: тебя что-то тревожитъ? ты, кажется, объ чемъ-то безпокоишься? Не на счетъ-ли выздоровленія этого офицера? прибавила она тихонько.
 - Натъ... натъ, сударыня... я не объ немъ безпокоюсь,

онъ не въ такомъ отчаянномъ состояніи, чтобы не выздоровъть, когда за нимъ ухаживаютъ съ такимъ стараніемъ.

- Объ чемъ-же ты безпокоишься, если не объ немъ?
- Объ васъ, моя бъдная госпожа! Это принесетъ вамъ еще больше заботъ.
- Не безпокойся, мой добрый Венсенъ, я все вынесу... и эти ночи, проведенныя безъ сна, ничего не значать въ сравнении съ ночами, проведенными...
- О, я васъ понимаю, сударыня... Но къ несчастію, вы очень хорошо знаете, что только вашей работой мы и существуемъ.
- А также и твоей; ты несправедливъ, Венсенъ!
- Можно-ли считать мою работу? Переписку, за которую мнъ очень дурно платятъ... Тогда, какъ вы сударыня работаете, какъ волшебница; вашу работу всъ берутъ на расхватъ. Вы такъ прекрасно вышиваете.
- Ну, такъ объ чемъ-же ты безпоконшься, Венсенъ?
- Объ чемъ безнокоюсь! Объ томъ, что вамъ тяжело работать и для двоихъ, а теперь вы принуждены работать для троихъ!
- Я тебя не понимаю, Венсенъ?
- Хмъ! а между-тъмъ это очень понятно. Когда насъ просили принять къ себъ полковника, вы совътовались только съ вашимъ добрымъ сердцемъ, но я разсчитывалъ иначе въ это время, и еслибы вы помедлили минуту вашимъ согласіемъ, я непремънно отказалъ-бы.
 - О, Венсенъ!
- Разумвется! Называйте меня жестокимъ, всъмъ, чъмъ вамъ угодно, я отказалъ-бы, тъмъ болъе, что у него нътъ ни ко- пъйки.
- Тише, ради Бога. Что, если онъ услышить!
- Не бойтесь, онъ кръпко спить! Однако онъ будетъ причиною издержекъ. А кто можетъ ему помочь? Вы, вашей работой, и это васъ измучитъ.
- Нътъ, Венсенъ, успокойся, я буду работать немного болъе, но не до усталости.
- О, моя бъдная госпожа! воскликнулъ Венсенъ, кто могъ-бы подумать прежде, что вы будете принуждены работать, чтобы не умереть съ голоду.
- Полно, добрый мой Венсенъ, брось вст эти воспоминанія о прошедшемъ; у меня осталось только одно—объ моемъ бъдномъ отцъ и объ несчастной, которая, безъ сомнънія, погибла за ме-

ня! О, когда я объ этомъ подумаю, когда во сив вижу эщафотъ, тогда... И слезы заблистали на ея глазахъ, но она тотчасъ-же успокоилась и сказала:

— Прочь малодушіс!.. Послушай, Венсенъ, ты правъ: съ нынъшняго дня намъ труднъе будетъ поддерживать наше хозяйство, потому-что я должна теперь больше работать. Но чтобы полковникъ не зналъ этого... я такъ хочу, я такъ приказываю, понимаешь? Теперь подай мнъ работу. И она съ жаромъ принялась работать.

Черезъ мъсяцъ раненный совершенно выздоровълъ и ни въ чемъ не нуждался вовремя своей бользни, которая, вслъдствіе полученной имъ раны, была дольно опасна.

Зато молодая его хозяйка имъла видъ изнуренный; синіе круги обозначались вокругъ ея глазъ, и Венсенъ, съ каждымъ днемъ становился угрюмъе, по мъръ того, какъ, съ выздоровленіемъ, увеличивался аппетитъ больнаго. Но полковникъ не замъчалъ ничего: полный благодарности къ своей милой хозяйкъ, за старательное объ немъ попеченіе, онъ ни объ чемъ не думалъ, какъ только объ ней, и ему въ голову не приходило освъдомиться о состояніи своихъ хозяевъ.

Прошла недъля, какъ онъ всталъ и чувствовалъ, что силы его съ каждымъ днемъ укръплялись. Онъ уже былъ въ состояніи прогуливаться, и Венсенъ съ удовольствіемъ видълъ, что приближалось то время, когда онъ ихъ оставитъ. Но полковникъ ничего еще не говорилъ объ этомъ. А между-тъмъ онъ много разъ уже объ этомъ думалъ, и всякій разъ, при этой мысли, сердце его обливалось кровью.

— Мит должно удалиться отсюда! говориль онъ иногда вовремя своихъ прогулокъ... Ахъ! я желаль-бы навсегда здъсь остаться... съ ней... съ этой прелестной дъвушкой, которой я одолженъ жизнію: безъ нея я-бы умеръ. Но какъ могу я этого надъяться? Жениться на ней? Но согласится-ли она? Нътъ, я безумствую, я долженъ удалиться, догнать мой полкъ. Завтра-же объявлю ей о моемъ отътздъ.

Но завтра проходило, а онъ не могъ ръшиться проститься съ нею. Между-тъмъ со времени своего выздоровленія онъ гораздо ръже видълъ своего ангела хранителя, какъ онъ называль молодую дъвушку. Она только за объдомъ показывалась ему, и потомъ сейчасъ-же удалялась въ свою комнату, откуда почти совсъмъ не выходила.

Но вовремя короткихъ разговоровъ, которые онъ съ ней имълъ, всегда въ присутствии Венсена, онъ съ каждымъ днемъ открывалъ въ ней новыя достоинства.

 Сколько ума, граціи, милаго обращенія! говориль онъ съ восторгомъ, какъ только оставался одинъ.

Покажется страннымъ, что, проживая болъе мъсяца въ домъ, онъ не зналъ даже ея имени. Однако-же это было такъ. Венсенъ неиначе называлъ ее, какъ mademoiselle.

Какъ-же называлась она? Кто она? Любопытство заставило его наконецъ искать случая узнать это. Онъ разспрашиваль сосъдей, но ничего не могъ узнать, кромъ того, что уже семь льтъ, какъ пріъхалъ сюда Венсенъ съ дъвушкой, которой было тогда льтъ тринадцать, что онъ купилъ этотъ домъ, занлатилъ за него наличными, и что, наконецъ, онъ превосходный сосъдъ. Трудно было получить свъдънія, менъе удовлетворнтельныя.

Такая неудача увеличила только любопытство полковника; онъ далъ себъ слово заставить проговориться Венсена, который казался ему скоръе слугою, пользующимся довъренностью молодой дъвушки, чъмъ ея родственникомъ. Но нелегко было заставить Венсена проговориться; съ-тъхъ-поръ, какъ полковникъ выздоровълъ, Венсенъ, какъ мы сказали, никогда съ нимъ не разговаривалъ, и встръчаясь съ нимъ, всегда дълалъ недовольную мину, какъ-бы давая этимъ знать, что полковникъ очень-бы хорошо сдълалъ, еслибъ скоръе уъхалъ отъ нихъ.

Несмотря на это, полковникъ, гуляя однажды неподалску отъ домика, замътилъ Венсена, возвращавшагося изъ города, и ръшился воспользоваться случаемъ.

— Гдъ вы были, другъ мой? спросилъ онъ его, чтобы чъмънибудь начать разговоръ.

Венсенъ, который уже нъсколько дней искалъ случая, чтобы дать понять полковнику, что уже время ему удалиться, воспользовался обстоятельствами, и отвъчалъ съ грубостью:

- Я сейчасъ продалъ работу моей госпожи, которая принуждена трудиться, чтобы было чъмъ содержать домъ. Сказавъ это, онъ поспъшно удалился, оставивъ полковника, пораженнаго такимъ отвътомъ.
- Боже мой! вскричаль полковникь, какъ и не подумаль объ этомъ. Бъдная дъвушка! какое самопожертвованіе! Но я заглажу мою безпечность. И онъ началь съ поспъшностью искать въ

своихъ карманахъ... но только горькая улыбка была послъдствіемъ этихъ поисковъ.

— Ничего нътъ! сказалъ онъ, ничего.

Республиканскіе офицеры тогда были небогаты. Задумавшись на минуту, онъ приняль какое-то рышительное намыреніе, быстро побъжаль домой, попросиль позволенія видьть свою хозяйку, вошель въ ея комнату, и бросившись на кольна, сказаль:

— Простите, простите меня, ради Бога! Я не зналъ вашего самопожертвованія... Но теперь я все знаю, я знаю, что уже цълый мъсяцъ вы меня содержите; ваши прекрасные глаза впали оттого, что вы работали для меня. Я ъду, я удаляюсь, но никогда васъ не забуду! Прощайте, прощайте.

Онъ схватилъ ея руку, почтительно поцъловалъ ее, потомъ пошелъ въ свою комнату, чтобы уложить немногія вещи, которыя солдаты принесли вмъстъ съ нимъ.

Блъдная, трепещущая, оборотилась молодая дъвушка къ Венсену, бывшему свидътелемъ поступка полковника.

— Всисенъ, сказала она ему, ты разболталъ, полковникъ удаляется навсегда. Благодаря тебя, я буду несчастна всю жизнь, потому-что я люблю его!

Произнеся съ усиліемъ эти слова, она упала въ обморокъ.

Венсенъ употребилъ всевозможныя старанія, чтобы привести ее въ чувство, потомъ побъжалъ къ полковнику, котораго засталъ уже совершенно готовымъ къ отъвзду, и замътилъ, что при его появленіи онъ отеръ слезы.

- Милостивый государь, сказаль онъ ему, вы не увдете!
- Я вду, Венсень, честь этого требуеть!
- Это теперь невозможно, говорю я вамъ!.., Слушайте, полковникъ, я васъ считаю честнымъ человъкомъ и потому имъю къ вамъ довъренность; одно мое слово должно удержать васъ... моя госпожа васъ любитъ.
- —О, Боже! вскричалъ полковникъ... Возможно-ли!.. какое счастіе!.. Но вдругъ, остановясь въ порывахъ восторга, онъ сказалъ Ахъ, что вы сказали? Теперь болъе, чъмъ когда-нибудь... я не могу остаться, если ваша госпожа не отдастъ мнъ своей руки. Бъгите, скажите ей мое безразсудное желаніе, я буду между жизнью и смертью ждать ея приговора!

Венсенъ побъжаль къ своей госпожъ... Минуту спустя, онъ возвратился, и улыбаясь, сказалъ полковнику одно слово: оставайтесь.

Въ этотъ-же вечеръ свадьба была ръшена; но чъмъ менъе оставалось времени до назначеннаго дня, тъмъ задумчивъе и печальнъе становились обрученные.

- Что съ вами, Бодуинъ? спросила молодая дъвушка. Можно подумать, что вы несчастливы?
- Можете-ли вы это думать, Амедина? (полковникъ теперь уже зналъ ея имя) Но этотъ вопросъ можно скоръе отнести къ вамъ. Я вижу, вы печальны...
 - Натъ, натъ, совсамъ натъ, отвачала она отрывисто.

Но наканунъ свадьбы, послъ объда, Амедина, принявъ на себя важный видъ, сказала полковнику:

- Аругъ мой, я должна вамъ сдълать признаніе.
 - И какъ Венсенъ хотълъ удалиться, она прибавила.
 - Останься, Венсенъ, ты мнъ поможешь...

Изумленный полковникъ не могъ удержаться, чтобы не вскричать: Признаніе!.. Вы также!

- Какъ? Что вы хотите сказать?
- Ничего. . говорите... Амедина, говорите...
- И такъ, сказала она, краснъя, я... я уже была замужемъ.
 - Что я слышу?
- Но будьте покойны, прибавила она, съ прелестною напвностью, я вдова!
 - Разумъется! но наконецъ...
- Наконецъ я не то, чъмъ кажусь, я не бъдная дъвушка, безъ имени. Если я скрывала отъ васъ, кто я, то несчастное теперешнее время было тому причиной. Меня зовутъ Генріетта-Амедина Дестрадъ.
 - О, Боже!.. моя жена! вскричаль полковникь Бодуинь.
 - Что вы говорите?
- Я говорю... я говорю, что я герцогъ де-Вильмонъ, съ которымъ вы обвънчались, когда вамъ было восемь лътъ.
- Возможно-ли? Но я считала васъ убитымъ на берегахъ
 Рейна.
- Да, меня дъйствительно считали убитымъ въ сраженіи, но одинъ республиканскій солдатъ сжалился надо мною и взялъ меня къ себъ въ лагерь; онъ могъ-бы выдать меня за плъннаго, и моя смерть была-бы неизбъжна, но ему разсудилось лучше прикрыть меня платьемъ одного изъ убитыхъ его товарищей и отнесть въ госпиталь. Когда я выздоровълъ, арміи Конде уже

58 Смъсь.

не было, мнъ трудно было поднять оружіе противъ моего отечества! Я вступилъ во французскую армію подъ именемъ Бодуина, и вотъ вы видите, я полковникъ, какъ въ день нашей свадьбы, только не Нивернейскаго полка.

- Самъ Богъ насъ соединяетъ, вскричала съ радостію Генріетта. Вы, котораго я считала убитымъ!
 - Но вы также... я даже читаль въ газетахъ...
- О! герцогъ, сказалъ Венсенъ, не говорите объ этомъ при барышнъ... при барынъ хотълъ я сказать, прибавилъ онъ, извинясь.
- Ничего, ничего... называй ее попрежнему, сказалъ полковникъ, потому-что актъ смъшной этой свадьбы, въроятно, потерянъ и я его считаю за ничто.
 - Благодарю васъ, сказала Генріетта, пожимая его руку.
 - Однако-жъ это не объясняеть, какимъ образомъ...
- Отецъ мой сказала Генрістта, страшась, чтобы со мною тоже не случилось того несчастія, котораго онъ ожидаль самь, отправиль меня впередъ, съ добрымъ Венсеномъ, который никогда меня не оставляль, а самъ повхалъ позже съ одной деревенской дъвушкой, которая заступала мое мъсто. Несчастная имъла столько мужества, что не обнаружила себя даже на эстрадъ, боясь, что я еще не выъхала изъ Франціи.
 - Благородное самоножертвованіе! сказаль полковникъ.
 - Которое я оплакиваю каждый день.

Предоставляю вамъ самимъ судить объ радости молодыхъ людей, которые были обвънчаны на другой день.

Генералъ Бодуннъ оставилъ службу, при началъ Имперіи, вслъдствіе полученныхъ имъ ранъ; онъ опять получилъ всъ свои права и даже часть имънія. Такимъ-образомъ Генріетта Дестрадъ въ другой разъ обвънчались съ своимъ мужемъ.

a figure for the area on a real about the area about the contraction

on alternating any attention measures organizations and the

комедія съ переодфваньемъ.

въ стихахъ.

СОЧИНЕНИЕ

князя г. в. кугушева.

дъйствующія лица.

CONTRACT SEAL ROLL

БАРОНЕССА ФОНЪ-ЛИНДЕНЪ, молодай, богатая вдова. ЛЕОНИДЪ РЕЛЬСКІЙ, молодой, свътскій, но небогатый человъкъ.

Дъствіе въ Петербургъ, въ наше время, въ квартиръ баронессы.

Небольшая, роскошно убранная комната. Главная и двъ боковыя двери драпированы. Направо каминь съ украшеніями. Ближе къ авансценъ диванъ; передъ нимъ рабочій столикъ и два мягкія кресла. Налъво два окна, одинаково драпированныя съ дверями. Въ простъикъ зеркало съ подстольникомъ, заставленнымъ разными бездълками. Ближе вкось брошена козетка и два, три мягкіе стула. Близъ окна, параллельно съ нею, трельяжъ съ живымъ плющемъ. На окнахъ много цвътовъ. Передъ козеткой столикъ. На немъ лампа. Утро.

Rock one one Property

БАРОНЕССА ОДНА. Она кодить по комнать, одъта по домашнему, останавливается у окна, смотрить въ него и отходить модча къ зеркалу, оправляется, потомъ подходить скоро къ авансценъ.

Гдъ-жъ это Рельскій?

(Смотрить на часы.) Скоро часъ.

Сказаль, что будеть за отвѣтомъ. Что я ему скажу? Все тоже каждый разъ: «Подумаю, не знаю»; только въ этомъ И затруднение. Но нуженъ-же резонъ Для моего сопротивленья!

Не будь онъ такъ уменъ,

Я не была-бъ въ подобномъ затрудненьи.

Спекулативный въкъ! Вся наша молодёжъ

Полна не чувства, а разсчета. Кто ныпче бъденъ, да пригожъ, Тотъ женится — для оборота: Долги приданымъ уплатить, Завестъ карету, ложу, дачу,

Съ дыганками мотать, жупровать, кутить, И ко всему еще имъть жену въ придачу.

> Ахъ! я сама была бъдна! И я была принуждена

Идти за старика, который такъ влюбился, Что бъдной сиротъ, безъ имяни, ръшился

Съ рукою сердце предложить.

Я думала счастливо въкъ прожить: Жила, но счастія не знала; Теперь, когда свободна стала,

Богата и знатна, я врядь-ли потерилю, Чтобъ волю надо мной взяль вътренный повъса.

(Подходить къ зеркалу, и стоя передъ нимъ.) А если васъ за васъ онъ любитъ, баронесса? —Желала-бы. —«А вы?»-Люблю-ли?-Да, люблю.

(Omxodumo.)

Однако-же любить и быть его женою Двъ вещи... Если онъ смъется надо мною? Нътъ, прежде, чъмъ согласье дать, Его мнъ надо испытать,

Чтобъ въ искренности чувствъ его не ошибиться. Но какъ? Кокеткой притвориться? Старо. Взбъсить? Сказать, что я бъдна, Что состояніе въ процессъ проиграла?

Во всъхъ комедіяхъ одна

И тажъ исторія, сама не разъ видала.

Не знаю, право, какъ миъ быть,

А надобно рѣшиться;

И хочется любить,

И надо убъдиться.

Какая мысль! (Подумает.) Нъть, мудрено.

Не знаю, буду-ли върна своей я роли?

(Думаеть). Все подъ рукой... увидимъ... ръшено!

Была-бы только сила воли!

Однакожъ нътъ его!

Тъмъ лучше... ничего...

И до его прихода

Миъ полная свобода

Обдумать планъ моихъ аттакъ.

Начну съ того, что... (Думает») Чудная идея! Потомъ опять... другое... такъ...

Помучаю-жъ я милаго злодъя!

Идуть? Не онъ-ли? Върно онъ.

(Надъваетъ шляпку, которая лежала на столь, передъ диваномъ). Чуть въ двери — я ему поклонъ

И вонъ!

(Надъваетъ бурну, который висълъ на спинкъ одного изъ креселъ.)

II.

БАРОНЕССА и РЕЛЬСКІЙ входить.

Баронесса

А? это вы?

Рельскій.

Вы только изъ кареты?..

BAPOHECCA.

Нъть, ошибаетесь...

Рельскій.

Простите, виновать, Мнѣ показалось, вы одѣты...

BAPOHECCA.

Чтобъ выбхать ...

Рельскій.

Я невпопадъ?...

BAPOHECCA.

Конечно... я давно васъ жду... Насилу дождалась, зато теперь — иду...

Рельскій (быстро впадая во ръчь).

Пъшкомъ?

Баронесса (смыясь и ударяя на слово).

Иду.

Рельскій.

Гулять?

BAPOHECCA.

Къ одной знакомой...

Здёсь близко...

Рельскій (очень скоро). А? ея нъть дома.

Баронесса (смъясь).

Вы эгоисть.

Рельскій.

Нападки на меня,

Но васъ люблю я болъе себя,

И этого довольно...

BAPOHECCA.

Быть-можеть—да, а, можеть-быть, и нъть. Рельский.

Всегдашній, вѣчный вашъ отвѣть. И слышать мнѣ его, признаться, очень больно.

Баронесса.

Чтобы такихъ отвътовъ не слыхать Есть средство...

> Рельскій. Напримъръ? Баронесса.

> > Изъ вздора

Серьознаго о чувствахъ разговора Не начинать.

Однако миѣ пора; хотите — Садитесь, подождите Пока вернусь, а нъть — идите... Мнъ все-равно.

Рельскій.

Я это испыталъ давно, Но, впрочемъ, я рѣшаюсь на засаду...

Баронесса (смъясь).

Рѣшаетесь! съ досады!

Рельскій.

Нѣтъ, съ грусти и тоски. Не проводить-ли васъ?

EAPOHECCA.

Дойду одна, тегсі, не надо.

Рельскій.

Вернетесь скоро?

BAPOHECCA.

Черезъ часъ.

Рельскій.

Часъ, много времени...

Баронесса (смъясь). Часы иные — годы...

Такъ?

Рельскій.

Есть часы, которыхъ не забыть! Но жаль они измънчивы... какъ моды...

Баронесса (комически сантиментально.)

Поэтъ! Въ сей горькій часъ желаю вамъ слъдить За измъненіемъ погоды. (Просто). Прощайте...

Рельскій.

Буду здёсь грустить...

BAPOHECCA.

И грустно вдаль смотръть?

Рельскій.

И ждать, пока вернетесь.

DE BRIEFIE ON A SE

Баронесса

А если вы меня сегодня не дождетесь?

Рельскій.

Кому-же лучше знать, какъ вамъ, Что по наружности я очень хладнокровенъ, Въ словахъ, поступкахъ въчно ровенъ, Что я...

Баронесса (идя къ двери).

Довольно.. я словамъ, Вы знаете, не върю...

Рельскій (идя за нею).

Позвольте, я вамъ объясню...

BAPOHECCA.

Успъете... подите прочь отъ двери...

Рельскій.

Я въ оправданіе...

Баронесса (у двери).

Я развѣ васъ виню? Прощайте, до свиданья!.. (Скрывается, захлопывая дверь у самаго его нова).

MC AMMEDIANA MIII.

РЕЛЬСКІЙ одинь, отходя отъ двери.

Непостижимое созданье!
Мила какъ день, какъ бъсъ умна!
То точно Юлія съ Ромео, такъ нъжна,
То, какъ Лукреція вторая, неприступна!
У ней одна изъ тъхъ отверженныхъ натуръ,

Которымъ чувство недоступно,
Но лучше, чъмъ у тъхъ блестящихъ, свътскихъ дуръ,
Которыя съ ума на балахъ сводятъ,
Подъ грохотъ музыки, при заревъ свъчей,
Зато тоску наводятъ

Ничтожностью безжизненныхъ ръчей. Три мъсяца мы съ ней другъ друга аттакуемъ, И я, какъ ракъ, все всиять, все всиять...

День пропоемъ, ночь протанцуемъ,
Порой, какъ голубки, чувствительно воркуемъ,
Седьмое небо! Вдругъ-гроза и буря! глядь...

Какъ лютые враги поссорились опять.

Предъ ней, хоть у кого спросите, Вся опытность моя разбилась въ-прахъ и въ-пухъ, Я передъ ней и глупъ, и глухъ,

И слѣпъ, и слабъ, ну что хотите, Я передъ нею, просто, пасъ.

Холодность, думаль я, моя ее измучить: Прикидывался льдомь и пламенемь неразь,

И что-жъ? она-жъ меня всегда научитъ И говоритъ: «Не такъ, вы говорите вздоръ, «И не умъете еще кривить душою, «На сценъ жизненной вы преплохой актеръ,

«Такъ будьте-жъ искренны со мною!» Когда-же точно я, невольно роль забывъ, Ей декламировалъ, что сердце мнѣ внушало, Она сатирою мой пламенный порывъ, Какъ изъ ведра водой холодной обдавала.

Недаромъ въ нынѣшнемъ году Я видѣлъ на небѣ блестящую комету: Должно быть я пѣшкомъ отсюда не пойду,

Навърно подадутъ карету. Бывало, уходя, заглянешь ей въ глаза,

Глядишь — слеза...

Будъ камень, это озадачитъ!... Гранитъ,

> И тотъ заплачетъ, — А миъ и Богъ велитъ.

Голосъ за сценой-

Разбойницы!

Рельскій (всторону).

Никакъ бранятся?

H as mere your, one View test the He

РЕЛЬСКІЙ и БАРОНЕССА, одътая старухой ключницей, въ очкахъ и съ табакеркой.

Баронесса (входя, за сцену).

Негодныя! Баклуши въчно быоть! Оконъ не вымоютъ, половъ не подметутъ. Стънъ, просто, не стыдятся! Чулка порядочно связать Въдь ни одна-то не съумъеть дура!

Рельскій (всторону).

Что это за фигура?

BAPOHECCA.

Вотъ я вамъ дамъ!

Рельскій (всторону). Желалъ-бы я узнать,

Кто это здёсь кричить и по какому праву. Баронесса (за сцену).

Я мигомъ усмирю всю вашу кутерьму! Жаль только тихаго я слишкомъ нраву. Рельскій (всторону).

Да, видно по всему:

Тиха.

Баронесса (отходя и увидя его).

Негодныя! Ахъ, сударь, извините, Я не видала васъ: слъпа, отецъ, винюсь. Я, батюшка, по должности бранюсь.

Рельскій.

Похвально. Вы кого браните? BAPOHECCA.

Разбойницъ, батюшка, браню, Въдь я недаромъ экономка!

Все дѣлаю: варенье я варю, Чай наливаю я, провизью выдаю,

Арбузы, виноградъ и огурцы солю,

Все дълаю: браню, кричу и быю -Мой гръхъ. Во всемъ я скопидомка: Не выдамъ лишняго куска,

Все подъ ключемъ, — другихъ пусти-ка — Повыберутъ... своя рука, Недаромъ говорятъ, — владыка.

Рельскій.

Дивлюсь, кто разсердить васъ смъль, Баронесса.

> Вотъ черномазый-то пострълъ — Акулька — дъвка замарашка.

Умна не по лѣтамъ: Не сладишь. Мало-ли ихъ тамъ: Анисья, Өекла и Палашка, Лукерья, Дарья, да Наташка,

Татьяна, Ольга... а людей! мужчинъ! содомъ!
Анисимъ, Карпъ, Илья, Пахомъ,
Да кучеръ, да фалейторъ.
Да конюхъ, да белейторъ,

Да Алексъй Петровичъ, нашъ швейцаръ, Да поваръ Петръ Ильичъ, да этотъ, воръ-то, Мишка, Вотъ сорванецъ мальчишка!

Онъ, то есть, батюшка ты мой, ни то, ни сё, Такъ вотъ—когда куда посылка,

Подать, принять, туда, сюда, его на все...

А тоже носъ въдь поднимаетъ!

Вотъ ладь тутъ, сударь мой! Силъ, просто, не хватаетъ! Конечно я кричу... да что мой крикъ?

Въдь крикъ тогда великъ, Когда кричитъ мужчина:

Имъ надо дюжаго дътину! Навёлъ-бы страхъ! Со мной вст неглеже, Сказать вамъ по-французски.

Они все какъ хотятъ, а я бранюсь по-русски... А все моей-бы госпожъ

> Хоть мит въ подмогу Взять мужа надобно! Ей Богу! Рельский

Какъ это? Я не то, чтобъ глупъ, А несовсемъ васъ понимаю.

BAPOHECCA. MOROTON STEDNING

И умный человъкъ бываетъ часто тупъ: Я это, батюшка, порокомъ не считаю, Я воть что, сударь, говорю...

(Подчуя его табакомъ).

Прикажете? Рекомендую:

Съ духами, бергамотъ.

Рельскій.

Я лучше покурю (закуриваеть папиросу) И съ вами потолкую. (садится).

BAPOHECCA.

Подумаешь: глотають, что-же? дымъ! И тянуть это зелье.

Воть толи дёло мы: нюхнемъ, примёрно, (нюхаеть и чихаеть.) чимъ.

И польза, и веселье.

вером заправления Рельскій. В завер в повока в се

Вы говорили миб...

BAPOHECCA.

Что бишь такое? Да! Я вамъ скажу: куда какъ глупы господа! Рельскій.

Благодарю васъ...

BAPOHECCA.

Ничего-съ, не стоитъ.

Воть барыня... когда себя пристроить? А ужъ, по правдъ-то сказать, давно пора. Красива, молода, добра...

Рельскій.

Умна, остра, богата...

BAPOHECCA.

Вотъ въ томъ-то и бъда: Скоръй бъдна, да больно таровата. Да, батюшка ты мой, да, да. Пословицу, я чай, ты, сударь, знаешь: Хвастливаго съ богатымъ не спознаешь.

Рельскій.

Она одна душей, довольно для нея.

Баронесса.

Да еслибъ не стараніе мое, Да экономія, скажу вамъ по секрету, Все прахомъ-бы прошло: запуталась въ долгахъ.

И долго-ли: карета не карета...

Все ни почёмъ! Все на словахъ — И ничего на дѣлѣ:
Семь пятницъ на недѣлѣ.
Но, по словамъ людей,
Должно быть, что у ней

Теперь есть женишекъ — богатый старичишка. Ну что-жъ? — умретъ оставитъ сундучишко.

Рельскій.

Старуха! ты не врешь?

Баронесса.

Да съ мъста не сойти! Сквозь землю провалиться! Ужъ сами вы на ней не думали-ль жениться?

Рельскій.

Положимъ, думалъ, ну такъ что-жъ?

BAPOHECCA.

Нѣть, вы послушайтесь совѣта, Вы пожалѣйте головы:

Она и въ долгъ живетъ, она и въ долгъ одъта; Объ ней всъ этакой молвы.

Рельскій.

Пусть вст, я втрю вполовину... Баронесса.

А вы, сударь, позвольте васъ спросить, Богаты?

Рельскій.

Службой можно жить.

Вотъ что? Ну, не могите насъ любить,

Нътъ, мы зимой ъдимъ малину,
А лътомъ персики ъдимъ.
Намъ нужно, батюшка, самимъ

Не вздохи и любовь, а что-нибудь почище —

Монету звонкую, а то нашъ кошелекъ На что, быль, кажется, глубокъ, А все повытаскаль усатый нашъ хватище. измери им абоб Рельскій, области забажникаци, выб

Кто? что?

BAPOHECCA.

Да яко-бы нашъ братъ.

Какой такой?

BAPOHECCA.

Худой и невысокій, Красавець, смуглый, черноокій,

Косматый; видишь левъ, всв люди говорять, Да вздоръ! Левъ звърь лъсныхъ вертеновъ,

А нашъ такой ручной; фамилія Бешметовъ. Что за глаза! Ну, такъ воть и блестять!

Чиналичной на Рельскій, оп мов до на наков чана

Довольно, старая.

BAPOHECCA.

Ну, право!

Я чай увидите его когда-нибудь. Живаго очень нрава, А любить выпить и кутнуть.

Рельскій.

Послушай, баба,

Моя метода такова: Что на словахъ, то слабо, И все, что говорить молва,

То я торжественно, публично отвергаю; Я доказательства иначе понимаю: Но если ты лгала, и это я узнаю, То будеть-ли твоя пустая голова

Цёла, никакъ не отвёчаю.

(Горячась). Какъ смъешь ты ее чернить? Названье экономки носишь,

> Имбешь отъ нея всв средства славно жить, И ты-жъ ее безжалостно поносишь!

Съ какою цёлію, меня въ глаза не знавъ, На первый разъ несешь такую ахинею,

И, можетъ-быть, безъ всякихъ даже правъ

Въ Венеры рядишь Галатею?

Она, холодная ко всемь и ко всему,

Способна-ли... (мъняя сердитый тонъ на натуральный) Ты сплетница такая,

Которой равная, по мнѣнью моему На свътъ врядъ-ли есть другая.

BAPOHECCA (всторону.)

Собой и имъ довольна я Для перваго дебюта.

(Ему.) Напрасно вы конфузите меня:

Я нашего роденьку плута Пришлю сюда. Закладъ держу: Онъ удаль вамъ свою покажетъ.

А въ карты дуется-такъ я вамъ доложу,

Бъда! Чуть сядетъ съ къмъ-накажетъ...

Случалось, впрочемъ, что и на него найдетъ,

Въдь всякое бываетъ:

Глядишь, молодчика другой и подорветь; Бывало въ вечеръ онъ пять тысячь проиграеть!

Рвиьскій.

Какъ? серебромъ?

BAPOHECCA.

Иначе вто-жъ считаетъ?

-abinipios ell

Да что и говорить! Вотъ вамъ моя рука,

Что продадуть все съ молотка.

Рельский.

Возможно-ль, чтобъ она его любила?

BAPOHECCA:

Да въ этомъ-то и сила! Вотъ я въ ея года Была красива, молода, Бывало полюблю какого — Ну, кончено, бъда —

Не надобно другаго!

А я, признаться вамъ сказать, Любила въ жизнь свою разъ пять: Одинъ былъ, знаете, прикащикъ...

Рельскій.

Избавь! На что мит это знать?

Баронесса (не слушая его).

Такой смъшной: хвастунъ, разскащикъ... Другой былъ баринъ молодой Такой-же, сударь, звърь косматый,

Сказаль мив — холостой, А вышло, что женатый. Воть третій быль нетакъ-то миль,

Совсѣмъ другаго сорта, И онъ, злодѣй, меня еще любилъ— Да приглянулся мнѣ четвертый.

> Былъ парень славный, но хитеръ, Лукавымъ, знать, я соблазнилась:

Разбойникъ былъ ахтеръ!

Раскаядась и въ пятаго влюбилась,
Да не быда сама уже въ такой красъ,
И за покойника, былъ тоже волокита,
За кучера я вышла, за Никиту.

Рельскій.

Да кончишь-ли?

Баронесса (смъясь.) Всъ, батюшка, туть всъ. Рельскій.

Тебѣ забавно?

Но погоди, дай барынъ нридти, Я разскажу ей, какъ ты славно Изволишь про нее здъсь кружево плести.

BAPOHECCA.

Не въ первый разъ напраслину снести! Однако посмотръть, все-ль тамъ у нихъ исправно. Я изъ усердья моего

Сказала вамъ, лицо мив ваше приглянулось: Я васъ люблю — и больше ничего!

Рельскій.

Послушай, женщина! Ты, кажется, рехнулась. Въ ея глазахъ еще могу я быть смѣшнымъ, Но право, побожуся

Быть у тебя, въ числѣ твоихъ побѣдъ, шестымъ Я совершенно негожуся.

BAPOHECCA.

И точно; я шучу: вы баринъ молодой — Мнѣ-жъ, люди говорятъ, шестой пошелъ десятокъ. Врутъ; я считаю такъ: мнѣ сорокъ шесть, седьмой, И посмотрѣть, такъ съ головы до пятокъ,

Не женщина — король!

А еслибъ у меня да не было недуга, У! у! Вотъ какъ стянуся туго! Подъ ложечкой такая боль,

> Что, просто, нѣту мочи. Бываетъ сряду двѣ, три ночи, Хоть ты что хочешь, не уснешь;

А все отъ должности проклятой, отъ мытарства! Рельскій (начиная сердиться).

> Послушай, скоро ты уйдешь? Баронесса.

Отъ боли этакой не знаете-ль лекарства? Рельскій.

Хоть я къ терпънію привыкъ, Но, слушай, старая! ты, просто, нестерпима! Баронесса (съ удивленіемъ).

Я-съ?

Рельскій.

У тебя болить языкъ,
И эта боль неизлечима!
Ступай, поди тамъ въ дѣвичьей бранись,
Бей, сплетничай, распоряжайся,
Но барыню чернить при мнѣ остерегись.—
Баронесса

Еще я вамъ скажу...

Рельскій (горячо). Довольно, убирайся!

Баронесса

Иду. Прилично-ль такъ кричать? Что я вамъ кръпостная?

Рельскій.

Терпънье лопнуло, нътъ больше силъ молчать! (Громко). Вонъ! Сплетница ехидная и злая!

Баронесса (притворяясь обиженной).

Такъ? Хорошо-жъ! Ну, я-жъ-те покажу,

Что говорила дъло.

Рельскій (вить себя).

Вонъ сплетница! пока въ окно не полетъла!

Баронесса (продолжая притворно сердиться).

И въ дверь уйду!

Рельскій.

Живой рукою...

BAPOHECCA.

Ухожу!..

Вишь разскричался, разсходился! Дай срокь: она тебя поддънеть на фуфу!... Опомнишься тогда: Ахъ! поздно спохватился! И ништо! Да! А мнъ что? Мнъ все тьфу! (Быстро уходить въ боковую дверь).

V

РЕЛЬСКІЙ одинь, ходить въ волненіи.

Не женщина, а демонъ — духъ изгнанья! Не даромъ я ее прогналъ. Ну, право, я подобнаго созданья Минуты-бъ въ домъ не держалъ.

(Начиная успокоиваться).

Однако, если взвъсить строго
Весь этой въдьмы разговоръ,
Въ немъ вздору было очень много,
Но, чортъ возьми, не все-жъ въ немъ было вздоръ!
И если въ томъ, что мнъ она сказала,
Хоть вполовину правды есть,

(Съ чувствомъ). То это дълаетъ ей честь. (Миновенно мъняетъ нъжный тонъ на ръшительный).

> Не можетъ быть! она ее оклеветала! Положимъ, что она

Въ долгахъ запуталась, почти раззорена,
Отъ женскаго плохаго управленья...
Но что ея преступно поведенье,

Что связь постыдную ей приписать хотять, Что есть у ней какой-то хвать

Породы долгогривой,
То это слухъ несправедливый,
И я готовъ стоять горой,
Готовъ отвътить головой
И присягнуть, что это ложно!

(Ходить въ волненіи по комнать, и посль молчанія).

А впрочемъ все бываетъ! Все возможно! (Опять ходить, и посль молчанія).

Старуха вреть. Не върю. Это вздоръ!

VI

РЕЛЬСКІЙ и БАРОНЕССА, одътая мужчиной. На ней длинный до полу, сшитый съ таліей, богатый халать. На головъ бархатная ермолка. Усы и бакенбарды. Въ рукъ длинный чубукъ.

Баронесса (въ кулису). Нейди за мной! Кушъ тамъ! Кушъ, кушъ, Трезоръ! Рельскій (увидя баронессу). Что это? Наше мъсто свято!

Мужчина? Здъсь? У ней? Въ халать?

Баронесса (зъвая и потягиваясь).

Какъ скучно, чортъ возьми, и голова болить! Все отъ вчерашней перепойки...

Рельскій (всторону).

Ну, видно, старая-то правду говорить!

BAPOHECCA.

Чтобъ голова прошла, не выпить-ли настойки?
А славный быль вчера кутежь!
Люблю васъ смуглыя цыганки!

Хоть дорого вы стоите, ну, что-жъ?
Люблю и квитъ! Не състь-ли въ санки,
Не съъздить-ли! Куда-бы? Хоть въ Пассажъ.
Пассажъ пріютъ бездомнаго гуляки!
Тамъ нъжимъ мы разсъянную блажь...

Жаль не позволено водить съ собой собаки. (громко.) Ей!.. (увидя Рельскаго.) Ба! ба! ба! Какими чудесами Попали вы сюда?

Рельскій.

Такими-жъ, какъ и вы.

Баронесса.

Есть разница, однако-жъ, между нами. Вы не пріъзжій-ли изъ города Москвы?
О, москвичи — сыны природы!
Самодовольствіе написано въ глазахъ

И острота въ прическъ и усахъ.

У нихъ свои законы моды,
Всъ лезутъ въ знать и въ богачи,
И объясняются свободно.
Одно въ Москвъ что безподобно
Такъ это: калачи...

Блины, ватрушки, куличи!

Рельскій.

Ошиблись, здъшній я... а вы, вы житель сельскій? Баронесса.

Живу гдъ велселей на мнъ, покамъстъ, нътъ: (кланяясь.) Бешметовъ, отставной корнетъ. А вы...

Рельскій.

Я Рельскій.

Баронесса.

Позвольте, я объ васъ слыхалъ

И очень встрътить васъ желалъ:

Мнъ говорила Баронесса...

Рельский (перебивая).

Я, точно, часто здъсь бывалъ...

И съ видами, я знаю, интереса, Что не похвально, а умно.

Рельскій.

Я васъ не понимаю.

BAPOHECCA.

Не думаю. Понять немудрено.
Вы любите-ль мою сестрицу, я не знаю,
Но за одно ручаюсь головой,
Что хочется вамъ страхъ назвать ее женой.

Вы дали промахъ:

Плънились внъшностью, наружный блескъ увлекъ? А въ блескъ, безъ котлетъ, скажите есть-ли прокъ? Любовь читаемъ мы въ романахъ, да альбомахъ, А въ жизви, про запасъ, на пасмурные дни

Деньжонки надобны одни.

Какъ счастье, такъ и все непрочно! Обманчивы, какъ слезы, иногда Бываютъ рублики и льются, какъ вода. Не все то хорошо, что съ виду непорочно; Безъ философіи бъда!

Рельскій.

Признаться, я при первой встрѣчѣ
Не ждаль отъ васъ подобной рѣчи,
И какъ теперь, позвольте васъ спросить
Объ васъ прикажете судить,
Когда, безъ всякихъ предисловій,
Сестру свою при мнѣ рѣшаетесь чернить?
Баронесса.

Судите обо мнѣ, какъ о врагѣ условій, Которыми такъ полонъ модный свѣтъ. Я врагъ притворства, лжи и лести, Кутила, мотъ, философъ и поэтъ.

Рельскій.

Но вы почти ея коснулись чести? Баронесса.

Да такъ, для краснаго словца Не пожалълъ-бы я, признаться, и отца, Нетолько что дальнвишую сестрицу.

Ее нельзя мнв, впрочемь, не любить:
Нетолько что умветь жить,
И проживаться мастерица.
Я поввсть грустную свою
Вамъ на веселый ладъ спою:

Учился я, но очень быль бездарень; Французовь, нъмцевь всъхъ прогнали со двора; Опекунамъ я быль за то такъ благодаренъ, Что съ радости пошель въ уланы, въ юнкера,

И въ восемнадцать лътъ сталъ баринъ, Владътель тысячи незаложенныхъ душъ! Вотъ наконецъ мнъ дали эполеты!

Обыкновенно въ эти лѣта
Ногъ подъ собой не слышатъ всѣ корнеты.
Я былъ хорошъ, влюбленъ, да и къ тому-жъ
Любилъ кутнуть и поиграть въ картишки —
Не все-жъ выигрывать? Разстроились дѣлишки:
Имѣнье принужденъ былъ даже заложить,

Чтобы долги скорве унлатить.

Вотъ правду говорятъ, признаться, Люби кататься, Люби и саночки возить.

Короче: какъ случилось,
Что день за днемъ
Имѣнье меньше становилось,
И я, однажды, не при чемъ
Остался, объяснить никакъ я не умѣю,
Но истинно, пожалуй, побожусь

Что я ни гроша не имѣю, На кредиторовъ я пошлюсь.

Какъ просьбы ихъ ни сладки,
Съ меня имъ взятки гладки!
Живу чужимъ и на чужомъ,
Съ сестрицей раздъляю домъ,
Ъмъ, пью, кучу на счетъ ея, и даже
Въ ея я ъзжу экипажъ.

Рельскій.

И вамъ не совъстно?

BAPOHECCA.

Къ-чему?

Съ родными что за счеты.

Рельскій.

Но я дивлюся одному:

Ей разоряться въ васъ какая-же охота?

BAPOHECCA.

По чувству...

Рельскій.

Какъ? Она васъ любитъ? Васъ?

Неужели она могла такъ лицемърить?
Когда, недалъе тому назадъ, какъ часъ,
Я окончательно хотълъ ей чувство ввърить,
Которое въ душъ упорно хоронилъ,
Она, которую я такъ давно любилъ,

Такъ безкорыстно, такъ глубоко!
Зачъмъ-же было завлекать?
Возможность счастья показать.

Свести съ ума, и вдругъ, отнять ее жестоко!!.. (Садится въ кресло, закрывая лицо руками.)

Баронесса (всторону.)

Любима. Роль окончена моя.

(*Ему*). Послушайте; сказать по правдѣ, съ баронессой Мы дружны, очень хороши...

Но это-ли любовь? Я молодъ, я повъса... Она добра...

Рельскій.

Нътъ доброты души Надъ чувствомъ искреннимъ смъяться!

Охота-жъ вамъ въ нее влюбляться?
Во всякомъ случав за вами ей не быть.
Какъ родственникъ, я свадьбы не нозволю.
Мънять свободу на неволю
Какая ей охота? Надо жить

Пока есть кое-что, а если будеть хуже,

Не хватить средствъ, подумаемъ о мужъ.

Чтобъ мужъ былъ форменный, съ набитымъ кошелькомъ,

Чтобъ рослый, видный былъ дътина,

А до-тъхъ-поръ пока сподручнаго найдемъ—

Кути малина!

Рельскій.

Какія правила!

BAPOHECCA.

Въ нашъ вѣкъ Съ иными мыслями погибнетъ человѣкъ! Теперь нетолько всѣ, но даже и поэты Ужъ не любовь поютъ— ломбардные билеты.

Однако мнѣ пора, Иначе никогда не кончимъ разговора. Уъду и adieu, до завтра, до утра...

Который чась? (взглянувъ). Пора кормить Трезора. (Быстро уходить и запираеть за собою боковую дверь. Рельскій поднимаеть голову).

(Homoretic en cruste a VIII e il ner un mond)

РЕЛЬСКІЙ, одинъ, послъ молчанія.

Ушелъ. Чего-жъ еще мнв ожидать? Скорве надо шляпу брать И навсегда отсюда убираться. (Быстро взявъ шляпу, идетъ къ главной двери, но останавливается.)

> Однакожъ... (медленно возвращается) Надобно сознаться,

Что къ старой ключницѣ я былъ несправедливъ: Я рыцарскій ея восторженный порывъ

Меня спасти отъ вътренной кокетки
За злую сплетню счелъ. О! нътъ, она добра!
Такія женщины на свъть очень ръдки!

Не спорю я, она стара, Имъетъ ръзкія замашки, Предъ ней трепещуть всъ Өеклушки и Наташки, Однакоже не менъе того, Когда спасти кого,

Какъ христіанкъ, ей, случайно удается — Тутъ сердце и душа ея лишь познается.

(Обращаясь съ чувствомъ къ той двери, въ которую ушла Баронесса, переодътая старухой.)

> Почтенный другъ, прости меня! Забудь-поступокъ мой суровый! Ее ужъ не увижу больше я,

А тобъ даль съ радостью цълковый. -

(Подумавт). Вотъ благодарностью увлекся я опять, - Какъ баронессой увлекался...

Нътъ! кончено! Уйду! (идетъ.) Зачъть ее мнъ ждать? Ей скажуть: «Быль, вась ждаль и не дождался.»

А завтра поутру письмомъ.

Я попрошу по пунктамъ объясненья.

(Доходить до самой двери, но подумавь, быстро возвращается).

Нътъ, чортъ возьми, дождуся и потомъ Самъ уличу ее въ преступномъ поведеньи!

(Въ сильномъ волнении ходить по комнать).

Всю повъсть грустную ея ей пропою!

(Продолжаеть ходить, и послы молчанія.) Проступки, коль на то пошло, умножу!

Я красноръчемъ моимъ ее убыю, Иль хладнокровьемъ уничтожу.

Нътъ, къ сценамъ прибъгать не надо; для чего? Пускай она пойметь, какъ я великодушенъ. Прикинусь, будто я не знаю ничего

И буду очень равнодушенъ.

(Вспыхнувъ.) А съ этимъ братцемъ у меня Дойдетъ навърно до дуэли!

Идутъ! Она? Я весь дрожу...

VIII.

РЕЛЬСКІЙ и БАРОНЕССА входить въ главную дверь, въ домашнемъ туалетъ, въ которомъ была въ первомъ явленін, въ той-же шлянкъ и томъ-же бурнусъ.

BAPOHECCA.

Ну, вотъ и я.

(Сбрасываеть бурнусь на первое кръсло.) Соскучились? Одни сидъли.

> Рельскій (въ сильном волненіи, ходя по комнать большими шагами.)

Я? Нътъ, сидълъ я не одинъ.

Баронесса (снимая шляпку.)

Вотъ? Съ къмъ-же?

Рельский.

Были липа:

Одинъ, вамъ коротко знакомый господинъ, Другая, женщина — и горлица, и львица.

Да, этоть ангель мив открыль,

Что та, кого я такъ любилъ

Кому-бы отдалъ жизнь и честь безъ размышленья,

Была достойна одного...

Я не скажу: презрънья,

А около того. Что къ этой женщинъ стучится

И въ двери ломится нужда,

Такъ это не бъда,

Нельзя предвидёть, что случится,

Но что у ней живеть на хльбахъ брать,

Что онъ ее безщадно объбдаетъ,

Что онъ, надъвъ ермолку и халатъ,

При постороннихъ такъ въ гостиную вбъгаетъ,

Вотъ что бросается въ глаза.

(Взглянувъ на Баронессу и увидя, что она смпется, говорить съ упрекомъ.)

Васъ это радуетъ, васъ это забавляетъ...

А у меня въ глазахъ слеза

И грудь тоска и злость сжимаетъ.

(Быстро утираеть набъжавшую слезу. Баронесса хочеть говорить, но онь очень скоро продолжаеть.)

Положимъ, ничего преступнаго тутъ нѣтъ, Вы оправдаетесь легко передо мною,

> Но чёмь вы убёдите свёть, Который дышеть клеветою? Чёмь вы уймете языки, Насмёшки, колкости и толки? Повёрьте, свётскихъ львовъ клыки, Хоть наподобіе иголки, Едва чувствительно язвять, Но въ этихъ язвахъ желчь, какъ ядъ,

Слъды глубокіе надолго оставляеть! Любовь и дружба все прощають Свътъ не прощаеть ничего!

Баронесса (всторону.)

Мит жаль его,

Пора окончить испытанье. (Ему.) Послушайте, я вамъ скажу одно: Вы плачете почти... а мнъ смъшно.

Рельскій.

Да, плачу я въ душъ, изъ состраданья, И удивляюся...

BAPOHECCA.

Чему?

Что я смѣюсь и даже не краснѣю? Но это только потому, Что я играть комедію умѣю.

Рельскій (съ насмышкой, нысколько

3.1010.)

О! разумъется! Безспорно, вы таланть!

BAPOHECCA.

Его вы судите довольно зло и сухо. Отчаянный и полутрезвый франть, Брюзгливая, сердитая старуха — Моя идея, мой капризъ, Сценическій этюдъ, комическій эскизъ Въ лицъ моемъ актеръ и авторъ передъ вами... (Низко и граціозно присъдаеть).

Реньскій (пораженный)

Такъ это были вы? Вы сами?

Баронесса (съ удивленіемъ смотря на него.)

Сама.

Рельскій (еще сильные.)

Вы? Дайте отдохнуть!

(Минута молчанія. На лиць Рельскаго замьтна внутренняя борьба. Баронесса смотрить на него съ удивленіемь. Онъ проводить рукой по волосамь, и глубоко вздожнувь, начинаеть дрожащимь оть волненія голосомь монологь, къ концу котораго постепенно успокоивается, и кончаеть его просто и холодно).

Напрасно! Вы избрали ложный путь;
Зачёмъ не скрыли вы таланта
Старуху представлять и молодаго франта?
Чтобы меня въ мужья завербовать
Не нужно было маскарада,

Въдь жизнь и безъ того, позвольте вамъ сказать, Мудреная шарада!

Чтобъ чистоту моихъ намъреній узнать
Къ чему изъ штофныхъ стънъ создать на мигъ кулисы.
И къ средствамъ прибъгать изношеннымъ актрисы?
(Молчаніе. Она хочеть говорить, онъ перебиваеть.)

Что, если вы отъ этихъ двухъ ролей
Комическихъ, да въ драму перейдете?
Тогда сочувствія ни въ чьей
Душѣ вы, вѣрно, не найдете!
Сейчасъ я былъ, не правда-ли, смѣшонъ,
Какъ человѣкъ весьма недальній,
Но вы за то, я въ этомъ убѣжденъ,
Вы были просто геніальны.
Глубоко вами я, душевно оскорбленъ,

И то сердечное въ любви моей признанье, Которое не разъ срывалось съ языка, Я васъ прошу забыть, какъ я забылъ пока Всъ ваши переодъванья.

(Отходить и береть шляпу. Баронесса, молча, склоняеть голову. Онь возвращается.)

Я васъ любилъ и уважалъ,
Изъ жизни-жъ никогда создать я не желалъ
Рядъ театральныхъ представленій.
Я по себъ ни слезъ, ни сожальній
Не думаю оставить; и къ чему
Жальть о томъ, надъ къмъ смъялись,

Надъ чымъ страданіемь такъ явно издѣвались. (Закрываеть лицо платкомь. Баронесса, склоня голову, дрожащимь голосомь, сь глазами, полными слезь, едва говорить.)

BAPOHECCA.

Но... Рельскій... слушайте меня... Въ слезахъ и голову склоня, Могу-ль любовью оправдаться?

Репьскій (принужденно смінясь.)

Оригинальная любовь:
По каплъ выпустить всю кровь
И трупу въ нъжности признаться!
Но будеть, будеть!.. Върьте мнъ—
Чтобъ счастіе найти вполнъ,

Не надо измѣняться.

Быть и казаться

Двъ вещи. Да. И безъ бълилъ и безъ румянъ Всъ носятъ свътскую личину.

Но чтобъ завлечь и побъдить мужчину Естественность нужна, (кланяется) а не обманъ! (Быстро и не оглядываясь уходить въ главную дверь. Баронесса поднимаеть голову и долго, молча, смотрить ему вслыдъ.)

BAPOHECCA.

Онъ правъ: я очень виновата! (Утираеть слезы и глубоко вздохнувъ.)

Лжинться Рельскаго — утрата.

(Аплаеть ныжолько шаговь по сцень, и потомь, пожавь плечами, обращеется кь публикь).

Но, впрочемъ, кто-жъ изъ насъ, здѣсь, роли не игралъ? Кто, переполненный умомъ и знаньемъ, На свѣтской сценъ не встръчалъ

. Minskaid Praega "tkhysin bayser" men

And the tradestruction of the second control of the second control

Afternity and set piersons and

the department of the state of the adoption of

(o remain district the property of the contents

installangum kallakangan hilika antan 19

Someony and A see.

На свътской сценъ не встръчалъ Комедій съ переодъваньемъ.

COBPEMENHOE.

Литература: Исторія одного индъйскаго мудреца. (Съ санскритскаго). — Госножа де-Жпрардень. (Дельфина Ге). — Театры, музыка, искусства: Полусвъть (Le Demi-Monde). — Камен. Открытія въ наукахъ и промышлености: О приготовленіи искусственныхъ драгоцънныхъ камней. — О пожарахъ въ Лондонъ въ 1851 году. — О приготовленіи розоваго масла въ балканахъ. — Мелкія повъсти и разсказы: Жазэдь разсказъ изъ луизитанской жизни. Герстэккера.

І. ЛИТЕРАТУРА.

Исторія одного видъйскаго мудреца. Съ санскритскаго. Санскритская литература, чрезвычайно богатая, намъ еще мало знакома. По этому мы очень рады, что можемъ здёсь помъстить образчикъ индійской сказки, переведенный однимъ французскимъ филологомъ. Русскій переводъ почти подстрочный.

Въ Чина-Патнамъ жилъ одинъ индъецъ, по имени Арзебъ, который слылъ за человъка добродътельнаго. Правда, онъ забывалъ иногда перебрать всъ зерна своихъ четокъ, но никогда не забывалъ помочь бъдняку. На смертномъ одръ, Арзебъ имълъ слабость пожалъть о жизни, хотя и надъялся, что его ожидаетъ мъсто въ садахъ Манданы. Онъ сдълалъ воззваніе къ богинъ Сурсуте, второй женъ Вишну, и Сурсуте явилась къ нему верхомъ на любимомъ своемъ тигръ, держа въ рукъ вътку манговаго дерева.

- О, мудрая богиня! вскричалъ Арзебъ, окажи великую милость твоему ревностивишему поклоннику!
 - Какую? спросила богиня.
 - Продли мив жизнь на десять летъ.
- Нельзя, мой сынъ! отвъчала Сурсуте, твои дни сочтены. Ты долженъ умереть, когда первый лучь солнца заблеститъ на пагодъ Виллакармійской; смотри на небо, разсвътъ уже близокъ.

- Дай мит хоть десять дней! сказаль умоляющимъ голосомъ
 Арзебъ.
- Могу дать теб'в только одинъ день, отв'вчала богиня, потомучто этимъ не нарушится ходъ вселенной. Даю теб'в день, потомучто ты былъ добръ и благоразуменъ. Но помни, въ конц'в дня ты долженъ придти сюда и умереть.

И Сурсуте изчезла.

Арзебъ, который чувствовалъ себя при послъднемъ издыханіи, тихонько всталъ, одълся, совершилъ обычное омовеніе, и сказалъ:—Вотъ начинается для меня новая жизнь, воспользуемся и не станемъ понапрасну тратить время.

Онъ встрътилъ брамина, который ему сказаль:

— Арзебъ, пиши исторію Ауренга, славнаго основателя Маратской имперін; я дамъ тебъ поле съ бетелемъ, чатирамъ съ пальмовой рощей и шесть унцій золота. — Жизнь коротка, отвъчалъ Арзебъ, мнъ некогда писать исторіи, хочу жить, позволь мнъ идти.

Отецъ семейства, имъвшій девять дочерей красавицъ, золотистаго цвъта, сказалъ Арзебу: — Хочешь, отдамъ за тебя младшую дочь, съ придачею двухъ слоновъ.

— Некогда мит думать о женитьбт, надо молиться богу; что же касается до твоихъ двухъ слоновъ, они были-бы мит въ тягость; моя собственная жизнь довольно тяжела и безъ этой новой заботы.

Отецъ семейства, оскорбленный отказомъ, приложиль большой палецъ къ носу и пошевелилъ остальными: въ Индіп это кровавая обида. Арзебъ сказалъ:—Жизнь коротка, мий некогда мстить.

Одинъ ученый сказалъ: — Мудрый Арзебъ, брамины Чина-Патнамы приглашають тебя провести двъ недъли съ ними въ черной храминъ, для открытія причины затмъній и составленія книги. Арзебъ отвъчалъ: — Что мнъ за дъло до причинъ затмъній! Я не хочу жить для нихъ въ заперти. Когда умру, и безъ того придется лежать между четырьмя стънами. Позволь мнъ подышать нагорнымъ воздухомъ и полюбоваться голубымъ небомъ. — Но, прибавилъ браминъ, ты останешься неучемъ всю жизнь! — Небольшая бъда, отвъчалъ Арзебъ, я долженъ умереть завтра, а послъзавтра и тебъ и другимъ туда-же дорога.

Арзебъ потеряль четверть часа на эти отвёты и не могъ утёшиться.—Какъ время дорого! говориль онъ самъ себъ. Каждая секунда не есть-ли неоцёненный перлъ, падающій изъ рукъ моихъ въ глубину ръки Трипликама, а у меня ужъ немного остается этихъ жемчужинъ.

И онъ шелъ скорыми шагами по долинъ Чультри, простирающейся отъ Армянскаго-моста до предмъстья Чина-Патнамы и подземныхъ хра-

мовъ элорскихъ. Арзебъ бѣжалъ, какъ человѣкъ, занятый дѣломъ или жаждущій удовольствія, между-тѣмъ, какъ не думалъ ни о томъ, ни о другомъ. Онъ искалъ только срествъ, какъ-бы получше истратить перлы своей краткой жизни, и не зналъ, кому и на что ихъ отдать. Онъ сѣлъ, чтобъ пораздумать, между двумя кустарниками желтыхъ тюльпановъ, и вскорѣ сталъ жалѣть о времени, потерянномъ на размышленіе: Великій Сива! воскликнулъ онъ, ударяя себя по бѣлой чертѣ, проведенной на лбу,—отличительный знакъ поклонниковъ этого идола,—великій Сива, научи меня, какъ лучше провести остатокъ дня!

Арзебъ всталь и увидълъ на другомъ берегу ръки прекрасный чатирамъ съ сандальными колоннами; изъ него неслись звонкіе голоса браминокъ, воспъвающихъ битву Раваны съ Рамою. Молоденькія пъвицы называли его по имени и манили къ себъ знаками. Арзебъ подумалъ: я потеряю много времени на то, чтобъ переплыть эту ръку, и потомъ долженъ буду кончить жизнь въ сообществъ браминокъ, которыя, какъ и всъ женщины въ Чина-Патнамъ, болье объщаютъ, чъмъ исполняютъ, и Арзебъ оставилъ браминокъ. Тутъ онъ встрътилъ Іемизара, который ему сказалъ:—Арзебъ, если ты хочешь пить и ъсть, ступай въ мою хижину, тамъ, предъ каскадомъ Элора, я угощу тебя блюдомъ пеомеропса, медвъжьимъ окорокомъ и напою чуднымъ вампи.

— Развѣ ты принимаешь меня за дурака? отвѣчалъ Арзебъ. Неужели ты думаешь, что я стану тратить время на отягощеніе головы и желудка? Вотъ идетъ бѣдный бередже, онъ голоденъ, наной и накорми его, вмѣсто меня, и вотъ тебѣ унція золота.

Двъ баядерки и странствующій пъвець съ мандолиной, видя великодушіе Арзеба, подошли къ нему и попросили унцію золота, предлагая плясать и пъть знаменитую пдиллію «о любви Кришны, индъйскаго Аполлона, съ Радою.»

Арзебъ далъ унцію золота и сказалъ баядеркамъ, что любовь Кришны оплодотворила всю Индію, но разсказъ о ней слишкомъ длиненъ, чтобъ слушать его тому, кто сбирается умирать.

Однакожъ Арзебъ замѣтилъ, что, отказывая всѣмъ предложеніямъ, онъ издерживаетъ болѣе времени, чѣмъ сколько употребилъ-бы на какое-нибудь удовольствіе. Ожиданіе близкой смерти вытѣсняло изъ головы его всѣ мысли, и онъ не находилъ въ сердцѣ своемъ никакого желанія.

На второмъ часу новой своей жизни Арзебъ умиралъ со скуки. Брама! вскричалъ онъ, продолжительно зъвая, о Брама! какъ жизнь тягостна и длинна!

Послъ этого восклицанія, онъ дошель до храма Тен-Таули, имъюща-

4 Смъсь.

го два портика и почитаемаго за чудо изъ чудесъ элорскихъ. Онъ съль на хвостъ обезьяны, подъ тънію быка Нанди, высъченнаго изъ гранитной скалы, и отъ нечего дълать сталь грызть оръхи бетеля. Взглянувъ на небо, Арзебъ замътилъ, что ему остается еще двадцать часовъ странствованія по землъ, пока не прикоснется къ лбу его черный Яма, богъ погребенія.

Тогда онъ употребилъ средство, къ которому прибъгаютъ одолъваемые скукою:—онъ растянулся на пескъ и заснулъ.

Арзебъ видёлъ чудный сонъ. Онъ видёлъ Рудру, бога смерти, отворившаго ему голубыя двери въ прекрасный дворецъ, называемый Капласа, котораго портики, сложенные изъ драгоценныхъ камией, вели въ садъ Манданы, наполненный баядерками. Тутъ могущественный Сива сказалъ ему:-«Арзебъ, ты былъ справедливъ и я тебя награжу. Я дълаю тебя королемъ Мальдивскимъ, у тебя будетъ двънадцать тысячь гротовъ изъ жемчуга и коралловъ, и въ каждомъ гротъ будетъ по дъвъ, прекрасной, какъ Латми, богиня удовольствія. Эти дівы будуть твоими женами, и твой гаремъ будетъ лучше гарема великаго основателя Маратской имперіи.» — Арзебъ во сив спустился съ небеснаго да по золотой и индиговой л'встниц'в, и когда достигнулъ до воздушной области, увидълъ свое царство, походившее на двънадцать тысячь морскихъ раковинъ, остненныхъ пальмовыми листьями. Достигая до Мальдивы, ему казалось, что океанъ услаждаетъ его небесной симфоніей, раздъляясь на двінадцать тысячь лазурных потоковъ, прорізывающихъ Мальдиву. Арзебъ съ легкостью, которую можно имъть только во сив, перепрыгиваль съ острова на островъ, и при каждомъ прыжкъ ему видитлись между пальмовыми листьями два черные глаза, черные, какъ смоль, волнующеся локоны и золотистое личико, напоминающее прекрасную богиню Разу. Сны своими обаяніями заставляють нась терять сознаніе времени и пространства, по этому, когда Арзебъ проснулся, ему казалось, что протекли многіе годы счастія между этими двінадцатью тысячами дівь, на ложахь изь жемгуча, аморы и коралловь.

Но вскоръ Арзебъ пришелъ въ себя и понялъ бъдственную существенность, находясь подъ тъню быка Нанди, предъ храмомъ Элорскимъ. По его астрономическимъ вычисленіямъ, онъ проспалъ восемь часовъ, и еслибъ не укусилъ его въ пятку проклятый ужъ, онъ блаженствовалъ-бы еще многіе годы на фантастическихъ островахъ Мальзивскихъ. Арзебъ вздохнулъ и подумалъ: — мнъ остается теперь жить двънадцать часовъ и я клянусь Пуда-Сурой, что не знаю, какъ лучше употребить мое существованіе. Предо мною точно двънадцать стольтій, и еслибъ я не былъ усерднымъ поклонникомъ Сивы, я бросился бы

съ вершины утеса, чтобъ избавиться отъ тяжести этихъ двънадиати часовъ, которые меня убиваютъ. Хотя-бы миъ удалось заснуть до конца дня, я опять увидълъ-бы мое потерянное королевство, моихъ прелестныхъ дъвъ и мое юное лицо, отражающееся въ зеркальныхъ заливахъ. Но увы! когда меня опять посътитъ сонъ, я долженъ буду умереть. О! теперь-то я постигъ тайну жизни! Она состоитъ изъ минутныхъ и то часто мнимыхъ удовольствій и изъ дъйствительныхъ огорченій и скуки. Не составляетъ-ли сонъ лучшую часть нашей жизни! Еслибъ голубой богъ, еслибъ небесная Индра даровали мнъ третью жизнь, я-бы неиначе ее принялъ, какъ съ условіемъ проспать всю до конца.

Когда онъ оканчиваль свой монологь, растягивая какъ можно болье слова, чтобъ выиграть нъсколько минуть изъ нескончаемыхъ двънадцати часовъ оставшагося ему существованія, онъ увидъль бонзу великой нагоды Нагнура, который сошель со слона, чтобъ преклонить кольна предъ храмомъ Дес-Авантара.

Бонза нагпурскій назывался Дели; онъ оставиль богатую столицу Берара, и послідуемый гемидарами, вздумаль посітить полуостровь Бенгальскій, чтобъ побідить тамъ знаменитійшаго игрока въ шахматы во всемъ Индостані.

Арзебъ простерся предъ бонзою Дели и сказалъ ему: — Лучъ отъ седьмой главы Сивы, ты, которой возседаешь въ советахъ Индры и гиевнымъ свомъ словомъ поразилъ змёю Ананту, научи меня тайнъ провести десять часовъ времени безъ скуки.

- Ты просишь разстянія, какъ милостыни? спросиль бонза.
- Да, на колънахъ умоляю тебя объ этомъ, звъзда Нагпура, сказалъ Арзебъ.
- Шехмадидъ, знаменитый строитель храмовъ элорскихъ, причисленный къ богамъ и обтекающій на колесницъ годубой сводъ, всегда совътывалъ бонзамъ не отказывать въ милостынъ несчастнымъ; я дамъ тебъ десять часовъ такого наслажденія, которому позавидуетъ и цъломудренная Сита: я согласенъ сыграть съ тобою пять партій въ шахматы.

Арзебъ посмотрълъ на него во всъ глаза, съ видомъ человъка, который боится болъе врачевства, чъмъ самой болъзни, и проговорилъ нъсколько невнятыхъ словъ, принятыхъ бонзою въ смыслъ изъявленія наиглубочайшей признательности.

Арзебъ былъ, можетъ-быть, единственный индіецъ, неумъвшій играть въ шахматы; но въ мечтахъ о Мальдивахъ, онъ забылъ, что богиня Сурсуте, даровавъ ему вторую жизнь, наградила его въ тоже время и высшимъ въдъніемъ, которое онъ могъ приложить ко всему. Только при

видь шахматной доски, Арзебъ почувствоваль въ себъ рождающееся знаніе шахматной игры, съ постиженіемъ всъхъ ея тонкостей.

Одинъ изъ гемидаровъ вынулъ шахматиую доску бонзы изъ лакированнаго футляра, висъвшаго на шет слона, въ родъ почетнаго знака..
Это была превосходная шахматная доска; одинъ хитрый китайскій художникъ въ Пенжабъ употребилъ, говорятъ, цълые семь лътъ на изготовленіе этой чудной вешицы изъ слоновой кости, перламутра, жемчуга и
чернаго дерева. Бълый король какъ двъ капли воды походилъ на тогдашняго властителя Лагора, Гоала-Синга; въ черномъ всъ узнавали сына поднебесной имперіи, великодушнаго Фо-Ляи, монарха земледъльца,
который произвелъ два кустарника и три цвътка, посредствомъ высокихъ соображеній, прививокъ и соединеній. Инестнадцать иты высокихъ соображеній, прививокъ и соединеній. Инестнадцать иты маленькіе
глазки сверкали какъ карбункулы; итыки могли выступать ногой и цълить перламутровою стрълою изъ лука, сдъланнаго изъ филиграноваго
золота.

Бонза Дели выиграль эту шахматную доску у внука великаго Косру; онъ гордился ею, какъ гордится храмъ нагнурскій своими бронзовыми вратами, образдовымъ произведеніемъ ваятеля Эль-Манусси.

Два игрока усълись на пескъ, противъ барельефа, изображающаго Иріате, любимаго слона Индры. Послъ первыхъ ходовъ, бонза замътилъ, что имъетъ дъло съ самымъ искуснымъ противникомъ во всей Азін; но онъ не отчаявался побъдить его, и предложилъ сыграть на интересъ. Вообще играющіе на что-нибудь часто дълаютъ промахи и проигрываютъ изъ робости.

- Я пграю на все мое имущество, сказаль, улыбаясь, Арзебь.
- А что это? мало или много? спросиль бонза.
- Рисовое поле, хижинка на Типликамъ, да домъ въ Чина-Патнамъ. Документы на мое имущество вотъ здъсь, въ этомъ сандальномъ ящикъ, они скръплены печатью великаго судьп.
- Берегись! скалаль бонза, что-же у тебя останется, когда проиграешь? Вёдь ты будешь бёднёе береджи, бёднёе молотильщика риса.
- Солице Нагиура, оотвъчалъ улыбаясь Арзебъ, я это все уже размыслилъ.
- Ну, хорошо! сказалъ бонза, я, съ моей стороны ставлю нѣчто такое, что будетъ для тебя драгоцѣннѣе всего твоего состоянія: зодчій храмовъ элорскихъ былъ однажды укушенъ змѣею на этомъ самомъ мѣстѣ; одинъ изъ знаменитѣйшихъ моихъ предковъ служилъ тогда въ этомъ храмѣ; онъ прибѣжалъ на крикъ зодчаго, истолокъ на кремнѣ семь листьевъ благотворнаго дерева тоди, положилъ этотъ пластырь на смертельную

рану и вылечиль ее. Когда зодчій причислень быль къ богамь, онь явился моему предку и сказаль: «Я получиль отъ Сивы власть исполнить твое или потомковъ твоихъ желаніе, будь оно для себя, или для другихъ, но только одинь разъ въ жизни; желаніе будеть исполнено, какое-бы оно ни было, еслибъ даже, напримъръ, кто пожелаль перенести въ долину Чолтри вотъ этотъ каскадъ, родившійся отъ слезы, канувшей изъ глазъ ціломудренной Ситы» — Я еще ничего не просиль у знаменитаго зодчаго, я скупъ на полученіе предоставленной мнѣ милости, но ставлю ее на партію.

— Идетъ, сказалъ Арзебъ, продолжаемъ.

При этихъ словахъ, слонъ Иріарте потрясъ своей страшной головою, покачалъ ушами и махнулъ гранитнымъ хоботомъ надъ головою бонзы; послъ чего принялъ опять свою каменную неподвижность.

- Ты видишь, сказаль бонза, зодчій на минуту одушевиль свое твореніе, чтобъ оправдать мон слова.
- Продолжаемъ нашу игру, сказалъ, наклоняясь, Арзебъ, я принимаю, лучъ Берара, твою ставку.

Служители, изъ почтенія, отошли поодаль. Ни одинъ человъческій взоръ не видаль этой безпримърной борьбы, свидътелями которой были только боги Индін. Арзебъ, по милости Сурсуте, съ перваго хода постигь всв тайны игры. Голова его, разгоряченная солнцемъ, воспламенялась, и отъ побъдоносныхъ соображеній по сердцу его такъ и текли потоки радости. По мъръ того, какъ онъ двигалъ впередъ свои черныя шашки, ему казалось, что шахматная доска принимаетъ колосальные размітры, что какой-то духь оживляеть всії эти фигуры и даеть имь человъческой образъ и страсти. Въ этомъ изступлении ему чудилось, что онъ присутствуетъ при безсмертной борьбъ Рамы съ Раваною, описанной жемчужными буквами, между Цейловомъ и Коромандельскимъ берегомъ. великольннымъ позорищемъ войны чудовищь Индостана. Игрокъ въ шахматы возвысился въ собственныхъ глазахъ, до Ауренг-Зеба; онъ сражался за имперію, онъ концемъ своего преста двигаль армію гигантовъ, онъ колебалъ землю ударами ужасной схватки, ему слышались рукоплесканія всіхъ барельефныхъ боговъ десяти храмовъ элорскихъ.

Бонза, привыкшій поб'єждать всёхъ своихъ противниковъ, давшій мать знаменитому собрату своему въ пагод'є Джагрене, дрожаль отъ гнъва и удивленія при каждомъ своемъ пораженіи; иногда-же, благоговъя предъ непостижимою мудростью, онъ мнилъ вид'єть въ чудномъ своемъ противникъ самаго Вишну, превратившагося въ шахматнаго игрока. Это предположеніе было ему по сердцу и удерживало его разбить съ отчаянія свою голову о хоботъ гранитнаго слона.

Солице упадало въ заливъ Бенгальскій, а съ нимъ исчезала и жизнь Арзеба, но въ эту самую минуту ръшительный мать даль ему побъду.

Бонза обратился съ мольбою къ Сивъ и причисленный къ богамъ зодчій спустился въ къ нему на золотомъ лучъ.

— Бонза Дели, сказалъ зодчій, чего ты просишь отъ голубаго бога?

Бонза обратился съ вопросомъ къ побъдителю своему Арзебу, который сказалъ ему: Проси для меня милости остаться еще пятдесять лътъ на этой землъ радостей.

- Дается, сказалъ зодчій, и отправился опять на свѣтломъ лучѣ въ садъ Манзаны. Въ ту-же секунду Арзебъ почувствовалъ, что жизнь вливается во всѣ его поры, и новая кровь течетъ по его жиламъ: онъ облобызалъ ноги бонзы Дели и благодарилъ зодчаго и Сиву.
- Такъ, видно, жизнь очень дорога тебъ, сказалъ бонза, какъ-же ты намъренъ употребить эти полвъка?
- Я буду спать, чтобъ жить во снѣ, а когда проснусь, буду играть въ шахматы, отвъчаль Арзебъ.
- Вотъ что дёло, такъ дёло. Я думаю, что именно для этого и дана жизнь человёку. Действительно, когда человёкъ скучаеть въ Инди, ему нужны только двё вещи: постель да шахматы.

Госпожа де-Жигардевъ. (Дельфина Ге.) Кто не помнить волшебныхъ сказокъ, читанныхъ каждымъ въ дътствъ, въ которыхъ благотворительныя волшебницы окружали колыбель новорожденной и надъляли ее всъи драгоцънными качествами сердца и ума; осыпали ее дарами счастья, богатства, прелести и красоты?

Госпожа Жирарденъ, урожденная Дельфина Гè, явилась на свътъ, какъ кажется, подъ явнымъ покровительствомъ благодътельныхъ волшебницъ.

Прежде брака своего съ знаменитымъ публицистомъ, наша геропня была уже извъстна всей Франціи.

Поэтическія произведенія Дельфины Ге текли съ Парнасса медовыми ручьями.

Лавровыя вътки, сорванныя съ мавзолея Сафо, украшали чело юной француженки, и та и другая носили равно название десятой музы.

Дочь матери—поэта, Дельфину убаюкивали подъ стихотворный размъръ, и она еще дитятей узнала тайну извлекать гармонические звуки изъ струнъ поэтической лиры. Госножа Софія Ге была урожденная Лавалетть. Выйдя замужь а главнаго сборщика податей Рюрскаго-департамента, она послъдовала за нимъ въ мъсто его службы, и имъла пятерыхъ дътей. Остроумная до чрезвычайности, она, къ несчастію, постоянно желала выказывать свое остроуміе, жертвуя ему не разъ своими выгодами и своими друзьями.

Разъ, въ вечернемъ собраніи, ей случилось выбросить нѣсколько сатирическихъ стрѣлъ на счетъ рюрскаго префекта и его достойной супруги. Общество усердно смѣялось остроумнымъ выходкамъ. Но на другой день осмѣянный префектъ узналъ все въ подробности, въ-слѣдствіе чего, при ясномъ солнечномъ сіяніи, телеграфъ возвѣстилъ изъ Парижа, менѣе чѣмъ въ два часа времени, о смѣнѣ господина Гè съ занимаемой имъ должности. Два—три острыхъ словца супруги были причиной потери для супруга ста тысячъ франковъ въ годъ.

Умныя женщины дорого стоятъ.

Супруги съ семействомъ возвратились въ Парижъ.

Тщетно желала Софія Ге́ ноправить свою ошибку и всѣми мѣрами старалась возвратить супругу мѣсто, равное въ выгодахъ потерянному—министръ финансовъ ничего не хотѣлъ слушать и оставался нѣмъ на всѣ происки и просьбы супруги.

Раздосадованная этимъ, Софія Ге́ бросилась въ оппозицію. Нѣкогда опа была въ дружескихъ сношеніяхъ съ госпожею Талліэнъ, которая, ставъ графинею де Шиме́, вела тайную войну противъ Имперіи, съ цѣлію мстить Наполеону, нехотъвшему принять ее ко двору.

Супруга бывшаго сборщика податей присоединилась къ кознямъ своей прежней пріятельницы. Вдвоемъ, они рукоплескали паденію колосса, и стали, въ 1815 г., въ главъ парижанокъ, вышедшихъ навстръчу Веллингтона съ букетами фіалокъ.

 — Милостивыя государыни! сказаль имъ благородный лордъ, еслибы французы взошли въ Лондонъ, то всѣ англичанки одѣлись-бы въ трауръ.

Урокъ быль жестокъ, но наши букетчицы вполнъ его заслужили.

Овдовъвъ и объднъвъ совершенно, Софія Ге обратилась къ литературнымъ трудамъ, какъ къ средству жизни. Она пріобръла ими заслуженный успъхъ и стала извъстна. Къ ней собирались всъ знаменитости временъ реставраціи. Шатобріанъ, Жуи, Этьенъ, Александръ Суме, Дюваль, Бауръ-Лорміанъ, Казиміръ Бонжуръ посъщали ее почти ежедневно, а Ганри де-Латушъ разыгрывалъ въ ея гостинной роль хозянна дома.

Беранже, если не сидълъ подъ арестомъ, проводилъ свои вечера у моднаго «синяго чулка.»

10 Смъсь.

Карлъ и Горасъ Верне, баронъ Гро, баронъ Жераръ, Тальма, престарълый Флёри, Дюшенуа и много иныхъ знаменитостей въ области художествъ и театра принимали съ удовольствіемъ приглашенія на литературные вечера царицы моды въ литературной области. На этихъ вечерахъ много говорили, много смѣялись и танцовали, еще болѣе играли въ карты, потому-что мать «десятой музы» была страшная любительница карточной игры. Она передавала карты друзьямъ своимъ только въ случаяхъ совершеннаго несчастія, и это случалось ей дѣлать иногда съ такою энергіей, что часто дама пикъ или король бубенъ задѣвали по носу сосѣда.

По окончанін игры приступали къ чтенію.

Тутъ то наша героння, Дельфина, пріобрѣла свои первые успѣхи и торжества. Ей рукоплескали всѣ современныя знаменитости. Раннее дарованіе и очаровательная прелесть дочери сдѣлали ее кумиромъ гостинной матери. Въ четырнадцать лѣтъ своей жизни Дельфина о́листала всѣмъ очарованіемъ женской красоты.

Большіе голубые глаза, полные прелести и кроткаго выраженія, густые світлорусые волосы, широкое гладкое чело, маленькій ротикъ, изъза котораго блестіли два ряда білыхъ жемчужинъ, сніжный цвіть кожи,—все это вмісті представляло глазамъ чудо прелести.

Беранже говорилъ, что у нея плеча Венеры, а Шатобріанъ находилъ ея улыбку—ангельскою.

Женщины, которыя отыщуть множество пластическихъ недостатковъ даже въ твореніяхъ Прадье, пожалуй стнаутъ шептать вамъ на ухо, что недаромъ-же госпожа де-Жирарденъ не покидаетъ никогда своего эшарца или мантильи и что по ея милости длинныя платья не могутъ выйти изъ моды; но мы отвътимъ имъ, что, по нашему мнънію, китайская нога и перехваченная, какъ у осы, талія могутъ быть причислены къ недостаткамъ тълосложенія.

Въ 1822 году, Дельфина впервые представила въ Академію свое стихотвореніе. Это было похвальное слово высокому самоотверженію сестеръ Святой Камиллы и французскихъ медиковъ вовремя чумы въ Барцелонъ.

Стихотвореніе было помъчено нумеромъ 143-мъ, и секретарь Академіи написалъ въ своемъ отношеніи отъ 24 августа, что «еслибы авторъ не призывалъ своихъ лѣтъ и своего пола на защиту, Академія приняла-бы твореніе его какъ плодъ мужественнаго дарованія, усвоившаго себѣ всѣ тайны оборотовъ стиха и поэзіи, что и можно заключить изъ совершенства и прелести всего сочиненія.»

Дельфина не разработала всей темы, а потому не могла идти въ со-

стязаніе съ прочими конкурентами, но ее удостоили спеціальной награды, и академическій в'янокъ быль возложень на ея голову.

Въ Парижѣ хорошенькая женщина, неимѣющая состоянія, всегда становится цѣлью тѣхъ милыхъ интригановъ, которые снискиваютъ себѣ названіе маклеровъ по любовнымъ дѣламъ.

Карлъ X только что вступилъ на престолъ.

Юной Дельфинт предложили написать элегію, сюжетомъ которой была-бы Ла-Вальеръ. Сочиненіе было представлено королю и онъ пожелаль видіть юную музу.

«У васъ истинное поэтическое дарованіе, сказаль король Дельфинъ. «Вы будете получать отнынъ пятьсоть червонныхъ ежегодно изъ моихъ собственныхъ денегъ. Совътую вамъ искать вдохновеній въ путешествіяхъ. Въ Парижъ васъ окружаютъ опасности, которыхъ для васъ какъ видно не предвидятъ.»

Госножа Софія Ге́ повхала съ дочерью въ Щвейцарію и Италію. Они остановились въ Ліонъ. Изъ сообщеннаго намъ письма, мы выписываемъ то, что лестно для путешественницъ.

«Когда я въ первый разъ увидала ее, прелестную и горделивую, свътлорусые волосы ея упадали на розы ея щекъ, и сама она была истинною розою. Ръдко можно встрътить что-нибудь ей подобное. Мать везла ее въ Италію, и остановилась на нъсколько дней въ Ліонъ. Мужъ мой, увидъвшій ее на балконъ занимаемаго ими отеля, звалъ меня скоръе какъ можно посмотръть на то, чего, по его словамъ, мнъ не придется увидъть другой разъ въ жизни. Подъ балкономъ проходили толпы любопытныхъ и удивленныхъ. Несмотря на удушливый жаръ, молодая дъвушка должна была запереться въ комнатъ, но любопытные не переставали смотръть и любоваться ею сквозь стекла оконъ. Я узнала, въ-теченіе дня, что это диво красоты была Дельфина Ге, и имъла случай лично убъдиться, что доброта сердца ея вполнъ соотвътствуетъ красотъ ея лица. Разсматривая ее внимательнъе, нельзя не согласиться, что одного изъ тысячи совершенствъ, которыми она обладаетъ, достаточно дль того, чтобы сдълаться самымъ привлекательнымъ существомъ.»

«Г-жа Дебордъ Вальморъ.»

Если мы поступаемъ нескромно, дълая извъстными эти строки, то да простять насъ наши читатели, во имя нашего удивленія: намъ случается чуть-ли не въ первый разъ видъть справедливую оцънку досто-инствамъ и красотъ женщины—въ другой женщинъ.

Поэтическая слава юной музы перелетъла черезъ Альпы. Она была принята въ Италіи, какъ Коринна. Ее ввели въ Капитолій, гдѣ въ присутствіи безчисленной, восторженной толпы слушателей, она читала свои стихотворенія, и это славное воспоминаніе юныхъ дѣвическихъ лѣтъ всегда волновало ея сердце.

Вовремя своего пребыванія въ Римъ она написала девятую пъснь «Магдалины». Болъе пяти лътъ она уже трудилась надъ этимъ произведеніемъ, самымъ зрълымъ между всъми прочими ея созданіями. Оно отличается возвышенностью христіанскихъ чувствъ. Божественный образъ Христа и черты раскаявшейся Магдалины переданы удивительно.

Въ Неаполъ, нъсколько недъль прежде этого, у подножія Везувія, Дельфина написала: «Послъдній день Помпеи».

Юная, чудно прелестная, обожаемая, окруженная похвалами и угожденіями, преслѣдуемая толпою вздыхателей, Дельфина имѣла между ними богатѣйшаго искателя руки ея, но отвергла его, потому-что, принявъ его искательство, она должна была отказаться отъ Франціи, отъ своего отечества. Она сама говорить объ этомъ въ одномъ прелестнѣйшемъ изъ своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Возвращеніе на родину», посвященномъ сестрѣ ея, графинѣ О'Доннель.

Mon pélerinage est fini.

Je rapporte, ma soeur, de Rome antique et sainte, L'albâtre d'un tombeau par les siècles jauni, Des chapelets d'agathe et d'hyacinthe, Quelque vases d'argile et du laurier béni, Je viens dissiper le vain bruit qui t'alarme. De ces beaux lieux, ma soeur, j'ai senti tout le charme; Mais loin de mon pays, sous les plus doux climats, Un superbe lien ne m'enchaînera pas. Non, l'accent étranger le plus tendre lui même Atristerait pour moi jusqu'au mot: je vous aime. Un sort brillant par l'exil acheté Comblerait mes désirs! Ma soeur n'a pu le croire, D'un plus noble destin mon orgeuil est tenté: Un coeur qu'a fait battre la gloire Reste sourd à la vanité. Ce bonheur dont l'espoir berça ma rêverie, Nos rivages français pouvaient seuls me l'offrir, J'ai besoin pour chanter du ciel de la patrie; C'est là qu'il faut aimer, c'est là qu'il faut mourir.

(Конецъ моему странствованію. Я везу, сестра, изъ древняго и святаго Рима, осколокъ пожелтъвшаго отъ времени алебастра съ гроб-

ницы, агатовыя четки, нъсколько глиняныхъ сосудовъ и священную вътку лавра. Я спъшу рязсъять пустой слухъ, тебя пугающій. Я чувствовала, сестра, всю прелесть этихъ мъстъ; но вдали отъ родины, даже въ лучшей странъ, золотыя цъпи супружества не свяжутъ меня.

Нътъ, чужеземное наръчіе въ самыхъ нъжныхъ выраженіяхъ затемнитъ для меня даже самое слово: люблю!

Чтобъ блистательная будущность, купленная изгнаніемъ могла удовлетворить меня!.. Нътъ, сестра этому не повъритъ. Гордость моя стремится къ болье возвышенной цъли. Сердце, трепетавшее отъ славы, безмолвно для тщеславія.

Надежда на счастіе, которая убаюкиваеть мои мечтанія, живеть на берегахь Франціи. Чтобы піть, мні нужно небо моей родины; въ ней мы должны любить, въ ней должны умереть.)

Возгращение Дельфины во Францію было сигналомъ еще большаго восторга.

Баронъ Гро только что окончилъ свою работу фресковъ въ Пантеонъ. Введенная самимъ живописцемъ подъ куполъ его, Дельфина читала въ немъ свои стихотворенія передъ всею аристократією Парижа, собравшеюся въ этомъ огромномъ зданіи. Цвъты и вънки падали на эстраду къ ногамъ ея, и громкія браво и рукоплесканія оглашали высокіе своды.

Эта эпоха жизни была безпрерывною радостью, нескончаемымъ поэтическимъ празднествомъ для Дельфины. Супружество познакомило ее въ-послъдствии съ горестями и прозаическою стороною жизни.

Но мы спішимъ объявить, что огорченія испытанныя ею, еще не означають, что она была несчастна въ супружестві. Эмиль Жирардень, по своему положенію въ світі и въ особенности въ журналахъ, причиняль своей супругі безпокойства и тревоги, заставляя ее бліднійть отъ смілыхъ своихъ выходокъ.

Въ началъ 1830 года, побъдосныя прелести дъвицы Дельфины Ге́ приковывали къ ея колесницъ болъе искателей, чъмъ ихъ было въ древнія времена у Пенелопы. Эта стая вздыхателей помрачала своимъ присутствіемъ всъ гостиныя, въ которыхъ являлась Дельфина, а съ наступленіемъ лътняго времени храбръйшіе изъ нихъ залетали даже въ Валіе-сюръ-Оржъ, маленькій сельскій домикъ госпожи Софіи Ге́.

Почти всъ дъвическія стихотворенія Дельфины были написаны ею въ этомъ уединенномъ жилищъ. Она любила деревню и уединеніе Тутъ были написаны ею первая, вторая, пятая, шестая и восьмая пъсни «Магдалины», «Видъніе», легитимическое стихотвореніе по случаю возшествія Карла X на престоль; «Взятіе Алжира», «Клятвы» и проч.

Напечатанныя сперва подъ названіемъ «Поэтическихъ опытовъ» Амбруазомъ Тардье и П. Дюпономъ, стихотворенія г-жи де-Жирарденъ были собраны въ одно изданіе въ 1834 году, издателемъ Шарпантье.

Лучшія изъ нихъ, кромѣ нами поименованныхъ, слѣдующія: Исповѣдь Амеліи, отрывокъ изъ эпизода Рене, поэма Наполина, стансы на смерть генерала Фоа, Сборъ въ пользу грековъ, Молодая дѣвушка, погребенная въ церкви инвалидовъ, Башня чудесъ, Урика, Гимнъ святой Женевьевѣ, Друидесса (посвященное Горасу Верне), Сорентскій рыбакъ, Сонъ молодой дѣвушки, и проч.

Видя себя постоянною цёлью искательствъ, Дельфина рёшилась положить этому конецъ и однимъ ударомъ разогнать всёхъ своихъ вздыхателей. Это было очень просто. Она избрала между ними одного, къ которому сердце ея чувствовало болѣе симпатіи, и высказала ему явно свое предпочтеніе. Остальные разсѣялись, какъ дымъ. Баронъ де-ла-Гранжъ былъ счастливецъ, которому всѣ прочіе искатели должны были уступить мѣсто. Между имъ и Дельфиной свершенъ былъ размѣнъ брачныхъ колецъ, какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, онъ пересталъ являться въ домъ невѣсты и всѣ сношенія прекратились и были разорваны. Г. де-ла Гранжъ обожалъ дочь, но характеръ матери устрашилъ его

Сумазбродныя 'ея выходки не согласовались съ ригоризмомъ и достоинствами салоновъ легитимистовъ

На одномъ изъ вечеровъ живописца Жерара, двъсти особъ были совершенно поражены появленіемъ этой женщины, которая влетъла въ гостинную, выдълывая разныя па гавота и шассе-круазе. Она плясала припъвая, слъдующія слова:

J'entre en train Quand il entre en train J'entre en train, quand il entre!

Баронъ де-ла-Гранжъ, испугался поступковъ такого рода, которые могли быть по вкусу только людямъ, подобнымъ Баррасу и Роже-Дюко.

Баронъ удалился, г. Эмиль Жирарденъ представился.

Дельфина согласилась на его предложение, и на всъ замъчания знакомыхъ о его рождении и о прочемъ, она отвъчала:

— Что мив до этого? У него есть крвикая воля, энергическій характерь. Онь съумветь нажить себв состояніе. Бракь быль совершень въ 1831 году. Эмиль не имвль почти никакого состоянія въ это время, что однако не помвшало ему купить богатвйшій отель, въ улицв Сент-Оноре, въ которомь онь приняль молодую свою супругу.

Въ первые дни супружества отецъ Эмиля посѣтилъ свою невѣстку. Онъ морщился, осматривая чуть не княжескія залы отеля, загроможденныя дорогою мебелью Буля, увѣшенныя картинами первыхъ художниковъ и покрытыя шелковымъ дама́.

- Эмиль захотълъ имъть всъ эти вещи, говорила Дельфина отцу своего мужа, какъ-будто сама стыдясь роскоши своего помъщенія; я ничего не требовала, могу васъ увърить. Такія бездълки не увеличивають счастія. Эмиль и съ нимъ комната хоть въ чердакъ, вотъ все, чего я желала.
- Комната на чердакъ! возразилъ Жирарденъ отецъ; вы до этаго дойдете, непремънно дойдете, прибавилъ старый солдатъ, уходя и ворча сквозь зубы.

Характеръ стараго служаки быль отчасти грубоватъ, безъ особенной тонкости и смысла, но наивенъ чрезвычайно.

Когда сыну удавалось что-нибудь на журнальномъ поприщъ, отецъ восклицалъ: Онъ у меня молодецъ и пойдетъ далеко, я въ этомъ вамъ ручаюсь.

Но если, напротивъ, съ Эмилемъ случалась неудача, старикъ пожималъ илечами и говорилъ съ пренебрежениемъ: Пустая, безмозглая голова! Онъ кончитъ дурно, говорю вамъ!

Въ дни торжества и успъха вы непремънно встръчали отца въ жилищъ сына; въ дни невзгодъ и неудачи старикъ скрывался, пропадалъ изъ вида, исчезалъ, до новой перемъны судьбы.

Дарованіе дівицы Дельфины Ге́, столь замічательное до ея замужства отпечатком добродушной піжности и истинно неземной чистоты, казалось, вдругь утратило свои прекрасныя качества, съ самаго того времени, какъ она перемінила свое поэтическое имя на прозаическое прозвище госпожи де-Жирарденъ. Отчего это? мы не знаемъ; вітроятно духъ журнализма пропиталъ легкое оділніе музы, или линялыя перья ястреба засорили чистыя білыя крылья голубки.

Васъ поражаетъ новый характеръ поэзіи Дельфины; ея насмѣшливость, колкость и подчасъ даже придирчивость.

Въ поэмъ ея «Наполина» она подшучиваетъ надъ парикомъ своего старика—учителя и неуважительно относится о Людовикъ-Филиппъ.

Ахъ Дельфина, Дельфина! гдъ твои капитолійскіе лавры? Женщины писательницы имъютъ несчастную привычку, какъ въ томъ сознается сама Дельфина, быть постоянно отраженіемъ того человъка, кому отдано ихъ сердце.

Къ счастію нашей героини, бъсъ спекуляціи и ажіотажа увлекъ Эмиля въ омуть коммерческихъ дълъ, хотя невсегда чистыхъ, но зато всегда 16 Смъсь.

выгодныхъ. Госпожа Жирарденъ, освободившись отъ прямаго вліянія своей половины, стала мало-по-малу приходить въ себя и принимать первоначальный свой образъ, къ совершенному удовольствію любителей литературы и поэзіи.

Романы были тогда въ большой модъ. Ихъ являлось множество. Дельфина уже испытала себя въ этомъ родъ, написавъ «Лорнетъ», основаніемъ котораго хотя и была неестественность, волшебство, но который полонъ нравственныхъ замѣтокъ и тонкой наблюдательности. Она передълала сюжетъ своего романа, придавъ ему еще болѣе фантастическаго и занимательнаго, и онъ предсталъ на судъ публики въ образъ прелестнаго романа подъ новымъ названіемъ: «Трость Бальзака.»

Супругъ Дельфины былъ недоволенъ и порицалъ въ ней страсть писать. Но какъ всегда случается, духъ противоръчія, характеризующій женщинъ, даже самыхъ кроткихъ и покорныхъ, внушилъ госпожъ Жирарденъ, къ удовольствію читающихъ, мысль написать еще два новые романа: «Маркиза де-Понтанжъ» и «Маргариту.»

Первое изъ этихъ сочиненій пріобрѣтено было издателемъ Дюмономъ за полторы тысячи франковъ. Эмиль, узнавъ объ этой книжной сдѣлкѣ, поспѣшилъ забрать слѣдуемую женѣ сумму денегъ, по праву главы семейства. Госпожа Жирарденъ не имѣла удовольствія истратить на прихоти своего туалета заработанныя перомъ деньги. Мужъ думалъ этимъ отнять у жены охоту писать. Это доказываетъ, что можно быть отличнымъ спекуляторемъ и ничего не понимать въ наукѣ сердца человѣческаго.

«Маргарита», по мнѣнію нашему, образець чувства и истины. Борьба бѣдной женщины между двухъ привязанностей, которыя губять ее, болѣзненно занимаеть и увлекаетъ васъ до послѣдней страницы.

«Маркизъ де-Понтанжъ» уступаетъ «Маргаритъ» въ драматическомъ отношени; но въ замънъ драматизма, этотъ романъ блеститъ умомъ съ начала до конца.

Въ немъ вы видите благоразуміе и разсудительность геропни между двухъ сумасбродовъ, и умънье ея быть счастливой между двухъ бъдствій.

Если госножь Жирарденъ случается иногда впадать въ парадоксы, то она выкупаетъ этотъ недостатокъ глубокимъ изученіемъ и знаніемъ характера своего пола. Какъ неподражаемо очерчиваетъ она характеры этихъ кокетливыхъ созданій, этихъ нѣжныхъ, деликатныхъ, сердечныхъ, любящихъ существъ, полныхъ преданности, ласкъ и любви. Намъ кажется, что Дельфина заглядываетъ въ свою собственную душу и изъ глубины

ея выносить всъ тъ прелестныя качества, которыя составляють типъ женщины, во всемъ ея прелестномъ проявлении.

Нельзя не упомянуть здъсь тоже объ одномъ изъ самыхъ милыхъ изданій Дельфины, подъ названіемъ: «Не должно играть съ горестью.» Всъ эти сочиненія были уже въ печати, когда журналь «La Presse», основанный Эмилемъ, началъ свои жестокія нападенія на своихъ собратій журналистовъ. Въ тотъ день, когда принесли раненнаго Эмиля изъ Венсенскаго-лъса, супруга его, которую почли за нужное оставить въ невъдъніи на счетъ случившагося, выказала много присутствія духа. Она не упала въ обморокъ, послала за докторомъ, сдълала всъ нужныя распоряженія, не забывъ приказать послать соломы подъ окнами, выходившими на улицу, и сидя у изголовья мужа, не отходила отъ него до-тъхъ-поръ, пока рана его не представляла болъе никакой опасности.

Редакторъ журнала «La Presse» и супруга его жили въ то время въ улицъ Лафитъ, въ нижнемъ этажъ занимаемаго ими дома. Пышный отель улицы Сент-Оноре уже былъ ими оставленъ и перепроданъ, за неимъніемъ средствъ содержать его, къ большому огорченію старика Жирардена, который говорилъ безъ обиняковъ, что сына его стоитъ помъстить въ Шарантонъ.

Дюжарье быль въ долѣ съ Эмилемъ по изданію журнала, и занималъ половину его квартиры. Когда сбирались гости, оба помѣщенія становились общими, и бѣдный Дюжарье лишался удобствъ собственнаго уголка; но зато супруги въ глазахъ свѣта занимали огромное помѣщеніе, и гордость ихъ была удовлетворена.

Эмиль занимался политическимъ отделомъ журнала, Дюжарье литературнымъ.

Случилось одному автору романовъ зайти, въ одно прекрасное утро, къ Дюжарье и предложить ему два тома романа, полныхъ занимательности. Сюжетъ былъ весьма любопытенъ. Вотъ онъ во всей престотъ факта; не ищите въ немъ украшеній слога.

«Х*** родился на свътъ случайно. Онъ сынъ любви, брошенный въ свътъ одиноко, безъ нокровительства и привязанности. Сердце у него изранено видомъ окружающаго его недружелюбія и козней. Онъ никого не любитъ, не любитъ даже самаго себя. Вмѣсто крови, въ жилахъ его течетъ желчь. Онъ раздражителенъ и человъконенавистенъ, готовъ всегда на ссору, готовъ зажечь всю землю, чтобы на этомъ огит испечь себъ яйцо. Оттънки подобнаго характера и разоблачение подобной души не могутъ быть не занимательны. Герой романа поклялся самъ себъ нажить состояніе. Онъ ищетъ выгоднаго супружества, чтобы изгладить безпорядочность своего появленія на свътъ.

»Молоденькая дъвушка, мечтательная и поэтическая, которую назовемъ, пожалуй, Луизою, обратила на него свое вниманіе. Она принимаетъ его недостатки за высокія качества. Его ненависть къ людямъ и тайную злобу она почитаетъ за справедливое негодованіе; грубые нападки и корыстныя придпрки она принимаетъ за героизмъ и безстрашіе, и такъ далъе. Однимъ-словомъ, она влюбляется въ Х*** и выходитъ за него замужъ.

«Развитіе этихъ двухъ характеровъ, любовь и бракъ составятъ первую часть романа.

«Проходить два года. Луиза постоянно отыскиваеть средства подделаться подь вкусь, впечатленія, нравы и привычки страннаго характера своего супруга. Ей певозможно усивть въ этомъ. Начинается разочарованіе. Бъдная женщина искала въ супружествъ семейнаго мирнаго счастья, мечтала о таинственныхъ прелестяхъ домашняго быта, о мысли быть вдвоемъ заодно, о сліяніи душъ...

«Ничего этого нътъ. Х*** сдълалъ, какъ говорится, аферу. -Женившись, онъ пробрълъ мебель для своего дома, положение въ свътъ.

Онъ уже не безродный, одинокій человѣкъ! Для него открыто новое поприще. Онъ уже не голышъ, онъ прикрытъ покровомъ общественнаго мнѣнія, и подъ нимъ онъ начинаетъ копышиться, интриговать, спекулировать. За нимъ водятся разныя связи безъ участія сердечнаго, изъ одной политической цѣли, связи съ куклами, находящимися подъ по-кровительствомъ министровъ, и проч. и пр.

«Отчаяніе Лунзы. Она узнаетъ все. Ея сътованія и слезы.

«Сдълайся кокеткою, говорять ей подруги, онъ станетъ ревновать и возвратится снова къ тебъ.»

«Совътъ кажется Луизъ чудесенъ. Она ему слъдуетъ. Х*** замъчаетъ дружбу Луизы къ молодому человъку, богатому, благородному по происхожденію и по обхожденію. «Не станемъ дълать скандалу», говорить самъ себъ супругъ; «я потеряю въ одинъ день все, что пріобрътено мною съ такимъ трудомъ.

«Адольфъ, другъ жены, становится и его другомъ. Ихъ всегда встрътишь вмъстъ, въ театръ, на гуляньяхъ, на биржъ. По совъту Х***, Адольфъ пускается въ огромныя спекуляціи. Въ нъсколько мъсяцевъ молодой человъкъ раззоренъ совершенно. Игра на биржевыхъ спекуляціяхъ, раззоривъ его, отняла весь кредитъ.

«Луиза тщетно ищеть всеми средствами спасти несчастнаго. Брилліанты, туалетныя вещи и наряды—все ею заложено. Но долгь превышаеть все ея средства, они поглощены имъ, не принеся существенной пользы. «Адольфъ ръшается на самоубійство.

«Ничто не можетъ удержать Луизу. Она скрывается изъ дому и бъжитъ къ умершему.

- ${}^{\star}X^{\star\star\star}$ слъдуетъ за нею, не теряя ее изъ виду, и успъваетъ явиться у тъла друга почти въ одно время съ женою.
 - О недостойный! говорить ему Луиза, ты убиль его!
- Это лучше глупой дуэли, отвъчаетъ супругъ, въ которой мужъ можетъ получить вдругъ двъ раны, одну отъ пули, другую отъ общей насмъшки. Не подвергайте меня этой насмъшкъ. Я защищаюсь только извиъ, а домашній миръ не долженъ быть у насъ нарушенъ.»

«И онъ увлекъ Луизу. Запряженная коляска стояла у крыльца ихъ жилища, и спустя полчаса, весь Парижъ видълъ супруговъ, катающихся . въ Булонскомъ лъсу.»

Дюжарье нашелъ сюжетъ романа весьма удовлетворительнымъ, какъ этюдъ современныхъ нравовъ, онъ сообщилъ его своему сотруднику, съ которымъ хотълъ посовътоваться, прежде чъмъ приступитъ къ окончательной сдълкъ съ авторомъ, но г. Жирарденъ объявилъ, что подобным нелъпости и неправдоподобность никогда не найдутъ мъста на листахъ его журнала.

Съ самаго основанія журнала «La Presse», Жирарденъ выказаль своими поступками и своимъ перомъ эгоистическую мысль, которою онъ во всемъ руководствовался. Это періодическое изданіе было создано для него, только для него одного. Вліяніе журнала было направлено только къ одной этой цъли—быть полезнымъ только ему одному.

Всякая замъчательная статья, напечатанная въ журналъ «La Presse», была не по вкусу Эмилю, и нечалила его не на шутку; онъ боялся всякаго благоволенія публики помимо его личности. Даже произведенія жены выводили его изъ себя. Онъ бъсплся, видя успъхи ея подъ исевдонимомъ Виконта де-Лоне, въ «Парижскихъ письмахъ», къ которымъ читатели были такъ жадны. Въ нихъ не истощалась милая болтовня; въ нихъ постоянно блестълъ умъ, и не прекращалась занимательность разсказа. Г. Жирарденъ не соглашался съ общимъ миъніемъ, и выговаривалъ женъ.

Сударыня! восклицаль опъ подчасъ, все, что вы пишете, нельно.
 У васъ страшная страсть заставить говорить о себъ.

Уставъ слушать нескончаемые выговоры, Дельфина бросала перо, но Дюжарье всегда поднималь его и снова вкладываль его ей въ руки. Въ собраніи акціонеровъ по журналу, онъ выхлопоталь, чтобы за всякое письмо остроумнаго Виконта де-Лоне платилось по пятисотъ франковъ платы.

20 Смъсь.

Дельфина начала съ 28 сентября 1836 года, то есть три мъсяца спустя но основаніи журнала «La presse», свои остроумныя замътки о нарижскихъ нравахъ, и продолжала ихъ до сентября 1848 года. Эти нисьма, собранныя въ два тома, подъ названіемъ Виконта де-Лоне, составляютъ современную лътопись съ 1836 по 1848 годъ.

Можно сказать утвердительно, что черезь сто лють послю нась, всю писатели, которые захотять описывать нашь векь въ эти года, не найдуть вернейшаго сборника о правахь, обычаяхь и языке нашей эпохи. Въ немъ найдуть они тысячи простосердечно высказанныхъ тайнъ, тысячи описаній характеровъ, то легкомысленныхъ, то серьозныхъ, легкихъ и тяжелыхъ, тысячи заметокъ, совершенно правдивыхъ, столько-же особенностей, драгоценныхъ темъ, что оне очерчиваютъ ясно всю общественную картину нашего времени.

Слогъ госпожи де-Жирарденъ изященъ и благороденъ.

Она переходить отъ гулянья въ Лоншант къ скачкт въ Гипподромъ, отъ гернога Бордосскаго къ господину Гизо; она разсказываетъ поперемънно о балъ Мюзара, о Сенъ-Жерменскомъ предмъстьи, о высшемъ коммерческомъ обществъ, о разныхъ салонахъ, о Поль-де-Кокъ, аббатъ Равиньянъ, о литераторахъ, о среднемъ сословіи, о театръ и биржевыхъ извощикахъ, о извощичьихъ и скаковыхъ лошадяхъ, о бастильскомъ слонъ и о Лудовикъ Филиниъ.

Шутливость ея не желчна, насмъшки приличны. Она равно смъется надъ модными шлянками госпожъ и надъ политикой господъ министровъ.

Ръдко можно встрътить такую илънительную и занимательную разсказчину. Не хотите-ли, мы приведемъ вамъ нъсколько остроумныхъ образчиковъ. Открываемъ книгу на-удачу, и вездъ находимъ пропасть ума и остротъ.

«Англичане любуются тюпльрійскими статуями, но вмѣстѣ съ французами удивляются перадѣнію въ сохраненіи ихъ. Тотъ, кто издерживаеть большія суммы на безобразную подстрижку померанцовыхъ деревьевъ, могъ-бы, казалось, заняться тѣмъ, чтобы очистить отъ грязи своихъ мпоологическихъ боговъ. Фаэтуза стала такъ черна, что не знаешь, обращена-ли она въ пегритянку или въ тополь. Венера въ-продолженіе тридцати или сорока лѣтъ обмываетъ свои ноги въ водѣ, и это ей ни къ чему не служитъ, а что касается до Өемистокла, побѣдителя при Замѣ, они-бы должны быть взяты подъ арестъ за неисправность военной ихъ аммуниціи.»

Ничто не ускользаетъ отъ наблюдательнаго пера нашей героини; она видитъ всъ недостатки, всъ глупости, все смъшное нашего общежитья. Она предестно рисуеть изъ нихъ пестрые узоры, неподражаемые по тонкости очертаній, окаймляя ихъ занимательными анекдотами.

«Какъ проводите вы свее время? Веселитесь-ли вы въ этомъ скучномъ свътъ?—Да не скучаю. Я создала себъ исключительное житье; я илаваю въ челнокъ, въ сообществъ малаго числа умныхъ людей по необозримому океану глупцовъ. Ну берегитесь! Бури, ноднятыя глупцами, бываютъ опасны.»

Говоря о модахъ, какъ изящно, какъ щеголевато умъетъ передать она эти пустячки и бездълицы, которыя подъ перомъ ея принимаютъ поэтическій образъ!

Но случится Дельфинѣ говорить о вещахъ дѣльныхъ, и вы слышите возвышенную и смѣлую рѣчь. Она не страшится жалѣть о плѣнникѣ въ Страсбургѣ, и склоняется передъ могилою короля-старца, Карла X, умершаго въ изгнаніи.

Вздумается ей, и она разсказываетъ вамъ исторію чтенія одной трагедіи, гдъ всъ слушатели заснули, кромъ одного изъ нихъ-глухаго-

Ей удается несомивню доказать, что во Франціи любять г. Тьера потому, что онь дурно сложень, дурно воснитань и дурнаго происхожденія.

Спросите у Дельфины, почему женщины не допускаются въ члены Академіи, и она вамъ отвътитъ:

«Потому-что французъ завидуетъ француженкъ, и не безъ основанія: итальянецъ умиъе итальянки, испанецъ умиъе испанки, русскій умиъе русской, но француженка умиъе француза.»

И это совершения правда, сударыня, мы вамъ въримъ на слово. Довольно пробъжать «Парижскія письма», чтобы въ этомъ совершенно убъдиться.

Въ религіозномъ отношеніи, Дельфина всегда является почтенной христіанкой. Она не позволяеть себъ ни тъни скептицизма, ни одного слова которое могло-бы свидътельствовать противъ чистосердечія и теплоты ея върованій.

«Какъ величественна христіанская вѣра, говоритъ она, которая изъ всякаго пожертвованія дѣлаетъ надежду, которая послѣ темноты ночи являетъ намъ ясность дня, обѣщаетъ намъ чистую радость за каждую пролитую слезу, за каждое горе—вознагражденіе. Эта религія говоритъ намъ: страданіе есть заслуга.»

Госпожа де-Жирарденъ не принадлежить ни къ какой литературной партіи. У нея нътъ систематическаго предпочтенія; по ней все дъло состоитъ во вкусъ. Она равно отдаеть справедливость Бальзаку и Поль-де-Коку, госпожъ Ансело и Виктору Гюго, г. Ании и Жоржъ-Занду.

Говоря о послъдней, Дельфина поражаетъ насъ справедливостью своей оцънки ея дарованія, доказывая съ неотразимою логикою, что Зандъ всегда была сколкомъ тъхъ особъ, которыя владъли ея сердцемъ, или, иначе сказать, громкимъ и гармоническимъ отголоскомъ мысли, которая, не бывъ сначала ея личною мыслею, была ей внушена временнымъ другомъ.

«Исторія привязанностей Жоржъ-Зандъ можно найти въ каталогъ ея твореній, говорить Дельфина. Нѣкогда другомъ ея былъ человѣкъ высшаго тона, изящный и холодный, эгонстъ, но благовоспитанный, гордецъ, но обходительный, однимъ-словомъ то, что называютъ свътскимъ человъкомъ, и господинъ Рамье, одинъ изъ героевъ «Индіаны», явился на свътъ.

«Въ-послъдствіи, молодой человъкъ, не изъ самаго высокаго круга, но хорошей фамиліи и одаренный прекраснымъ дарованіемъ, былъ представленъ Жоржъ-Занду, и вскоръ восхищенные читатели «Валентины» встрътились съ Бенедиктомъ.

«Явился поэтъ на ея горизонтъ, и Жоржъ-Зандъ создала Стеніо.

«Прославился адвокатъ, — Жоржъ-Зандъ является въ судейскую комнату, и вскоръ Симонъ получаетъ руку Фіаммы, въ награду за свое красноръчіе.

«И такъ, каждое изъ твореній Жоржъ-Занда носить на себѣ отпечатокъ привязанности, его внушившей, что и подало поводъ одному остряку сказать слѣдующую фразу: О твореніяхъ женщинъ въ особенности можно сказать виѣстѣ съ Бюффономъ: «Слогъ есть человъкъ.»

Къ приведеннымъ г-жею Жирарденъ примърамъ можно прибавить еще виртуоза Листа и романъ Жоржъ-Заида «Семь струпъ лиры», явившійся позже.

Перелистывая «Парижскія письма», мы доходимъ наконецъ до страшной эпохи, когда наша милая повъствовательница изъ тонко и нъжношутливой вдругъ преобразуется въ злую и колко-насмъшливую писательницу. Грустно намъ сознаться! Но послъ февральской революціи,
супругъ вашъ, сударыня, вновь овладълъ вами, и безъ политики выказываетъ въ вашихъ сочиненіяхъ свои когти и рога.

Злоязычные увъряють, что вы добивались чести быть женою министра, и между нами будь сказано, они на этотъ разъ едва-ли не говорили правду.

Послушайте, съ какимъ негодованіемъ госпожа де-Жирарденъ отзывается объ временщикахъ 1848 года!

«Палить изъ пушекъ при всякомъ движеніи господина Кремье!.. Полноте! Это насмъшка надъ Францією!»

Или: «Они расхаживають горделиво по министерскимъ отелямъ, окруженные блестящею свитою своихъ предшественниковъ, у нихъ золотыя цёночки, кареты, слуги...»

Но Г. де-Жирарденъ къ несчастію, не избранъ въ министры, не имъетъ голосу въ совътъ, чтобы прекратить подобные безпорядки, чтобы заставить правителей уважать свое званіе, не помышляя о наградахъ, о корысти, по примъру античной нравственности. Далъе.

«А темная комната, противъ которой вы всѣ такъ возставали? Успокойтесь, она уничтожена, чего вамъ еще жаловаться? Она уже не темна: свѣтлые солнечные лучи свободно въ нее проникаютъ и передъ лицемъ солнца ваши тайны распечатываются и становятся гласными.»

Это конечно верхъ злоупотребленія, но, сударыня, вы въ этомъ и сами нъсколько виноваты. Правительство предлагало вашему супругу мъсто почтъ-директора, а вы отвъчали съ пренебреженіемъ:

«Нътъ, Эмиль будетъ министромъ или ничъмъ.»

На что толстякъ Ледрю отвътиль вамъ несовствиъ въжливо:

— И такъ это решено — ничемъ.

«Разъ, въ прекрасный день .. мы краснѣемъ отъ этого воспоминанія, «славный французскій народъ торжественно возилъ по столицѣ
своей большой сундукъ, назначенный для вкладовъ пожертвованій въ
пользу временнаго правительства, протягивая плетенныя корзинки, украшенныя трехцвѣтными лентами, къ прохожимъ... А на другой день въ
журналахъ это назывались торжественнымъ изъявленіемъ народнаго одобренія избранныхъ... О жалкіе люди! Какъ унижали вы этимъ достоинство великой націи!.. Вамъ ввѣрили управленіе храбрыхъ и героевъ—
вы изъ нихъ дѣлаете толиу нищихъ!.. Познай-же ихъ наконецъ, о пародъ! Ихъ обманъ ясно высказывается въ соединеніи двухъ словъ, чудовищныхъ по безсмыслію: они называютъ тебя царемъ, и заставляютъ просить милостыню!

Обратимся снова къ тъмъ сочиненіямъ Дельфины, на которыхъ не отразилось вліяніе ся супруга. Кромъ похвалъ, тутъ намъ не приходится инаго говорить. Госпожа де-Жирарденъ съ 1839 года стала писать для театра. Первою ся пьесою для сцены была «Школа Журналистовъ».

Госпожа Марсъ имъла въ ней роль. Великая артистка очень часто являлась въ гостиной г-жи де-Жирарденъ.

Рашель, возбуждавшая на сценъ театра «Французской комедіи» всеобщій восторгь, тоже представилась въ гостиную улицы Лафить, и прибавила ей блеску и значенія. Дельфина подружилась съ молодой ар24 Смись.

тисткой и съ той поры занялась сочиненіемъ ролей для новой своей пріятельницы.

«Юднов», трагедія въ трехъ дъйствіяхъ, въ стихахъ, была дана 24 апръля 1843 года. Сюжетъ былъ почти невозможенъ для сцены. Сочинительница должна была бороться съ историческимъ характеромъ своей героини, и смягчить, ради сценическихъ приличій, дикій правъ дочери Бетуліи, а потому вмъсто ръшительной Юдиои, передъ Олоферномъ является чуть не трепетная дъва, которая съ трудомъ ръшается отсъчь ему голову. Стихъ отъ начала до конца пьесы выдержанъ и полонъ величія и торжественности, но едва могъ выкупить пеизбъжныя недостатки основнаго плана всей трагедіи.

«Клеонатра» была дана въ 1847 году, и имъла большой усиъхъ. Но сочинительница, казалось, поняла, что котурнъ не къ лицу ей дарованію, болье мягкому и ивжному, чъмъ поражающему и сильному. Она обратилась къ менье торжественному роду, и началомъ этого обращенія была пословица въ лицахъ, полная остроты и ума, подъ названіемъ «Мужъ виноватъ». Эта пьеса была интродукціей двухъ другихъ сценическихъ пьесъ, поставившихъ г-жу де-Жирарденъ въ главъ новъйшихъ сценическихъ писателей. Мы говоримъ о «Леди Тартюфъ» и о пьесъ «Радость можетъ убить», двухъ замъчательныхъ произведеніяхъ Дельфины, имъвшихъ огромный усиъхъ.

На сценъ театра «Gymnase» пьеса ея «Шляна часоваго мастера» доказываеть, что г-жа де-Жпрарденъ обладаеть столько-же комизмомъ, какъ и драматизмомъ. Эту пьесу можно назвать радостнымъ порывомъ смъха въ одномъ дъйствін.

Дельфина выказала въ сочиненияхъ своихъ для сцены такия качества, съ которыми усибхъ несомивненъ. Она обладаетъ нѣжною чувствительностью, комическимъ увлечениемъ, изяществомъ въ отдѣлкѣ положений и характеровъ и тонкимъ вкусомъ.

У госпожи де-Жирарденъ нѣтъ дѣтей. Только разъ, въ 1832 году, польстила ей надежда быть матерью, но и та была разсѣяна преждевременными родами.

Разъ случилось Эмилю войти въ комнату жены съ малюткой мальчикомъ, едва передвигавшимъ еще свои маленькія ножки. Она взглянула на малютку, взглянула на мужа, и поняла все.

Благодарю за довъріе ко мнъ, сказала она мужу, я заступлю ему мъсто матери.

Объщаніе, данное ею, выполнено въ полномъ смыслъ и значеніи. Дельфина сама наблюдаетъ за воспитаніемъ пріемыша, усыновленнаго ею. Она съ нимъ неразлучна. Она напимаетъ для него множество учителей. Ему теперь четырнадцать лѣтъ. На вырученныя деньги за свою пьесу «Шляпа часоваго мастера» она купила юношѣ коня, замѣтивъ страсть молодаго человъка къ верховой ъздъ.

Съ 1843 года улица Лафитъ была покинута, и пребывание перенесено въ маленький домикъ въ Шальо, построенный во времена империи, въ видъ греческаго храма.

Эмиль, прозорливый спекулаторъ, разсчитавъ, что мѣста тутъ вскорѣ вздорожаютъ, пріобрѣлъ за дешевую цѣну новое свое помѣщеніе, говоря сначала, что онъ кунилъ его временно, для перепродажи, а вотъ уже двѣнадцать лѣтъ г-жа де-Жирарденъ обитаетъ тутъ — временно.

Она помѣщается въ бель-этажѣ, а супругъ наверху, въ нѣкотораго рода ротондѣ, куда допущенъ только одинъ Жакъ, старый слуга, болѣе преданный господину, чѣмъ госпожѣ, и допускающій туда посѣтителей по своему усмотрѣнію. Двѣ пріемныя залы расположены въ нижнемъ этажѣ. Онѣ убраны болѣе чѣмъ просто; на окнахъ и на стѣнахъ
сптецъ — все это сдѣлано еременно; однако отсутствіе роскошнаго убранства не мѣшаетъ избранному обществу, составленному изъ лицъ самаго высшаго круга и достопиства, посѣщать эти залы. Царица этого
общества умѣла окружить себя цвѣтомъ аристократіи по рожденію, равно
какъ и цвѣтомъ по дарованію и талантамъ. Для посѣтителей изъ Сенъ
Жерменскаго предмѣстья у г-жи де-Жирарденъ авляются особенные
оттѣнки въ обращеніи. Когда маркизы и дюшессы являются къ ней,
она, при прощаніи съ ними, провожаетъ ихъ до самыхъ дверей, чего она
не дѣлаетъ съ прочими своими гостями.

Дюкъ де-Дудовиль, баронъ Ротшильдъ, Ламартинъ, Мери, Теофиль Готье продолжаютъ быть друзьями г-жи де-Жирарденъ. Мъсто Виктора Гюго остается незанятымъ, а равно и Шарля Гюго, его сына, любимца Дельфины. При жизни своей Бальзакъ часто посъщалъ ее. Питая искреннюю дружбу къ хозяйкъ дома, онъ отъ всей души ненавидълъ Эмиля, который не разъ въ своемъ журналъ «La Presse» нападалъ на романы Бальзака, печатаемые въ фельетонахъ.

Всякій вечеръ бываетъ пріємъ въ гостиной г-жи де-Жирарденъ, и всякій вечеръ она полна парижскими знаменитостями.

Господинъ де-Жирарденъ на нихъ не показывается, и никто объ немъ и не всиоминаетъ. Онъ завтракаетъ у себя въ ротоидъ, очень ръдко является къ объду, и жена видитъ его лишь тогда, когда ему нужна бываетъ ея помощь и содъйствіе.

Когда агенты диктатора Кавеньяка явились въ домъ Эмиля, съ тъмъ, чтобы взять его подъ стражу, онъ думалъ, что наступилъ часъ его гибели. «Меня копечно разстръляютъ», подумалъ онъ. Коммиссаръ далъ

ему сроку полчаса, чтобы привести дъла въ порядокъ или написать письма. Эмиль бросился къ своему письменному столу. Онъ посившно написалъ свое имя на иножествъ клочковъ бумаги и запряталъ ихъ въ карманъ. Сдълавъ это, онъ зашелъ къ женъ проститься.

— Меня беруть подъ стражу, сказаль онъ ей. Не знаю, какая участь ожидаетъ меня, но я приготовиль много лоскутковъ бумаги и написаль на нихъ мое имя. Я буду ихъ бросать по пути, по которому поведутъ меня. Пошли всъхъ работниковъ по журналу отыскивать меня по слъдамъ этихъ бумажекъ. Такимъ-образомъ они набредутъ на мъсто моего заключенія.

Эмиль сълъ въ карету вмъстъ съ агентами и бросалъ по пути приготовленные имъ лоскутки бумаги, въ полной увъренности въ успъхъ такого способа.

Простодушный этотъ маневръ заимствованъ былъ имъ у Тома Пуса.

Госпожа де-Жирарденъ не послѣдовала однако наивному наставленію своего супруга и не хотѣла тратить драгоцѣннаго времени, слѣда за нимъ изъ улицы въ улицы, изъ переулка въ переулокъ. Она прямо поѣхала къ генералу Кавеньяку, силою проникла до его кабинета, и объяснилась съ нимъ въ смѣлыхъ выраженіяхъ, извѣстныхъ всему Парижу.

Предчувствія Эмиля были однако неосновательны. Диктаторство и не думало разстріливать его.

Цълъ и невредимъ послъ столькихъ политическихъ непогодъ, господинъ де-Жирарденъ нынъ приставленъ смотрителемъ надъ кухнями всемірной выставки.

Что-же касается до нашей десятой музы, она бросила помыслы быть женою министра и усердно предалась любимымъ литературнымъ своимъ занятіямъ, которыя ей дадутъ, безъ всякаго сомивнія, гораздо большую извъстность и прочнійшую славу. Она работаетъ до ноздняго часа ночи и встаетъ очень поздно. Находясь постоянно у себя дома, по своему собственному вкусу и желанію, она почти никуда не выблажаетъ. Зимою она постоянно находится въ своей гостиной; літомъ разбивается палатка въ алжирскомъ вкуст посреди сада, гдт она пишетъ лучшія свои стихотворенія, гдт она принимаетъ своихъ пріятельницъ, какъ какая-нибудь восточная владычица. Ее слушаютъ съ благоговтніемъ, ея желанія исполняются мгновенно, и всякій съ удовольствіемъ расточаетъ ей похвалы и куритъ предъ нею фиміамъ.

Мы едва коснулись нрава десятой музы. Онъ исполненъ нъжности,

кротости и сердечной доброты. Такъ объ ней относятся всъ ее знающіе.

Вполнъ имъющая право сознавать превосходство своей природы надъ другими, она нисколько не гордится своими достоинствами. Даръ писательницы и даже даръ поэзіи, равно какъ умъ и слогъ ея, также ей мало стоятъ труда, какъ и природная красота лица.

Иногда ей случается, какъ и матери ея, быть ръзкой; она не можеть удержаться отъ слова, иногда оскорбительнаго для самолюбія другихъ. Но замьтивъ, что она тъмъ огорчила, она умьетъ извиниться съ такою добродушною грацією, и такъ поспъшно выливаетъ цълительный бальзамъ на нанесенную рану, что оскорбленный остается почти доволень, что сдълался предметомъ ея остроты. Дельфина обладаетъ неотразимымъ желаніемъ нравиться всьмъ безъ исключенія, дътямъ, старикамъ и даже женщинамъ. Она желаетъ быть всьми любимою; хочетъ, чтобы ее находили любезною и восхищались ею; на этотъ счетъ ей все удается, потому что-въ нашъ въкъ трудно найти женщину болье остроумную и пріятную.

У нея только одинъ недостатокъ.

- Какой-же, скажите мит скорте? закричатъ въ особенности читательницы.
 - Мы его скрывать не будемъ. Этотъ недостатокъ мужъ ея.

Н. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Полусвътъ, (Le Demi-Monde) комедія въ пяти дъйствіяхъ, Александра Дюма сына. Театръ, область перемънъ по преимуществу. Съ каждымъ днемъ онъ измъняетъ свою физіономію, является въ новомъ видъ, съ новыми, молодыми силами; слова постоянство и недвижность не существуютъ для сцены, этого увеличительнаго зеркала, въ которомъ безпрерывно проходятъ передъ глазами зрителей отраженія страстей, пороковъ, интересовъ и смѣшныхъ сторонъ данной исторической эпохи. На сильныя страсти была когда-то мода и прошла, а смѣшныя странности мѣняются чуть не ежедневно. Мольеру не были знакомы биржевые игроки; для насъ незнакомы придворные былаго французскаго двора. Поэтому нечего удивляться, что, за исключеніемъ немногихъ мастерскихъ произведеній, огражденныхъ красотой формы, театральныя пьесы старѣютъ, какъ женщины къ сорока годамъ. Объ извъстной комедіи можно сказать тоже самое, что говорилось нѣкогда о какой-нибудь герцогинъ: «была хороша въ 1720 году.»

28 Смъсь.

Къ драмъ можно примънить отзывъ испанцевъ объ одномъ солдатъ: «въ такой-то день онъ быль храбрь». Въ течение триднати лъть театръ подвергся двойному существенному преобразованію, какъ относительно комедін, такъ и относительно драмы. Съ 1825 по 1835 годъ, въ эту эпоху литературнаго возрожденія, театръ принадлежаль исторіи, или правильнье сказать, историческому вымыслу. Поэтъ всегда имълъ въ виду правдоподобіе, но только для того, чтобы всеми мерами избежать его; всегда заботился о здравомъ смыслъ, но для тото, чтобъ пройдти на проломъ; ему нужно было изумлять и оглушать зрителей; ему нужень быль успъхъ, повергающій въ оцепененіе, очарованіе причудливымъ зредищемъ, и публика заразилась любовью къ ложнымъ эффектамъ. Времена измѣнились. Теперь драматические писатели фантазирують поменьше, зато наблюдають больше; теперь первую роль играеть не воображение, а вниманіе; типы не родятся въ голов'в автора, а изучаются имъ въ салонахъ, па улицахъ, повсюду. Театръ уже не имъетъ притязанія создавать общество по своему образцу, напротивъ, онъ самъ образуется по подобію общества. Жальть-ли о такомъ преобразованіи? Пусть жальсть кто хочеть о минувшихъ порывахъ вызывать на сцену какія-то тіни. По нашему убъжденію, театръ долженъ быть зеркаломъ жизни: лучше разбить зеркало, если въ немъ отражаются одни мертвые призраки.

Александръ Дюма сынъ не имъетъ ничего общаго съ былою романтической школой. Преобладающій характерь нынешней комедіи возможная естественность и точность, -и эти два качества стоятъ на первомъ планъ у автора «Дамы съ камеліями» и «Діаны-де-Ли». Онъ беретъ изъ жизни готовыя лица, готовыя положенія, готовые разговоры. Онъ ищеть естественности и правды также заботливо, какъ заботливо избъгали ихъ его родитель и прежніе драматическіе авторы. Его попытки оцънены публикою безъ всякаго шума, но съ истиннымъ удовольствіемъ; авторъ не очаровываетъ публику, не приводитъ ее въ оцепенене, но зато забавляеть. Успахъ авторъ несомишнень, и тамъ болве замачателенъ, что намъ представляется вопросъ: дъйствительно-ли авторъ избралъ настоящій путь? Богь въсть. На избранномъ пути онъ долженъ встрътить два камня преткновенія: во-первыхъ, излишняя заботливость о върности языка можетъ повести къ тому, что разговоръ обратится наконецъ въ простой сколокъ; во-вторыхъ, постоянное воспроизведеніе одной и той-же дійствительности грозить злоупотребленіемь. Въ сущности эти два камня преткновенія составляють одинь. Авторь заставляеть своихъ героевъ говорить ихъ языкомъ; смъемъ думать, что онъ измѣнитъ слогъ, измѣнивъ героевъ. Насъ увѣряютъ, что «Дама съ камеліями», «Діана-де-Ли» и «Полусвіть» — очень вірныя изображенія извъстнаго общества; но почему-же такой искусный живописецъ выбираетъ свои образцы только въ извъстномъ уголкъ? Его призваніе—живописать цълое общество, а не отдъльный его кружокъ. Такое исключительное направленіе истиннаго дарованія вызываетъ искреннее сожальніе. Комедія ничего не выиграетъ, если писатель пойдетъ путемъ точной науки, напримъръ путемъ естествоиспытателя, посвятившаго себя изученію иввъстнаго класса растеній, или путемъ медика, обрекшаго себя на исключительное пользованіе извъстныхъ бользней.

Полусвътъ гивздо опасныхъ животныхъ. Je ne bâtirais pas autour de leur demeure. (Не выстрою я дома по сосъдству).

Камен. Камео, или камея означаеть выпуклую рёзную работу на камей изъ двухъ или нёсколькихъ разноцвётныхъ слоевъ, такъ, что изображеніе, а иногда и различныя его части имёють одинъ цвётъ, а фонъ, или основаніе камен, другой. Чёмъ ярче отличаются цвёта слоевъ, тёмъ камень цёнится выше; главное условіе камен, чтобы фонъ рёзко отличался отъ вырёзаннаго изображенія, такъ напримёръ, чтобы рёзьба бёлаго цвёта лежала на темномъ или черномъ фонъ.

Камен преимущественно дѣлаются изъ оникса. Минералоги относятъ этотъ камень къ виду халцедона; но граверы даютъ названію оникса болѣе обширное значеніе, подчиняя ему всѣ камин съ разноцвѣтными слоями; поэтому они различаютъ сардониксъ, корналониксъ и многіе другіе виды. Собственно слово ониксъ греческое и значитъ ноготь. Многіе не принимаютъ этого производства, но ученые филологи объясняютъ его тѣмъ, что древніе красили ногти, и какъ крашеніе дѣлалось черезъ извѣстный промежутокъ, когда ноготь успѣвалъ подростать снизу въ видѣ бѣлой полоски, то онъ и становился похожимъ на этотъ камень. Путешествовавшіе по востоку утверждаютъ, что сравненіе не лишено вѣрности.

Ръзьба камей восходить до глубокой древности. Начало этого искусства, въроятно, скрывается въ Индіи, откуда оно перешло въ Египеть и на западъ, и сдълалось тамъ извъстнымъ, безъ сомивнія, еще задолго до Монсея. По-крайней-мъръ въ описаніи скиніи и кивота завъта, которые дълались израильтянами по исходъ ихъ изъ Египта и по полученіи заповъдей, упоминается объ ониксъ (онхий), которымъ, въ числъ прочихъ драгоцънныхъ камней, была украшена верхняя риза святыни (Исходъ XXXVI). Изъ Египта искусство это перешло въ Персію, и подобно прочимъ скульптурнымъ произведеніямъ, безъ сомитнія,

сначала служило для изображенія символовъ мыслей, обычаевъ и нравовъ страны, болье въ формахъ условныхъ, а не въ точныхъ подражаніяхъ природъ. Тогда камен составляли письмена на драгоцънныхъ и нетлънныхъ веществахъ, и служили представленіемъ памятныхъ событій, важность которыхъ опредъляло суевъріе. Уже спустя долгое время потомъ, индъйскіе, египетскіе и персидскіе художники стали изображать на камеяхъ предметы, взятые ими изъ природы.

Послѣ Персів камен появились въ Греціи, гдѣ художники, дойдя до поразительной точности подражанія лучшимъ произведеніямъ Египта, вскорѣ возвели рѣзьбу эту на высочайшую степень совершенства. Художники Греціи нетолько усовершенствовали механическую часть искусства, но опередили персовъ и египтянъ болѣе эстетическимъ выборомъ сюжетовъ, которые вполнѣ соотвѣтствовали требованіямъ изящнаго вкуса, и вынолнялись съ точнымъ подражаніемъ природѣ. Такимъ образомъ на камеяхъ стали появляться портреты, о которыхъ не помышлялъ ни Египетъ, ни прочія образованныя страны Востока, а потомъ и мисологическія изображенія, доставившія искусству обширное поле развитія.

Изъ Греціи рѣзьба камеевъ перешла, вмѣстѣ съ прочими изящныными искусствами, въ Римъ. Здѣсь она нашла себѣ покровителей въ
богатыхъ и расточительныхъ вельможахъ, илатившихъ значительныя суммы за украшеніе камеями ихъ домашней утвари, посуды и одѣяній. Нѣкоторыя изъ древнихъ камей, уцѣлѣвшія до нашего времени, поражаютъ
изяществомъ и совершенствомъ работы, и доказываютъ ту высокую степень, до которой достигло это искусство при поощреніи его расточительными грандами. Лучшею коллекцією античныхъ камей считаются геммы Гонзаго въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Эрмитажъ. Самый
большой ониксъ этой коллекціи имѣетъ овальную форму, въ длину въ 11,
шириною 9 дюймовъ, и представляетъ апофеозъ Августа. Этотъ ониксъ
состоитъ изъ четырехъ разноцвѣтныхъ слоевъ: двухъ бурыхъ и двухъ
бѣлыхъ.

Итальянцы и въ наше время отличаются вкусомъ и даровитостью въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ; у нихъ камен дѣлаются въ совершенствъ, и эта рѣзьба имъетъ многихъ весьма замѣчательныхъ представителей.

Изъ Италіи ръзьба камей перешла во Францію и Англію, но врядъли въ каждомъ изъ столичныхъ городовъ этихъ государствъ найдется по два хорошихъ гравера. — Многіе экземпляры камей, выставленныхъ на всемірной лопдонской выставкъ, обратили на себя заслуженное вниманіе; къ нимъ принадлежатъ: присланная генераломъ Манлеемъ камея изъ оникса, съ изображеніемъ Юпитера, поражающаго Титановъ, рабо-

ты Сальватора Пассамонти въ Римъ; двъ камен изъ оникса отъ Савалини изъ Рима, и нъкоторыя камен, присланныя изъ самой Англін, весьма красивыхъ породъ оникса, съ изящною и тонкою на немъ работою.

Въ наше время ониксъ преимущественно добывается въ окрестностяхъ Оберштейна, маленькаго городка близъ Майнца, въ Бразиліи и въ Восточной Индіи. Камень этотъ попадается въ Бразиліи круглыми голышами, на днё рёкъ, а въ Оберштейне, въ земле, отдёльными кусками, какъ кремень въ мёловыхъ плитахъ.

Ониксъ прежде всего шлифуется. Въ Римъ, Парижъ и Лондонъ во всякое время можно найти отшлифованные ониксы изъ Оберштейна и Идора, гдъ граненіемъ ихъ и другихъ камней, аметиста, агата и проч. занимается большое число жителей. Въ Оберштейнъ камни гранятся машиною, которую приводитъ въ движеніе вода; граненіе производится твердою породою песчаника, который насаживается на вращающуюся ось. — Ониксъ обтачивается на такомъ жерновъ до-тъхъ-поръ, пока не выйдетъ наружу бълый его слой. Потомъ онъ полируется наждакомъ, а подъ конецъ трепеломъ съ водою, на оловянномъ колесъ. Окончательное подготовленіе оникса имъетъ цълью возвысить его цвътъ.

Долго не върили разсказамъ Плинія о различныхъ способахъ, которые употребляли современные ему художники въ Римѣ для окрашишиванія каменьевъ. Эти способы, по словамъ Плинія, заключались въ продолжительной варкѣ камия въ меду. Въ настоящее время тотъ-же способъ съ успѣхомъ употребляется въ Оберштейнѣ и Идорѣ, для превращенія халцедона и краснаго пли желтаго сердолика въ ониксъ. Этотъ удивительный способъ долгое время сохранялся въ тайнѣ однимъ идорскимъ гранильщикомъ, который, вѣроятно, купилъ его у итальянскаго художника, пріѣзжавшаго туда за покупкою камней.

Искусственное окрашиваніе камня ділается слідующимь образомь: сначала камень тщательно вымывается и высушивается, но отнюдь не подогрівается; потомь кладется въ смісь изъ воды съ медомь, въ совершенно чистый горшокь, въ которомь не должно быть ни малійшей жирной грязи; смісь быстро нагрівается до температуры кипінія; вмісто испаряющейся жидкости постепенно подливается соотвітственное количество новой сміси, такь, чтобы камень постоянно быль ею покрыть.

Такое вареніе камня продолжается отъ двухъ до трехъ недъль. Время, нужное для совершеннаго окрашенія камня и варенія его въ медовой сытъ, опредъляется опытомъ. Когда, по соображеніямъ, камень уже достаточно выварится, его перекладываютъ въ другой горшокъ и 32 Смпсь.

обливают връпною сърною кислотою; посуда накрывается аспидной доской и ставится въ печь, гдъ нагръвается до 350 и 400°. По промествии восьми — десяти часовъ, камень обыкновенно получаетъ желаемый цвътъ и вынимается изъ кислоты. — Часто, впрочемъ, случается, что камень описаннымъ нами способомъ не окрашивается вовее, или окрашивается совершенио вопреки желанію. Иногда большой величины камень окрасится въ нъсколько часовъ, а другой, малыхъразмъровъ, потребуетъ варки въ кислотъ цълыя сутки.

Вынутый изъ кислоты камень обмывается въ водъ и высушивается въ печи, потомъ полируется и кладется въ деревянное масло на день или на два, смотря по обстоятельствамъ. Масло уничтожаетъ съ поверхности камия царапины и замазываетъ трещины, сообщая гранямъ камия гладкость и лоскъ. Впослъдствии масло стирается отрубями.

Сърная кислота употребляется для окрашенія въ черный цвъть, но цвъть красный дается вываркою камня въ селитрянной кислотъ. Вообще признають, что остъ-индскій ониксъ имъетъ природныя черныя полосы, но весьма быть можетъ, что индъйцамъ извъстно искусство крашенія камней, и потому ихъ черные ониксы поддъльные.

Естественный цвътъ слоя одинаковъ во всей толщинъ, въ искусственномъ-же та часть слоя, которымъ онъ оканчивается, бываетъ темпъе внутренией.

Окрашиваніе камней по объясненному способу основывается на слідующемь: почкообразная масса различныхъ халцедоновъ состоить изъньсколькихъ параллельныхъ слоевъ, которыхъ строеніе и плотность различны, но цвіть почти одинъ и тоть-же, такъ, что въ естественномъ состояніи слои отличить довольно трудно.

Вообще всё камни изъ породы халцедона имѣютъ свойство всасывать въ себя жидкость по направленію своихъ слоевъ; степень этого всасыванія для каждаго слоя различна; поэтому, если камнемъ будетъ всосана жидкость цвѣтная, то камень окрасится полосами по числу слоевъ, и каждая полоса приметъ цвѣтъ, соотвѣтствующій степени всасыванія ея слоя; такимъ образомъ халцедонъ, въ естественномъ состояніи бѣлаго цвѣта, превращается въ красивый полосатый ониксъ, изъ котораго можно сдѣлать камею или другой предметъ, гдѣ нестрота полосъ имѣетъ зпаченіе.

Химическій процессь, отъ котораго зависить окрашиваніе камни, весьма прость: медь проникаеть въ слои и потомъ обугливается въ нихъ сърною кислотою. Поэтому цвъть полось бываеть темнье, если въ нихъ будеть заключаться больше угля. Тъ слои, которые въ естественномъ состояніи слабо отличаются прозрачностію и цвътомъ, отъ

окрашиванія становятся сърыми или черными, полосы-же бѣлаго цвѣта, теряя, при высокой температурѣ, свою прозрачность, кажутся бѣлѣе. Тоже происходитъ и съ полосами краснаго цвѣта; тѣ мѣста, которыя были вовсе безцвѣтны, дѣлаются красными, а красноватыя пріобрѣтаютъ болѣе яркости и отдѣляются рѣзче, чѣмъ въ естественномъ состояніи.

Цънность необдъланнаго камия опредъляется испытаніемъ степени его всасыванія. Это испытаніе производится надъ малымъ кускомъ калцедона, и дълается прикладываніемъ его къ языку. Навыкъ опредъляетъ при этомъ время высыханія или всасыванія камия и разность этихъ свойствъ въ различныхъ слояхъ. По большей или меньшей скорости всасыванія опредъляется способность камия принять краску и, главное, въроятность превратить его въ ониксъ.

Оберштейнъ и Идора производять въ годъ камней такого рода на сумму до 18 тысячь руб. сер., полагая въ этомъ числъ 6 тысячь собственно за камни, а 12 тысячь за ихъ отшлифовку. Многіе, въроятно, помнять образцы этихъ камней на всемірной выставкъ, присланные Келлеромъ и К° изъ Оберштейна и Гаттонъ-Гардена.

Ограненному и окрашенному камню подбирается соотвътственный рисунокъ для камен. При этомъ обращается особенное внимание на то. чтобы въ камиъ было три полосы и чтобы линіи раздъла между двумя слоями, составляющими грунть и фигуру, отличались рёзко между собою; впрочемъ иногда съ выгодою можетъ быть употребленъ и постепенный переходъ цвъта одного слоя въ другой. Такъ, при изображении головы Медузы на сердоликъ, у котораго одинъ бълый слой лежитъ между двумя красными, и линія, разділяющая эти слои, разграничиваеть ихъ ръзко, можно лицо Медузы выръзать изъ бълало слоя, а змъй изъ краснаго. Еслибы переходъ верхняго краснаго цвъта въ бълый былъ постепенный, то блёдно-красный слой можно было-бы оставить на щекахъ. Вообще должно замътить, что воспользоваться свойствами камня и возвысить эфектъ разьбы составляеть искусство разчика, далающаго камею; но чёмъ больше въ камий разноцейтныхъ слоевъ, тёмъ больше требуется отъ художника навыка для выбора предмета, въ которомъ можно было-бы съ выгодою употребить въ дёло и сочетать всё цвёта.

Предварительно разыбы на камий составляется рисунокъ изображенія камеи въ большомъ размірів; потомъ, сообразуясь съ толщиною бълаго слоя камня, вылішляется изъ воску модель різыбы, совершенно той величины, какъ она должна быть исполнена на камей. Модель и камень подготавливаются такимъ образомъ, чтобы ті условія, которыя соединены со свойствами камня, удовлетворяли-бы и въ модели. Когда это

34 Смъсъ.

выполнено, то на камень переводится рисунокъ рѣзьбы, и прочерчивается острымъ инструментомъ на значительную глубину по бълому слою; при этомъ мъста, невходящія въ рисунокъ, откалываются до самаго фона, или грунта камен. Образовавъ общій очеркъ фигуры, приступають къ выработкъ подробностей, поступая въ этомъ случат осторожно, чтобы не сръзать тъхъ мъстъ, на которыхъ должны быть выдавшіяся части, и ведутъ работу съ постепенностію во всёхъ частяхъ, чтобы общій эфектъ соотвътствовалъ выраженію на модели. Инструментами для ръзьбы камей елужать маленькія вращающіяся колесца или кружки, которые вставляются въ конические стержин изъ мягкаго жельза, подобно тому, какъ вставляются деревянные болваны въ патроны токарнаго станка, или машины разчиковъ печатей. Механизмъ, вращающій эти колесца, прикрапляется къ верстаку, имъющему впереди выръзку, какъ въ столъ у золотыхъ дёлъ мастеровъ. Колесца отстоять отъ верстака на 21/2 и на 31/2 ф., смотря потому, сидя или стоя художникъ работаетъ. Инструменты для ръзьбы камей вообще весьма мелки; сила, приводящая ихъ въ движение, тоже незначительна; въ нъкоторыхъ только случаяхъ нужно быстрое вращение долоть, и для этого художникъ долженъ работать стоя. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случав, сила, сообщаемая механизму, состоить въ нажимании педали ногою.

Форма и величина инструментовъ для рѣзьбы камей различны; вообще они дѣйствуютъ колесцомъ съ обточенными краями. Нѣкоторые инструменты тонки, какъ лезвее перочиннаго ножа; другіе несравненно
толще и болѣе обточены. Самый большой размѣръ колесца простирается
до ¹/6 дюйма, самый меньшій ¹/150 части дюйма, и походитъ на остріе
швейной иглы. При дѣйствіи инструментомъ, край колесца намазывается
алмазнымъ порошкомъ, стертымъ на деревянномъ маслѣ. Камень, на которомъ дѣлается рѣзьба, прикрѣпляется къ деревянному болвану, и подтягивается нижней стороною колесца такимъ образомъ, чтобы въ-продолженіе всей работы алмазный порошокъ постоянно былъ на инструментъ.

По вырёзкё камен, она полируется мёдными инструментами, сдёланными точно также, какъ и гравировальные, при помощи такой-же алмазной мази. Окончательный лоскъ наводится деревянными инструментами, изъ бука, натертыми алмазною мазью, и мёдными съ трепеломъ и водою. При отполировкё камен нужны особенная внимательность и осторожность, чтобы не попортить нёжныхъ выдавшихся частей рёзьбы и не истребить дёлаемый ими эфектъ.

Иногда совсемъ готовая камея опускается снова въ кислоту, для возвышенія цвёта фона.

По высокой цѣнѣ, камеи изъ оникса доступны только дюдямъ богатымъ. Хотя въ послѣднее время, отъ увеличенія числа производителей, цѣна эта и понизилась, но и теперь хорошо сдѣланную камею, съ изображеніемъ головы отдѣльной фигуры, платятъ отъ 80 до 120 р. сер.

Камеи изъ раковинъ. Ни одно произведение природы не представляетъ такихъ выгодъ для поддълки античныхъ камей, какъ раковины нъкоторыхъ слизняковъ. Въ этихъ раковинахъ соединено разнообразие цвътныхъ слоевъ съ достаточною мягкостию, для облегчения ръзыбы, и прочностию для употребления. Животныя, дающия эти раковины, принадлежатъ къ семейству устричныхъ, обитающихъ около береговъ Мадагаскара, Цейлона, Ямайки и Новаго-Провиденса.

Раковины этого рода состоять вообще изъ трехъ слоевъ известковаго вещества, лежащаго въ продольномъ направлении; каждый слой состоить изъ трехъ ярусовъ чешуекъ; въ среднемъ слов онв перепендикулярны, а въ крайнихъ, параллельны оси раковины. Такое строеніе даетъ раковинѣ значительную кръпость и охраняетъ находящееся въ ней животное отъ нападенія извив; оно-же даетъ средство граверу образовать особенную поверхность для своего произведенія.

Средній слой раковины составляеть въ каме в корпусь барельефа, внутренній слой даеть грунть, а наружный, или верхній, служить для разнообразія выръзаннаго изображенія. Поэтому граверы выбирають такія раковины, въ которыхъ встри слоя различнаго цвтта и соотвтствують выбранному сюжету; кромътого отъ раковины требуется, чтобы встри слоя ея прилегали другь къ другу плотно.

Камен вырѣзываютъ изъ раковинъ слѣдующимъ образомъ: выбравъ раковину, распиливаютъ ее на части стальною пилою, съ трепеломъ и волою. Отрѣзанная часть обтачивается на точилѣ, какъ съ краевъ, такъ и съ поверхности до цвѣтнаго слоя. Обдѣлавъ такимъ образомъ раковину, прикрѣпляютъ ее къ деревянному болвану, который удобно было-бы держать въ рукѣ, и чертятъ на ней кистью контуръ рѣзъбы. По этому контуру чертятъ иглою; окружающія лишнія мѣста срѣзываютъ долотцомъ или граверомъ, и отдѣлываютъ самую фигуру особыми инструментами. Обыкновенно эти инструменты дѣлаются изъ различной толщины желѣзной закаленной проволоки, срѣзанной подъ угломъ 45° и заостренной на оселкѣ. На большіе инструменты берется проволока толщиною въ ½ долю дюйма, на самые малые швейныя иглы.

Камен изъ раковинъ дѣлались сначала только въ одной Сициліи, но около 1805 г. это искусство проникло въ Римъ и ограничивалось Италіею. Лѣтъ 25 тому, одинъ итальянскій художникъ завелъ мастерскую такихъ камей въ Парижѣ, и теперь во Францій дѣлается ихъ несрав-

ненно болье, чыть въ Италіп. Римскіе художники въ рызьбы камей изъ раковинъ достигли самой высокой степени совершенства; ихъ произведенія, оригинальныя и копіи съ антиковъ, поражаютъ тщательностью работы и ея оконченностію. Почти половина камей, работаемыхъ во Франціи, сбывается въ Англію, гдъ онъ обдълывается въ броши и отсылаются въ Соединенные Штаты и британскія колоніи.

По оффиціальнымъ свёдёніямъ, ввозъ камей въ Англію простирался въ 1845 году на сумму 1126 фунт. стер., но значительная пошлина съ этой статьи (до 20%, цённости) имёла вліяніе на утайку дёйствительной стоимости товара, такъ что, когда эта пошлина была сбавлена на четверть (5%), то цённость привезенныхъ камей была въ 1846 г. до 8992 фун., а въ 1847 до 6502 фун.

Камен изъ стекла. По словать Плинія, подделка камей хотя п была извъстна его современникамъ, но не считалась выгоднымъ предпріятіємъ. Тогда поддълка эта производилась сплавленіемъ нъсколькихъ пластинокъ разноцвътныхъ стеколъ, похожихъ на полосы геммъ, каковы агатъ, ониксъ и др. Между пластинками клали иногда, для красы, тонкія полоски блестящаго металла, и запанвали плотно между со бою. Въ наше время поддълка ониксовъ изъ разноцвътныхъ стеколъ составляеть предметь значительной торговли, и основывается на следующемъ: нъкоторые сорты стеколъ, пробывъ долгое время въ сильномъ жару, не выше однакожъ температуры ихъ плавленія, измѣняются въ свойствахъ и въ ткани столь значительно, что теряютъ свою прозрачность и делаются такъ крепки, что режуть стекло и не чертатся напилкомъ. Поддъжа ониксовъ заключается въ стоплении разноцвътныхъ полосокъ стекла и въ закалени ихъ въ нечи до такой степени, что онъ теряютъ прозрачность и становятся также кръпки, какъ настоящія геммы. Такимъ-образомъ очень дешево составляются коллекціи замізчательныхъ камей, произведеній древняго и новаго времени; подражаніе удается вполнъ, какъ въ отношени къ цвъту камен, такъ и въ самомъ изображенін выръзаннаго предмета.

Весьма замѣчательный родъ камей изъ стекла составляетъ изобрѣтеніе Анслея Пеллатта, который изображеніе предмета изъ непрозрачнаго стекла заливаетъ прозрачною стеклянною массою.

ІІІ. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ п ПРОМЫЩЛЕНОСТИ.

0 приготовление искусственныхъ драгодънныхъ камией. Въ еженедёльномъ листкъ, который издавалъ Водцекъ въ Берлинъ, была еще въ

1809 — 1810 годахъ напечатана статья оберъ-медициналъ-ассесора и аптекаря въ Берлинъ Шрадера объ искусственныхъ драгоцънныхъ камняхъ. — Объ этой статьъ совершенно забыли-бы, еслибы Dr. Эльснеръ не помъстилъ ее теперь въ своихъ: Die chemisch-technischen Mittheilungen der neuesten Zeit. — При манускриптъ этой статьи найденъ былъ ящикъ съ образчиками шлифованныхъ искусственныхъ камней, которые по прозрачности своей и чистотъ цвътовъ нисколько не уступаютъ искусственнымъ драгоцъннымъ камнямъ, въ настоящее время встръчающимся въ торговлъ.

Мы безъ перемъны передадимъ это руководство къ приготовлению искусственныхъ драгоцънныхъ камней.

«Твердость, плотность и прекрасный цвъть—вотъ качества, которыя надобно сообщить стеклу, для того, чтобы оно какъ можно ближе подходило къ драгоцъннымъ камнямъ. — Качества эти можно сообщить стеклу частію посредствомъ особаго способа приготовленія его, частію посредствомъ примъсей, но преимущественно онъ зависять отъ чистоты веществъ, входящихъ въ составъ стекла.

Въ составъ подобныхъ стеколъ входитъ и окись свинца, сверхъ существенныхъ составныхъ частей; отчего стекло получаетъ большую плотность, слъдовательно болье блеска, и дълается тяжелье, то есть, пріобрътаетъ такія качества, которыми драгоцънные камни обладаютъ въ высшей степени. — Впрочемъ слишкомъ большая примъсь свинца вредитъ твердости стекла, которое чрезъ это легче вывътривается на поверхности и теряетъ видъ. — Отъ большой примъси кремнезема стекло хоть и получаетъ большую твердость, но зато дълается болье трудноплавкимъ, такъ что надобно къ нему прибавлять буру или какое-нибудь другое вещество, способствующее плавленію и невредящее смъщенію; количество буры не должно быть велико, потому-что иначе стекло легко подвергнуть вывътриванію.

И такъ, для хорошаго смъшенія необходимо.

- Чистый кремнеземъ, который всего лучше получается изъ чистаго горнаго хрусталя, размолотаго въ тонкій порошокъ.
 - 2. Чистый кали или натръ.
 - 3. Бура.
 - 4. Окись свинца, или сурикъ.
- 5. Немного селитры, для приданія смъси легкоплавкости, а равно для уничтоженія угольныхъ частицъ, которыя могутъ вредить цвъту стекла.
- Окись какого-нибудь металла, для сообщенія сплаву цвъта, которой берется весьма малое количество.

Если жаръ силенъ и продолжителенъ, какъ напримъръ жаръ въ печахъ для обжиганія фарфора, то цвътъ сплавовъ выходитъ плохой, и стекло, по охлажденіи, растрескивается; лучше производить сплавъ въ обыкновенной воздушной печи, которую наполнить углемъ по окончаніи плавки, для того, чтобы стекло медленнъе охлаждалось. — Работу значительно можно ускорить, употребляя небольшой мъхъ. Самая плавка производится въ новомъ гессенскомъ тиглъ, который до половины наполняется тонкимъ порошкомъ смъси, просъянной черезъ частое сито, и покрывается глиняной крышкой.

Обыкновенное смѣшеніе для сплавки стекла было слѣдующее: 1 унція тонкаго порошка горнаго хрусталя, ½ унціп сухаго углекислаго натра, 3 драхмы обожженной буры, 2 драхмы сурика, отъ 20 до 60 гранъ селитры.

Смѣсь для стекла болѣе твердаго, нежели предыдущее, такая: 1½ унціи горнаго хрусталя, ½ унціи сухаго углекислаго натра, 3 драхмы обожженной буры, 2 драхмы сурика, 20 гранъ селитры, или болѣе, смотря по обстоятельствамъ.

Вмѣсто горнаго хрусталя, можно взять чистый порошокъ кремня или, за недостаткомъ обоихъ этихъ веществъ, можно употребить порошокъ оѣлаго стекла, въ массу котораго надобно прибавить, впрочемъ, немного мышьяка, для того, чтобы сдѣлать ее совершенно безцвѣтною. Прекрасный твердый сплавъ, высѣкающій изъ стали искры, получается при слѣдующемъ смѣшеніи: 1 унція стекла въ порошкѣ, 3 драхмы горнаго хрусталя, 2 драхмы сурика, 2 драхмы обожженной буры, 2 скрупула селитры, ½ скрупула оѣлаго мышьяка.

Всѣ эти матеріалы по сплавленін каждаго изъ нихъ образуютъ отдъльно такъ называемый стразъ, — основаніе для приготовленія искусственныхъ драгоцънныхъ камией.

Рубинъ. Еще Кункель ноказалъ, что искусственный рубинъ можно получить посредствомъ золотаго препарата. — Шрадеръ утверждаетъ, что этотъ камень можно приготовить употребляя кассіевъ пурнуръ (соединеніе оловянной окиси съ металлическимъ золотомъ), или даже просто растворъ золота, и наконецъ чистый осадокъ золота, что подтвердилось совершенно въ новъйшее время.

По словамъ Шрадева, самая лучшая смѣсь для приготовленія рубина искусственнаго слѣдующая: 1 унція горнаго хрусталя, 1/2 унцій сухаго углекислаго натра, 3 драхмы обожженной буры, 3 драхмы сурика, 11/2 драхмы селитры, 15 гранъ кассіева пурпура, 8 гранъ лучистой сѣрой сурмяной руды (сѣрнистая сюрьма), 8 гранъ сѣрой мар-

ганцовой руды (окись марганца съ случайными примъсями жезъзной закиси, кремнезема и проч.)

Или слъдующая: 4 унція горнаго хрусталя, ½ унціи сухаго углекислаго натра, 4 скрупула обожженной буры, 4 скрупула сурика, 2 селитры, 15 гранъ кассіева пурпура, 1 драхма нашатыря.

Сафиръ можно получить, или употребляя одинъ кобольтъ: 1 /2 унціи горнаго хрусталя, 6 драхмъ сухаго углекислаго натра, 2 драхмы обожженной буры, 2 драхмы сурпка, 1 драхма селитры, 1 гранъ углекислой окиси кобольта; или употребляя кобольтъ съ мъдью: 1 унція горнаго хрусталя, 1/2 унцій сухаго углекислаго натра, 2 драхмы обожженной буры, 1 /2 драхмы сурика, 1/2 драхмы селитры, 1/4 грана углекислой окиси кобольта и 15 гранъ углекислой окиси мъди.

Даже при употребленіи одной мъди Шрадеръ получиль хорошій голубой цвъть: 1 ½ унціи горнаго хрусталя, 6 драхмъ сухаго углекислаго натра, 1 драхма обожженной буры, 1 драхма сурика, ½ драхмы селитры, ½ драхмы углекислой окиси мъди.

Изумрудъ приготовлялся по слъдующему рецепту: 1½ унцін горнаго хрусталя, 6 драхмъ сухаго углекислаго натра, 2 драхмы обожженной буры, 2 драхмы сурика, 1 драхма селитры, 1 скрупулъ красной жельзной окиси, ½ скрупула углекислой окиси мъди.

При употребленіи окиси хрома получался хорошій травяно-зеленый цвѣтъ, который, впрочемъ, улучшался отъ примѣси небольшаго количества окиси кобольта. Слѣдующее смѣшеніе имѣло прекрасный зеленый цвѣтъ: 1½ унціи горнаго хрусталя, ½ унціи сухаго углекислаго натра, 3 драхмы обоженной буры, 2 драхмы сурцка, 2 скрупула селитры, 1½ грана углекислой окиси кобольта, ½ скрупула углекислой окиси хрома.

Окись урана даетъ обыкновенно желтый цвътъ, переливающійся въ зеленый, но въ слъдующемъ смъшени она дала очень хорошій изумруднозеленый цвътъ: 9 драхмъ горнаго хрусталя, 3 драхмы сухаго углекислаго натра, 2 драхмы сурика, 1 драхма селитры, 4 скрупула углекислой окиси урана, 3 грана углекислой окиси мъди, 3 грана окиси олова и столько-же пережженныхъ костей.

Самая лучшая смѣсь для *хризопраса*, имѣющаго яблочно-зеленый цвѣтъ, слѣдующая: 1½ унціи горнаго хрусталя, ½ унціи сухаго углекислаго натра, 3 драхмы обожженной буры, 2 драхмы сурика, 1 скрупуль селитры, 2 драхмы пережженныхъ костей, 2 грана углекислой мѣдной окиси, 4 грана красной окиси желѣза, 6 гранъ углекислой окиси хрома.

При сплавъ этого смъщенія получается хризопрасъ темнаго цвъта;

для полученія болье свътлаго надобно взять ¼ показаннаго количества трехъ металлическихъ окисей, но въ томъ-же отношеніи между собою, какъ означено.

Смъсь для опала. 9 драхмъ горнаго хрусталя, 3 драхмы сухаго углекислаго натра, 2 драхмы обожженной буры, 1½ драхмы сурпка, 15 гранъ селитры, ½ гранъ минеральнаго пурпура, 1½ гр. пережженныхъ костей, 2 грана хлористаго серебра. Для берилла или аквамарина: 1½ унцін горнаго хрусталя, ½ унцін сухаго углекислаго натра, 3 драхмы обожженной буры, 2 драхмы сурика, 1 драхма селитры, 6 гранъ красной окиси жельза, 2 грана углекислой окиси мъди.

Виъсто двухъ послъднихъ окисей можно взять 4 грана красной жельзной окиси и 1/6 грана углекислой окиси кобальта.

Для приготовленія *гіацинта* употребляется бурая окись сурьмы и сърая сурьмяная руда. Если къ смъси прибавить марганецъ или употребить марганецъ съ желъзомъ, то получимъ *гранатъ* или *венису*, какъ напримъръ по сплавъ слъдующаго смъщенія: 9 драхмъ горнаго хрусталя, 3 драхмы сухаго углекислаго натра, 2 драхмы и 15 гранъ обожженной буры, 1½ сурика, 2 скрупула селитры, 5 гранъ сърой марганцовой руды, 3 грана окиси желъза.

Для возвышенія цвъта можно прибавить еще 1 гранъ кассієва пурпура. Для турмалина красноватобураго цвъта: 1 унція горнаго хрусталя, 1/2 унціи сухаго углекислаго натра, 3 драхмы обожженной буры, 11/2 драхмы сурика, 11/2 драхмы селитры, 8 гранъ окиси никкеля.

Для турмалина луковозеленовато-голубаго и индигоголубаго цвъта: 2 унци стекла въ порошкъ, 6 драхмъ горнаго хрусталя, 6 драхмъ сурика, ½ унци обоженной буры, 4 скрупула селитры, 1½ грана углекислой окиси кобальта.

Если жельзо было въ смъси, то часто получаются топазъ и хризолить; а также можно употребить и уранъ. Для темнаго хризолита: 6 драхмъ горнаго хрусталя, 2 драхмы сухаго углекислаго натра, 1½ др. обожженной буры, 1 драхма сурика, ½ скрупула селитры, 2 грана сърой марганцовой руды.

Аметисть получается при сплавь массы стекла съ сърою марганцевою рудою, причемъ на 6 унцій массы берется только 1 гранъ руды; впрочемъ стекла въ порошкъ одна унція вмъсть съ 1 драхмою селитры, небольшимъ количествомъ буры и сурика даютъ хорошій аметистъ.

Лазоревый камень приготовляется изъ сплава кобальтоваго съ какою-нибудь непрозрачною массою: 6 драхмъ горнаго хрусталя, 2 драхмы сухаго углекислаго натра, 1 /2 драхмы обожженной буры, 1 драхма сурика, 1 скрупулъ и 5 гранъ селитры, 1 драхма пережженныхъ костей, 2 грана углекислой окиси кобольта.

Для приготовленія *агата* беруть куски различныхь сплавовь и размягчають ихь, а потомь, когда они расплавятся, массу мьшають. Шрадерь получаль агаты, употребляя красную окись жельза, которая окрашивала сплавь только мьстами; или къ 3 лотамь сплава взять 30 грань красной окиси жельза.

Construe del conserviu 12000 - ette construe ette intereste intereste

О пожарахъ въ Лондонт въ 1851 году. Вотъ извлечение изъ отчета Г. Бадлея, по этому предмету. Всего пожаровъ, дошедшихъ до свъдънія начальства, было въ Лондонъ, въ-теченіе 1851 года, 928, но тъхъ, которые остались въ неизвъстности, можетъ-быть, еще болъе.— Изъ числа сдълавшихся извъстными 270 было потушено жителями загоръвшихся строеній, безъ всякой посторонней помощи, 398 частію съ постороннею помощію, 260 наконецъ прекращены дъйствіемъ пожарной команды. Къ помощи пожарной команды прибъгали въ 1159 случаяхъ, какъ видно изъ таблицы:

Мъсяцы.	Число	Пожары	Людей	Выкидывало	Ложная
CG-CE IN	пожаровъ.	значительн.	погибло.	изъ трубъ.	тревога.
Январь	63	00 16 1	3 10	9	9
Февраль	65	1000	1 1	10	8
Мартъ	80	3	4	13	10
Апръль	65	ion + ion	40 -416	9	13
Май	81	5	8	12	5
Іюнь	82	range strike	Therean	9 1	10
Іюль :	74	aga er ete (Alas)	Southern Chie	10	10
Августъ .	77	aro 1 merun	at til ame	3	9
Сентябрь .	89	0.1	2 1	unwith Temples	8
Октябрь .	62	tage 2 de ye	2	10	11
Ноябрь	83	2	36 a	13	13
Декабрь .	107	1 5 miners	5	ud 111 return	912
Bcero:	928	21	28	116	115

Въ 464 случаяхъ были застрахованы строенія и движимое въ нихъ имущество.

- 245 одни строенія
- 42 одни движимыя имущества.
- 27.7 не было никакого застрахованія.

Значительныхъ пожаровъ въ этомъ году было болъе, нежели въ предыдущемъ, и они произошли отъ слъдующихъ причинъ: отъ неосторожности и воспламененія платьевъ 10 пожаровъ, при чемъ 10 человъкъ лишились жизни; отъ пьянства 6 пожаровъ, лишились жизни 7 человъкъ; отъ воспламененія занавъсъ у кроватей 2 пожара, лишились жизни 2 чел.; отъ воспламененія пороха 1 пожаръ, лишились жизни 2 чел.; отъ неизвъстныхъ причинъ 2 пожара, лишились жизни 7 чел. Всего 21 пожаровъ и 28 человъкъ погибло.

Общество для спасенія людей отъ огня въ этомъ году подавало помощь при 249 пожарахъ и способствовало сохраненію жизни 24 человъкъ, употребляя свои аппараты спасенія, которыми теперь уже снабжены 32 станціи. Устройство этихъ станцій идетъ такъ быстро впередъ, что въ самое короткое время весь Лондонъ будетъ имъть станціи на разстояніи полумили одна отъ другой, которыя будутъ находится подъ присмотромъ опытнаго управляющаго.

Пожары приходились: по понедъльникамъ 135; вторникамъ 135; средамъ-149; четвергамъ 123; пятницамъ 126, субботамъ 150; воскресеньямъ 111.

Въ различные часы дня было пожаровъ

 Часы
 1.
 2.
 3.
 4.
 5.
 6.
 7.
 8.
 9.
 10.
 11.
 12.

 По-полуночи
 60
 49
 41
 32
 18
 21
 20
 15
 16
 21
 19
 23

 По-полудии
 31
 23
 21
 23
 41
 35
 55
 65
 75
 91
 78
 55

Причины пожаровъ, сколько возможно было узнать, были слъдующія: случан, которыхъ нельзя было предвидѣть и избѣжать, 9, воспламененіе платья на людяхъ 11, аеролить 1, неосторожность со свічками 87, воспламенение занавъсокъ у кроватей 75, у оконъ 73, невниманіе, которое нельзя извинить, 17, огонь отъ древеснаго угля 2, жареніе цикоріи 1, неосторожность дітей, игравшихъ съ огнемъ 11, со спичками 7, зола, выброшенная непотушенною, 9, зола отъ кокса 1, котлы, неосторожно поставленные, 9, искры 59, огонь очаговъ и другихъ мъсть, гдъ его недолжно было имъть, 9, приготовление фейерверковъ 2, восиламенение фейерверковъ 3, дымовыя трубы: невычищенныя 34, въ сосъднихъ домахъ 11, въ худомъ состояніи бывшія и расколотыя сильно 35, отъ чугунныхъ печей и желъзныхъ 2; неосторожное копченіе 5, печи 16, истечение газа: изъ худыхъ проводныхъ трубъ 56, уличныхъ 1, пламя газа, которое очень высоко горъло и зажгло состдніе предметы, 14, газовыя печи 2, поправка газопроводовъ 3, взрывъ пороха 1, худыя плиты 3, огонь, вышедшій чрезъ каменныя стъны, прогоръвшія, 5, пьянство 13, сушение солода 1, масляныя ламиы 3, неотяныя ламиы 5, гашеніе извести 9, сушеніе бълья 55, искры отъ паровозовъ 7, приготовленіе зажигательныхъ синчекъ 3, употребленіе ихъ 7, случайное воспламененіе ихъ 2, вареніе масла 3, худое устройство печей разнаго рода 4, вареніе дегтя и смолы 9, чтеніе въ постелѣ 3, скопленіе стружекъ, загорѣвшихся, 39, конченіе мяса и рыбы 5, лоннувшая бутылка со спиртомъ 1, самовозгорѣніе: навоза 2, сѣна 1, сажи 3, спичекъ 1, пропитанной масломъ ветоши 5, ветоши 3, дубовой коры 1, перегоночные кубы 2, жаръ отъ паровыхъ котловъ 3, взрывъ ихъ 1, неосторожная топка худо-сдѣланныхъ печей 27, сушильныя печи 7, печи для нагрѣванія утюговъ 2, трубы печныя 8, топленіе сала и воска 4, куреніе табаку 29, клияченіе лака 3, съ намѣреніемъ подожжено 19, подозрительныхъ пожаровъ 13, отъ неизвѣстныхъ причинъ 41. Итого 928.

Пожаръ отъ аеролита случился 20 сентября. Вечеромъ въ этотъ день, въ 9½ часовъ, видъли метеоръ, который двигался съ большою скоростію, издавая отъ себя сильный свътъ, и упалъ въ Mount-row, Westminster road. Минутъ десять спустя, заведеніе г. Дауніе, дълателя рамъ для картинъ, объято было пламенемъ, и прежде, нежели подосиъла иожарная команда, домъ этотъ обращенъ былъ въ пепелъ.

Искры отъ паровозовъ произвели нъсколько пожаровъ. Когда начали строить желъзныя дороги внутри города, уже предвидъли эти несчастія, и по этой причинъ не позволяли Влекуальской желъзной дорогъ употреблять паровозы. Но потомъ начали ъздить паровозы по всъмъ направленіямъ города, разсыпая искры и не заботясь объ опасности. Удивительное невниманіе публики видно въ томъ, что много складочныхъ мъстъ съпа, соломы, дерева и другихъ легко возгорающихся предметовъ, было основано вдоль желъзной дороги, что и было причиною многихъ пожаровъ.

Случались пожары, произведенные домашними животными, кошками, собаками и проч. — Замъчателенъ одинъ случай, гдъ лошадь, инстипктомъ своимъ, открыла пожаръ. Пожарная команда ъхала, по требованію, на пожаръ въ Дептфортъ, какъ вдругъ на одной изъ улицъ передняя лошадь остановилась и ее никакими средствами не могли принудить идти далъе. При внимательномъ осмотръ кругомъ, оказалось, что въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ пожаръ, который и былъ потушенъ прежде, чъмъ жители дома узнали объ этомъ. (Dingler's Politechnisches Journal).

О приготовлении розоваго масла въ балканахъ. Въ долинахъ Балкановъ, между Селимно и Карлова, даже до Филиппополя, большая часть христіанскаго народопаселенія занимается разведеніемъ розъ, произрастенію которыхъ въ особенности способствуетъ свѣжій, горный воздухъ и осо-

бенное котловидное образованіе почвы. Здісь разводять большею частію розу обыкновенную, Rosa centifolia provincialis, которая хотя и неочень высока ростомь, но зато густо и хорошо растеть; шиповь у нея много, цвіты ея невелики, бліднорозоваго цвіта, съ небольшимь числомь листочковь, но съ сильнымь и прекраснымь запахомь.

Въ хорошій годъ, когда погода стоптъ неочень жаркая, но болѣе умѣренная и сырая, добывается здѣсь до 400,000 метикалей (1 метикаль—1½ драхмы). Восемь окъ розъ, въ каждой около 400 штукъ розъ, даютъ одинъ метикаль эссенцій. Въ худой годъ добывается только отъ 100,000 до 150,000 метикалей. Въ 1851 году получено 300,000 метикалей и метикаль продавался отъ 14—до 18 піастровъ.

Розовое масло и розовая вода приготовляются очень просто. Розы обрывають у самой чашечки и листочки кладуть въ большія мідныя реторты, которыя вижщають въ себж около 30 окъ розъ и столько-же воды. Реторты эти нагръваютъ на самомъ маломъ огиъ, очень медленно. По истеченій исколькихъ дней, изъ этаго количества розъ получають оть 4 до 5 окъ розовой воды, которую еще разъ перегоняють, причемъ она уменьшается въ количествъ на половину и даетъ драгоцънную и весьма летучую эссенцію, которую сохраняють очень старательно. Полученная такимъ образомъ эссенція бываетъ двоякаго качества. Нъкоторыя розы дають эссенцію, которая легко стагнируется, такъ, что 3 метикаля ея въ водъ, при 10° R., уже дълаются нетекучими; между-темъ какъ въ другихъ местахъ получается эссенція, которая большее время и при низшей температуръ остается жидкою. Эссенція перваго сорта особенно уважается въ торговль, потомучто она удобна для разныхъ смъсей, но второй сортъ имъстъ болъе тонкій запахъ. Перегонка вообще продолжается около 25 дней; розовая эссенція вливается въ мідные сосуды, называемые кункума, которые пересылаются, напередъ хорошо запаянные. Кункума вмѣщаетъ отъ 100 по 1000 метикалей. Вода-же розовая разсылается въ особыхъ маленькихъ боченкахъ. Изъ Казанлика эссенція идеть въ Константинополь и далъе.

production of the control of the control of the state of the control of the contr

IV. ПУТЕШЕСТВІЯ, АНКЕДОТЫ И МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ.

ж а з э д ь.

КАРТИНА ИЗЪ ЛУИЗІАНСКОЙ ЖИЗНН.

Разсказъ Герстэккера.

Была весна, весна въ Луизіанъ!

Изъ-за висячаго, съраго, шелестившагося мха на въковыхъ кипарисахъ показались зеленые майскіе пучки листьевъ, и эти гигантскія деревья походили на среброволосыхъ старцевъ, украшенныхъ свъжею зеленью.

Съ юга собирались разные пестрые, восхитительные необозримыя цъпи дикихъ гусей и утокъ отправлялись на съверъ, вить свои гитада, и осенью возратиться въ теплыя чтобы тамъ страны прекраснаго юга, и въ недоступныхъ болотахъ защищаться отъ жестокихъ сивжныхъ буръ негостепримнаго сввера. Большая бълая задумчиво сидъла на берегахъ Миссиссиии, на выдавшемся въ ръку древесномъ инъ; она весьма серьозно наблюдала за теченіемъ ръки подъ ея ногами, иногда быстро погружая свой длинный носъ въ воду, и всякій разъ за этимъ движеніемъ следовало взятіе въ пленъ и умерщвленіе какого-нибудь маленькаго, веселаго жителя ръки. Цапля-же самодовольно и гордо вытягивала свою длинную шею къ-верху, курлыкала своимъ клевомъ, какъ-бы желая этимъ сказать: «будьте вы такъ умны, какъ хотите, а я все-таки васъ поймаю!» и опять погружалась въ первобытное неподвижное положение. Насмъщливая птица (родъ американскаго соловья) свистала въ цвътущихъ тюльпанныхъ деревьяхъ; лунь (родъ нырка) качался на самыхъ недоступныхъ верхушкахъ исполинскихъ деревъ, растущихъ на плодоносной почвѣ болота, и оглашалъ дремлющій лісь своимъ произительнымъ крикомъ, а горлица, скрывшаяся въ тенистыхъ хинныхъ деревьяхъ, отъ которыхъ только теперь отпали ирошлогоднія ягоды, заманивала грустно-сладкими звуками нев'рнаго самца, который между-тёмъ на широкой крышт плантаторскаго дома, окаймленнаго цвътами и померанцовыми рощами, куралесилъ и цъловался съ другой, чужой самкой.

Тихо и тапиственно качались верхушки мъстами еще дъвственнаго лъса, и могущественная ръка запада, величественная Миссиссиии, съ быстротою несла свою грязную, глинистую, шипучую влагу къ чистому Мексиканскому-заливу, который сначала какъ-бы отступаль съ своей хрустальной водой, не желая принять этаго грязнаго, тинистаго пришлеца. Но этотъ, въ сознаніи своей испытанной силы, проклады-

ваетъ себъ путь и обнимаетъ упорную соленую влагу своими семью рукавами, со всемъ огнемъ юнаго любовника. И онъ не замараетъ чистой влаги, но самъ очищается въ ней; онъ уже не шумитъ такъ дико и неистово, и является скоро, избавясь отъ всъхъ нечистотъ, такимъ прозрачнымъ, какимъ онъ былъ на холодномъ съверъ, гдъ впервые увидълъ свътъ и съ шумомъ разлился чрезъ голыя скалы и плодоносныя долины.

Солнце, неотуманенное ни однимъ облакомъ, величественно поднялось изъ-за густаго лъса, окружающаго широкія плантаціи. На поляхъ толны невольниковъ работали заступомъ и плугомъ; нъсколько надзирателей, верхами, наблюдали за ними, приподнимая иногда съ угрозой тяжелый арапникъ и предостерегая нерадивыхъ; — подальше, старая негритянка, — ей было уже 72 года и она не годилась ни къ какой другой работъ, — выгоняла стадо овецъ на свъжую траву, и блеяніе ихъ смѣшивалось съ звономъ маленькаго колокола, сзывавшаго на молитву въ ближнюю часовню. Съ шумомъ и трескомъ пыхтълъ одинъ изъ огромныхъ пароходовъ внизъ по ръкъ, въ Нью-Орлеанъ, и множество маленькихъ шлюнокъ и шкунъ, которыя тамошними плантаторами называются «куроворами (*), съ раздутыми парусами, летъли по теченіи ръки, слегка зарябившейся отъ свъжаго сѣверовосточнаго вътра.

Мы постараемся поближе познакомить читателя съ однимъ изъ такихъ суденъ и его экипажемъ. Чикентифъ этотъ былъ почти больше обыковенныхъ, ему подобныхъ, лодокъ Казалось, все вниманіе было обращено на его наружный видъ и прочность. Мачта, гнувшаяся подъ ситжнобълымъ надутымъ парусомъ, отличалась стройностью, и была украшена разноцвътными вымпелами, развъвавшимися по произволу вътра: узкая палуба была чисто вымыта; каюта, бушпритъ и нижній бортъ блествли свъжею зеленою краскою, и синяя съ краснымъ полоса вокругъ всей лодки съ особенною тщательностію была начерчена на черномъ фонъ. Наружный видъ экипажа соотвътствоваль веселой наружности лодки. На руль облокотился молодой негръ восьмиадцати лътъ, на которомъ была снъжно-бълая рубашка и такая-же нижняя одежда, ръзко отличавшаяся отъ его черной кожи. Передъ мачтой, на шерстяномъ одбяль, лежали двое бёлыхъ, или креолы; хотя они и происходили отъ европейцовъ, однакожъ оливковый цвътъ ихъ кожи и черные, какъ смоль, блестящіе волосы изобличали въ нихъ болье южное происхожденіе. Одинъ изъ нихъ, казалось, былъ хозяиномъ этой лодки, и по минъ, съ которой онъ изръдка давалъ свои приказания черному штурману, видно

or Votable 15, a serie of a mappy (Britania of F. Presidentia)

^(*) Чикентифъ.

было, что онъ привыкъ повелъвать. И на немъ, какъ на его негръ, незамътно было лишняго платья, но все-таки на немъ были чулки и башмаки; нестрый шелковый шейный платокъ сдерживалъ воротникъ его рубашки, красный платокъ опоясывалъ его станъ и широкополая соломенная шляпа осъняла его темные глаза, которые, испытуя, выглядывали изъ-подъ шляпы и, казалось, искали чего-то на береѓу.

- Держи бортъ, Билль; ты прямо летишь на мель, кричалъ онъ черному, который съ громкимъ: ай, ай, серъ! исполнилъ его приказаніе. Такъ теперь довольно, продолжалъ онъ, когда лодка перемънила гибельное направленіе; теперь довольно! Но я желалъбы знать, гдъ стоятъ эти три изсохшіе кипариса; неужели мы ихъ миновали уже?
- Къ чорту, ворчалъ другой, ты сегодия несносно нетерпъливъ; я тебъ десять разъ говорилъ, что они пониже Въ три часа мы проъхали Батонружъ, а оттуда еще тридцать миль и пароходъ не поспълъ-бы еще!
- Ого, масса! воскликнулъ черный, что это тамъ внизу, противъ самаго парохода?
- Въ-самомъ-дълъ, вскричалъ весело молодой человъкъ въ красномъ поясъ, проворно вскочивъ на ноги: Видишь-ли ты дымъ, вонъ тамъ. Квагасъ насъ ожидаетъ держи туда. Титъ, держи туда. Теперь мы уже недалеко отъ плантаціи г. Дювона.
- Еще пять миль, какъ Квагасъ говорилъ намедни, отвъчалъ Титъ; но мы должны поворотить; навтеръчу намъ вътеръ.

Паруса тотчась перевернули, и легкая лодка быстро подвигалась къ назначениому мѣсту, гдѣ три изсохшіе дерева, обвитые сѣрымъ обвислымъ мхомъ, какъ траурнымъ покрываломъ, широко простирали къ небу свои сухіе сучья. Изъ самой средины этой группы поднималась тонкая синяя струя дыма, и фигура, одѣтая въ голубую лѣтиюю куртку, стояла на окраинѣ берега и махала красной фуражкой, въ знакъ того, что она ихъ узнала. Скоро потомъ лодка, на каютѣ которой сіяло въ яркихъ краскахъ имя «Жазэдь», пристала къ берегу; доска, которую одинъ изъ креоловъ схватилъ для того, чтобы посредствомъ ея образовать мостъ, оказалась лишнею: однимъ крыжкомъ ожидающій ихъ молодой человѣкъ, темнаго цвѣта и нестарѣе 15 лѣтъ, соскочилъ съ древеснаго иня на палубу и громко смѣялся своей удачѣ, когда онъ лѣвой рукой, чтобы удержаться, обнялъ мачту, а правой, въ которой онъ все еще держалъ пунцовую фуражу, привѣтствовалъ хозяина лодки.

— Берегись, Квагасъ! сказалъ этотъ заботливо; ты сломишь себъ

шею своими отчаянными прыжками, цёлыми сутками ранее чёмъ сле-

- А посл'в этого срока я уже ненуженъ, не правдали-ли, см'вялся индъецъ. Вновь прибывшее лицо принадлежало къ племени Квагасъ, и креолы называли его именемъ всего племени.
- Да, продолжаль онъ, откидывая съ лица длинные, лоснящіеся волосы и надъвая фуражку; — судьба моего народа уже такова, чъмъ-же я заслужиль быть исключеніемъ? Но...

Онъ еще хотълъ было что-то прибавить, но встрътился съ ласковымъ взоромъ молодаго испанца, который искренно протянулъ ему руку. Смъясь и ударяя по ней, онъ говорилъ:

- Что за ребенокъ! Мало-ли что говорить человъкъ, которому надоъла жизнь? Сеньоръ Ланіера, вы, въроятно, полагаете, будто васъ никто на этомъ берегу не знаетъ, что такъ важно расхаживаете по палубъ въ красномъ поясъ? Титъ, держи больше къ теченію; а вы не забывайте, что у каждаго плантатора есть подзорная труба.
- Пустяки, Квагасъ! отвъчалъ испанецъ, но все-таки, обратился спиной къ берегу и подалъ черному знакъ, исполнить замъчание Квагаса. Потомъ, схвативъ молодаго индъйца за руку, онъ вскричалъ: Письмо, иисьмо, Квагасъ, я не думаю, чтобъ ты пришелъ безъ него!
- На этотъ разъ, сеньоръ, поубавьте паруса, мы идемъ слишкомъ ишбко. Мы уже недалеко отъ мъста нашего назначенія, и я не жедаль-бы остаться тамъ долъе, чъмъ необходимо.

Съ посившностью вырваль испанець письмо изъ рукъ его и распечаталъ. Индъецъ, какъ-будто сдълавъ свое дъло, бросился на палубу и съ какимъ-то наслажденіемъ глядълъ на пестрые вымиелы, которые играли съ утреннимъ вътеркомъ.

Но позвольте намъ между-тъмъ бросить быстрый взглядъ на планы и отношенія нашихъ путешественниковъ.

Сеньоръ Ланіера, какъ его называль индъецъ, быль капитаномъ контрабандистской шкуны, но не смѣлъ, однакожъ, здѣсь показываться публично, потому-что когда онъ въ послѣдній разъ присталь къ берегу, то имѣлъ ссору съ однимъ плантаторомъ, котораго убилъ въ поединкѣ. Только хитростью Квагаса онъ ушелъ тогда отъ своихъ пресзѣдователей, и не безъ основанія послѣдній совѣтовалъ ему быть осторожнѣе, потому-что всѣ ожидали его появленія, а братъ убитаго клялся, что только смерть убійцы можетъ утолить его жажду къ крови. Но нынѣшнее ихъ предпріятіе было гораздо опаснѣе: дѣло шло о томъ, чтобы увести дѣвушку, невольницу, изъ среды многолюдной плантаціи и изъ многочисленно-населеннаго края. Въ-случаѣ неудачи этого предпріятія смерть неизбѣжна по законамъ. Ланіера-же былъ не изъ тёхъ, которые боятся опасностей, и довърясь вполиъ своей храбрости, ловкости и хитрости, онъ шелъ навстръчу этой опасности, какъ-бы дъло шло о катаньи, въ тихое время, по заливу на лодкъ. А отъ исполненія этого предпріятія зависъло все его будущее счастіе и блаженство.

Вовремя прежнихъ поъздокъ, когда онъ преимущественно посъщаль берега Миссиссиии, онъ на плантаціи одного богатаго француза познакомился съ молодой дъвушкой, вмъстъ и дочерью и невольницею своего отца. Хотя Жазэдь родилась отъ местицы, но въ ея жилахъ не было ни одной капли крови, которая-бы изобличала въ ней происхожденіе отъ этого презръннаго покольнія; волосы ея были свътлокаштановаго цвъта, глаза синіе, цвътъ кожи ослъпительной бълизны. Въ домъ ея отца уважали ее, какъ единственную дочь владъльца, но она не имъла свободы, и всегда подвергалась опасности, въ-случаъ внезапной смерти старика, перейдти, какъ часть имущества, въ руки того, который на аукціонъ больше дастъ за нее.

Ланіера презиралъ предразсудки своихъ одноплеменниковъ, которые считають безчестіемь для человіка европейскаго происхожденія, если онъ вступитъ въ бракъ съ потомками презраннаго поколанія; но въ другихъ отношеніяхъ быть съ ними въ самыхъ тъсныхъ связяхъ, даже съ тъми, которыя на самой низшей степени, не почиталось безчестнымъ. Онъ полюбилъ Жазэдь всей душой, — она была въ-самомъдълъ ангелъ по сердцу, — и просилъ ея руки у отца ея. Старый французъ пріятно былъ изумленъ такимъ предложеніемъ молодаго испанца, съ радостію согласился, и назначиль самый короткій срокь для соединенія ихъ судьбы неразрывными узами. Ланіера выслушаль съ холодностью, но съ замътной и дурно-скрытой яростью колкія замъчанія ніскольких вамериканских сосідей на счеть его союза съ невольницею. Особенно дерзко и колко гуляль на его счеть одинь креоль, и позволиль себъ однажды, говоря о невъстъ испанца, употребить слово ниггеръ, но въ туже секунду онъ упалъ на землю, купаясь въ своей крови: тяжелая рука испанца свалила его. Пріятели съ объихъ сторонъ витшались въ споръ, и въ тотъ-же самый вечеръ они обмънялись пулями. Креолъ палъ, а Ланіера бъжалъ и съ трудомъ спасся на своей лодкъ. Но представьте себъ его ужасъ, когда ему, послъ нъсколькихъ дней безпрерывнаго крейсированія, върный индъець, котораго онъ послаль. чтобы условиться на счеть мъста свиданія съ старымъ плантаторомь. донесъ, что тотъ умеръ, не успъвъ выдать Жазэди свидътельства на свободу! Чрезъ три дни, по проискамъ враговъ Ланіера, назначена была публичная продажа всего имущества, а въ томъ числъ и невъсты

его. Шуринъ убитаго, американецъ и судья этой области, клядся, что онъ ее купитъ, хотя бы она ему обошлась въ иять тысячъ піастровъ. Какая участь ожидала эту несчастную дъвушку, если она нопадется въруки яростнаго янки, можно было предвидъть. Съ трепетомъ выслушалъ бъдный Ланіера эту въсть.

Только рёшительный, неожиданный ударъ могъ разрушить всё планы его враговъ; онъ зналъ, что отъ нихъ нельзя ожидать ни пощады,
ни снисхожденія. Мгновенно рёшился онъ освободить ее или хитростью,
или, если это не удастся, силой. Его шкуна, которая въ Натчесѣ нагружена была провизіею для южныхъ краевъ, слѣдовала за нимъ въ недальнемъ разстояніи, а индѣйца онъ послалъ для тайныхъ переговоровъ
съ Жазэдью, чтобы условиться съ ней о планѣ бъгства. Въ письмѣ
былъ отвътъ. Съ сверкающими глазами пробъжалъ его Ланіера—это былъ
почеркъ его любовницы, но по мѣрѣ чтенія нахмуривались его брови и
рука его судорожно схватила рукоятъ украшеннаго слоновой костью ножа, торчавшаго у него за поясомъ.

- Чума на нихъ! вскричалъ онъ, эти подлецы думаютъ, что я въ Гаваннъ, и довольно далеко, чтобы помъшать ихъ потъхъ! Но на этотъ разъ вы ошибетесь, не будь я Ланіера. Титъ, держи къ берегу, спусти паруса, направь лодку на островокъ, что передъ тобой; возъми потомъ подзорную трубу и наблюдай за шкуной. Ракета для поданія знака у тебя.
- Все въ порядкъ, масса, все въ порядкъ, сказалъ послушный негръ, и спустя десять минутъ, красивенькая лодка скользнула полъ тень ветвистыхъ ивъ, и скоро потомъ стала неподвижно, прикрепленодной ивъ, у берега прелестнаго островка. Люди всъ вы, шли на берегъ, и Ланіера сообщиль имъ свой планъ; онъ самъконечно, не могъ показаться на берегу, среди своихъ враговъ, пока не смеркнется. Квагасъ-же, который съ самыхъ малыхъ лътъ находился между ними и большею частію воспитывался въ дом'в плантатора, не возбудилъ-бы ихъ подозрѣнія, хотя они и могли догадываться, что онъ въ дружескихъ связяхъ съ бъглымъ испанцемъ, который, по ихъ мнънію, плаваль по Мексиканскому-заливу, для избъжанія ихъ мщенія. Они и не подозрѣвали, что до него дошелъ слухъ о смерти старика. Квагасъ долженъ быль, по этому плану, пристать къ берегу въ той лодкъ, которую Ланіера нарочно для этого купиль въ Натчесъ, а испанецъ, спрятавшись въ ней, дожидаться ночи, потомъ выйти на берегъ, увести Жазэдь на лодку и въ туже самую ночь добраться до Нью-Орлеана. Тамъ уже ждалъ ихъ нароходъ «Куба», который въ слъдующее утро, въ шесть часовъ, отправлялся въ Тексасъ; а за паро-

ходомъ преслѣдованіе сдѣлалось-бы невозможнымъ, потому-что не существовало судна съ такимъ быстрымъ ходомъ, чтобы догнать «Кубу». Прибывъ въ Тексасъ стоило ему только нѣсколько поудалиться во внутрь, чтобы скрыть всякую возможность къ дальнѣйшему преслѣдованію. Оберботсманъ, искусный Боюка, не долженъ былъ участвовать съ своими людьми въ этой экспедиціи, потому-что Жазэдь считалась теперь невольницей и ея похищеніе воровствомъ, и ожесточенный народълегко могъ узнать кого-нибудь изъ его людей и наложить запрещеніе на лодку и грузъ. Но на всякій случай онъ будетъ вблизи, и въ случаѣ крайности, по данному знаку, поспѣшитъ на помощь капитану.

Двънадцать хорошо-вооруженныхъ отчаянныхъ гаванцевъ составляли весь экипажъ шкуны, и подъ предводительствомъ Боюка они сдълалисьбы ужасными противниками плантаторамъ, неожидавшимъ такого количества въ запасъ. Солице склонилось къ западу, когда Титъ увъдомиль спокойно отдыхающихъ, что шкуна ясно обозначились за выдавшимся въ ближайшемъ разстояніи мысомъ, и что уже отвъчали оттуда на поданный знакъ. За минуту все было мертво и тихо, а эта въсть какъ-будто влила во всёхъ новую жизнь. Еще разъ Ланіера повториль имъ свои наставленія, и взяль съ нихь объть, втрно имъ следовать; потомъ ускользнуль въ маленькую каютку чикентифа, гдф устроилъ себф потаенное мъсто. Негръ поднялъ паруса и сталь къ рулю, а Квагасъ развалился на палуот, съ наслаждениемъ покуривая сигару. Свъжій вътерокъ гналь передъ собой съ неимовърной быстротой маленькую, острую, узенькую лодку. Скоро показался восточный берегь Миссисипи. Боюка между-тъмъ ожидалъ приближающуюся икуну, сълъ въ посланную ему навстръчу шлюпку, и медленно послъдовалъ за удаляющимся чикентифомъ, котораго вымиелы только-что исчезли за изгибомъ ръки.

Съ легкостью лодка переръзывала мутныя волны величественной ръки, и солнце несовсъмъ еще исчезло за верхушками дъвственнаго лъса, когда она уже приближалась къ плантаціи недавно окончившаго жизнь старика. Паруса были спущены, канатъ брошенъ на берегъ, и вслъдъ за тъмъ, молодой Квагасъ прикръпилъ его къ обгорълому иню сухаго кипариса.

- Ага, индъецъ, привътствовалъ его густой басъ съ берега, и молодой Квагасъ, взглянувъ на верхъ, увидълъ предъ собой констебля области, который съ удивленіемъ смотрълъ на него.
 - Откуда у тебя эта прелестная лодочка? Не на ръкъ-ли нашелъ ее?
- Съ этимъ чернымъ на палубъ? не правда-ли? смъясь спросилъ
 Квагасъ, карабкаясь наверхъ и кръпко сжимая протянутую къ нему руку

констебля... Ну-съ, что вы скажете о моей покупкъ? продолжалъ онъ, ухмыляясь и указывая на лодку.

- Твоя покупка? Откуда ты деньги взяль? Ой, ой, мив кажется, въ тотъ день, когда ты умрешь, гдъ-нибудь значительно растянется веревка. На что тебъ лодка? откуда взялась она, и гдъ ты быль вчера и сегодня?
- Постой, постой, ради Бога! кричалъ Квагасъ, подумай, что солнце уже на закатъ и мнъ некогда будетъ отвъчать на столько вопросовъ. Прежде всего я имъю честь вамъ доложить, что я хочу сдълаться порядочнымъ купцомъ, и потомъ жениться.
 - Вздоръ, сказалъ констебль.
- Вы не върпте этому? Тъмъ лучше. Но выслушайте меня: я намъренъ закупить сушеныхъ персиковъ, которые завтра будутъ продавать съ молотка; я знаю, что ими можно нагрузить двъ такія лодки, а продадутся они довольно дешево въроятно. Съ этимъ грузомъ я отправлюсь въ Сенъ-Луи и оттуда привезу выдровыхъ и бобровыхъ шкуръ. Между тамошними индъйцами у меня есть родственники, какъ вамъ, въроятно, извъстно, и...
- Вздоръ! прервалъ его снова представитель правосудія, угрюмо качая головой. А чей этотъ негръ?
 - Мой!
 - Твой? А гав бумаги?
- Вотъ онъ? сказалъ Квагасъ, которой, къ счастію, былъ приготовленъ ко всему и имълъ съ собой бумаги на имя Боюки, съ переводомъ на себя покупки Тита.
- Гмъ, странно! ворчалъ старикъ. Послушай, индъецъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ нему, твое внезапное богатство мнъ подозрительно; завтра разсмотримъ это дъло.
- Но сегодня высушите со мной бутылку лиссабонскаго, констебль, отвъчалъ весело Квагасъ, трепля дружески по плечу весело улыбающагося законника. Гей, Титъ, принеси сюда бутылку, что въ корзинъ га самомъ верху, и два стакана. Но какое дъло привело васъ сегодня печеромъ въ этотъ край?

Тыть между-тыйь исполниль данное призазание.

- Гестонъ насъ звалъ на ужинъ, и ночевать мы будемъ здъсъ, чтобъ завтра утромъ быть на мъстъ. Въ шесть часовъ начинается аукціонъ.
 - А Жазэдь? спросиль его Квагась.
- Тебъ что за дъло до нея? И ее продадутъ. Гестонъ такъ и говтъ нетериъніемъ. Менъе, чъмъ за двъ тысячи піастровъ, ее не спустятъ.

- А вы полагаете, что онъ ее уступитъ кому-нибудь, еслибы дороже дали!
- Не думай объ этомъ, онъ клялся и за пять тысячь піастровъ не уступить ее никому. Но вотъ и вино, а все таки-ты завтра отдашь отчетъ, какимъ образомъ такъ внезапно разбогатълъ. Бъда тебъ, если кроются тутъ какія-нибудь штуки.

Несмотря, однако, на эту выходку, констебль съ очевиднымъ наслажденіемъ пропустиль огненное португальское вино. Между-тѣмъ собрались еще многіе изъ сосѣднихъ плантаторовъ, на прибытіе которыхъ Квагасъ, конечно, не разсчитываль, и большая часть изъ нихъ взошли даже на прелестную лодку и посѣтили каюту, а между ними самъ Гестонъ, шуринъ убитаго плантатора, вѣроятно не подозрѣвая, что только одна дощечка раздѣляетъ его съ смертельнымъ врагомъ.

- Саранча на тебя, краснокожій, какъ смѣешь ты назвать эту лодку «Жазэдью»? спросиль Гестонъ полушутливо, полусерьозно. И ты, какъ видно, завтра хочешь торговаться?
- Нътъ, серъ, отвъчалъ Квагасъ, пожимая плечами; тутъ надо быть ловкимъ и горячимъ, какъ вы, чтобы остаться побъдителемъ. Впрочемъ, это имя дъло случая: оно было на лодкъ, когда я ее купилъ.
- Что хочешь за свою лодку, какъ она есть? спросилъ его Гестонъ.

Квагасъ быстро взглянулъ ему въ лицо; онъ опасался уже, не открыто-ли убъжище испанца; но удостовърившись въ противномъ, смъясь, сказалъ: Теперь я ее еще не продамъ; хотя одно путешествіе совершу на ней, чтобы, по-крайней-мъръ, знать, каково быть хозяиномъ судна. Но по возвращеніи я къ вашимъ услугамъ.

 Хорошо, сказалъ Гестонъ, когда тебъ захочется ее продать, приходи ко мнъ, она мнъ нравится.

Квагасъ внутренно радовался, когда всё опять хотёли сойти на берегъ; бёдный Ланіера былъ ни живъ ни мертвъ въ своемъ тёсномъ убъжищъ. Наконецъ, всё вышли на палубу, и поднимаясь по лёстницѣ, Гестонъ звалъ Квагаса къ себъ на вечеръ, прибавя: Гдѣ на многихъ есть угощенье, останется, въроятно, и для него кое-что.

— Постой, ты гордый мерзавецъ, бормоталъ сквозь зубы краснокожій сынъ лъсовъ, оставшись одинъ. Остатки для меня? Ты слишкомъ много о себъ думасшь, чтобы съ индъйцемъ за однимъ столомъ сидъть. Постой, этотъ индъецъ насолитъ тебъ порядкомъ кушанье.

Скорыми шагами отправился онъ къ Ланіеру, гдъ они втроемъ—къ нимъ присоединился еще Титъ,—обдумывали свой планъ. Жазэдь содержалась, какъ Квагасъ изъ короткаго, откровеннаго разговора съ кон стеблемъ узналъ, въ крѣпкомъ блокгаусъ, который прежде служилъ темницею, и съ ней обращались какъ съ простой невольницей. Гестонъ для присмотра приставилъ духъ негровъ, на которыхъ, онъ думалъ, можно положиться. Похищеніе, слѣдовательно, не было вовсе такъ легко, какъ Ланіера сначала предполагалъ, и всякая хитрость, кажется, была напрасна.—Хорошо-же сказалъ онъ рѣшительно: если не хитростью, такъ силою, она будетъ моей, прежде чѣмъ разсвѣтетъ, еслибы миѣ даже пришлось одному ее вырвать изъ-подъ ножей этихъ подлецовъ. Но опасность еще нетакъ велика. Насъ шестнадцать человъкъ. Если дойдетъ дѣло до крайности, то пусть кровь, которая прольется, падетъ на ихъ души, они меня принудили. Но посмотримъ теперь, не пригодится-ли хитрость. Тебя, Квагасъ, звали на вечеръ.

- Да, чтобы вийстй съ неграми и собаками дойсть остатки, бормоталъ индъецъ, скрежеща зубами.
- Это обстоятельство представить тебѣ чудесный случай шататься по плантаціи, продолжаль Ланіера, не обращая вниманія на его выходку. Ты постараешься разузнать, нельзя-ли кого-нибудь подкупить... воть тебѣ золото... но нѣтъ, возьми серебра... эти собаки не знаютъ цѣны золоту... Постарайся вручить Жазэди эту записку, а если нельзя, то шепни ей, чтобъ она приготовилась къ первому часу. Намъ необходимо все кончить до часа; вѣтеръ можетъ перемѣниться, и намъ, пожалуй, придется идти на веслахъ, тогда намъ едвали удастся доплыть до Нью-Орлеана ранѣе пяти или шести часовъ. Когда настанетъ время дѣйствовать, ты пришлешь за своей гитарой; ты знаешь, креолы большіе охотники до пѣнія и игры! Играй имъ веселую пѣсню, ихъ народные напѣвы, столь любимые ими, играй что хочешь, но только прикуй ихъ къ себѣ.
 - А стражи? спросилъ Квагасъ.
- Чума-бы на нихъ! топая ногою, вскричалъ испанецъ. Видно по всему, не обойдется безъ насилія; но я не хотълъ-бы этого. Постой, слушай... садись поближе къ двери, такъ, чтобы тебя видно было снаружи, по-крайней-мъръ, чтобы тебя слышно было. Я ручаюсь гололовой, черныя бестій не останутся на своихъ мъстахъ: гдъ музыка, тамъ самъ лукавый ихъ не удержитъ. Но главное, постарайся поговорить съ Жазэдью и осмотръть ен темницу, нътъ-ли...
- Темницу я знаю сверху до-низу, сказаль Квагасъ, или вы думаете, что, бывши ньсколько лътъ на одномъ мъстъ, я не упомию каждый брусъ, изъ которыхъ сколочены эти дома.
- Есть-ли возможность спасенія, прерваль его Ланіера, есть-ли окошко, или хоть отверзтіе въ крышѣ?
 - Послъднее, кажется, существуетъ, но отъ него не будетъ намъ

пользы, задумчиво бормоталъ индъецъ; миъ случилось разъ три ночи провести въ этомъ домъ...

- Въ заперти? шутливо сказалъ Ланіера.
- Нътъ, изъ сиекуляція; съ вами я могу быть откровенень: у меня было нъсколько боченковъ виски, которыя я продалъ неграмъ. Еслибы старый Дювонъ меня поймалъ, какъ онъ ни былъ ласковъ ко миъ, онъ убилъ-бы меня. Продажа шла чудесно, негры вороваля, что имъ попадалось подъ руки, и мой янки, съ которымъ я пополамъ промышлялъ, получилъ такой грузъ гусей, индъекъ, поросятъ, эти поросята самые безпокойные гости и неудобные для воровства: мерзавцы такъ визжатъ, что ихъ слышно на всъхъ сосъднихъ плантацітхъ, куръ, утокъ, яицъ, кукурузы и хлопчатой бумаги, какой-бы не выручилъ въ самыхъ большихъ городахъ за двънадцать бочекъ, и я самъ...
 - Но ты-началъ говорить о крышѣ?
- Ахъ, да, этотъ домъ служилъ мив анбаромъ; задней ствной онъ выходитъ въ налисадникъ, который отдъляетъ сахарное поле отъ двора, и я спалъ въ немъ, чтобы не возбудить подозрѣнія моимъ частымъ приходомъ и уходомъ. Я теперь помню, что въ лѣвый уголъ, обращенный къ рѣкѣ, часто проходилъ дождь, и я принужденъ былъ перевести свою спальню въ другое мѣсто. Быть-можетъ, что доска дѣйствительно гнила на томъ мѣстѣ, но онѣ вообще чертовски крѣпко пригвождены. Самый лучшій совѣтъ взойти какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ, чрезъ дверь. А сколько времени пройдетъ, пока вы проберетесь чрезъ палисадникъ! Отъ сахарнаго поля надо-бы описывать дугу, чтобы дойти опять обратно до берега. Предоставъте миѣ дѣйствовать, сеньоръ, я сыграю имъ такъ, что всѣ будутъ слушать меня. Но какъ же миѣ-то добраться до лодки, когда все удастся? Если останусь, Гестонъ неслишкомъ будетъ меня чествовать.
 - Можешь-ли ты себъ достать лошадь?
- Двъ, если нужно; что только можно получить чрезъ негровъ, къ моимъ услугамъ; эти черти ждутъ новаго привоза виски, и объщание кружки этого напитка заставитъ ихъ пренебречь всъ опасности.
- Хорошо, ты ее привяжешь поодаль отъ дома, въ тъни померанцевой рощи, что вонъ тамъ; когда будетъ поданъ знакъ, ты въ галопъ отправишься ко второму мысу, ты ранъе насъ доъдешь, потомучто мы должны обогнуть мель; тамъ Титъ будетъ ожидать тебя съ маленькой лодкой, а я подамъ шкунъ знакъ: Боюка тотчасъ пришлетъ миъ одного изъ своихъ людей на маленькой шлюпкъ, который и останется въ ней, между-тъмъ какъ Титъ отправится на веслахъ.

- Но такимъ образомъ у насъ однимъ будетъ менъе, сказалъ
 Квагасъ.
- Все-равно! Одинъ въдь долженъ остаться въ лодкъ; этому Гестону нельзя върить: онъ лукавъ и коваренъ. Еслибъ онъ не вполнъ увъренъ былъ въ томъ, что я въ Мексиканскомъ-заливъ, какъ его увърялъ въ томъ одинъ лодочникъ, по моему приказанію, онъ навърно обыскалъ-бы всю лодку. Для предосторожности, я велълъ, чтобы половина экппажа шкуны въ полночь переплыла на этотъ берегъ. Эти люди, какъ скоро смеркнется, поднимутся на веслахъ противъ теченія, держась постоянно противуположнаго берега, поворотятъ потомъ на эту сторону, и теченіе унесетъ ихъ вонъ до того дерева, тутъ и остановятся они, въ ожиданіи моего приказанія или сигнальной ракеты.
 - Но если васъ на плантаціи узнають и схватять?
- Первое быть можеть, но второе едва-ли удастся и стоило-бы много крови. Но ступай, Квагась, будь умень! Подумай, что съ-этихъ-поръ мы прекрасно заживемъ въ свободномъ Тексасъ, вспомни объ охотъ въ тамошнихъ лъсахъ, и будь остороженъ, хитеръ, смълъ, а главное не тороппсь!
- Не безпокойтесь, сеньоръ, весело сказалъ потомокъ стараго, мощнаго племени Индіп, Квагасъ не разъ ихъ надувалъ, гдв двло шло о какой-нибудь штукв, такъ ужъ въ этомъ серьозномъ двлв не измвнитъ ему старое счастіе.
 - Не забудь своей мандолины!
- Нътъ, я нарочно пошлю за ней одного изъ сторожей Жазэди; это вамъ, быть-можетъ, дастъ возможность привести въ исполнение свой планъ касательно крыши. Теперь я прежде всего пойду промышлять себъ лошадь, а лучше положусь въ крайнемъ случав на легкость своихъ ногъ, а лошадку привяжу нъсколько сотъ шаговъ подальше. Если сдълается тревога и мив нельзя будетъ тотчасъ убъжать, пожалуй, кто нибудь изъ этихъ подлыхъ креоловъ сядетъ на нее, и то, что меня должно было спасти, послужитъ тогда къ моей гибели. И такъ до свиданія, до веселаго свиданія на бортъ этого чикентифа, но, надъюсь, не на этомъ мъстъ.

Съ легкостью серны стройный индъецъ выскочилъ на берегъ, обогнуль плантацію, сказалъ мимоходомъ пару словъ одному негру, работавшему на отлогости берега, быстро перескочилъ черезъ изгородь и спъшилъ къ маленькому блокгаузу, заключавшему въ себъ Жазэдь, которую стерегли пара дюжихъ негровъ, стоя почти безъ движенія у дверей.

— Здоровъ-ли ты, Сабъ? Какъ поживаешь, Сципіо? Чортъ возьми

этихъ подлецовъ, розинули рты, какъ-будто восемь дней глазъ не смыкали!

- О, масса Квагасъ! вскричалъ Сципіо, и оба сняли свои старыя соломенныя шляпы, привътливо кланяясь. Какъ поживаете, масса Квагасъ? Что, масса, у васъ, чай, въ маленькой лодкъ есть... О! негръ показалъ быстрымъ, но скрытнымъ движеніемъ пантомиму питья.
- Есть, ребята, шеппуль тихо индъець. Сегодня вечеромъ приходите попробовать, но не берите опять огромныхъ бутылокъ, подумайте, что и величайшую бочку можно изчерпать.
- Ничего, масса, ухмыляясь сказаль Сабъ, оскаливъ зубы. Принесу большую индъйку, большаго гуся; много денегь въ Нью-Орлеанъ, здъсь много побоевъ! Послъдній разъ поймали Сабо, сколько били бъднаго!
- Вотъ видишь, сказалъ Квагасъ, это тебъ послужитъ урокомъ виередъ. Но что вы здъсь стоите у дверей, будто на бумажныхъ поляхъ нътъ работы; у васъ, въроятно, снисходительный надзиратель!
- Да, хорошъ, сказалъ Сципіо, оглядываясь со страхомъ; всякій разъ бъдный негръ что-нибудь привозитъ изъ города; послъдній разъ большой, толстый арапникъ изъ Нью-Орлеана; тамъ его зовутъ: негръзрапникъ, а здъсь прозвали Сципіо.
 - Ага, значить ты его обновляль. Но что у вась тамъ?
- Стой, масса никого не пустимъ. Тамъ бълая негръ Яцеда вы знаете.
- Что? Жазэдь все еще здѣсь? Мнъ сказали, что мистеръ Гестонъ увезъ ее въ свою плантацію.

Негры, молча, отрицательно покачали головами.

- Неужели вы меня не допустите къ моей старой знакомкъ?
- Стой, масса, ей, ей нельзя. Масса Гестонъ насъ убьетъ.
- Что за вздоръ, масса Гестонъ не убъетъ васъ, продолжалъ онъ, тихо разговаривая съ ними, а у масса Квагаса цълая лодка съ виски, которой онъ вамъ завтра дастъ, сколько душа приметъ.
 - Но масса Гестонъ, сказалъ Сципо неръшительно.
- Знаетъ меня! прерваль его молодой индъецъ. Вотъ тебъ полдоллара, а этихъ платковъ, которые вамъ такъ понравились, у меня цълый тюкъ. Я посмотрю, нельзя-ли васъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ послать на лодку; тамъ Титъ, вашъ собратъ, вамъ всего выдастъ, но другимъ ни гугу!

При этихъ объщаніяхъ Квагасъ отстраниль слабо защищающихся отъ входа, отнеръ дверь и вошелъ.

Блокгаусъ былъ малъ, но построенъ изъ необыкновенно-прочныхъ бревенъ, съ немого возвышеннымъ поломъ, подъ которымъ прежде на-

ходилась кладовая Квагаса; два окошка, въ шесть дюймовъ въ діаметрѣ, отверстія, похожія на амбразуры, позволяли въ эту минуту смотрѣть на заходящее солнце, котораго послѣдніе, красные лучи обливали эту кануру золотистымъ свѣтомъ. Тутъ не было ниакакой домашней утвари, ничего кромѣ кровати, сколоченной изъ досокъ, на которой лежалъ пучекъ сѣраго древеснаго мха, доставшагося заключенной отъ ея снисходительныхъ сторожей. Въ тыквенной бутылкѣ сохранилась еще малость мутной воды, почерпнутой изъ Миссиссипи, и обгрызенный ломотъ кукурузнаго хлѣба, покрытый бездной муравьевъ, лежалъ возлѣ.

На кровати сидъла Жазэедь, наклонясь и упирая голову на руки; между лилейно-бъльми пальчиками выбивались въ прелестномъ безпорядкъ свътло-каштановые, длинные, густые локоны, орошенные слезами, которыя текли въ большихъ прозрачныхъ капляхъ, и упадая, оставались на грубомъ, шороховатомъ, изъ хлопчатой бумаги, платъъ, обвивавшемъ ея стройный станъ. Бъдная дъвушка не слышала тихо-вошедшаго индъйца, пока тотъ не дотронулся слегка до ея головы. Она съ испугомъ вскочила. Жазэдь! сказалъ печально индъецъ, подавая ей руку, которую она радостно схватила, Жазэдь! ты пачешь?

- Ты его видълъ? спросила она быстро, утирая свътлыя капли на своихъ большихъ темно-голубыхъ глазахъ? Ты его видълъ? Ему извъстно, какая судьба меня постигла?
- Вотъ тебѣ его письмо возьми скорѣе и приготовься, въ часъ по-полуночи ты убѣжишь. Ланіера еще самъ не зна́етъ, какимъ образомъ онъ все устроитъ, хитростью или силою; но онъ здѣсь, тамъ на берегу его лодка, и въ часъ...
 - А что такое въ часъ? спросилъ густой басъ у дверей хижины.
- А, это вы, мистеръ Гестонъ? сказалъ индъедъ, оборачиваясь и сбираясь съ духомъ.
 - А что-же въ часъ-то? спросилъ плантаторъ, подстерегшій ихъ.
- Въ часъ мы миновали плантацію Нольтена; я ей разсказываю про танецъ негровъ, которые плясали тамъ на берегу должно быть у нихъ праздникъ что-ли, но я не могъ пристать къ берегу, вътеръ былъ попутный и время настало чудесное.
 - Когда это было? спросилъ Гестонъ.
- Сегодня около часа, но, можетъ-быть, и раньше; время показалось мнъ довольно безконечнымъ.
- А ты не знаешь, что я строго приказаль никого не допускать къ этой невольниць? Развъ эти курчавые подлецы тебъ не говорили этого? А?

- Конечно, отвічаль, смінсь добродушно, индієць, говорили, но я никакъ не предполагаль, что это запрещеніе распространяется и на меня.
- А ты что за исключеніе, Квагасъ! сердито ворчалъ американецъ. Но съ одной стороны ты правъ, ты слишкомъ хорошо знаешь, что тебя ожидаетъ въ случат измъны. Но теперь пора кончить эту комедію; завтра Жазэдь моя, а стеречь ее до этого срока моя забота.

Квагасъ приготовился къ уходу, но еще разъ подалъ красавицъ руку и сказалъ: Прощай, Жазэдь, дай Богъ, чтобы твой будущій хозинъ умѣлъ тебя цѣнить по твоимъ достоинствамъ!

- Твое предсказаніе, или скоръе желаніе, сбудется, индъецъ, съ усмъшкой сказалъ Гестонъ; я ее награжу по достоинствамъ. Увидимъ, какъ заступъ на сахарныхъ и бумажныхъ поляхъ понравится ея ручкамъ. Онъ громко захохоталъ, захлошнулъ за собой дверь, и взявъ Квагаса за руку, шепталъ ему серьозно и съ угрозою:
- Если до завтрашняго дня твоя нога будетъ около этой хижины, то остерегайся, — ты меня знаешь!

Громкимъ смѣхомъ заливался индѣецъ при этой угрозѣ, и спросилъ немножко оконфуженнаго этимъ смѣхомъ американца, что за причины побуждаютъ его къ такимъ строгимъ и ужаснымъ мѣрамъ предосторожности противъ него, бѣднаго индѣйца. Оставьте эти шутки, мистеръ Гестонъ, продолжалъ онъ; мы оба слишкомъ долго были добрыми
друзьями, чтобы намъ ссориться изъ-за какой нибудь дѣвчонки, до которой мнѣ никакого нѣтъ дѣла и которую я едвали въ этой жизни
увижу, потому-что завтра, до аукціона, я намѣренъ отправиться въ
свою экспедицію, изъ которой непремѣнно возвращусь богачемъ. Если
мой чикентифъ тогда вамъ еще будетъ нравиться, и мы сойдемся въ
цѣнѣ, то можно поговорить объ этомъ дѣлѣ.

- А вы, бездъльники, обратился Гестонъ къ стоящимъ предъ нимъ съ покорностію неграмъ, если вы пропустите кого-бы то ни было чрезъ эту дверь, то вамъ отсчитаютъ по пятидесяти ударовъ новымъ арапникомъ. Ты, Сципіо, испыталъ его на себъ и можешь про него спъть пъсню Сабу. Берегитесь, въдь я ръдко шучу. Американецъ медленно удалился, а вслъдъ за нимъ индъецъ, въ близъ стоящій домъ. Тамъ уже собралась съ объихъ сторонъ ръки большая часть сосъдей, чтобы воспользоваться гостепріимствомъ Гестона и на слъдующее утро присутствовать при аукціонъ.
- Что сначала будутъ продавать, Гестонъ, спросилъ черноволосый, смуглый креолъ, котораго глаза горъли въ своихъ впадинахъ, какъ уголья, между-тъмъ какъ онъ приготовилъ себъ стаканъ грога изъ возлъ стоящей бутылки съ ромомъ, и выпилъ его залиомъ.

- Разумъется, сперва плантацію, отвътилъ Гестонъ; это всегда первая вещь, какъ вамъ извъстно.
- А потомъ? продолжалъ первый свой экзаменъ, подстерегая и тонко улыбаясь хозяину чрезъ край стакана. А потомъ? продолжалъ онъ настойчиво, когда тотъ сдълалъ видъ, какъ-будто не слышитъ.
- Потомъ, я думаю, будетъ очередь невольниковъ, по-крайней мъръ части ихъ, а послъ продадимъ лошадей и остальной скотъ, потому-что бумаги и прошлогодней сахарной патоки нътъ, а наконецъ движимое имущество, повозки и лодки, всъ земледъльческія орудія и проч. Довольны-ли вы этимъ?
- Почему нътъ! ухмыляясь, сказаль богатый плантаторъ съ другаго берега: Мнъ хочется купить эту бой-дъвку, но, кажется, Гестонъ не уступитъ ее, а я за нее не дамъ слишкомъ много денегъ.
- Джентельмены, кушанье готово, громко сказалъ Гестонъ, которому не нравился оборотъ этого разговора. Вино нагръется, господа, если не поспъшимъ. Всъ съ радостью послъдовали его приглашенію, а Индъецъ, котораго никто не приглашалъ, облокотился на дверь, и напъвая себъ подъ носъ пъсенку, казался погруженнымъ въ созерцаніе звъздъ. Его сердце билось сильно и боязливо освъщеніе дома служило Ланіеру знакомъ къ начатію своего смълаго предпріятія. Нагибаясь впередъ, онъ слъдилъ за мальйшимъ шорохомъ, который на крыльяхъ вечернаго вътерка достигалъ до его слуха, и каждую минуту ожидалъ условнаго знака удачи поднимающуюся въ облака огненную ракету, но все было мертво, и только веселый шумъ пирующихъ раздавался изъ ярко-освъщенной залы, между-тъмъ, какъ сова, изъ-за темнаго, дремучаго лъса, вторила этому веселому смъху однообразнымъ жалобнымъ крикомъ.

Начали убирать со стола.

- Гей, Квагасъ! закричалъ Гестонъ, ты ничего не ълъ, поди сюда, садись къ намъ и выпей винца.
- Благодарю, серъ, отвъчалъ индъецъ, мнъ не здоровится, я лучше останусь здъсь, на открытомъ воздухъ.
- Къ чорту, въдь ты не уйдешь отъ меня голоднымъ, когда я тебя ригласилъ. На что ты тамъ глядишь съ такимъ безпокойствомъ?
- Глядъть съ безпокойствомъ на звъзды? спросиль его спокойно Квагасъ. Не знаю чъмъ тутъ безпокоиться, развъ ожиданіемъ, чтобы одна изъ нихъ упала на меня и сдълала богачемъ. Но вашъ совътъ недуренъ, воспользуюсь имъ, поъмъ чего-нибудь, по-крайней-мъръ, выпью стаканъ вина, авось мнъ сдълается легче.

- Что, не сънграть-ли намъ въ банкъ? спросилъ одинъ изъ плантаторовъ сахара съ той стороны ръки, ковыряя себъ зубы и качаясь въ койкъ, прикръпленной къ галлереъ дома.
 - Хорошо, съиграемъ, закричало нъсколько голосовъ.
 - Кто намъ закладываетъ банкъ?
 - Я, сказалъ креолъ, если никто не хочетъ.
- Къ чорту съ вашей игрой, кричалъ третій. Вотъ Квагасъ, при немъ, върно, мандолина, онъ намъ споетъ что-нибудь.
- Да, въ-самомъ-дълъ, подхватили другіе, для банка уже поздно, въдь теперь уже за полночь.
- Хорошо, пусть онъ вамъ споетъ, сказалъ креолъ, который вызвался быть банкометомъ, а мы между-тъмъ сыграемъ, эти удовольствія не помѣшаютъ одно другому. И такъ, Квагасъ, давай сюда твою лютню, или цитру, или какъ бишь ее, и спой намъ свои индѣйскіе военные напѣвы. Здѣсь въ комнатѣ я ихъ съ охотою слушаю, но будь я проклятъ, если они мнѣ нравились, когда мы вышли въ походъ противъ Криквы и Семинолы, и каждую минуту могли ожидать или смертоносной пули, или лищиться своего лучшаго головнаго украшенія.

Квагасъ, молча, всталъ изъ-за стола, за которымъ сидълъ, подошелъ къ дверямъ и крикнулъ въ направлени къ блокгаусу: Гей, Сципіо, ступай на мою лодку и принеси мою мандолину, только провориъе?

- Что это ты разсылаешь моихъ сторожей, Квагасъ? Я тебъ велълъ оставить ихъ въ покоъ, сказалъ Гестонъ, вскочивъ съ мъста. Гей, Сципіо, не ходи! продолжалъ онъ, крича ему въ-слъдъ, оставайся на мъстъ, слышишь-ли, Сципіо, Сципіо!
 - Онъ ушелъ на лодку, масса, отвъчалъ Сабъ.
- Къ чорту, ворчалъ Гестонъ сердито; приказанія этого молодца исполняются съ баснословною скоростью. Постой, бестія, твоя спина завтра мнъ отвътитъ за это.
- Не сердитесь, сеньоръ, умоляль его Квагасъ; я не хотълъ послать людей изъ вашего дома; я думаю, они заняты.
 - Но зачёмъ ты самъ не пошелъ?
- Я думаль, что я вашь гость, сказаль индвець, гордо выпрямляясь и такъ холодно и строго глядя ему въ глаза, что Гестонъ отворотился и проглотилъ проклятіе, но ничего не отвътилъ.

Нъсколько времени прошло до прихода негра; потомъ онъ приползъ и передалъ мандалину индъйцу, который ожидалъ его у дверей, и не обращая вниманія на знаки Сципіо, сълъ. Онъ настроилъ ее въ нъсколько минутъ, и потомъ искусной рукой пробъжалъ по струнамъ.

Игроки между-тёмъ столиились около стола, и едва сочувствовали этимъ заунывнымъ, печальнымъ звукамъ, которые молодой индѣецъ извлекалъ изъ своего инструмента; но вдругъ поразилъ ихъ быстрый и неожиданный переходъ отъ этихъ мольныхъ акордовъ испанскихъ пѣсенъ къ рѣзкой и шумной музыкъ національныхъ, военныхъ плясокъ его племени, а потомъ въ быстрый темпъ комической негритянской пѣсни. Это подъйствовало, и онъ увидѣлъ, какъ осторожно прокрадывалась фигура негра, одѣтая въ бѣлое, присъдавшаго на корточки въ тѣни большой смоковницы, стоявшей между жильемъ и надворными строеніями плантатора.

Пъвецъ почти не владълъ собой, звуки дълались все живъе и привлекательнъе; а онъ самъ ничего не слыхалъ, что игралъ; слухъ его прикованъ былъ къ малъйшему шелесту хинныхъ деревъ, осъняющихъ темницу Жазэди; сердце его билось громко и неукротимо, и онъ чувствовалъ, какъ его лихорадочное біеніе отдавалось въ вискахъ. Но все было объято ничъмъ невозмущаемымъ спокойствіемъ, даже американскій соловей, сидъвшій на одномъ изъ деревъ, окружающихъ блокгаусъ, не пересталъ еще свистать. Но вдругъ онъ умолкъ, какъ-будто ему помъщали; почти инстинктивно пальцы индъйца перестали двигаться, и наклонясь впередъ, онъ, казалось, забылъ все его окружающее.

- Ну, Квагасъ, что-жъ ты сталъ среди пъсни! Ты игралъ чудесно. Что вдругъ съ тобою? спросилъ его креолъ.
 - Я... я не знаю ее далье, отвычаль разсыянно пывець.
- Ты ее далже не знаешь? засмъялся тотъ добродушно. Слава Богу, семь разъ сряду онъ намъ пълъ одну и ту-же пъсню, и всякій разъ все живъе и живъе, а теперь онъ ее позабылъ! Ха, ха, ха, ха!
- Вамъ въроятно, надоъло слушать одно и тоже, сказалъ Квагасъ, скоро опомнясь. Но теперь я вамъ сыграю вашу любимую пъсню, она вамъ лучше понравится.

И онъ началъ прелюдію пъсни о Нормандіи: Quand tout menait à l'espérance, и большая часть присутствующихъ тихо вторили ему.

- Славно, Квагасъ! опять говорилъ ему креолъ, чудесно! Но кого ты ищешь?
- Гдв Гестонъ? Въдь онъ нъсколько секундъ тому былъ здъсь? говорилъ индъецъ, съ боязнію оглядываясь. Развъ онъ не учавствовалъ въ игръ?
- Въроятно пошелъ подышать свъжимъ воздухомъ, отвъчалъ другой. Въ комнатъ душно. Но съиграй намъ второй куплетъ. Что намъ за дъло до Гестона.

- Я только такъ спросилъ. Но вотъ вамъ и второй куплетъ:
 - J'ai vu les champs de -
- Нътъ, постойте, у меня въ запасъ пъсня повеселье этой.

Jeune fille aux yeux noirs, Tu règne sur mon ame,

- Струна лопнула.
- Ты барабанишь, какъ-будто хочешь всё струны перервать; но это оттого, что ты ничего не пьешь, ты только одинъ стаканъ вынилъ. Поди, выпей, авось пойдетъ лучше.

Квагасъ всталъ, чтобы смочить свои засохшія губы; но только что онъ поднесъ стаканъ ко рту, до него долетѣли первые звуки отъ блок-гауса; ясно слышенъ былъ смѣхъ.

— За то, что мы любимъ! вскричалъ онъ громко, поднимая стаканъ и опорожнивъ его въ одинъ пріемъ. Что мы любимъ, присоединились другіе креолы къ его тосту. Чу, сказалъ одинъ; тамъ зовутъ на помощь! Гдъ Гестонъ?

Мертвая тишина воцарилась на одну минуту, и еще разъ раздался голосъ, который звалъ на помощь изъ блокгауса. Но пора обратиться къ другому мъсту дъйствія, а менно къ несчастной Жазэди, которая подверглась такому строгому заключенію, по приказанію шерифа.

Воспитанной своимъ отцомъ, старымъ Дювономъ, въ роскоши и нъгъ, свойственныхъ южнымъ плантаторамъ, ей никогда не приходило на умъ, чтобъ она могла низойти до положенія, въ которомъ ел мать, невольница, была рождена. Она не знала, что отецъ ея не далъ ей свидътельства на свободу, и даже не считала это необходимымъ. Кто-же осмълился-бы продавать дочь богатаго Дювона? Но всъ плантаторы въ окружности знали ея происхожденіе, и ихъ сыновья, хотя они охотно проводили время съ этой прелестной дъвушкой и болтали ей разный вздоръ о своей страсти, однако остерегались, чтобы ихъ шутку не приняли за серьозное намъреніе. Одна мысль соединиться съ негрибрачными узами страшила ихъ своею неслыханною постью. Ланіера разъ присталь съ своею шкуною къ этому берегу, увидълъ и полюбилъ ее. Но Жазэдь отталкивала его холодностію и гордостію, хотя и она не оставалась равнодушной къ прекрасному пришлецу. Если онъ узнаетъ, какого я происхожденія, думала она съ печалью, онъ поступить, какъ другіе, станеть меня презирать и забудетъ. Но нетакъ думалъ Ланіера. Онъ следиль за малейшими действіями скромной дівушки въ ея домашнемъ быту, и далъ клятву, соединцться съ ней на вікть, если онъ ей не противенъ.

Въ одинъ прелестный осенний вечеръ, онъ впервые признался ей въ своей любви и умолялъ ее о взаимности. Краснъя и блъднъя, бъдная дъвушка отвъчала съ трепетомъ, что сердце ея давно уже принадлежитъ ему, по что онъ не можетъ думать о союзъ съ ней, потомучто она негритянскаго происхождения.

Одну минуту, правда, онъ колебался, когда услышаль изъ ен устъ потверждение того, что онъ досель почиталь однимъ злословиемъ завистниковъ; но скоро онъ побъдилъ и эту слабость, и еще съ большею откровенностью повторилъ свое предложение, въ самыхъ красноръчивыхъ словахъ. Съ какимъ восторгомъ упала она на грудь избранника своей души, этого перваго изъ мужчинъ, который приближался къ ней съ откровеннымъ, чистымъ сердцемъ.

Отецъ ея съ радостью согласился на ихъ союзъ, чувствуя, что такимъ образомъ его дочь между бълымъ народонаселеніемъ будетъ въ уваженіи, которое она иначе не могла пріобръсти. Тогда возникла эта несчастная ссора между Ланіеромъ и креоломъ, Ланіера убилъ своего противника, и принужденъ былъ бъжать. Скоро послъ этого происшествія умеръ старый Дювонъ, молва даже шептала о ядъ, и Гестонъ, сосъдъ покойнаго и вмъстъ шерифъ округа, наложилъ запрещеніе на имущество Дювона, и спъшилъ продажей съ необыкновеннымъ жаромъ, надъясь удовлетворить своему мщенію.

Уже прежде онъ дълатъ Жазэди разныя безчестныя предложенія, не уважая ее болье обыкновенной невольницы, но всегда быль отражаемъ съ презръніемъ, даже въ послъдній разъ съ угрозою, и теперь онъ кипълъ мшеніемъ. Что только было въ его силахъ, чтобы сдълать положеніе ея несноснымъ, онъ дълалъ съ радостью; онъ обходился съ ней такъ безчеловъчно и варварски, какъ только могъ, не преступая однакожъ законовъ; у каждаго преступника была-бы лучшая постель, лучшая пища, чъмъ у этой невинной дъвушки, которой единственное преступленіе состояло въ томъ, что ея пробабушка была негритянка. Что этотъ безчестный готовилъ ей, когда она будетъ его невольницей, одному Богу было извъстно, и многіе изъ сосъднихъ плантаторовъ, серьозно опасаясь за нее, дълали ему представленія, отъ которыхъ онъ однако отдълывался смѣхомъ, и съ звърскимъ, коварнымъ выраженіемъ лица прибавлялъ: Я знаю, что дълаю, и законы нашего края мнѣ извъстны.

Домъ, въ которомъ стерегли ее отдёльно отъ другихъ невольниковъ, и который служилъ нетолько темницей, но даже и кладовой для пороха, былъ необыкновенно кръпкаго устройства.

Толстыя, въ полтора дюйма доски, вдвое сложенныя, служили ему крышею. Кипарисовыя бревна на всёхъ концахъ были связаны желёзными скобами; дверь изъ толстыхъ тяжелыхъ дубовыхъ досокъ замыкалась снаружи, посредствомъ крънкаго желъзнаго пробоя, а при наступленін темноты Гестонъ запиралъ ее большимъ висячимъ замкомъ, ключъ отъ котораго находился у него въ карманъ. Сверхъ-того сторожили еще два дюжіе негра, Сабъ и Сциніо, вооруженные толстыми дубинами; а Сципіо, припоминая предостереженія своего господина, ийсколько разъ обходилъ домъ. Ровно въ полночь Ланіера выползъ изъ лодки и спрятался за палисадникомъ, въ ожиданіи благопріятной минуты; онъ не смъль выдти изъ своей засады, пока наконецъ достигло до него приказаніе, которое Квагасъ отдаль негру, принести ему лютню. Сципіо, наділсь получить обіщанный индійцомъ виски, безъ оглядки побізжаль для исполненія приказанія, а Лапіера, между-тімь, съ быстротою кошки вкарабкался на крышу, чтобы разсмотръть ее. Но, несмотря на гнилыя мъста въ доскахъ, онъ скоро убъдился; что нътъ возможности, не произведя большаго шума, добраться до Жазэди. Стиснувъ зубы, онъ спустился на землю, ръшась побъдить силу силою, позвать своихъ людей и скоръе каждаго сопротивляющагося убить, чъмъ отказаться отъ своего плана и оставить Жазэдь въ рукахъ озлобленнаго врага.

Сципіо между-тёмъ доб'єжаль до лодки и видёль, какъ Титъ хотёль ее отвязать, чтобы, по уговору, ожидать индъйца несколько миль пониже. На палуб'є чикентифа были два матроса со шкуны. Сципіо, прыгая съ отлогости берега, кричаль глухимъ голосомъ; Титу:

- Масса Ниггеръ! а что, гдъ виски, который миъ масса индъецъ объщалъ? Я тотъ, что пришелъ за музыкой.
- Ты одинъ изъ сторожей? спросилъ его Титъ, въ головъ, котораго, какъ молнія, родился новый планъ.
- Да, я Сциніо, сторожъ Яцеды, прибавилъ негръ, чтобы этимъ яснъе доказать всю законность въ домогательствъ любимаго напитка.
- Хорошо, ступай въ каютку, но не споткнись, бутылка тамъ на столъ. Не теряя словъ, Сципіо повиновался, а Титъ съ быстротою молнін побъжаль къ обоимъ матросамъ, велѣлъ имъ схватить негра, и въ одну секунду Сципіо лежаль уже связанный въ каютъ чикентифа, лицо его вытянулось и посърѣло отъ страха, когда епу погрозили пистолетомъ.
- Провориће снять съ него платье, ребята, говорилъ Титъ, смѣясь; я посмотрю, не могу-ли я представить такого почтеннаго бездъльника, какъ онъ. Кто еще съ тобой стоитъ на карауль?

- Сабъ! стоналъ плънникъ, снимая съ помощію матросовъ свою курточку и передавая ее и соломенную шляпу Титу. Хорошо, ухмылялся этотъ; теперь увижу, что дълать съ Самомъ, а вы, господа, обратился онъ къ одному изъ испанцевъ, хорошо знаете каждый кустъ въ этой странъ, гребите до втораго мыса, тамъ, у плантаціи Боніера, гдъ привязаны три челнока, ждите Квагаса, который пе замъшкается. Что вы хотите дълать съ буравомъ?
- Деревянная ты голова, отвъчаль смъясь испанецъ, ты въдь говорилъ, что тамъ три челнока; не лучше-ли воспользоваться свободнымъ временемъ и сдълать ихъ безвредными, чъмъ допустить, чтобы они послъ на всъхъ парусахъ за нами погнались?
- Славно, право славно! Эту операцію можно испытать и на этихъ двухъ, которые вонъ здъсь. Но пора идти, они ждутъ лютни; на всякій случай пошлите всъхъ матросовъ къ палисаднику. Одна минута можетъ все ръшить.

Быстро поднялся онъ на берегъ и скоро прибъжаль къ отворенной двери дома, гдъ Квагасъ ожидалъ его съ нетериъніемъ. Онъ хотъль ему дать знакъ, но этотъ, не подозръвая присутствія върнаго негра, отворотился отъ него и отошелъ къ свъту, куда слъдовать поддъльный сторожъ не посмълъ. Трудная была задача найти Ланіеру, чтобы Сабъничего не подозръвалъ, но онъ положился на свое счастіе и длинный острый ножъ, отошелъ отъ двери и завернулъ за уголъ дома, не отвъчая на вопросы Саба, безъ шума, въ ту самую минуту, когда Ланіера спустился съ крыши, съ намъреніемъ позвать матросовъ шкуны; онъ только что дотронулся ногами до земли, какъ вдрутъ передъ нимъ очутился негръ, въ которомъ онъ предполагалъ одного изъ сторожей. Въ одинъ мигъ обнажилъ онъ свой ножъ и хотълъ броситься на мнимаго врага, какъ тотъ сдълалъ ему условный знакъ шипъніемъ, наподобіе угрожающей змъи. Ланіера стоялъ какъ вкопанный, съ поднятымъ ножемъ.

— Macca! шепталъ върный негръ, теперь скоръе связать Саба, или... онъ дополнилъ свои слова выразительнымъ жестомъ. Можетъ-быть, продолжалъ онъ, если объщать Сабу свободу, то и онъ поможетъ намъ.

Болъе ненужно было словъ, и когда первые звуки музыки долетъли до нихъ, Титъ приблизился къ Сабу, который, конечно, думалъ, что это его возвращающійся товарищъ.

— Эхъ, Сципіо, ворчалъ онъ сердито; нечего быть всю ночь вокругъ дома; кто-же взломится, чтобы мы не услышали. Послушаемъ лучше массу Квагаса, но не принесъ-ли ты водки?

- Ахемъ! кивая головой, отвъчалъ Титъ, наклонясь, чтобъ изъ-подъ шляпы не обнаружилось его лицо, а рукой обхвативъ ножъ, что другому, въроятно, внушило мысль, будто у него тамъ спрятана бутылка. Но какъ скоро онъ приблизился къ довърчивому, ничего неподозръвающему Сабу, онъ вдругъ погрозилъ ему острымъ ножемъ, если только пошевелится. Въ это время и Ланіера съ другой стороны уставилъ противъ него свое острое орудіе, и испуганный невольникъ со страха упалъ на колъна, умоляя пощады поднятыми руками.
- Хочешь-ли ты намъ помогать и быть свободнымъ? спросилъ его Ланіера шопотомъ.
 - Свобода? спросилъ негръ, прислушиваясь.
- Свободнымъ, какъ поднебесная птица, увърялъ его испанецъ. Помоги мнъ и я тебя увезу въ Тексасъ.
 - А тамъ? спросилъ его осторожный негръ.
- Тамъ я тебъ выдамъ свидътельство на свободу и деньги на дорогу въ Бостонъ или Канаду.
 - А что миѣ прикажете дѣлать?
- Помоги мит увезти Жазэдь. Ръшайся скоръе; ты знаешь, что терять времени нельзя.
 - Но мистеръ Гестонъ?
 - Не бойся, я тебя защищу.
 - Но если вамъ не удастся ее спасти?
- Ты пойдешь съ нами. Негръ, не говоря болъе ни одного слова, подалъ испанцу руку и спросилъ его шопотомъ: Кто вы?
- Ланіера снялъ полумаску, которая закрывала его лицо, и показалъ изумленному негру свои знакомыя черты.
 - О, масса Ланіера...
- Тсъ, дуракъ! говорилъ тотъ, прикрывая ему ротъ рукою. Ты хочешь меня выдать?
 - Нътъ, нътъ, масса, никогда! Я пойду съ массой и Яцедой!
- Титъ, подползи къ этой смоковницѣ и въ случаѣ опасности подай намъ знакъ сильнымъ шипѣніемъ, или, лучше, крикомъ филина, которому ты превосходно подражаешь. Теперь къ дѣлу. Мы съ Сабомъ легко отворимъ дверь. Титъ исполнилъ данное приказаніе и съ такимъ-же нетерпѣніемъ, какъ и Квагасъ, ожидалъ условнаго знака удачи. Но нетакъ легко было имъ оторватъ замокъ, потомучто они должны были остерегаться произвести шумъ. Сабъ, къ счастію, всиомнилъ о крѣпкомъ крюкѣ, употреблявшемся обыкновенно къ приготовленію тюковъ сырца бумаги и находившемся подъ рукой. Онъ

68 Смъсь.

пошелъ искать его, нашелъ, и замокъ былъ отпертъ удачно. Дверь отворилась безъ шума, —осторожная Жазэдь внутри обливала петли водой, и чрезъ полуотворенную дверь она летъла въ объятія того, который, забывшись, хотълъ вскричать отъ радости. Но она, улыбаясь, прикрыла своими нъжными пальцами его ротъ и сказала. Бъжимъ скоръе отъ этого ужаснаго мъста, съ тобою я готова и въ могилу.

- Это можетъ случиться, заревълъ съ угрозою возлѣ нихъ густой басъ, и въ ту-же минуту сильный ударъ кулакомъ повергнулъ ничего неподозръвавшаго испанца на земь. Жазэдь, испуганная на смерть, простонала: Гестонъ! и упала безъ чувствъ.
- Xa, xa, xa, смъялся торжествующій американець, я подозръваль... а вы мерзавцы... Но, чего вы хотите! Помогите, помогите!

Ладно, кричалъ Титъ, который сзади повалиль его на земь; слишкомъ рано потъшился! Веревка кръпка и платокъ не разорвется. Вотъ и они, наши молодцы, вовремя подоспъли. Возьмите, унесите этихъ двухъ безпамятныхъ, а мы вдвоемъ справимся съ этимъ неугомоннымъ. А вы, остальные, прикрывайте насъ отъ преслъдователей.

Въ эту минуту темныя тъни перескочили черезъ палисадъ, къ которому они давича подкрались; нъкоторые подняли капитана, междутъмъ, какъ другіе обратились лицомъ къ бъгущимъ гостямъ.

- Стой, кричалъ Ланіера, опомнившись, гдъ Жазедь?
- Здѣсь! но впередъ. Вотъ уже эти бездѣльники бѣгутъ изъ дому къ намъ. Остановите ихъ обнажениыми ножами и перестрѣляйте этихъ мерзавцевъ, ревѣлъ Титъ.
- Не лейте крови, приказаль Ланіера, не лейте крови, если обойдется безъ этого, только подлець убиваеть беззащитныхъ; у нихъ изтъ оружія. И съ этими словами, поднявъ Жазэдь на руки, прикрываемый матросами, онъ побъжаль къ берегу, между-тъмъ, какъ Сабъ и Титъ тащили тяжелаго Тестона.

Креолы, какъ скоро услышали, что Гестонъ зоветь на помощь, выбъжали изъ комнаты, не думая объ оружіи, и спѣшили къ мѣсту, гдѣ происходила борьба. Увидѣвъ своего хозяина въ рукахъ его негровъ, какъ они думали, они хотѣли броситься на нихъ, но въ тоже время замѣтили еще множество темныхъ тѣней, соскочившихъ съ палисада. Безъ оружія стояли они противъ обнаженныхъ ножей и смертоносныхъ ружей.

— Возмущеніе! кричали первые, отскакивая. Они думали, что негры возстали, и опасались за свою жизнь. Надзиратель надъ невольниками Гестона, привлеченный шумомъ и крикомъ, ревълъ: Скоръе въ домъ,

въ домъ, тамъ наверху заряженныя ружья! Скоръе, не дайте уйти этимъ мерзавдамъ, я самъ имъ надъну петлю на шею, и съ яростью бросился на перваго, близъ него стоящаго. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ, ибо этотъ, не употребляя даже ножа, отбросилъ его съ такою силою, что онъ, почти лишившись чувствъ, повалился, какъ снопъ.

Хотя креолы тотчасъ воспользовались совътомъ надзирателя, но они п здъсь были предупреждены Квагасомъ. Этотъ, оставшись одинъ, когда всъ плантаторы выбъжали, не обративъ на него вниманія, захлопнулъ дверь, заперъ ее изнутри задвижкой, а самъ вылезъ въ окно, поднимавшееся отъ земли; но происшествіе это, занимающее столько мъста въ разсказъ, совершилось въ одно міновеніе, и прибъжавшіе креолы примътили стройнаго индъйца, какъ онъ добирился до садовой перегородки, перескочилъ и исчезъ. Собравшаяся толна, упершись въ дверь, выломила ее, хотя Квагасъ болъе разсчитывалъ на ея кръпость. Но все-таки она остановила преслъдователей, и когда вооружившіеся на скорую руку плантаторы выбъжали на берегъ, то увидъли, какъ чикентифъ подъ всъми парусами переръзывалъ волны, и одинъ человъкъ стремглавъ бъжалъ по большой дорогъ.

— А, вотъ этого они забыли, вскричалъ съ восхищениемъ одинъ американецъ; этотъ не уйдетъ отъ меня, вотъ моя лошадь, привязанная мною и забытая этими подлыми неграми, чортъ ихъ побери! Ну, красно-кожій, дай тягу, нето я тебя догоню прежде, чъмъ ты догонишь лодку!

Между-тъмъ онъ вскочилъ на лошадь, и давъ ей шиоры, какъ коршунъ полетълъ за индъйцемъ, которому сдълось немного дурно, когда онъ услышалъ за собой оглушительный топотъ лошади по твердой дорогъ.

Все болье и болье приближался американець къ былецу; уже онъ могъ, при слабомъ мерцаніи звыздъ, различить, какъ этотъ съ боязнію оглядывался на него, какъ вдругъ тотъ перескочилъ въ глубокую тынь померанцовой рощи, осыявшей высокій палисадъ. Американецъ торжествовалъ вполнъ; онъ думалъ, что былецъ употребилъ эту хитрость для того, чтобы скрыться въ темнотъ и сбить его въ отыскиваніи слыда. Но прежде, чымъ онъ добхалъ до этого мыста, Квагасъ, сидъвшій на маленькой огненной индыйской лошади, вылетыль какъ стрыла и поскакалъ по дорогь. Скоро американецъ удостовърился, что его лошадь не можетъ состязаться въ быстроть съ индыйской. Оба въ дикой скачкъ достигли до плантаціи, у мыса которой индыйда ожидалъ челнокъ. Ловкій сынъ степей соскочилъ съ лошади, продолжавшей съ неимовърной быстротой свой путь, въ нъсколько прыжковъ очутился въ челно-

70 Смъсь.

къ, и чрезъ минуту былъ внъ выстръла карманныхъ пистолетовъ американца, который, обманутый въ своей надеждъ, выстрълилъ въ него изъ обоихъ.

И креолы выстрѣлили изъ своихъ двухствольныхъ карабиновъ вслѣдъ за удаляющимся, съ попутнымъ вѣтеркомъ, чикентифомъ, но напрасно. Они не могли причинить вреда даже тяжеловѣсной лодкѣ, которая теперь, когда всѣ ружья были разряжены, изъ защищающей ее тѣни береговъ выдалась и направилась къ срединѣ рѣки. Напрасно искали они челноковъ, стоявшихъ прежде здѣсь на привязи,—ихъ нигдѣ не было видно. Они бросились на своихъ лошадей и поскакали по окраинѣ берега къ ближайшему городу, чтобъ съ свѣжими людьми и хорошими лодками подъ парусами преслѣдовать бѣглецовъ.

Съ съверо-запада дулъ штормъ съ такою силою, что чикентифъ накренился совсъмъ на одну сторону и пъна высоко брызгала надъ бушпритомъ; даже паруса надо было убрать. Съ почти чудесною быстротою, маленькая «Жазэдь» летъла по теченію, такъ, что плантація мелькала за плантаціей, и скоро болъе оживленная ръка дала знать, что они приближаются къ многолюдному городу Нью-Орлеану.

- Но что намъ дълать съ Гестономъ и Сциніо? спросилъ Титъ. Ръка оживляется, плантаціи становятся все гуще и гуще, а до Нью-Орлеана намъ нельзя ихъ везти.
- Да, это правда, сказалъ Ланіера; но теперь я вспомнилъ. Умъешь-ли ты плавать, Сципіо?
- О, масса, возьмите меня съ собой, возьмите меня съ собой, умолялъ негръ; масса меня убъетъ, когда я буду дома.
- Попробуйте только украсть невольниковъ, хрипълъ Гестонъ, попробуйте только, я не подорожу жизнію, чтобы васъ видъть на висълицъ!
- Хорошо, смъялся Ланіера. Развяжи его, Титъ. Вотъ теперь, сударь, мое послъднее слово вамъ: я знаю, что вы меня ненавидите, убили-бы меня, еслибъ я былъ въ вашихъ рукахъ, какъ вы теперь въ моихъ. Но я великодушнъе васъ, я не желаю вашей смерти. Невольниковъ я не краду, они добровольно идутъ со мной. Оба негра, коль скоро мы достигнемъ до Тексаской земли, свободные люди, я ихъ такими сдълаю. Что же касается до Жазэди, она моя жена. Напрасно вы скрежещете зубами; вы не увидите ее никогда. Но довольно объ васъ. Я знаю, вы умъете плавать; вода прибавляется и множество иней плаваютъ въ ръкъ. Прыгайте въ воду и цъпляйтесь за нихъ, вътеръ васъ понесетъ къ берегу. Приготовьтесь, и не ожидайте отъ меня помилованія. Когда вы достигнете какого-нибудь берега, я вамъ позволяю

преслъдовать меня, какъ вамъ угодно. Я смъюсь надъ вашимъ мщеніемъ; но... прибавиль онъ съ сверкающими глазами и тихимъ взволнованнымъ голосомъ, берегитесь, не подхододите ко мнъ на такое разстояніе, чтобы я васъ могъ достать вотъ этимъ ножемъ. Теперь прощайте. Вотъ и пловучій лъсъ!

— Ядъ и чума надъ тобою, подлецъ! вскричалъ плантаторъ, выпрямляясь. Но погоди, законъ отомститъ за меня, а вотъ это тебъ на дорогу къ аду!

Съ этими словами онъ выхватилъ изъ-за пояса свой ножъ, бросиль его въ испанца, и съ дикимъ хохотомъ бросился въ воду.

Онъ хорошо направилъ орудіе и върно избралъ мъсто, но ножъ отскочилъ отъ пистолетнаго приклада. Титъ схватилъ ружье, лежавшее на палубъ, чтобы раздробить голову вынырнувшаго Гестона; Ланіера остановилъ его.

- Предоставь этого бездъльника его судьбъ, отъ которой онъ не уйдетъ. Я теперь слишкомъ радъ, и не желаю проливать крови. Видишь, вотъ онъ добрался до иня; когда разсвътетъ, онъ доплыветъ, пожалуй, до какой-нибудь илантаціи и тамъ упроситъ о погонъ. Если вътеръ не ослабнетъ, я не боюсь ни его, ни его шайки.
 - А со шкуной что будеть?
- Не безпокойтесь объ ней, весело сказалъ матросъ, который перевезъ Квагаса. Смотрите, какъ она летитъ на всъхъ парусахъ; она, пожалуй, ранъе насъ будетъ въ Нью-Орлеанъ, но во всякомъ случаъ не отстанетъ отъ насъ.

Ланіера, который, пока его присутствіе было необходимо, находился на палубъ, сошелъ въ каютку, гдъ Квагасъ сидълъ у ногъ Жазэди и разсказывалъ ей тысячу забавныхъ шутокъ, такъ, что она, несмотря на всю заботу и страхъ, смъялась страннымъ разсказамъ полуообразованнаго дикаря. Съ радостнымъ крикомъ бросилась она навстръчу Ланіеру, когда онъ отворилъ маленькую дверь, и забыла все, что предъ этимъ ей внушали страхъ и горе.

- Что, нътъ опасности, Ланіера? не догонять они насъ, будемъли мы счастливы въ чужой сторонъ?
- Не бойся, Жазедь, отвъчалъ испанецъ, всъ святые намъ покровительствуютъ; вътеръ дуетъ, какъ будто онъ на своихъ крыльяхъ хочетъ унести нашу лодку. До-сихъ-поръ я самъ боялся опоздать, но теперь, я думаю, мы внъ опасности. Разсвътаетъ уже, но до Нью-

Орлеана недалеко. А какъ скоро мы на бортъ Кубы, то никто насъ не догонитъ.

Смъсь.

Солнце поднималось, а вътеръ все еще гналъ маленькій чикентифъ съ ровною силою; уже они доплыли до-Лафаетта,—выше Нью-Орлеана уже стояли корабли возлѣ кораблей, съ необозримымъ своимъ мачтовымъ лѣсомъ, когда Титъ просунулъ свою курчавую голову въ дверь и вызвалъ Ланіеру на палубу. Онъ отправился наверхъ и нашелъ весь многочисленный экипажъ лодки занятымъ тѣмъ, что всѣ съ возможнымъ вниманіемъ глядѣли на одну точку за ними.

- Что такое? Что вы тамъ разсматриваете? Это наша шкуна подъ парусомъ.
- Да, бормоталъ Титъ; но мы видимъ не одинъ парусъ, масса; я полагаю, насъ преслъдуютъ; эта лодка позади насъ не даромъ такъ быстро плыветъ на парусахъ.
 - Подай мит зрительную трубку!

Негръ побъжалъ внизъ и скоро явился съ ней, а за нимъ Квагасъ. Ланіера долго смотрълъ, но ничего опредълительнаго не могъ сказать.

 Дайте мит ее, сказалъ индъецъ: я знаю много лодокъ, авось узнаю и эту.

Съ этими словами онъ взялъ трубу, но чуть взглянулъ испытующимъ взоромъ на лодку, которая, обогнувши мысъ, показалась на ръкъ, какъ вдругъ вскрикнулъ: Га! выпрямился, вытеръ правый глазъ, и еще внимательнъе прежняго глядълъ на нее.

- Кто это? Знаешь ты лодку?
- Какъ не знать! ворчалъ про себя Квагасъ: это бъгунъ Мервиля, и на немъ креолы. Если мы не доберемся скоро до парохода, то погибли.
- Нетакъ скоро, сказалъ Ланіера: Нью-Орлеанъ великъ, намъ нетрудно будетъ добраться до Пончартренскаго-озера, и тамъ у меня также есть шкуна у самаго устья Нью-Орлеанскаго канала. Но вотъ и Куба, и въ-самомъ-дълъ, готова къ отплытію. Подними всъ паруса, Титъ; каждый полотняный лоскутокъ—смерть или свобода. Чу, слышите-ли колокольчикъ, Ей-Богу, вотъ уже двигаются колеса, скоръе, скоръе, милая моя Жазадь, спаси свою соименницу! Это послъдняя поъздка съ тобой!

Маленькая лодка летъла какъ стръла; Ланіера стоялъ, судорожно прижимая руль, и съ лихорадочно-раскраснъвшимися щеками глядълъ, то на могущественный пароходъ, приготовлявшійся съ разстановкой къ начатію своего труда, то на чайкообразную лодку, которая летъла за ними, какъ исполинская птица.

- Мы носивемъ, кричалъ вив себя Титъ; но масса, ради Бога, куда вы направили? На берегъ, Боже мой, мы погибли!
- Мы опоздали! кричалъ Ланіера, между-тъмъ, какъ Квагасъ, съ вытаращенными глазами и смертною блъдностью въ лицъ, смотрълъ на испанца, который, повидимому, лишилъ ихъ послъдней надежды къ спасенію. Но Ланіера оцънилъ всю опасность, какъ слъдовало. Въ ту минуту, какъ онъ обогнулъ пароходъ, вмъсто того, чтобы сцъпить чикентифъ съ пароходомъ, онъ направилъ его на подобныя ему стоявшія у берега суда.
- Долой паруса! кричалъ онъ громовымъ голосомъ, долой паруса и вымпела, и испуганные необыкновенною вспыльчивостью этого обыкновенно смирнаго человъка, всъ торопились исполнить его приказаніе, и въ нъсколько мгновеній лодка стояла безъ парусовъ, между десятью или двънадцатью ей подобными, безъ движенія.

Пароходъ между-тъмъ приготовился совстмъ, и раздался уже колокольчикъ инженера, чтобы дать полную силу парамъ, когда преслъдующая лодка приблизилась на разстояніе голоса. Выстрѣлы и развѣвающіеся платки обратили вниманіе капитана на поспъшность вновь ближающихся пассажировъ, и какъ Ланіера върно разсчель, пароходъ не двигался: Экипажъ преследующей Ланіеру лодки, будучи урерень, что всъ бъглецы уже на бортъ парохода, потому-что за пароходомъ они исчезли, и не подозрѣвая, чтобы испанецъ, преслѣдуемый по пятамъ, осмѣлился пристать къ берегу, съ жадною торопливостью вкарабкались на высокій борть парохода, который чрезь секунду св свистомъ и неимовърною быстротою полетълъ. Оставшаяся лодка креоловъ, безъ людей, неугомонно качалась на волнахъ, клокотавшихъ въ фарватеръ парохода. На чикентифъ стоялъ Сципо, держась за бока, и до того смъялся, что его большіе круглые глаза, казалось, готовы были лопнуть сильнаго напряженія; вст стоявшіе на берегу лодочники смотрали сперва на него, а потомъ сами начали участвовать въ необычайной веселости негра, хотя они и не имъли понятія о томъ, что такъ развеселило широкоплечаго негра.

Ланіера строгимъ взглядомъ укротилъ его веселость. Титъ, междутъмъ, исполнилъ приказаніе своего хозяина; онъ выстрълилъ два раза и пустилъ на воздухъ ракету, чъмъ обратилъ вниманіе только что приблизившейся на всъхъ парусахъ шкуны, удивившейся, что ихъ капитанъ здъсь. Скоро она пристала къ берегу немного ниже, на назначенномъ для шкунъ мъстъ; негры, между-тъмъ, отнесли пожитки капитана чрезъ городъ къ готовой къ отплытію лодкъ на каналъ, только-что собиравшейся къ озеру Пончартренъ. Ланіера отдаль нъсколько приказаній поспъшившему къ нему штурману шкуны, вскочиль въ лодку, которая тотчасъ подняла паруса, и прижимая Жазэдь къ сердцу, тихо шепталь ей: Теперь мы спасены!

Library and the first control of the control of the

Property of the control of the contr

alitika dika dipertuah di Laman di Laman dengan seringgan antagan di kalandaran di seringgan di seringgan di s Antan mengan di menggan di seringgan di seringgan di seringgan dan di seringgan di seringgan di seringgan di s

ingen i denta. Propositione in instancialism in angle realism direction action. The cross and conservation began and the same standards and action in the same in

and the contract of the amount of the contract of the contract

(Noton) drop) (Linux ed a seria i linux dibido) (Linux in all'imperia care dibido) Linux deput deput pare de la seria desenta de la seria de la carega de la seria de la seria de la seria de la La seria la viva de la carega de la seria de la ser La transferia de la seria de la seria

and particles of the second of

Care files (1964) (1966) (1967) (Care Base (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (196 Care files (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966) (1966)

and the property of the second of the second

the contract of the second of the second

and the contract of the contra

Section of the production of the section of the

TO THE PARTY OF THE PROPERTY OF THE PARTY OF

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Nº 8.

соль супружества.

комедія въ одномъ двйствій,

ПЕРЕДВЛАННАЯ СЪ НВМЕЦКАГО

В. С. ПЕНЬКОВЫМЪ.

PRUBPTYAP'S PYCCHON CHBRIA.

дъйствующія лица:

ВАЛЕРІАНЪ МОРЕВЪ. ОЛЬГА, жена его. БОЛТУНОВЪ, дядя Морева.

Дъйствіе происходить въ Петербургъ, въ наше время.

all has been see on his all but des his . Id-

Небольшая, со вкусомъ убранная комната; двери посрединъ и сирава; слъве два окна; на первомъ планъ справа и слъва маленькіе столы; на одномъ газеты, на другомъ книги, шитье, бълый носовой платокъ. Посреди комнаты столъ, накрытый скатертью; на немъ тарелки, салфетки, стаканы, рюмки и ложки для трехъ приборовъ; три стула; на заднемъ планъ еще столъ, накрытый салфеткою, на которомъ солонка, перечница, корзинка съ ножами, вилками и ложками и графины съ водой и виномъ.

The Thetales of the same of the same of the

on a series of a management of the substantial of t

T.

ОЛЬГА и ДЯДЯ сидить у стола, читаеть газену.

Опыта (не входя въ комнату, останавливается у дверей и говорить). Такъ слышишь-ли, Наташа, сдълай одолжение не пересоли!.. Что?.. Не слышу... (Прислушивается). Нътъ, нътъ! Я сама накрою. (Входить въ комнату, и разставляя приборы, говорить дяды. Дядышка, вы не сердитесь, что я васъ совствъ бросила?.. Нътъ? Простите! Не повърите: хлопотъ, вотъ до-сихъ-поръ. (Дълаеть жесть, какъ-бы говоря: выше ушей).

Дядя (встаеть и кладеть газету на столь). Ты не ожидала...

Ольта (перебивая его). Чтобъ такъ трудно было хозяйничать, хотите вы сказать?.. Правда! Но это пока, съ непривычки...
Потомъ стану все дълать припъваючи, потому-что я самая счастливая женщина: мужъ любить меня такъ нъжно и искренно, онъ такъ добръ, кротокъ,—не достаетъ соли,—никогда меня не огор читъ, — и перцу нътъ, — онъ поклялся мнъ въ этомъ.

Дядя (береть со стола солонку и перечницу и подаеть Ольгь). Воть.

Ольга. Благодарю. (Ставить ихъ на столь). Да, да! Какъ́ придется самой за всъмъ смотръть, по-неволъ сдълаешься хозяйкой... Однако нечего мъшкать!.. Валеріанъ сію минуту придетъ... Не хотълось-бы въ первый день замужства оказаться ненсправной... (Складываешъ салфетки).

Дядя. Не надо-ли....

Ольга. Помочь?.. Нътъ, дядюшка!.. Это наше дъло. Мужчины не должны тутъ мъшиться... А угодно хозяйничать, извольте передникъ подвязать, и тогда ужъ, не прогнъвайтесь, изъ числа мужчинъ вонъ!.. Экая досада!.. Салфетка не хочетъ лечь какъ надо. А ужъ я-ли не мастерица ихъ укладывать?..

Дядя. Ты, кажется, ее...

Ольга. Очень измяла, думаете вы?.. Всегда какъ-посившишь и выйдеть неладно... Ну!.. Наконецъ справилась. (Береть графины съ водой и виномъ и ставить на столь). Госпожа водица пожалуйте къ барынъ; винцо къ барину. (Смотрить на столь). Кажется, все хорошо?... Однако мнъ скучно становится безъ Валеріана.

Дядя. По настоящему, сегодня...

Ольга. Ему слъдовало-бы дома остаться?.. Никакъ нельзя. Его служба такого рода... Еще счастье, что нынче ужъ не дълаютъ визитовъ послъ вънца. А то многіе закосились-бы на насъ...

Дядя. Это очень...

Ольга. Хорошо?.. Что сталь выводится этоть глупъйшій обычай?.. Превосходно, дядюшка, нетолько хорошо!.. Прошу покорно: на другой день свадьбы часовъ десять сряду взди Богь знаеть зачьть!.. Съ ранняго утра съ льстницы на льстницу!.. Воображаю, какая мука!.. Насилу за умъ взялись!.. Однако что-жъ это!.. Нъть ни ножей, ни вилокъ... (Бъжить къ столу, гдъ стоить коробка съ ножами).

Пядя. Я-бы могь... по пред принам при

Ольта. Подать?.. Не безпокойтесь!.. (Береть корзинку и кладеть ножи и вилки къ приборамь), Воть я попросила-бы васъ сдълать одолжение наръзать хлъба.

т Дядя береть кальбы, по проставление англад, ван уполь выстав

Ольга (продолжаеть). Только пожалуста потолще куски; горбушку положу Валеріану: это его любимое... Не правда-ли я славная хозяйка?.. Что-жъ вы?.. Отчего не ръжете?

Дада. У меня...

Ольга. Нътъ ножа?.. И не спросите!.. (Береть въ разсиянности изъ корзинки ложку и подаеть ему). Вотъ извольте, и поекоръй, поскоръй. Сію минуту хозяинъ явится. (Относить коробку на задній столь).

Дядя (держить хльбь въ одной рукь, ложку въ другой, и смотрить на нихь, качая головой).

Ольга (продолжаеть). Я думаю, онъ порядкомъ проголодался. Ушель въ должность ровно въ одиннадцать, а теперь четверть четвертаго... Ну, вы готовы?

Лядя (въ прежнемъ положении). Нътъ, не...

Ольга. Неготовы? Отчего-жъ нътъ? (Смотрить на него, смъясь). Что это вы хотите ложной-то дълать?.. Хлъбъ ръзать? Дядя. Ты ее мнв.,.

Ольга. Сама дала? (Смъясь). Не можетъ-быть!.. Какая разсъянность! И выходить, какъ вы говорите...

Дядя. Пофилософствуй...

Ольга. Умъ вскружится? Именно. (Береть изъ корзинки ножь и подаеть дядь). Вотъ вамъ надлежащее орудіе. Теперь, кажется, кончено. (Смотрить на столь). Какъ все весело и аппетитно смотрить! Какъ вы думаете, понравится Валеріану?

Дядя. Можетъ-ли...

Ольга. Не понравиться?.. Точно не можеть... Вы себъ представить не въ состояніи, какъ онъ меня любить и какъ горячо я его люблю. Мы вчера обвънчаны, а еще ни малъйшаго противоръчія у насъ не было, и никогда не будеть, во въки въковъ... Женщина въдь совсъмъ не то, что дъвушка...

Дядя. Ужъ и...

Ольга. Да!.. Конечно. Но я не то хотъла сказать... Самыя слова: «женщина», «дама» звучатъ такъ сильно, полно; тогда какъ «дъвушка» все какъ-то чопорно и кисло-сладко отзывается... Сказать вамъ по правдъ, дядюшка, я просто въ восторгъ, что вышла замужъ.

Дядя. Весьма...

Ольга. Естественно? Не правда-ли?... Дъвичья жизнь—прозжбеніе и только. Я, бывало, часто думала: какъ справедлива паша деревенская пословица.

Дядя. Какая? Върно: обидны...

Ольта. Да, «обидны въ поль горохъ да ръпа, а въ міръ вдова да дъвка...» Можетъ-ли быть что-инбудь хуже дъвичьей жизни во всъхъ смыслахъ?.. Отъ-всюду гонятъ, заставляютъ потуплять глазки тамъ, гдъ другія глядятъ, что называется, въ оба; осмълишься заговорить, со всъхъ сторонъ посыплется: «Фуй, фуй! Вы этого не понимаете! Не должны понимать! Этого нельзя говорить! Объ этомъ могутъ разсуждать однъ женщины! Дъвушкъ нейдетъ!..» И часто, кто-бы вы думали дълаетъ замъчаніе? Какая-нибудь устарълая дъва, которая сама охъ, охъ какъ все понимаетъ и обо всемъ говоритъ, а ты ни пикни! Просто наказаніе! Бывало, когда за чаемъ или за кофе соберутся дамы и всъхъ знакомыхъ по ниточкъ переберутъ, — не смъсшь рта разинуть, а у самой язычекъ такъ и чешется кой про кого словцо ввернуть!.. Слава Богу! Эти тяжкія времена миновались!.. Наконецъ и я «дама»! Ужъ наверстаю-же! И какъ наверстаю! Съ

процентами!.. Къ первому собранію приготовленъ у меня богатый запасъ прекурьозныхъ исторій; я давно ихъ сбирала. Да-съ, милый дядюшка, цълая тетрадь. Хочу со славой вступить на это поприще!.. Всъхъ затмить!..

Дидя (качая головой). Женщина...

Ольга. Счастливъйшее созданіе въ міръ... Безъ сомнънія. Никто этого не чувствуетъ такъ живо, какъ я... И знаете-ли: есть еще причина, почему я рада, что такъ скоро, какъ говорятъ натуралисты, превратилась изъ куколки въ бабочку... Потомучто многимъ моимъ пріятельницамъ придется прикусить язычки, и изъ нихъ дюжинка засидъвшихся кандидатокъ, я думаю, со вчерашняго вечера пожелтъли и позеленъли съ досады.

Дядя. Какъ можно такъ...

Ольга. Говорить про пріятельниць? Знаю я ихъ насквозь ... Немало натерпълась въ дъвушкахъ... (Подражая различным голосам»). «Ольга Волгина», говоритъ Средневъ своей дочери, «прескромная, преумная, премилая дъвица. Ты должна съ нея примъръ брать». (Женскимъ голосомъ). «Скромна она только при чужихъ, а посмотръли-бы вы на нее въ другое время». «Ольга Волгина, душечки мои, глупа, какъ куриное яйцо», шишитъ Скобликова: «ничего не смыслить; не то, что моя племянница: та самую трудную науку-литературу знаеть»... «Какъ хоцесь хвали, а ни одинъ цортъ на ней не зенится: оцень некстати зива», картавить Цынкина. «Начнеть острить такъ, даже самымъ близкимъ роднымъ пощады нътъ», припъваетъ Хрънская. «Ужъ не говорите: просто чудовище! Дивлюсь я, что Оедоръ Иванычъ нашель въ ней примърнаго», визжить Фурова... Это все пріятельницы: а посмотръть, такъ безъ-памяти меня любять... А вотъ «чудовище»то и замужемъ, а «идеалы» еще у моря погоды ждуть!

Дядя. Ты не должна однако...

Ольга. Этимъ гордиться, хотите вы сказать? Нисколько не горжусь. Все-же очень рада, что я въ чепчикъ, а онъ — нътъ. Еслибъ вы видъли, какъ всъ головы повъсили, когда объявлено было, что я невъста... Боже мой! Блъднъли, краснъли, синъли, пожимали плечами, шептали, шипъли... Три недъли только и было слышно: «Какъ?.. Неужели?.. Вотъ что! Можетъ-ли быть?.. Право?.. Недурно!.. Бъдный Моревъ!.. Погоди, наплящешься!..» И до вчерашняго дня все убаюкивали себя пріятной мечтой, что свадьба разстроится... Постой-же! Я отомщу!.. Цълые три мъ-

сяца не сниму чепца!.. Смотрите на него!.. Хуже этого ничего для васъ придумать нельзя!..

Дядя. Между-прочимъ, скоро...

Ольга. Половина четвертаго?.. Что-жъ это Валеріана нътъ... Гдъ онъ?.. Сказалъ: въ два часа непремънно приду... Какъ-бы супъ не простылъ?.. Я буду въ отчаяніи, если первый объдъ не удастся... Схожу въ кухню... Между-тъмъ вы, дядюшка, смотрите въ окно, и какъ увидите Валеріана, закричите мнъ. (Убъгаемъ).

II.

дядя. моревъ.

Дядя (глубоко вздыжаеть). Уфъ!.. Наконецъ-то удастся мнъ слово вым...

Морквъ (быстро входить, съ тростью и связкой бумагь). Вотъ и я здъсь!.. Здравствуйте, дядюшка!.. Гдъ-жъ жена?.. Върно хозяйничаеть?

Дядя. Да, ты...

Морквъ. Заставилъ себя долго ждать?.. Знаю, знаю!.. Предосадно!.. Но нельзя было раньше отдълаться...

Дядя. Тебя...

Моривъ. Слъдовало-бы наказать за неточность, думаете вы?.. Да если я невиновать?..

Дядя. Она ужъ...

Моревъ. Начала скучать?.. Ахъ, и миъ было невесело!.. (Зовето). Жена!.. Ольга!..

graphaeigheim a sideotphyrier en nárrasagail Antail

прежніе, ольга.

Опьта (вбыгая). Валеріанъ!.. (Бросается ко нему во объятія). Слава Богу!.. Милый, гадкій человъкъ!.. Заставить такъ долго ждать себя!.. И когда-же?.. Въ нервый день послъ свадьбы?.. Куда какъ красиво!.. Поди!.. я сердита на тебя!..

Моревъ. Неужели?.. Сутокъ не прошло, какъ мы обвънчаны, и ты ужъ сердита?..

Ольга. Ну, перестань!.. Въдь ты очень хорошо знаешь, что я не умъю сердиться... Но надо-же хоть постращать васъ!..

Моргев. О плутовка!.. (Хочеть ее обиять, но палка и бумаги мъшають).

Ольга. Нельзя-ли бросить эту несносную палку и бумаги? Морквъ. Очень можно!.. Дядюшка, здъсь между-прочимъ ръше-

ніе по вашему дълу: вы выиграли... (Бросаеть палку и бумаги и обнимаеть Ольгу). Мой милый, добрый другь!

Дядя. Это чудесно!.. (Хочеть поднять дъла и трость, но по причинъ толстоты, не въ состоянии будучи согнуться, падаеть на кольна, въ то время, какъ Моревъ обнимаеть Ольгу, и умильно улыбаясь, глядить на нихъ). Очень радъ...

Моревъ. Что процессъ счастливо кончился? Я думаю! (Обиимая Ольгу). Не правда-ли, дядюшка, у меня завидная женочка?

Дядя (киваеть головою, ухмыляясь). Хмъ!

Ольга. И мужъ мой пречудесный? Да, дядюшка?

Дядя (киваеть, ухмыляясь). Хмъ!

Ольга (дяда). Однако, что-жъ это вы дълаете? Въ чемъ провинились?

Моргет. Въ-самомъ-дълъ!.. Въ разсъяньи я и не замъчаю, что вы на колънахъ.

Дядя (пробуеть встать, но не можеть, потому-ито объ руки заняты). Не могу...

Ольга. Встать? Бъдняжечка! Позвольте, я помогу.

Моривъ. Вставайте! (Оба помогають ему).

Дядя (отдуваясь). Уфъ! Слава Богу! Давно уже не приводилось мнв...

Моревъ. Стоять на кольняхъ? Это очевидно!...

Ольга. Не горюйте! Сію минуту будете награждены...

Моревъ. Первымъ объдомъ молодой хозяйки.

Ольга. Боюсь, понравится-ли онъ тебъ?

Моревъ. Сомнъваться въ этомъ было-бы величайшимъ преступленіемъ. У тебя примърный вкусъ.

Ольга. Право?

Моревъ. Конечно. (Указывая на себя). Ты доказала его, выбравъ меня въ мужья.

Ольга. О фатъ!.. Этого достоинства я за вами не замъчала...

Моревъ. Увы! Хоть разъ въ жизни всякому доводится быть фатомъ!.. Между-прочимъ не худо-бы поъсть?.. Я голоденъ, какъ десять волковъ...

Ольга. Самъ виноватъ. Зачъмъ не пришелъ раньше?

Моривъ. Не могъ, мой ангелъ! Докладъ былъ преогромный.

Ольга. Пустъйшая причина!.. Еслибъ ты былъ благоразуменъ, сказалъ-бы министру или, какъ тамъ его зовутъ, начальству своему: «Господинъ министръ, нельзя-ли поскоръй? Мнъ надо домой; я вчера женился, и жена ждеть объдать? Давно-бы ваше засъданіе кончилось; и ты не быль-бы теперь голодень...

Моревъ. Душа моя, съ министрами такъ не разговариваютъ .. **Ольга.** Да когда ъсть хочется? Неужели молчать?.. Я тебъ говорю: если объдъ испортится (yxodn) на себя пеняй!..

IV.

дядя, моревъ.

Моргвъ. Прелесть, что за женщина?.. А?.. Правда?.. Сказать не могу, какъ я ее люблю!.. Просто въ глаза ей смотрю!.. Но довольно вамъ держать эти вздоры. Бросьте ихъ!..

Дядя. Не знаю...

Моревъ. Гдъ ихъ мъсто? Ихъ потомъ отнесутъ, куда слъдуетъ, положите пока здъсь. Вы въдь извъстный врагъ лишнихъ движеній... (Береть у него трость и бумаги и кладеть на столь).

Ольга (кричить изъ-за двери). Отворите, отворите! Супъ несутъ.

Моревъ (бросается къ двери и отворяеть ее). Дядюшка, слышите: супъ несуть.

Дядя (ухмыляясь). Супъ? (Подходить къ столу и повязываеть салфетку).

V,

Прежніе, ОЛЬГА, съ миской супа.

Ольга. Какъ-же горячъ! (Ставить миску на столь).

Морквъ. Однако, мой ангель, можно-бы распорядиться, чтобы Наташа или Сергъй подавали.

Ольга. На этотъ разъ позволь сдълать исключеніе!

Моревъ. Это что значитъ?

Ольга. Мнъ такъ хочется.

Моревъ. Оно, положимъ, чрезвычайно уважительная причина, но все пусть лучше люди подаютъ... Пожалуста!

Ольга (подражая ему). Съ большимъ удовольствіемъ, Валеріанъ Ильичъ!

Моревъ (дядю). Дядюшка! А въдь прелесть, что за жена! Дядя (ухмыляясь). Хмъ!

Ольга. Садитесь! Ты направо, дядюшка нальво; я здъсь.

Моревъ (садясь). Именно: самый дорогой брилліантъ посрединъ короны...

Ольга (наливь тарелку супа). Брилліанть изъявляеть совершеннъйшую благодарность (плутовски улыбаясь, гладить Морева

по головь) своей коронъ... (Подаеть ему тарелку). Неугодно-ли?... Дядюшка, извините, что я подаю ему прежде: извъстное дъло, хозяинъ дома.

Дядя (киваеть). Хмъ!

Моревъ. Вотъ какъ! Клёцки!

Дядя (при словь «клецки», ухмыляясь, заглядываеть въ миску).

Ольга. Что-жъ удивительнаго? Твой любимый супъ. (Подаеть дядь). Покорно прошу!

Моревъ. Нътъ, дядюшка. Каково вниманіе-то!.. Внимательность-то какая!.. А?..

Дядя (киваеть). Хмъ!

Моревъ. Ты, просто, украшение всего женскаго пола!

Ольга (наливь себъ супу). Все это ради клёцокъ?

Моревъ. Нътъ, и безъ клёцокъ, клянусь честью!.. Ай да супъ!

Ольга. Нравится тебъ?

Моревъ. Чрезвычайно!

Ольга. И клёцки?

Поревъ. Какъ нельзя больше!

Ольга. Стало вы очень довольны?

Меревъ (глотая ложку супу). Блаженствую!

Ольга. Следовательно наша жизнь будеть постоянно подобіемъ земнаго рая? Да?

Моревъ. Какъ-же иначе? (Бств).

Ольга. Ты меня будешь въчно любить?

Моревъ. Еще и дольше. (Бсть)

Ольга. Никогда не измънишь?

Моревъ (смотрить на нее нъжно) Никогда! Я поклялся тебъ А мы, мужчины, умъемъ держать слово.

Дядя (крадеть у него одну клецку).

Ольга. И никогда не будеть между нами ни мальйшей ссоры? Моревъ. Разумвется.

Ольга (наклоняется черезь столь и хочеть обнять Морева). Мой милый, добрый. (Опрокидываеть солонку и въ ужась вскрикиваеть). Ай, ай, ай! Боже милосердый!..

Моревь (въ испуль вскакиваеть). Что съ тобою, мой другь? Дядя (тоже встаеть и смотрить на Ольгу съ испуганнымь sudomo). The and forman, hance compared

Ольга (трепещеть). Ахъ! Смерть моя-

Поревь (съ большимъ участіемъ). Скажи-же, мой другь, что такое? Отчего ты такъ поблъднъла?

Ольга (прижавь объ руки къ сердцу). Я ужасно испугалась... Не могу опомниться...

Моревъ. Да что-же, наконецъ, съ тобою?

Ольга (въ совершенномъ изнеможении). Это... ахъ... милый Валеріанъ... ахъ... (Жалобио) посмотри — солонка — (*) солонку опрокинула.

Моревъ (успокоейный). Солонку, только-то? (Садится).

Дядя (пантомимой выражаеть слова: «только-то», садится и продолжаеть ъсть).

Опыта (очень огорченная). Довольно и этого! А то было-бы уже слишкомъ!

Моревъ. Судя по твоему крику, я, право, думаль, что покрайней мъръ, тебя змъя ужалила. Ольга (почти со слезами). Смъйся!.. Тебъ любо!.. (Смотря

Ольга (почти со слезами). Смъйся!.. Тебъ любо!.. (Смотря ст горестью на солонку). Воть она лежить. (Быеть себя по головь). Нътъ! Быть такой глупой...

Моревъ (уговаривая ее). Милый другъ, какъ можно отъ солонки... (Всыпаеть соль ножемь въ солонку).

Ольга (перебивая его). Ахъ, Валеріанъ, ты не зпаешь: это величайшее несчастье, какое только можеть случиться съ молодой женщиной. Теперь непремънно будеть ссора.

Моревъ (смъясь) И не одна, а десять... А до-тъхъ-поръ саднсь и кушай!

Ольга (очень огорченная). Да...

Моргет. Солонка можетъ нарушить наше счастіе! Это умора!.. Совътую тебъ посмъяться и больше объ этомъ не думать.

Ольга Не думать? И рада-бы, да не могу. Маменька часто говаривала: если опрокинуть солонку, такъ навърно будеть ссора.

Моревъ. Маменька шутила, а ты и повърила.

Ольга. Натъ, мой добрый Валеріанъ, маменька никогда не шутила серьозными вещами.

Моривъ. Тъмъ лучше!... Но бросимъ этотъ разговоръ. Кушай! Твой супъ, я думаю, простылъ,— позволь, подолью горячаго. (Беретъ ел тарелку).

Ольга. Смотри, опять не опрокинь солонки.

Моревъ (паливая супъ, кротко и съ улыбкой). Не безпокойся! Я нетакъ неловокъ.

(*) Солопку слъдуеть опрокинуть такь, чтобъ зрители этого не замътили и чтобы внезапный испугъ Ольги оставался въ первое время необъяснимымъ.

Опыта (смотрить на него пристально, въ изумлении). Неловокъ?

Моревъ (ставя терелку передъ Ольгою). Кушайте на здоровье.

Дядя (подаеть свою тарелку). Мнв.

Моревъ. Тоже еще хочется? Спо минуту.

Ольга. Позвольте! (Наливая дядь). Это мое дело.

Моревъ (смъясь). Не взять-ли солонку прочь?

Ольга. Еще насмъхается! Очень мило! (Садится).

Моревъ. Я шучу, мой ангельчикъ!

Дядя (въ-продолжение всей этой сцены только пантомимами выражаеть свое участие въ происходящемь, продолжая спокойно всть и по временамь подливая себь супу).

Ольга. Очень некстати! Съ-тъхъ-поръ, какъ соль и солонки на свътъ, милліонъ разъ доказано, что если солонка опрокидывалась...

Моревъ (перебивая ее). Такъ соль просыпалась?

Ольга (ст нъкоторой досадой). Нътъ-съ! Такъ происходила ссора.

Моревъ. Успокойся, дитя мое, и кушай!

Ольга (вздыхая). Кушай! (Береть лоджку и опять кладеть ее. Не могу я кушать!

Моревъ (только что поднест ложку ко рту). Это отчего?

Ольга (уныло). Смъйся или нътъ, но я не въ силахъ забыть несчастной солонки.

Моревъ (смыясь, наливаеть вина). Сдълай по моему: потопи въ винъ и (драматически) запей грустное воспоминание! (Пьеть).

Ольга. Право, это было-бы ужасно, еслибъ мы въ первый день послъ свадьбы поссорились!

Моргет (успокоивая ее). Не бойся, душа моя, ничего не сдълается! Мы любимъ другъ-друга, какъ нельзя больше: ссоры у насъ, ужъ сказано, никогда не будетъ... (Весело). Я териъливъ, какъ агнецъ, если не больше; ты тоже кротка, какъ...

Ольга (быстро). Овца?

Морквъ. Моя миленькая овечка! (Хочеть взять её за руку).

Опыта (отдергивая руку). Оставьте! (Принужденно улыбаясь). Дъйствительно я—овца, если могла остаться совершенно спокойною, когда вы изволили назвать меня «неловкой».

Моргвъ. Совершенно спокойной?

Ольга. И нисколько не огорчилась.

Моревъ. Да не было причины. Слово «неловокъ» относилось

ко мнъ... Кушай, кушай, душа моя!.. Повърь, исторія солонки болъе остроумна, чъмъ основательна.

Ольга (быстро). Нътъ, Валеріанъ! Я буду спорить: очень основательна! Маменька все время, какъ была замужемъ, испытывала это каждую недълю два раза: какъ опрокинется солонка—такъ и ссора.

Моревъ (разстроенный). Милый другь, это случайность.

Ольга (поспъшно). Вздоръ! На свъть нъть случайностей!

Моревъ (*кротко*). Ахъ, Олинька, брось-же наконецъ глупости! **Ольгы** (*недовольная*). Глупости? Выраженіе это здъсь не у мъста! **Моревъ**. То-есть, я полагаю.

Ольга. Безъ объясненій!.. Или вы считаете меня ужъ круглой дурой.

Моревъ (въ огорчении кладеть ложку). Однако, Ольга, ты право несносна.

Ольга. Ужъ и несносна? Покорнъйше благодарю!.. Солонка недаромъ опрокинулась... А? Что я говорила?

Морквъ (Не въ силахъ долье удерживаться, всканиваеть). Замолчи-же ты наконець съ своей солонкой!

Ольга (тоже вскакиваеть и остается на мысты). Не хочу! Моревъ. Но я хочу, душа моя!

Ольга. А я не сдълаю по вашему!

Моревъ. Вы должны слушаться мужа?

Ольга. Съ чего вы это взяли? Не тъ времена!.. Меня учили: «диктаторскимъ приказаніямъ отнюдь не повиноваться»!

Моревъ (всплескиваето руками). Я-ли это слышу?.. Ты-ли та кроткая, тихая Ольга?..

Ольга. Ты-ли тотъ добрый, снисходительный Валеріанъ?...

Моревъ (въ прости). Да! Я имъ быль, имъ и остался!

Ольга. И я тоже. Но маменька говорила: если солонка опрокид...

Моревъ (вни себя, схватывает графинь съ водой). Когда-же ты перестанешь?. Или до конца хочешь насолить мнъ?. Маменька твоя, мой другъ, старая, суевърнаа женщина.

Ольга. Неправда, мой ангель.

Моревъ. Провинціалка, недальняго ума.

Ольга (вспыльчиво). Слышите, неправда!

Моргвъ. Правда, правда!.. Тысячу разъ правда!.. (Бъето графино обо столо и разбиваето).

Ольга (вскрикиваеть). Ай, ай, ай!.. (Бъжить от стола).

Дядя (вскакивая въ ужась). Что вы? что вы? Что съ вами?... (Остается недвижимь у стола).

Моревъ (бысая въ прости по авансцень). Это невозможно!.. Это выше силь!.. Туть самую смирную овечку превратять въ тигра, въ тысячу волковъ!..

Спыта (въ глубинъ сцены). Несчастная солонка!

Моревъ (останавливается). О! съ какимъ наслаждениемъ истребиль-бы я всю соль и всъ солонки на свътъ! (Опять бываеть).

Ольга (приходить на авансцену и тоже бываеть кругомь). Это неслыханно!.. Такъ вести себя!.. Кто повъритъ, что мы вчера обвънчаны?.. Corner discovery is modernia.

Моревъ. Да!.. Вчера рай.

Оньга. А сегодня—адъ! Моревъ. Вчера ангелъ.

Ольга. Да!.. А сегодня—чортъ! Моревъ (быето себя по лбу). О, я безумный!

Ольга (быеть себя по ябу). Была-же глупость — увлечься!.. (Посреди сцены сходятся и останавливаются).

Моревъ (Ольгь). И по-дъломъ мнв!.. Не женись на суевърной дъвушкъ! HE WILLIAM SERVICE THE TANK OF THE

Ольга (Валеріану). Всегда такъ случается, если сунешься за полузвъря. (Расходятся и снова былають).

Моревъ. Вы сами не знаете, что говорите, сударыня!

Ольга. Очень знаю: что вы понятія не имъете о деликатности! Моревъ (бижить за Ольгою). Вы...

Опыта (быстро оборачиваясь ко нему). Нътъ, это вы.

Моревъ. Вы сущая фурія!

Ольга. А вы настоящій демонъ!

Моревъ. А кто меня имъ сдълаль?

Ольга. А меня?

Моревъ и Ольга. Вы, одни вы! (Расходятся).

Моревъ (простио). Пусть кто хочеть разсудить, подаль-ли я хоть мальйшій поводъ къ ссорь?.. Меня вынудили!.. Будь какъ хочень терпъливъ и снисходителенъ, все-таки сдълаенься пороховой бочкой, если тебъ то и дъло тычутъ подъ носъ зазженную съринку!.. (Бъжить въ глубину сцены).

Опыта (выходя изв глубины сцены). А я ссылаюсь на весь міръ: можно-ли быть еще кротче и благоразумнъй?.. Меня раздражили постояннымъ противоръчіемъ, насказали мнъ величайшихъ грубостей... (Съ плачевной миной). И я все спокойно перенесла, все стерпъла!.. Развъ моя вина, что всегда бываетъ ссора, если просыплютъ солонку.

Морквъ (бросается впередъ и кричить). Ни слова больше про солонку!.. Слышите-ли вы?.. Ни полслова, чортъ возьми!..

Ольга (вскрикиваеть, убыгая нальво). Ай, ай!.. Смерть моя!.. (Упадаеть въ изнеможении въ кресло). Умираю!..

Моревъ (бросается направо въ кресло). Я ужъ умеръ!

Ольга (быстро приподнявшись, гнъвно). Варваръ! (Опять па-даеть въ кресло).

Моревъ (также быстро приподнявшись). Тиранка! (Падаетъ въ кресло. Молчаніе).

Дада (все время стоявшій въ оципиненій у стола, обращается къ нимъ и говорить привитливо). Я полагаю, убрать супъ.

Ольга (чуть слышно). Убрать.

Моревъ (отрывисто, почти про себя). Убрать.

Дядя (уходить).

way war. or or or yaged were sured

моревъ, ольга.

Моривъ (въ безпокойстви вертится на кресли). Славное начало!.. Только со мной это и могло случиться!.. Рано-же вы, сударыня, сняли маску!.. Стало—все хорошее въ васъ было—одно притворство?.. (Встаеть). Вотъ изволь, понадъйся на нихъ!. Въ дъвицахъ всъ онъ — горлицы!.. А какъ обмънялись колечками — голубка и порхъ!.. улетъла!.. Явилась гіенна — и бъдному обманутому мужу остается одно: завести звъринецъ—входъ двадцать иять копеекъ серебромъ, дъти платятъ половину; кормленіе начинается — вотъ хоть примърно — въ половинъ четвертаго... (Гильвио). Есть отъ чего съ ума сойти!.. (Быстро ходить вдоль сцены).

Ольга. Спорить съ вами значило-бы — время терять!.. На ваши милыя слова отвъта не получите, потому-что я—женщина!.. (Едва удерживая рыданія). Такого обращенія никогда я отъ васъ не ожидала!.. Всегда такъ, если выйдешь замужъ, очертя голову!.. (Все громче и громче рыдаеть и заливается слезами). Женихами объщаютъ все на свътъ — на рукахъ носить—жизнь сдълать раемъ — вътерку не дать подуть — а послъ — свадьбы все кончено — отъ рая осталась — одна змъя — малъйшая глупость — и вспыхнули — стоитъ — опрокинуть сол —

Моревъ. Опять солонка!.. Хе!.. Съ ума надо сойти! (Въ отчаяни начинает пъть):

«Уймитесь волненія страсти»

и повременамъ стучить палкой въ поль).

Ольга. Пойте, пойте! Такъ и слъдуетъ, когда жена плачетъ! (Все сильные и сильные плача). Вы-извергъ-обманули меня! Бъднаго, невиннаго ребенка!.. Я... Ахъ Боже мой, Боже мой! Не могу!.. Все кончено!.. (Опирается локтями на столь и закрываеть объими руками и платкомь глаза). (Молчаніе).

Моревъ (оборачивается, смотрить на Ольгу). Плачеть, горько плачетъ... Въдь я, пожалуй, неправъ? (Дплаеть шагь къ Олыть). Крутовато поступилъ. (Останавливается). Вздоръ, чортъ возьми! Я былъ еще очень снисходителенъ! Не въ чемъ меня упрекнуть! (Бросается во кресло). Ну кто могъ предвидъть? Пришелъ домой въ самомъ шелковомъ расположении духа... супъ... клёцки... все такъ прекрасно шло... а теперь (Опирается головой на руку и задумывается).

Ольга (поднимаеть медленно голову и смотрить на Морева). Задумался... Върно хочетъ прощенья просить?

Моревъ. Однакожъ. (Оборачивается къ Олыт).

Ольга (Быстро закрываеть глаза платкомь и громко плачеть). Ахъ я не-счаст-ная! облам в от вым ов отмоТ gorona draute america

Моревъ. Право мнъ ее жаль.

Опыта (Смотрить украдкой на Морева, который этого не примъчаеть, и говорить будто про себя, но такь, чтобь Моревъ слышаль). Ой! Спазмы начинаются.

Моревъ (вспрынувъ, про себя). Спазмы?.. Все-равно! (Бросается въ кресло). Не уступлю ни на шагъ! Разъ поддайся, такъ на въкъ пиши пропало! (Задумывается).

Ольга (про себя). Глухъ онъ, что-ли? (Смотрить украдкой на Морева). Опять задумался. Върно жалъетъ, что огорчилъ меня... Лучше я... (Быстро отворачивается). Ни за что на свътъ! Допустить такую слабость, - тогда прощай моя волюшка!

Моревъ (смотрить украдкой на Ольгу). Пусть сама подойдеть, а я ужъ никакъ не тронусь. (Отворачивается).

Ольга (оборачивается къ Мореву). Если онъ будетъ сидъть, я ни за что не встану. (Отворачивается и плачеть). Охъ, моя горькая участь!

Моревъ. Однако не мъщало-бы прекратить эту музыку (Вереть газету и держить ее далеко оть себя, смотря въ нее безсмысленными глазами). Что туть такое?

Ольга (смотря на Морева). Никакъ читать вздумаль?.. О! И я могу. (Береть книгу).

Моревъ (читает»). «Передается дача, состоящая изъ восьмнадцати комнать, большаго сада и прудовъ, за весьма сходную цъну, ибо домъ весь течетъ, по совершенной гнилости, продуваетъ насквозь, топить нельзя и жить въ немъ нътъ возможности, даже и лътомъ...» Что за вздоръ! (Оборачивается и смотрить на Ольгу). Каково!.. Она, кажется, и не думаетъ подойти!.. (Отворачивается и продолжаеть читать про себя).

Ольга (читаеть). «Любите самаго себя,

Почтенный, милый мой читатель; Предметь достойный: ничего Любезнъй върно нъть его.»

Ахъ! Это горькая—но, къ сожальнію, совершенная истина! (Береть другую книгу).

Моревъ (читаеть). «Подозрительный образъ дъйствій Англичанъ...» Ужасно скучно! (Бросаеть газету).

Ольга (читаеть). Онъ видить — это не притворство,

Не шутки, — что ни говори — А просто — женское упорство, Капризы, чортъ ихъ побери!

Какъ-будто у нихъ нътъ капризовъ! Противный Лермантовъ! Не хочу больше читать! (Бросаеть книгу).

Моревъ (громко вздыхаеть). Ахъ!

Ольга (также). Охъ!

Моревъ (обораниваеть голову къ Ольгь). Какъ?

Ольга (оборачиваясь къ Мореву). Что?

Оба (отворачиваясь другь оть друга). Ничего!

Моревъ (про себя). Обернулась таки!

Ольга (про себя). Кажется, надумался.

Моревъ (про себя). Сію минуту подойдетъ.

Ольга. Навърно бросится къ ногамъ моимъ. (Молчаніе).

Ольга. Эпчихъ! (Чихаеть).

Моревъ (спокойно). На здоровье!

Ольга (колко). Благодарю.

Морквъ (про себя). Взгляни только весело—въ мигъ помирюсь. Ольга (про себя). Скажи онъ хоть слово ласковое — ей Богу сейчасъ прощу.

Морввъ (про себя). Нътъ! Хочетъ поставить на своемъ!

Ольга (про себя). Вотъ упрямъ-то!

1,2

Оба. Однакожъ, какъ можно ошибаться! (Молчаніе).

Меревъ (медленно оборачивается вмъсть съ кресломь, и садится прямо противо Ольги). Да, да...

Ольга (смотрить на Морева). Ага! Наконецъ... (Быстро отворачивается отъ Морева и смотрить въ окно).

Моревъ. Опять оглянулась...

Ольга (встаеть и кланяется въ окно).

Моревъ (сидя, протягиваеть голову и смотрить въ окно). Кто это тамъ?

Ольга (колко). Никого и ничего.

Моревъ. Однакожъ — кланялись — улыбались...

Ольга (спокойно). Да, Поль прошелъ.

Моревъ (быстро встаеть, но остается на мъсть). Поль? Какой Поль?

Ольга. Поль Бълкинъ. Поклонился—надо было отвъчать.

Моревъ. Вотъ какъ! Это тотъ кузенъ, что не въ мъру благо-- o (ginera gine long)) from the mount of a TRAP волить къ намъ?

Ольга. Къ намъ?.. Едва-ли!.. Впрочемъ, что-жъ дурнаго? Моревъ (вспыльчиво). Кажется—(Спокойите) теперь можно-бы commence on contract the expected of ему запретить.

Ольга (садится). Можно, если угодно —

Моргев (садится). Вообще женщина не должна всъмъ и каж-"tuestent make the last the mean of which дому кланяться...

Ольга. Чувствительно обязана за наставленіе! (Обарачивается съ кресломъ такъ, что приходится ей сидъть прямо противъ Морева. Молчаніе. Оба смотрять неподвижно другь на друга).

Моревъ (едва слышно). Ольга!

Ольга (также). Что?

Моревъ. Долго-ли мы такъ просидимъ?

Ольга. Не знаю.

Моревъ (вскакиваеть, но остается у кресла). Мнъ страшно надовло.

Ольга (вставая). Я тоже ужъ устала —

Моревъ. Право, мы настоящія дъти — Orter Courses Carrongens.

Ольга. Я — нътъ.

Моревъ (Ласково и медленио). Приди ко мнъ.

Ольга (подражая пънио въ Робертъ.) Подойди ко мнъ! Какъбы не такъ! Приди ты ко мнъ.

Моревъ. Развъ я началъ?

Ольга (быстро). И не я. Сол...

Моревъ (прерывая ее). Ради Бога, оставь солонку въ покоъ! (Манить ее). Ну, подойди...

Ольга. Не хочу.

Моревъ. Сдълай первый шагъ. Я-не могу-не долженъ-

Ольга. Я-тъмъ меньше. (Тономъ поученія). «Мужъ во всемъ хорошемъ обязанъ подавать женъ примъръ.»

Моревъ. Такъ, такъ!.. По-крайней-мъръ, встрътимся на полдорогъ.

Ольга. Противъ разумнаго предложенія ни полслова!

Оба (Идуть медленно и на срединь сцены сходятся).

Моревъ (хочеть взять Ольгу за руку; Ольга ее отдергиваеть).

Моревъ (ивысно). Олинька!

Ольга (не смотря на него). Что тебъ?

Моревъ. Взгляни на меня.

Ольга (смотрить на него). Ну!

Моревъ. Нетакъ серьозно, улыбнись, чуть-чуть- ну! Вотъ такъ! Нътъ! Да, да! (Беретт ее за руку). Прелесть моя!

Ольга (быеть его по рукт). Довольны вы?

Моревъ (бросается ко ногамь ея). Мой добрый, милый другъ? Ольга (въ восхищении). Вотъ это прекрасно, Валеріанъ, преблагородно!.. Всегда надо сознаваться въ своей винъ.

Моревъ (изумленный). Въ винъ?

Ольга (даеть ему руку). Я тебя прощаю.

Моревъ. Прощаешь? Ольга. Отъ всего сердца.

Моревъ. Какъ ты добра! (Цплуеть ся руку и встаеть). А въдь я вовсе невиновать, мой ангельчикъ!

Ольга (поучительно). Конечно! Я и прежде говорила, что не этпрости и боловить выправный сотпольный инмоцио

Моревъ (быстро перебивая ее). Кончено, кончено! Кругомъ виноватъ! (Всторопу). Что прикажете дълать?. (Олып) Стало миръ?

Ольга. Совершенный!

Моревъ (протягивая ко ней руку). И все забыто?

Onera. Bee!

Моревъ (обнимаето ее весело). Ура!.. Значить, все пойдеть по старому?.. Да?.. Ссоры никогда больше не будеть?..

Опыта (пъжно). Никогда, мой милый Валеріанъ. (Прерывая эту фразу, быстро). И я невиновата въ сегодняшней. Со-AOHRA - COM TONIA COM CONTRACTOR OF THE STATE OF THE STAT

Моревъ (быстро прерывая ее, съ принужденнымъ смъхомъ).

Ла, да! Знаю!.. Поищемъ лучше дядюшку. Гдъ онъ запропастился?

Ольга. Мнъ казалось, онъ пошелъ приказать убрать супъ.

Моревъ. И мнъ казалось.

Ольга. Онъ въдь не слыхалъ нашего спора?

Моревъ. Боже сохрани! Развъ это было такъ громко?.. Моревъ идеть къ одной двери, Ольга, къ другой).

Оба (зовуть). Дядюшка! Петръ Иванычъ!

Моревъ (смотрить за дверь). Здъсь его нътъ.

Ольга (смотрить въ дверь). Вотъ онъ!.. Дядюшка, велите нести жаркое и идите сюда!

Моревъ. Скоръй!.. У насъ все въ порядкъ, все хорошо и прекрасно. (Береть Ольгу за руку). Мы счастливы.

Ольга. Блаженствуемъ!.. Теперь сдълай милость, Валеріанъ, посмотримъ вмъстъ въ окно.

Моревъ. Зачъмъ, моя душа?

Ольга. Мнъ хочется побъсить нашимъ счастіемъ сосъдей напротивъ; тамъ живетъ моя бывшая пріятельница. (Открывая окио). Поди-же.

Моревъ (спъшить къ окну). Дъло! дъло!. Я съ удовольствіемъ! (Оба смотрять вы окно, разговаривая).

VII.

Прежніе. ДЯДЯ.

Дядя. Ну! Кажется...

Моревъ (оборачивая голову къ дядь). Все обстоить благоно. лучно, думаете вы? Какъ нельзя больше!

Ольга (также). И знаете-ли, дядюшка! Я таки права осталась. Лядя (кивая). Хмъ! Женщины...

Моревъ. Никогда не бываютъ виноваты, хотите вы сказать? Истина, дядюшка, истина!

Ольга. Всему причиной солонка.

Моревъ (перебивая ее). Ужъ онъ слышаль! Слышаль! Слышаль это!

Дядя (садясь къ столу). Однако, что вы тамъ...

Ольга. Что мы у окна дълаемъ? Показываемъ людямъ, какъ мы счастливы. (Обнимаются и продолжають смотрыть съ окно, смъясь и разговаривая).

Дядя. Воть оно что! (Идеть быстро на авансцену и обращаясь во грителямо говорить). Слава Богу! Насилу выдалось времячко, что можно слово вымоль... мительно падаеть, прерывая слова дяди).